PERIODICAL
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

КРАСНЫЙ АРХИВ

6 (79)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

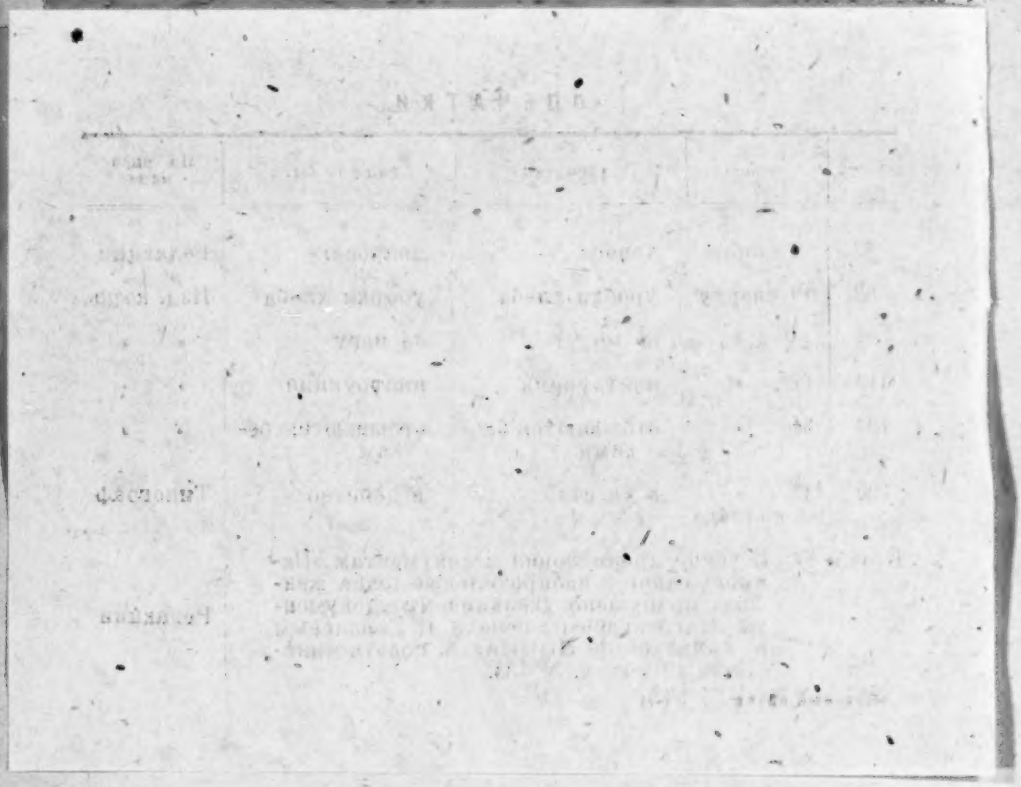
СОДЕРЖАНИЕ

Постановление Чрезвычайного VIII С'езда Советов Союза Советских Социалистических Республик об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. — Самодержавие и избирательные права в национальных областях царской России. — Самодержавие и избирательные права женщин. — Тверская забастовка в 1885 г. — Казанские суконщики в 1836 г. — Волнения рабочих на Шуйской фабрике купца Носова в 1822—1824 гг. — Земельные отношения в дореволюционном Дагестане. — Волнения крестьян белгородских митрополичьих деревень в 1682 г. — Лицейские письма Горчакова А. М. 1814—1818 гг. — Неизданный автограф А. С. Пушкина.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1936

ОПЕЧАТКИ

№ стр.	Строка	Напечатано	Должно быть	По чьей вине
37	4 снизу	доноса	допроса.	Редакции
88	19 сверху	уробки хлеба	уборки хлеба	Изд. корр.
91	4 »	не могут	не могу	» »
113	12 »	инструкция	инструкции	» »
133	24 »	отбываются бе-ками	отбываются бе-кам	» »
190	37 » 1-я колонка	в детство	в действо	Типограф.
К стр. 28: В конце предисловия к документам «Самодержавие и избирательные права женщин» пропущено указание, что документы подготовлены к печати И. Ковалевым и хранятся в ЛОЦИА, ф. совета министров, 1912 г., д. № 133.				Редакции



Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТОЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Чрезвычайного VIII С'езда Советов Союза Советских Социалистических Республик

Об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик

Чрезвычайный VIII С'езд Советов Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

Проект Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик в редакции, представленной Редакционной Комиссией С'езда, утвердить.

Президиум С'езда

Москва, Кремль.
5 декабря 1936 г.

КОНСТИТУЦИЯ

(Основной Закон)

Союза Советских Социалистических Республик

ГЛАВА I

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

СТАТЬЯ 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

СТАТЬЯ 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплоатации человека человеком.

СТАТЬЯ 5. Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).

СТАТЬЯ 6. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием.

СТАТЬЯ 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций.

Каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства, имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь — согласно устава сельскохозяйственной артели.

СТАТЬЯ 8. Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то-есть навечно.

СТАТЬЯ 9. Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключающее эксплоатацию чужого труда.

СТАТЬЯ 10. Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан — охраняются законом.

СТАТЬЯ 11. Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

СТАТЬЯ 12. Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест».

В СССР осуществляется принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому — по его труду».

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

СТАТЬЯ 13. Союз Советских Социалистических Республик есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик:

Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,
Украинской Советской Социалистической Республики,
Белорусской Советской Социалистической Республики,
Азербайджанской Советской Социалистической Республики,
Грузинской Советской Социалистической Республики,
Армянской Советской Социалистической Республики,
Туркменской Советской Социалистической Республики,
Узбекской Советской Социалистической Республики,
Таджикской Советской Социалистической Республики,
Казахской Советской Социалистической Республики,
Киргизской Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 14. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами;

б) вопросы войны и мира;

в) принятие в состав СССР новых республик;

г) контроль за исполнением Конституции СССР и обеспечение соответствия Конституций союзных республик с Конституцией СССР;

д) утверждение изменений границ между союзными республиками;

е) утверждение образования новых краев и областей, а также новых автономных республик в составе союзных республик;

ж) организация обороны СССР и руководство всеми вооруженными силами СССР;

з) внешняя торговля на основе государственной монополии;

и) охрана государственной безопасности;

к) установление народнохозяйственных планов СССР;

л) утверждение единого государственного бюджета СССР, а также налогов и доходов, поступающих на образование бюджетов союзного, республиканских и местных;

м) управление банками, промышленными и сельскохозяйственными учреждениями и предприятиями, а также торговыми предприятиями — общесоюзного значения;

н) управление транспортом и связью;

о) руководство денежной и кредитной системой;

п) организация государственного страхования;

р) заключение и предоставление займов;

с) установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами;

т) установление основных начал в области просвещения и здравоохранения;

у) организация единой системы народнохозяйственного учета;

ф) установление основ законодательства о труде;

х) законодательство о судоустройстве и судопроизводстве; уголовный и гражданский кодексы;

ц) законы о союзном гражданстве; законы о правах иностранцев;

ч) издание общесоюзных актов об амнистии.

СТАТЬЯ 15. Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик.

СТАТЬЯ 16. Каждая Союзная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности республики и построенную в полном соответствии с Конституцией СССР.

СТАТЬЯ 17. За каждой Союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

СТАТЬЯ 18. Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.

СТАТЬЯ 19. Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик.

СТАТЬЯ 20. В случае расхождения закона Союзной республики с законом общесоюзным, действует общесоюзный закон.

СТАТЬЯ 21. Для граждан СССР устанавливается единое союзное гражданство.

Каждый гражданин Союзной республики является гражданином СССР.

СТАТЬЯ 22. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика состоит из краев: Азово-Черноморского, Дальне-Восточного, Западно-Сибирского, Красноярского, Северо-Кавказского; областей: Воронежской, Восточно-Сибирской, Горьковской, Западной, Ивановской, Калининской, Кировской, Куйбышевской, Курской, Ленинградской, Московской, Омской, Оренбургской, Саратовской, Свердловской, Северной, Сталинградской, Челябинской, Ярославской; автономных советских социалистических республик: Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев По-

волжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской; автономных областей: Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской.

СТАТЬЯ 23. Украинская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Киевской, Одесской, Харьковской, Черниговской и Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики.

СТАТЬЯ 24. В Азербайджанской Советской Социалистической Республике состоят Нахичеванская Автономная Советская Социалистическая Республика и Нагорно-Карабахская автономная область.

СТАТЬЯ 25. В Грузинской Советской Социалистической Республике состоят: Абхазская АССР, Аджарская АССР, Юго-Осетинская автономная область.

СТАТЬЯ 26. В Узбекской Советской Социалистической Республике состоит Кара-Калпакская АССР.

СТАТЬЯ 27. В Таджикской Советской Социалистической Республике состоит Горно-Бадахшанская автономная область.

СТАТЬЯ 28. Казахская Советская Социалистическая Республика состоит из областей: Актюбинской, Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Южно-Казахстанской.

СТАТЬЯ 29. Армянская ССР, Белорусская ССР, Туркменская ССР и Киргизская ССР не имеют в своем составе автономных республик, равно как краев и областей.

ГЛАВА III

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 30. Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР.

СТАТЬЯ 31. Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу Советских Социалистических Республик согласно статьи 14 Конституции, поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 32. Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР.

СТАТЬЯ 33. Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 34. Совет Союза избирается гражданами СССР по избирательным округам по норме: один депутат на 300 тысяч населения.

СТАТЬЯ 35. Совет Национальностей избирается гражданами СССР по союзным и автономным республикам, автономным областям и национальным округам по норме: по 25 депутатов от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой автономной области и по одному депутату от каждого национального округа.

СТАТЬЯ 36. Верховный Совет СССР избирается сроком на четыре года.

СТАТЬЯ 37. Обе палаты Верховного Совета СССР: Совет Союза и Совет Национальностей равноправны.

СТАТЬЯ 38. Совету Союза и Совету Национальностей в одинаковой мере принадлежит законодательная инициатива.

СТАТЬЯ 39. Закон считается утвержденным, если он принят обеими палатами Верховного Совета СССР простым большинством каждой.

СТАТЬЯ 40. Законы, принятые Верховным Советом СССР, публикуются на языках союзных республик за подписями председателя и секретаря Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 41. Сессии Совета Союза и Совета Национальностей начинаются и заканчиваются одновременно.

СТАТЬЯ 42. Совет Союза избирает председателя Совета Союза и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 43. Совет Национальностей избирает председателя Совета Национальностей и двух его заместителей.

СТАТЬЯ 44. Председатели Совета Союза и Совета Национальностей руководят заседаниями соответствующих палат и ведают их внутренним распорядком.

СТАТЬЯ 45. Совместные заседания обеих палат Верховного Совета СССР ведут поочередно председатели Совета Союза и Совета Национальностей.

СТАТЬЯ 46. Сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Совета СССР два раза в год.

Внеочередные сессии созываются Президиумом Верховного Совета СССР по его усмотрению или по требованию одной из союзных республик.

СТАТЬЯ 47. В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах. Если согласительная комиссия не приходит к согласному решению или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы.

СТАТЬЯ 48. Верховный Совет СССР избирает на совместном заседании обеих палат Президиум Верховного Совета СССР в составе: председателя Президиума Верховного Совета СССР, одиннадцати его заместителей, секретаря Президиума и 24 членов Президиума.

Президиум Верховного Совета СССР подотчетен Верховному Совету СССР во всей своей деятельности.

СТАТЬЯ 49. Президиум Верховного Совета СССР:

а) созывает сессии Верховного Совета СССР;

б) дает толкование действующих законов СССР, издает указы;

в) распускает Верховный Совет СССР на основании 47 статьи Конституции СССР и назначает новые выборы;

г) производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик;

д) отменяет постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных республик в случае их несоответствия закону;

е) в период между сессиями Верховного Совета СССР освобождает от должности и назначает отдельных Народных Комиссаров СССР по представлению председателя Совета Народных Комиссаров СССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета СССР;

ж) награждает орденами и присваивает почетные звания СССР;

з) осуществляет право помилования;

и) назначает и сменяет высшее командование вооруженных сил СССР;

к) в период между сессиями Верховного Совета СССР объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии;

л) объявляет общую и частичную мобилизацию;

м) ратифицирует международные договоры;

н) назначает и отзывает полномочных представителей СССР в иностранных государствах;

о) принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нем дипломатических представителей иностранных государств.

СТАТЬЯ 50. Совет Союза и Совет Национальностей избирают мандатные комиссии, которые проверяют полномочия депутатов каждой палаты.

По представлению мандатной комиссии палаты решают либо признать полномочия, либо кассировать выборы отдельных депутатов.

СТАТЬЯ 51. Верховный Совет СССР назначает, когда он сочтет необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу.

Все учреждения и должностные лица обязаны выполнять требования этих комиссий и представлять им необходимые материалы и документы.

СТАТЬЯ 52. Депутат Верховного Совета СССР не может быть привлечен к судебной ответственности или арестован без согласия Верховного Совета СССР, а в период, когда нет сессии Верховного Совета СССР, — без согласия Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 53. По истечении полномочий или после досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР сохраняет свои полномочия вплоть до образования вновь избранным Верховным Советом СССР нового Президиума Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 54. По истечении полномочий или в случае досрочного роспуска Верховного Совета СССР Президиум Верховного Совета СССР назначает новые выборы в срок не более двух месяцев со дня истечения полномочий или роспуска Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 55. Вновь избранный Верховный Совет СССР созывается Президиумом Верховного Совета СССР прежнего состава не позже, как через месяц после выборов.

СТАТЬЯ 56. Верховный Совет СССР образует на совместном заседании обеих палат Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров СССР.

ГЛАВА IV

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 57. Высшим органом государственной власти Союзной республики является Верховный Совет Союзной республики.

СТАТЬЯ 58. Верховный Совет Союзной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года.

Нормы представительства устанавливаются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 59. Верховный Совет Союзной республики является единственным законодательным органом республики.

СТАТЬЯ 60. Верховный Совет Союзной республики:

а) принимает Конституцию республики и вносит в нее изменения в соответствии со статьей 16 Конституции СССР;

б) утверждает Конституции находящихся в ее составе автономных республик и определяет границы их территории;

в) утверждает народнохозяйственный план и бюджет республики;

г) пользуется правом амнистии и помилования граждан, осужденных судебными органами Союзной республики.

СТАТЬЯ 61. Верховный Совет Союзной республики избирает Президиум Верховного Совета Союзной республики в составе: председателя Президиума Верховного Совета Союзной республики, его заместителей, секретаря Президиума и членов Президиума Верховного Совета Союзной республики.

Полномочия Президиума Верховного Совета Союзной республики определяются Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 62. Для ведения заседаний Верховный Совет Союзной республики избирает своего председателя и его заместителей.

СТАТЬЯ 63. Верховный Совет Союзной республики образует Правительство Союзной республики — Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА V

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 64. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союза Советских Социалистических Республик является Совет Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 65. Совет Народных Комиссаров СССР ответственен перед Верховным Советом СССР и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета — перед Президиумом Верховного Совета СССР, которому подотчетен.

СТАТЬЯ 66. Совет Народных Комиссаров СССР издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и проверяет исполнение.

СТАТЬЯ 67. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР обязательны к исполнению на всей территории СССР.

СТАТЬЯ 68. Совет Народных Комиссаров СССР:

а) объединяет и направляет работу общесоюзных и союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР и других подведомственных ему хозяйственных и культурных учреждений;

б) принимает меры по осуществлению народнохозяйственного плана, государственного бюджета и укреплению кредитно-денежной системы;

в) принимает меры по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и охране прав граждан;

г) осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами;

д) определяет ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, руководит общим строительством вооруженных сил страны;

е) образует, в случае необходимости, специальные комитеты и Главные Управления при Совете Народных Комиссаров СССР по делам хозяйственного, культурного и оборонного строительства.

СТАТЬЯ 69. Совет Народных Комиссаров СССР имеет право по отраслям управления и хозяйства, отнесенным к компетенции СССР, приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров Союзных республик и отменять приказы и инструкции Народных Комиссаров СССР.

СТАТЬЯ 70. Совет Народных Комиссаров СССР образуется Верховным Советом СССР в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров СССР;
Заместителей председателя Совета Народных Комиссаров СССР;
Председателя Государственной плановой комиссии СССР;
Председателя Комиссии советского контроля;
Народных Комиссаров СССР;
Председателя Комитета заготовок;
Председателя Комитета по делам искусств;
Председателя Комитета по делам высшей школы.

СТАТЬЯ 71. Правительство СССР или Народный Комиссар СССР, к которым обращен запрос депутата Верховного Совета СССР, обязаны не более чем в трехдневный срок дать устный или письменный ответ в соответствующей палате.

СТАТЬЯ 72. Народные Комиссары СССР руководят отраслями государственного управления, входящими в компетенцию СССР.

СТАТЬЯ 73. Народные Комиссары СССР издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяют их исполнение.

СТАТЬЯ 74. Народные Комиссариаты СССР являются или общесоюзными или союзно-республиканскими.

СТАТЬЯ 75. Общесоюзные Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления на всей территории СССР или непосредственно или через назначаемые ими органы.

СТАТЬЯ 76. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, как правило, через одноименные Народные Комиссариаты союзных республик и управляют непосредственно лишь определенным ограниченным числом предприятий по списку, утверждаемому Президиумом Верховного Совета СССР.

СТАТЬЯ 77. К общесоюзным Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Обороны;
Иностранных дел;
Внешней торговли;
Путей сообщения;
Связи;
Водного транспорта;
Тяжелой промышленности;
Оборонной промышленности.

СТАТЬЯ 78. К союзно-республиканским Народным Комиссариатам относятся Народные Комиссариаты:

Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;

Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения.

ГЛАВА VI

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 79. Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти Союзной республики является Совет Народных Комиссаров Союзной республики.

СТАТЬЯ 80. Совет Народных Комиссаров Союзной республики ответственен перед Верховным Советом Союзной республики и ему подотчетен, а в период между сессиями Верховного Совета Союзной республики — перед Президиумом Верховного Совета Союзной республики, которому подотчетен.

СТАТЬЯ 81. Совет Народных Комиссаров Союзной республики издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и проверяет их исполнение.

СТАТЬЯ 82. Совет Народных Комиссаров Союзной республики имеет право приостанавливать постановления и распоряжения Советов Народных Комиссаров автономных республик и отменять решения и распоряжения исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся краев, областей и автономных областей.

СТАТЬЯ 83. Совет Народных Комиссаров Союзной республики образуется Верховным Советом Союзной республики в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союзной республики;
Заместителей председателя;
Председателя Государственной плановой комиссии;
Народных Комиссаров:
Пищевой промышленности;
Легкой промышленности;
Лесной промышленности;
Земледелия;
Зерновых и животноводческих совхозов;
Финансов;
Внутренней торговли;
Внутренних дел;
Юстиции;
Здравоохранения;
Просвещения;
Местной промышленности;
Коммунального хозяйства;
Социального обеспечения;
Уполномоченного Комитета заготовок;
Начальника Управления по делам искусств;
Уполномоченных общесоюзных Народных Комиссариатов.

СТАТЬЯ 84. Народные Комиссары Союзной республики руководят отраслями государственного управления, входящими в компетенцию Союзной республики.

СТАТЬЯ 85. Народные Комиссары Союзной республики издают в пределах компетенции соответствующих Народных Комиссариатов приказы и инструкции на основании и во исполнение законов СССР и Союзной республики, постановлений и распоряжений Совета Народных Комиссаров СССР и Союзной республики, приказов и инструкций союзно-республиканских Народных Комиссариатов СССР.

СТАТЬЯ 86. Народные Комиссариаты Союзной республики являются союзно-республиканскими или республиканскими.

СТАТЬЯ 87. Союзно-республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь как Совету Народных Комиссаров Союзной республики, так и соответствующему союзно-республиканскому Народному Комиссариату СССР.

СТАТЬЯ 88. Республиканские Народные Комиссариаты руководят порученной им отраслью государственного управления, подчиняясь непосредственно Совету Народных Комиссаров Союзной республики.

ГЛАВА VII

ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ АВТОНОМНЫХ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

СТАТЬЯ 89. Высшим органом государственной власти Автономной республики является Верховный Совет АССР.

СТАТЬЯ 90. Верховный Совет Автономной республики избирается гражданами республики сроком на четыре года по нормам представительства, устанавливаемым Конституцией Автономной республики.

СТАТЬЯ 91. Верховный Совет Автономной республики является единственным законодательным органом АССР.

СТАТЬЯ 92. Каждая Автономная республика имеет свою Конституцию, учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией Союзной республики.

СТАТЬЯ 93. Верховный Совет Автономной республики избирает Президиум Верховного Совета Автономной республики и образует Совет Народных Комиссаров Автономной республики, согласно своей Конституции.

ГЛАВА VIII

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

СТАТЬЯ 94. Органами государственной власти в краях, областях, автономных областях, округах, районах, городах, селах (станицах, деревнях, хуторах, кишлаках, аулах) являются Советы депутатов трудящихся.

СТАТЬЯ 95. Краевые, областные, автономных областей, окружные, районные, городские, сельские (станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов) Советы депутатов трудящихся избираются соответственно трудящимися края, области, автономной области, округа, района, города, села сроком на два года.

СТАТЬЯ 96. Нормы представительства в Советы депутатов трудящихся определяются Конституциями союзных республик.

СТАТЬЯ 97. Советы депутатов трудящихся руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан, руководят местным хозяйственным и культурным строительством, устанавливают местный бюджет.

СТАТЬЯ 98. Советы депутатов трудящихся принимают решения и дают распоряжения в пределах прав, предоставленных им законами СССР и Союзной республики.

СТАТЬЯ 99. Исполнительными и распорядительными органами краевых, областных, автономных областей, окружных, районных, городских и сельских Советов депутатов трудящихся являются избираемые ими исполнительные комитеты в составе: председателя, его заместителей, секретаря и членов.

СТАТЬЯ 100. Исполнительным и распорядительным органом сельских Советов депутатов трудящихся в небольших поселениях, в соответствии с Конституциями союзных республик, являются избираемые ими председатель, его заместитель и секретарь.

СТАТЬЯ 101. Исполнительные органы Советов депутатов трудящихся непосредственно подотчетны как Совету депутатов трудящихся, их избравшему, так и исполнительному органу вышестоящего Совета депутатов трудящихся.

ГЛАВА IX

СУД И ПРОКУРАТУРА

СТАТЬЯ 102. Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами, автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами.

СТАТЬЯ 103. Рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей, кроме случаев, специально предусмотренных законом.

СТАТЬЯ 104. Верховный Суд СССР является высшим судебным органом. На Верховный Суд СССР возлагается надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

СТАТЬЯ 105. Верховный Суд СССР и специальные суды СССР избираются Верховным Советом СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 106. Верховные Суды союзных республик избираются Верховными Советами союзных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 107. Верховные Суды автономных республик избираются Верховными Советами автономных республик сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 108. Краевые и областные суды, суды автономных областей, окружные суды избираются краевыми, областными или окружными Советами депутатов трудящихся или советами депутатов трудящихся автономных областей сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 109. Народные суды избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на три года.

СТАТЬЯ 110. Судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке.

СТАТЬЯ 111. Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

СТАТЬЯ 112. Судьи независимы и подчиняются только закону.

СТАТЬЯ 113. Высший надзор за точным исполнением законов всеми Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР возлагается на Прокурора СССР.

СТАТЬЯ 114. Прокурор СССР назначается Верховным Советом СССР сроком на семь лет.

СТАТЬЯ 115. Республиканские, краевые, областные прокуроры, а также прокуроры автономных республик и автономных областей назначаются Прокурором СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 116. Окружные, районные и городские прокуроры назначаются прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет.

СТАТЬЯ 117. Органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Прокурору СССР.

ГЛАВА X

ОСНОВНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН

СТАТЬЯ 118. Граждане СССР имеют право на труд, то-есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы.

СТАТЬЯ 119. Граждане СССР имеют право на отдых.

Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

СТАТЬЯ 120. Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также — в случае болезни и потери трудоспособности.

Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов.

СТАТЬЯ 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобще-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинотракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

СТАТЬЯ 122. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов.

СТАТЬЯ 123. Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом.

СТАТЬЯ 124. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

СТАТЬЯ 125. В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

а) свобода слова,
б) свобода печати,
в) свобода собраний и митингов,
г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

СТАТЬЯ 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самодеятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

СТАТЬЯ 127. Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

СТАТЬЯ 128. Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом.

СТАТЬЯ 129. СССР предоставляет право убежища иностранным гражданам, преследуемым за защиту интересов трудящихся, или научную деятельность, или национально-освободительную борьбу.

СТАТЬЯ 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

СТАТЬЯ 131. Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

СТАТЬЯ 132. Всеобщая воинская обязанность является законом.

Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР.

СТАТЬЯ 133. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

ГЛАВА XI

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

СТАТЬЯ 134. Выборы депутатов во все Советы депутатов трудящихся: Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных республик, краевые и областные Советы депутатов трудящихся, Верховные Советы автономных республик, Советы депутатов трудящихся автономных областей, окружные, районные, городские и сельские (станицы, деревни, хутора, кишлака, аула) Советы депутатов трудящихся,— производятся избирателями на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

СТАТЬЯ 135. Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

СТАТЬЯ 136. Выборы депутатов являются равными: каждый гражданин имеет один голос; все граждане участвуют в выборах на равных основаниях.

СТАТЬЯ 137. Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами.

СТАТЬЯ 138. Граждане, состоящие в рядах Красной Армии, пользуются правом избирать и быть избранными наравне со всеми гражданами.

СТАТЬЯ 139. Выборы депутатов являются прямыми: выборы во все Советы депутатов трудящихся, начиная от сельского и городского Совета депутатов трудящихся вплоть до Верховного Совета СССР, производятся гражданами непосредственно путем прямых выборов.

СТАТЬЯ 140. Голосование при выборах депутатов является тайным.

СТАТЬЯ 141. Кандидаты при выборах выставляются по избирательным округам.

Право выставления кандидатов обеспечивается за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, профессиональными союзами, кооперативами, организациями молодежи, культурными обществами.

СТАТЬЯ 142. Каждый депутат обязан отчитываться перед избирателями в своей работе и в работе Совета депутатов трудящихся и может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей в установленном законом порядке.

ГЛАВА XII

ГЕРБ, ФЛАГ, СТОЛИЦА

СТАТЬЯ 143. Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображенном в лучах солнца и обрамленном колосьями, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наверху герба имеется пятиконечная звезда.

СТАТЬЯ 144. Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик состоит из красного полотнища, с изображением на его верхнем углу у древка золотых серпа и молота и над ними красной пятиконечной звезды, обрамленной золотой каймой. Отношение ширины к длине 1 : 2.

СТАТЬЯ 145. Столицею Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

ГЛАВА XIII

ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ

СТАТЬЯ 146. Изменение Конституции СССР производится лишь по решению Верховного Совета СССР, принятому большинством не менее $^2/_3$ голосов в каждой из его палат.

Президиум Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР

Н. АЙТАКОВ	*М. КАЛИНИН*	*П. ПОСТЫШЕВ*
И. АКУЛОВ	*А. КИСЕЛЕВ*	*А. РАХИМБАЕВ*
А. АНДРЕЕВ	*С. КОСИОР*	*Я. РУДЗУТАК*
Ю. АХУН-БАБАЕВ	*М. ЛИТВИНОВ*	*И. СТАЛИН*
В. БЛЮХЕР	*П. ЛЮБЧЕНКО*	*Д. СУЛИМОВ*
С. БУДЕННЫЙ	*А. МИКОЯН*	*Н. ХРУЩЕВ*
К. ВОРОШИЛОВ	*В. МОЛОТОВ*	*А. ЧЕРВЯКОВ*
Н. ЕЖОВ	*Г. МУСАБЕКОВ*	*В. ЧУБАРЬ*
А. ЖДАНОВ	*Г. ОРДЖОНИКИДЗЕ*	*Н. ШВЕРНИК*
Л. КАГАНОВИЧ	*Г. ПЕТРОВСКИЙ*	*Р. ЭЙХЕ*

Москва, Кремль.
5 декабря 1936 г.

Самодержавие и избирательные права в национальных областях царской России

Под влиянием бурного натиска революции 1905—1906 гг. царское правительство вынуждено было созвать Гос. думу, сильно однако ограничив избирательные права населения в это учреждение, являвшееся по существу «грубой подделкой народного представительства» [1].

После поражения революции удары реакции с особой силой обрушились на национальные окраины царской России.

Публикуемые документы, извлеченные из фонда Совета министров, говорят о лишении избирательных прав в Гос. думу ряда национальностей царской России.

Царское правительство боялось всякого пробуждения национального самосознания угнетенных народов.

Пересматривая «положение о выборах в Государственную думу» с целью преградить доступ в думу революционным и демократическим элементам и обеспечить реакционное большинство в ней, правительство прежде всего урезало избирательные права национальностей. В результате у народов, населявших Степной и Туркестанский края, были отняты избирательные права [2]. Царское правительство лишило политических прав миллионы трудящихся узбеков, татар, киргиз, казахов, таджиков, туркмен, лишило политических прав население огромных областей, территория которых равнялась «¾ территории Европейской России».

11 февраля 1914 г. в Государственную думу за подписью 38 ее членов было внесено «законодательное предположение о восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской» [3].

Министр внутренних дел Н. А. Маклаков писал по этому поводу председателю Совета министров И. Л. Горемыкину: «Я считаю невозможным... восстановление представительства в Государственной думе от населения областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской, разноплеменное население каковых областей не может почитаться сейчас еще достаточно подготовленным для участия в законодательной работе государства».

В заседании Совета министров от 20 марта 1914 г. внесенный проект был отклонен.

19 февраля 1916 г. в Государственную думу за подписью 38 ее членов было внесено другое «законодательное предположение о восстановлении представительства в Государственной думе от казачьего населения Кубанской области и от населения Кубанской и Терской областей, не принадлежащего к числу казаков, и от Черноморской губернии».

По закону 3 июня 1907 г. о выборах в Государственную думу число членов Государственной думы от населения первой указанной области было сокращено с трех до одного, а от остальных областей и губернии с пяти до одного.

Законодательное предположение канцелярией Государственной думы 28 фев-

---

[1] Ленин, Соч., т. IX, стр. 48.

[2] По утвержденному закону 3 июня 1907 г. о новом «Положении о выборах в Государственную думу».

[3] См. «Приложение к стенограф. отчету Госуд. думы», 4-й созыв, сессия 2-я, 1913—1914 гг., вып. III, № 287, стр. 1—7.

раля 1916 г. было направлено председателю Совета министров, министру внутренних дел, наместнику на Кавказе и заменяющему наместника на Кавказе в высших государственных установлениях.

Управляющий делами Совета министров И. Н. Лодыженский в свою очередь направил это дело (5 марта) в Министерство внутренних дел и военному министру с просьбой дать по делу свое заключение.

В ответном письме заменяющий наместника на Кавказе Никольский сообщил, что наместник на Кавказе и он сам поддерживают внесенный проект 38-ми членов Государственной думы. Военный министр также поддержал это законодательное предположение.

Однако, товарищ министра внутренних дел Волконский категорически отклонил требование 38 членов Государственной думы. Совет министров в заседании 29 марта 1916 г., соглашаясь с отзывом министра внутренних дел, также отклонил этот проект.

В «справке» к этому делу, составленной канцелярией Совета министров и предназначенной для сведения членов Совета, говорится: «Обсуждая этот вопрос, необходимо отдать себе ясный отчет, что малейшая уступка в отношении изменения положения о выборах неминуемо повлечет за собой ряд последующих изменений, которые приведут к ломке всего положения».

Поведение царских министров оправдало слова Ленина: «Урок второго периода русской революции, 1906-го и 1907-го годов, состоит в том, что такое же систематическое наступление реакции и отступление революции, которое происходило весь этот период, неизбежно при господстве веры в конституцию, неизбежно при господстве якобы конституционных способов борьбы, неизбежно до тех пор, пока пролетариат, окрепнув и собравшись с силами от понесенных поражений, не поднимется несравненно более широкими массами для более решительного и наступательного революционного натиска, направленного на свержение царской власти» [1].

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда уничтожила национальную рознь и национальный гнет. «При советском федеративном государстве нет больше ни угнетенных национальностей, ни господствующих, национальный гнет уничтожен...» [2].

Союз Советских Социалистических республик «образовался... на началах равенства и добровольности народов СССР...»

«В результате мы имеем теперь вполне сложившееся и выдержавшее все испытания многонациональное социалистическое государство, прочности которого могло бы позавидовать любое национальное государство в любой части света» [3].

Победа великой Октябрьской революции, победа социализма осуществили в жизни то равноправие народов, о котором говорит сталинская Конституция:

«Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом» (статья 123).

---

[1] Ленин, Соч., т. XII, стр. 44.
[2] Сталин, «Марксизм и национально-колониальный вопрос», Партиздат, 1934 г., стр. 79.
[3] Сталин, о проекте Конституции Союза ССР, Партиздат, 1936 г. стр. 14, 15.

Публикуемые ниже документы хранятся в фонде канцелярии Совета министров, 1914 г., Арх. № 788, лл. 1—4; 1916 г. Арх. № 561, лл. 1—6.

Отношение канцелярии Гос. думы председателю Совета министров от 29 февр. за № 806 хранится в делах Гос. думы, 1916 г. № 4073, л. 8.

И. Ковалев.

Отношение канцелярии Государственной думы председателю совета министров И. Горемыкину, 19 февр. 1914 г., № 579.

На основании ст. 56 Учр. Гос. думы имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству печатные экземпляры законодательных предположений, внесенных членами Государственной думы в порядке ст. 55 Учр. Гос. думы: 1) о восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской, 2) об изменении положения о выборах в Государственную думу, 3) об отмене ограничений в правах на вступление в сословие присяжных поверенных для лиц мусульманского вероисповедания и 4) об изменении правил о преподавании закона божия детям старообрядцев и сектантов в части, касающейся старообрядцев.

Секретарь Государственной думы Ив. Дмитрюков.

Письмо председателя совета министров И. Горемыкина министру внутренних дел Н. Маклакову, 24 февраля 1914 г., № 1211.

М. г. Николай Алексеевич.

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству присланные мне секретарем Государственной думы печатные экземпляры заявлений членов означенной думы: 1) 37 членов — об изменении положения о выборах в Государственную думу и 2) 38 членов — о восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской,— покорнейше прося вас, м. г., не отказать сообщить мне ваше заключение по содержанию настоящих законопроектов, для рассмотрения сих дел в совете министров до 19 марта сего года, после какового срока упомянутые законодательные предположения могут быть предложены к слушанию в Государственной думе (Учр. Гос. думы, изд. 1908 г., ст. 56).

Прошу вас, м. г., принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

[Горемыкин]

Письмо министра внутренних дел Н. Маклакова председателю совета министров И. Горемыкину, 7 марта 1914 г., № 31.

М. г. Иван Логгинович.

Вследствие письма от 24 февраля текущего года за № 1211, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что я с своей стороны признаю в настоящее время несвоевременным вносить какие бы то ни было изменения в ныне действующее положение о выборах в Государственную думу.

Равным образом я считаю невозможным также и восстановление представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской, разноплеменное население каковых областей не может почитаться сейчас еще достаточно подготовленным для участия в законодательной работе государства, что с полной очевидностью было доказано опытом выборов по закону 11 декабря 1905 года.

В виду этого я считал бы наиболее целесообразным воспользоваться предоставленным ведомству ст. 57 Учр. Гос. думы (св. зак., т. I, ч. 2, изд. 1908 г.) правом отказа от разработки обоих препровожденных вашим высокопревосходительством на мое заключение при вышеуказанном письме законодательных предположений членов Государственной думы.

Ник. Маклаков.

Справка

к внесенному 38 членами Государственной думы законодательному предположению о восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской.

(По канцелярии совета министров.)

38 членами Государственной думы заявлено законодательное предположение о восстановлении, с 1 июля 1914 года, представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской, на тех же основаниях, кои установлены были для названных областей высочайше утвержденным, 11 декабря 1905 года, положением о выборах в Государственную думу. При этом 38 членов об'ясняют, что практика указала на крайнее неудобство отсутствия представительства в Государственной думе от края, составляющего $^3/_4$ территории Европейской России, с населением, доходящим до 10.000.000 человек.

Министр внутренних дел, на заключение коего сообщено было изъясненное законодательное предположение, признает таковое неприемлемым, находя, что опыт выборов по закону 11 декабря 1905 года доказал недостаточную подготовленность разноплеменного населения вышеупомянутых областей для участия в законодательной работе.

Отношение канцелярии Государственной думы председателю совета министров, 28 февраля 1916 г., № 806 [1].

На основании ст. 56 Учр. Гос. думы имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству печатный экземпляр внесенного 19 сего февраля членами Гос. думы законодательного предположения о восстановлении представительства в Государственной думе от казачьего населения Кубанской области и от населения Кубанской и

[1] Из дела канцелярии Гос. думы, 1916 г., № 4079, л. 8.

Терской областей, не принадлежащего к числу казаков, и от Черноморской губернии.

Секретарь Государственной думы И. Дмитрюков.

Письмо зам. наместника на Кавказе А. Никольского управляющему делами совета министров И. Лодыженскому, 27 марта 1916 г., № 343.

М. г. Иван Николаевич.

Письмом от 5 сего марта, за № 3012, ваше превосходительство изволили просить о сообщении заключения главного кавказского начальства по внесенному за подписью 38 членов Государственной думы законодательному предположению о восстановлении представительства в Государственной думе от казачьего населения Кубанской области и от населения Кубанской и Терской областей, не принадлежащего к числу казаков, и от Черноморской губернии.

Вследствие сего я вошел по настоящему делу в сношение с помощником по гражданской части наместника его императорского величества на Кавказе генерал-лейтенантом князем Орловым, который в телеграмме от 21 сего марта, за № 827, сообщил, что его императорское высочество августейший наместник, принимая во внимание ныне существующее представительство в Государственной думе от Северного Кавказа в лице одного члена Думы от казачьего населения и одного члена от неказачьего населения совершенно недостаточным для освещения всех сторон жизни этой богатой будущностью части Кавказского края, изволил признать весьма желательным восстановление представительства в Государственной думе в числе трех членов от казачьего населения Кубанской области и пяти членов от неказачьего населения Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии, с тем непременным условием, чтобы из указанных пяти членов Думы один являлся представителем исключительно Черноморской губернии и по два от Кубанской и Терской областей.

А. Никольский.

Письмо товарища министра внутренних дел кн. Волконского управляющему делами совета министров И. Лодыженскому, 25 марта 1916 г., № 19.

М. г. Иван Николаевич.

Вследствие письма от 5 сего марта за № 3011 имею честь уведомить ваше превосходительство, что министерство внутренних дел не признает в настоящее время возможным вносить какие-либо частичные изменения в ныне действующее положение о выборах в Государственную думу.

В виду этого я считал бы целесообразным воспользоваться предоставленным ведомству ст. 57 Учр. Госуд. думы (св. зак., т. I, ч. 2, изд. 1906 г.) правом отказа от разработки законодательного предположения 38 членов Государственной думы о восстановлении представительства в Государственной думе от казачьего населения Кубанской области и от населения Кубанской и Терской областей, не принадлежащих к числу казаков, и от Черноморской губернии.

При сем прилагаю копию отзыва военного министерства от 10 сего марта за № 1990 по тому же вопросу.

Волконский.

Копия отзыва военного министерства от 10 марта 1916 г. за № 1990.

Управляющий делами совета министров в письме от 5 марта 1916 года за № 3010 просит военного министра сообщить заключение по законодательному предположению 38 членов Государственной думы об изменении действующего ныне положения о выборах в Государственную думу в смысле увеличения числа членов Государственной думы от казачьего населения Кубанской области с 1 до 3 и от невойскового населения Кубанской и Терской областей, а также Черноморской губернии с 1 до 5.

Означенное законодательное предположение препровождаю при сем по принадлежности к вашему высокопревосходительству с сообщением, что со стороны военного министерства не встречается возражений к осуществлению указанной меры, если к тому не встретится препятствий со стороны наместника его императорского величества на Кавказе.

Подлинное за надлежащими подписями.

Справка

к заседанию совета министров 29 марта 1916 г.
(По канцелярии совета министров.)

Согласно положению о выборах в Государственную думу, изд. 1906 г. (т. I, ч. 2, прил. к ст. 2), от Кубанской области, вместе с Черноморской губернией, избирались три члена Государственной думы от казаков и трое же от остального населения; от Терской области избирались: один от казаков и два от остального населения.

В высочайше утвержденном 3 июня 1907 г. положении о выборах в Государственную думу в отношении представительства от означенных областей внесены следующие изменения. Войсковое население Кубанского казачьего войска избирает одного члена Думы, войсковое население Терского казачьего войска также одного и затем население обеих областей, не принадлежащее к числу казаков, и совместно население Черноморской губернии избирают одного члена Думы.

Из изложенного видно, что законом 1907 г. представительство от населения обеих областей и Черноморской губернии сокращено с 9 членов Государственной думы до трех, причем без изменения осталось лишь представительство (1 член Думы) от казаков Терской области.

В законодательном предположении 38 членов Государственной думы предположено довести представительство от указанных областей и губернии до девяти человек с тем, чтобы от войскового населения Терской области выбирался бы ныне положенный один член Думы, а от того же населения Кубанской области три.

Означенное законодательное предположение мотивируется тем, что этот в высшей степени богатый край с лучшими в России курортами требует более широкого освещения в законодательном учреждении; подчеркиваются также те жертвы, которые казаки несут в нынешнюю войну.

Сокращение числа членов Государственной думы от указанных областей и губернии вызвано было принятым законом 3 июня 1907 г. началом общего значительного сокращения членов Думы, преимущественно, от окраин, выбирающих исключительно левых депутатов. По этому закону общее число членов Думы было сокращено с 524 до 442. Едва

ли имеются какие-либо основания отказываться ныне от этой правильной системы, в особенности в отношении тех областей, которые и теперь посылают в Думу трех левых (Бардиж и Николаев — кадеты, Караулов — независимый), число коих лицам, подписавшим законодательное предположение, желательно довести до девяти.

Кроме того, обсуждая этот вопрос, необходимо отдать себе ясный отчет, что малейшая уступка в отношении изменения положения о выборах неминуемо повлечет за собою ряд последующих изменений, которые приведут к ломке всего положения, к чему, в сущности, и стремятся авторы законодательного предположения, признавая «безотложную необходимость его пересмотра вообще».

К сему надлежит присовокупить, что совет министров в заседании своем от 20 марта 1914 г., основываясь на отзыве б. министра внутренних дел, гофмейстера Маклакова, признал неприемлемым однородное законодательное предположение 38 членов Думы о восстановлении представительства в Думе от населения областей: Акмолинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской. Столь же отрицательное отношение проявил совет министров к законодательным предположениям членов Думы об избирательных правах женщин (заседание совета 9 апреля 1912 г.), о всеобщем избирательном праве (21 марта 1913 г.), об изменении положения о выборах (20 марта 1914 г.).

Письмо управляющего делами совета министров И. Лодыженского кн. В. Волконскому, 2 апреля 1916 г., № 4165.

М. г. кн. Владимир Михайлович.

Обсудив, в заседании 29 марта 1916 года, внесенное 38 членами Государственной думы законодательное предположение о восстановлении представительства в Государственной думе от казачьего населения Кубанской области, от населения Кубанской и Терской областей, не принадлежащего к числу казаков, и от Черноморской губернии, в связи с отзывами по оному заинтересованных ведомств и, соглашаясь с изложенными в отзыве министерства внутренних дел соображениями о неприемлемости означенного предположения, совет министров нашел, что в этом смысле представителю последнего названного ведомства и надлежит сделать заявление в Государственной думе, при обсуждении в ней означенного законодательного предположения [1].

---

[1] Подпись отсутствует.

Самодержавие и избирательные права женщин

122-я статья сталинской Конституции СССР утверждает политические права женщины в нашей стране: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни».

«Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами» — так говорит статья 137-я Конституции Союза ССР.

Октябрьская социалистическая революция принесла освобождение трудящейся женщине Советских республик.

Советская власть отменила все законы, ограничивавшие права женщины.

Подобной свободы женщина не могла добиться ни в одной капиталистической стране.

«Давным давно,— говорит Ленин,— представители всех освободительных движений в Западной Европе в течение не только десятилетий, но в течение столетий выставляли требование об отмене этих устарелых законов и уравнении женщины по закону с мужчиной, но ни одному из европейских демократических государств, ни одной из самых передовых республик не удалось это осуществить, потому что там, где существует капитализм, там, где сохраняется частная собственность на землю, частная собственность на фабрики и заводы, там, где сохраняется власть капитала, привилегии останутся у мужчин» [1].

С особенной силой это бесправие женщины проявлялось в царской России.

Публикуемые ниже документы говорят о попытке сорока депутатов Думы провести законопроект об избирательных правах женщин. Этот законопроект был решительно отвергнут царскими министрами.

Интересны те доводы, которые министры выставляют против предоставления женщинам избирательного права. Министр внутренних дел А. А. Макаров дает грубый и немногословный ответ: он считает: «предоставление прав женщинам не соответствующим бытовому укладу нашего государства»...

Мы знаем, чем отличался этот бытовой уклад российского самодержавного государства, о котором поэт Некрасов говорит:

«Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
И третья — до гроба рабу покоряться.
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли».

Так было при крепостном праве, но и его падение не освободило русской женщины. Трудящиеся оставались в экономическом рабстве. Жизнь женщины во многих глухих местах страны продолжала быть совершенно чудовищной, невыносимой.

Этот «бытовой уклад государства» был освящен царскими законами.

107 статья «Свода законов гражданских» (т. X, ч. 1) гласила:

«Жена обязана повиноваться своему мужу, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяину дома».

По царским законам о найме на работу, о жительстве, о разводе женщина находилась в полной зависимости от своего мужа.

---

[1] Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 467—468.

Статья 156 «Устава о службе гражданской» воспрещала «прием женщины на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению от начальства и по выборам».

Другой представитель царского правительства — министр юстиции И. Щегловитов более обстоятельно и тонко мотивировал свой отказ поддержать законопроект о предоставлении избирательных прав женщинам.

Подробно разбирая историю борьбы за женское равноправие в демократических государствах, он вынужден признать, что предоставление избирательных прав женщине в Австралии принесло положительный результат, способствовав культурному под'ему страны.

Пытаясь скрыть подлинную сущность своей реакционной политики, Щегловитов отмечает даже «опасение прогрессивных партий, ныне стоящих у власти (в демократических государствах.— *Ред.*), чтобы приобретение женщинами избирательного права не произвело движения назад», ибо «считается, что женщины в большинстве симпатизируют консервативным и даже реакционным партиям».

Казалось бы — этого меньше всего следует опасаться царскому министру. Но Щегловитов тут же выдает свои сокровенные мысли. Оказывается, что «в противность приведенным выше опасениям западных мыслителей относительно стремлений женщины к осуществлению целей реакции, у нас обнаруживается опасность с противной стороны — от увлечения женщин идеалами революционеров, и это обстоятельство, по мнению моему, обязывает отнестись с крайнею осторожностью к вопросу приобщения женщин к политической деятельности».

На этот раз нельзя не признать мнения министра юстиции дальновидным и справедливым. Революционность трудящейся женщины России действительно внушала большие опасения самодержавному правительству.

Вместе с рабочими за права своего класса боролись работницы — их жены, матери и сестры. В 1905 году дружинницы Москвы ходили в разведку, умирали на баррикадах, а крестьянки жгли барские усадьбы и сражались с полицией. Царское правительство имело много случаев изучить непримиримый характер целой плеяды женщин-революционерок, в рядах партии большевиков боровшихся против самодержавия, против порабощения трудящихся.

Мы знаем, что в дни Октябрьских боев, в дни гражданской войны женщина кровью записала в историю свое право на свободу; она добилась равных прав с мужчиной во всех областях жизни и строительства и осуществляет эти права. Новая сталинская Конституция подтверждает и укрепляет полное равноправие женщины в Советских республиках. Новая Конституция принята Чрезвычайным С'ездом Советов в те дни, когда фашизм во всем мире проявляет бешеную активность, когда он пытается задушить молодую Испанскую республику. Испанские женщины во главе с неукротимой Долорес Пасионарией героически борются против фашизма.

Они знают, что фашизм несет им кабалу и бесправие. Теории фашизма о семье, о роли женщины — самые позорные, самые реакционные, до которых могут дойти современные мракобесы, возрождающие нравы средневековья. Эти теории, конечно, не отличаются оригинальностью. Их превосходно излагал еще царский министр Щегловитов.

«Женщина самою природою,— писал он,— предназначена к домашней, семейной, а мужчина — к общественной деятельности».

Женщину, которая не согласна ограничить сферу своей деятельности «кухней и постелью», которая не согласна быть только «наложницей своего повелителя», которая борется за свои права,— такую женщину фашизм зверски, беспощадно преследует и уничтожает.

С ненавистью наблюдает фашизм за расцветом Союза советских республик, за победами трудящейся женщины. В советской стране женщина проявила все свои таланты и способности.

Еще Некрасов отмечал силу и мужество русской женщины — женщины народа.

«В игре ее конный не словит;
В беде — не оробеет — спасет:
Коня на скаку остановит.
В горящую избу войдет».

Рядом с русской женщиной женщины всех национальностей Советских республик строят свою новую жизнь, строят социализм, растят новое поколение социализма.

Потребовались огромные усилия партии и рабочего класса, чтобы поднять униженную и закабаленную раньше женщину Востока, чтобы помочь ей сбросить чадру, чачван и паранджу. Понадобились годы культурного и хозяйственного подъема страны, индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, чтобы облегчить борьбу с религиозными предрассудками и суевериями, особенно сильными у деревенской женщины, жившей и трудившейся разобщенно, в своей хате, на своей полосе.

Только огромная неустанная забота партии и советской власти о женщине и детях приводит женщину к полному равноправию и возможности осуществить на деле свои права.

Ликвидация неграмотности, охрана женского труда, охрана младенчества; декреты об отпусках по беременности, о запрещении абортов, об алиментах; строительство яслей, детских садов, родильных домов, поликлиник; работа школьных, пионерских, общественных организаций с детьми; равная с мужчиной оплата женщины за труд; ликвидация безработицы; раскрепощение женщины от забот о домашнем хозяйстве — общественное питание, механические прачечные; право женщины на образование, на любую работу — все эти мероприятия позволили женщине занять почетное место в трудовой жизни страны.

В школах СССР обучается 28 млн. детей, из них 46,9% девочек. Среди учащихся техникумов женщины составляют 44,1%, вузов и втузов — 38%, в том числе медицинских вузов 71,2%, (в Англии всего 12,6%). Среди научных работников, аспирантуры женщины уже составляют 23,3%, тогда как до революции женщины, занятые научной работой, насчитывались единицами.

И мы видим результаты этой гигантской работы советской власти. Лучшие женщины страны наряду с мужчинами возглавляют стахановское движение. Всем известны имена Марии Демченко, Дуси и Маруси Виноградовых, Ковардак, Ангелиной и др. Всем известны имена бесстрашных женщин парашютисток, летчиц, ставящих мировые рекорды, укрепляющих мощь страны. Нет профессии, которой бы не овладели женщины за годы советской власти. Они исследуют моря, океаны, недра гор, высоты неба. Они строят дома, заводы, города. Они работают трактористками, слесарями, инженерами, командирами, народными комиссарами. И в то же время они с помощью советского государства воспитывают новое, молодое советское поколение.

Советская власть дала им права, эти права они завоевали и упрочили своими усилиями — борьбой, героической работой. Новая Конституция, творцом которой является товарищ Сталин, закрепляет их права навсегда.

Отношение канцелярии Государственной думы председателю совета министров В. Н. Коковцову, 25 февраля 1912 г.[1]

На основании ст. 56 Учр. Государственной думы имею честь препроводить вашему высокопревосходительству печатные экземпляры вне-

[1] Законопроект «об избирательных правах женщин» канцелярией Гос. думы был направлен также и министру внутренних дел А. А. Макарову с препроводительным письмом от 25 февраля 1912 г. за № 629. (Дело Гос. думы «об избирательных правах женщины», 1912 г., № 4 444, л. 4.)

3 марта Макаров получил официальное письмо по тому же вопросу от председателя совета министров Коковцова.

сенных в порядке ст. 55 того же Учреждения законодательных предположений: 1) об избирательных правах женщин, 2) о передаче Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии из министерства народного просвещения в ведение главного управления землеустройства и земледелия.

За секретаря Государственной думы Антонов.
Начальник отдела Глинка.

Письмо председателя совета министров В. Н. Коковцова министру внутр. дел А. А. Макарову, 3 марта 1912 г.[1]

М. г. Александр Александрович.

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству присланный мне, за секретаря Государственной думы, товарищем секретаря печатный экземпляр заявления 40 членов означенной Думы об избирательных правах женщин, покорнейше прося вас, милостивый государь, не отказать сообщить мне ваше заключение по содержанию настоящего законопроекта, для рассмотрения сего дела в совете министров до 25 марта сего года, после какового срока упомянутое законодательное предположение может быть предложено к слушанию в Государственной думе (Учр. Госуд. думы, изд. 1908 г., ст. 56).

В. Коковцов.

Письмо А. Макарова В. Коковцову, 8 марта 1912 г.

М. г. Владимир Николаевич.

Вследствие письма от 3 сего марта за № 1221, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что с своей стороны, считая предоставление прав женщинам не соответствующим бытовому укладу нашего государства и относясь поэтому отрицательно к делу уравнения в области политических прав женщин с мужчинами, я не признаю возможным взять на себя составление соответствующего законопроекта по возбужденному заявлением сорока членов Думы вопросу об участии женщин в выборах в Государственную думу.

Макаров.

Письмо министра юстиции И. Щегловитова В. Коковцову, 19 марта 1912 г.

М. г. Владимир Николаевич.

Письмом от 3 сего марта за № 1222 ваше высокопревосходительство, препровождая ко мне печатный экземпляр законодательного предположения 40 членов Государственной думы об избирательных правах женщин, изволили просить моего заключения по содержанию сего предположения.

Вследствие сего, обсудив настоящее дело, я считаю долгом остановиться на следующих соображениях.

Предположение 40 членов Государственной думы направлено к тому, чтобы, в отмену и изменение соответствующих законоположений, было

[1] Письмо такого же содержания и от того же числа было отослано председателем совета министров В. Н. Коковцовым министру юстиции И. Г. Щегловитову.

постановлено, что лица женского пола пользуются равными с мужчинами правами избирать и быть избираемыми в Государственную думу.

Устранение женщин от выборов в законодательные учреждения до сих пор остается общим правилом в законодательствах современных народов. Насколько известно, отступления от этой системы допущены лишь в следующих странах.

Из числа Северо-Американских Соединенных Штатов четыре: Колорадо, Уйоминг, Идахо и Утах около тридцати лет назад признали за женщинами активное избирательное право; они получили его и в Вашингтоне, но впоследствии утратили. Во многих других штатах предположения о распространении на женщин избирательного права вносились на обсуждение народа, но не получили его одобрения.

В Новой Зеландии женщинам предоставлено в 1893 г. активное избирательное право.

Большинство австралийских колоний уравняло женщин с мужчинами в их избирательных правах активном и пассивном: Южная Австралия — в 1894 г., Западная Австралия — в 1899 г., Новый Южный Уэльс — в 1902 г., Тасмания — в 1903 г. и Квинсленд — в 1905 г. Только в Виктории верхняя палата неизменно отклоняет билли о предоставлении женщинам избирательных прав, вносимые в нижнюю палату и ею принимаемые.

В великом княжестве Финляндском женщинам, согласно сеймовому уставу 7/20 июля 1906 г., принадлежит избирательное право как активное, так и пассивное, совершенно наравне с мужчинами.

Наконец, в позднейшее время избирательное право предоставлено женщинам в Норвегии, но не на одинаковых основаниях с мужчинами: последние по закону 29 марта 1906 г. получили всеобщее избирательное право, а закон 14 июня 1907 г. допускает к подаче голосов лишь тех достигших 25-летнего возраста женщин, которые уплачивают налог государственный или общинный на основании ежегодного дохода не менее чем 400 крон для городов и 300 крон для сельских местностей; если же они состоят в браке и имеют общее имущество с мужем, достаточно, чтобы последний уплачивал этот налог. Полагают, что закон этот откроет доступ к избирательной деятельности 300 000 норвежским женщинам [1].

Представляется достойным внимания, что в Англии, на родине не только народного представительства, но и всеобщего избирательного права, многочисленные попытки предоставить женщинам обладание избирательными правами, повторявшиеся почти каждую парламентскую сессию после авторитетных выступлений с этою целью знаменитого философа Стюарта Милля в 1866—67 годах, до сего времени не увенчались успехом [2].

Что касается Франции, то ни Национальное собрание в 1789 г., ни Конвент 1793 г. не задавались мыслью о предоставлении политических прав женщинам. Равным образом не высказывал такого взгляда и Жан Жак Руссо, идеями которого был проникнут Конвент, хотя

---

[1] Согласно данным, приводимым в заявлении 40 членов Государственной думы, предоставление женщинам избирательных прав имеется в виду осуществить и в Швеции (Прим. в подлиннике).

[2] В самое последнее время в газетах появились известия, что в палату общин внесен билль об избирательном праве женщин, причем, однако, право это предполагалось предоставить только лицам, имеющим собственное хозяйство и находящимся в замужестве, если притом их мужья не внесены в избирательные списки по тому же самому участку. В случае осуществления упомянутого проекта, активное избирательное право получили бы всего около миллиона женщин. По новейшим газетным сведениям и этот билль отклонен палатою общин. (Прим. в подлиннике.)

по его теории в возможности участвовать в законодательной деятельности выражается естественное право всякого человеческого существа. Конвент не ограничился молчаливым отрицанием политических прав женщин: в заседании 9 брюмера 11 года он, по поводу уличных беспорядков, устроенных несколькими якобинками, вотировал декрет, воспретивший женские клубы и общества, под каким бы именем они ни возникали. Кодекс Наполеона, отведя жене подчиненное семейное положение, установив для нее обязанность повиновения мужу и различные ограничения в ее гражданских правах, значительно отдалил приобретение женщинами политических прав. Женщинам не были предоставлены эти права и в 1848 г., когда было провозглашено и организовано всеобщее избирательное право. В проекте, предложенном в 1894 г. Жюль Гедом: «об обеспечении всеобщности так называемого всеобщего избирательного права», также не упоминается об избирательном праве женщин; нет о нем речи и в трудах законодательной комиссии по всеобщей подаче голосов 1906—1910 гг., а также, насколько известно, и 1911 г.

Основным возражением, которое Георг Мейер (Georg Meyer: «Das parlamentarische Wahlrecht», изд. 1901 г., стр. 455), Виллей (Villey: «Législation électorale comparée des principaux pays d'Europe», изд. 1900 г., стр. 89—92) и Эсмен (Esmein: «Eléments de droit constitutionnel français et comporè», изд. 1909 г., стр. 303—304) приводят против предоставления женщинам политических прав, является указание на то, что женщина самою природою предназначена к домашней, семейной, а мужчина — к общественной деятельности. «Исключение женщин вовсе не произвольно,— заключает Эсмен (указ. соч., стр. 304),— оно происходит из закона естественного, из основного разделения труда между двумя полами, которое древне, если не как человечество, то, по крайней мере, как цивилизация. Требовать для них избирательного права так же мало разумно, как и желание обязать их военною службою». «У каждой из них есть свое призвание: быть разумным и благодетельным центром семьи,— справедливо замечает В. И. Сергеевич («Всеобщее избирательное право» в журнале министерства юстиции, 1906 г. № 5, стр. 117),— для этого нужно много характера, много такта, много знаний, много терпения. В руках женщины — будущее подрастающее поколение, их физическое и нравственное воспитание».

Одним из существенных препятствий к распространению во Франции всеобщего избирательного права на женщин служит теперь, по словам профессора Бордосского университета Дюги, «опасение прогрессивных партий, ныне стоящих у власти, чтобы приобретение женщинами избирательного права не произвело движения назад» (Duguit: «Fraité de droit constitutionnel», т. I, изд. 1911 г., стр. 325). Бруза (Brusa: «Staatsrecht des Königreichs. Italin» в «Mazgnardsen's Handbuch des öffentlichen Rechtes», стр. 123) удостоверяет, что и в Италии признанию за женщинами избирательного права воспрепятствовала мысль, что они в борьбе между церковью и государством послужили бы оружием в руках духовенства. Возможность подчинения политической деятельности женщин сильному влиянию духовенства, именно католического, предполагает и Георг Мейер (цитир. соч., стр. 455—456). Вообще, по словам Н. И. Лазаревского («Лекции по русскому государственному праву», т. I, изд. 1908 г., стр. 291), «во многих странах (Англия, Франция, Италия) считается, что женщины в большинстве симпатизируют консервативным или даже реакционным партиям».

Таким образом предоставление избирательных прав женщинам, далеко не пользующееся общим признанием в науке, на практике осуществлено пока только в очень немногих и весьма небольших стра-

нах, в коих, как об'ясняет Н. Д. Сергеевский в отношении Финляндии («Сеймовый устав Великого княжества Финляндского», изд. 1907 г., стр. 9—10), «крайне важно, чтобы все члены общества, могущие принести пользу своим участием в избрании народных представителей, получили на то возможность».

О результатах участия женщин в осуществлении избирательных прав имеются едва ли достаточные сведения. Кроме благоприятного отзыва по этому предмету австралийских палат, приводимого в заявлении 40 членов Государственной думы и подтверждаемого Дюги [1], в литературе встречаются и иного рода указания по этому вопросу. Так, Бюшнель Гарт (Bushnell Hart: «Actual Government as applied in American conditions, изд. 1903 г., стр. 71) свидетельствует, что в вышеупомянутых Северо-Американских Штатах своими избирательными правами воспользовалась «лишь слабая пропорция» женщин. Приверженец предоставления женщинам политических прав, вышепоименованный Дюги, также признает, что «результаты участия женщин в выборах в этих американских штатах не представляется очень ощутительными» (цитир. соч., стр. 322). Наконец, в противность мнению Дюги, другой компетентный деятель по истории вопроса об участии женщин в парламентской жизни Австралии, Вильям-Пембер Ривс, в качестве министра президента Новой Зеландии оказавший важные услуги рассматриваемой реформе, отзывается с благоразумною осторожностью: «теперь довольно еще трудно, не боясь погрешить против истины, обрисовать влияние женщин на политическую жизнь, отделить их деятельность от деятельности мужчин и тщательно оценить их влияние на общий ход законодательства» (Вильям-Пембер Ривс: «Политические избирательные права женщин в Австралии», перев. 1905 г., стр. 28). Разумеется, еще труднее судить о результатах предоставления политических прав женщинам в Норвегии и Финляндии за незначительностью времени, истекшего после издания в них вышеупомянутых законов.

С своей стороны, придавая весьма серьезное значение приведенным выше доводам, высказанным в научной литературе против предоставления избирательных прав женщинам, я считаю долгом присовокупить, что и с проведением такой реформы для большинства женщин останется весьма значительное фактическое препятствие к осуществлению указанных прав, а именно, обязанности матери семейства и хозяйки дома. Конечно, огромное число женщин этими обязанностями не связано. Но если может быть признано ценным участие женщин в законодательной деятельности по вопросам, касающимся семейного и домашнего уклада, то, казалось бы, уж никак не тех, которые принадлежат к этой последней категории и которые, будучи лишены опыта государственного, в то же время чужды семейных интересов и нужд домашнего очага.

Далее, я не могу не обратить внимания на то обстоятельство, что если в этих странах Запада (Англия и Франция), в коих народное представительство за долгие годы своего существования успело укрепиться и получить широкое развитие, до сего времени не получило признания право женщин на участие во всеобщей подаче голосов, то, тем более, не следо-

[1] Дюги удостоверяет, что: «публицисты сходятся в констатировании счастливых результатов осуществления женщинами избирательного права в Австралии. Под влиянием женщин выработано и вотировано превосходное австралийское законодательство о покровительстве работницам, а также о защите детей. Женщины приняли важное участие в борьбе против азартных игр и при вотировании закона об общих сбережениях на случай старости. Предоставление избирательного права женщинам также подняло уровень парламента» (цитир. соч., стр. 323). (Прим. в подлиннике).

вало бы ныне вводить это начало в Российской империи, где представительный строй действует только 6 лет, причем вновь образованная ныне Государственная дума отличается еще крайнею неустойчивостью и неуравновешенностью. Включение в ее состав лиц женского пола, по самой природе своей склонного к увлечениям, может лишь еще более способствовать развитию политических страстей, препятствующих спокойному и зрелому обсуждению сложных законодательных дел. Притом, внимательное наблюдение действительности показывает, что, в противность приведенным выше опасениям западных мыслителей относительно стремлений женщин к осуществлению целей реакции, у нас обнаруживается опасность с противной стороны — от увлечения женщин идеалами революционеров, и это обстоятельство, по мнению моему, обязывает отнестись с крайнею осторожностью к вопросу о приобщении женщин к политической деятельности.

Наконец, следует заметить, что, в то время как в некоторых странах Запада (как например, в Англии и Франции) женщины уже пользуются избирательными правами в муниципальных учреждениях, у нас они могут только участвовать и то не лично, а через уполномоченных (отцов, мужей, сыновей, зятей, внуков, братьев и племянников) в избрании земских и городских гласных, не пользуясь в этом отношении никаким пассивным избирательным правом (ср. ст. 17 и 18 пол. зем. учр., ст. 25 и 26 город. пол., изд. 1892 г., ст. 18 и 19 прил. I к ст. I (прим. 3) того же пол., по прод. 1906 г.). Лишь в одобренном Государственною думою законопроекте о волостном земском управлении предусматривается право участия лиц женского пола в таковом управлении (ст. 40; ср. ст. 18); но предположение это правительство признавало совершенно неприемлемым, полагая ограничить права женщин по избранию волостных гласных теми же в существе пределами, какие установлены в законе для земских и городских выборов (см. ст. 18 и 23 пр. мин. вн. дел) и на эту же точку зрения стала и особая подкомиссия, образованная в среде Государственного совета.

На основании изложенного и принимая во внимание, что и по действующему положению о выборах в Государственную думу 3 июня 1907 г. (ст. 14) лица женского пола могут предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участия в выборах своим мужьям и сыновьям, я нахожу продоставление ныне женщинам равных с мужчинами прав избирать и быть избираемыми в Государственную думу по меньшей мере совершенно преждевременным и потому признавал бы предположение 40 членов Государственной думы по настоящему предмету неприемлемым.

Ив. Щегловитов.

Постановление совета министров, 9 апреля 1912 г.

Совет министров признал неприемлемым законодательное предположение 40 членов Государственной думы о предоставлении женщинам права участия в выборах в Государственную думу.

Тверская забастовка 1885 г.

25 февраля 1885 г. приблизительно через месяц после окончания известной стачки морозовских ткачей в Орехово-Зуеве началась большая забастовка на морозовской текстильной фабрике в городе Твери. Судя по полицейским донесениям, связь между ними не ограничивалась одной хронологической близостью. По словам агентов сыска, мысль о необходимости забастовки среди тверских рабочих сложилась под влиянием рассчитанных Тимофеем Морозовым ткачей, которые занесли с собою в Тверь слух о борьбе зуевских пролетариев.

Причины забастовки крылись в том каторжном режиме, который тогда сложился на фабрике товарищества Тверской мануфактуры.

С 1880 года в России начинается промышленный кризис. Резко падает спрос на изделия текстильной промышленности. Производство сокращается. К 1885 г. в больших промышленных центрах отмечается сильная безработица. Ее регистрируют и в Орехово-Зуеве и в Твери. Здесь фабрика Берга — второе по величине предприятие тверского текстильного промышленного района — сократила производство более чем наполовину. К 1885 году вместо 1 000 рабочих на фабрике было занято только 363 человека. Столь же значительно сократилось производство на вышневолоцкой текстильной фабрике Ермаковых, которая в 1883—1884 гг. прекращала производство на 5 мес. Даже морозовская фабрика, самая крупная в этом районе, одна из крупнейших в России, оборудованная лучшими импортными машинами, обладавшая большим оборотным капиталом, перешла на неполную рабочую неделю.

Характерно, что наряду с этим доходность товарищества Тверской мануфактуры не только не снизилась, но даже значительно увеличилась по сравнению с прошлым относительно благополучным десятилетием. Чистая прибыль с 800 000 руб. в 1884 году выросла до 1 039 692 р. 90 к.

Этот рост прибылей в эпоху тяжелого экономического кризиса, при сокращении количества занятых рабочих стал возможен благодаря безудержной эксплоатации рабочих, благодаря системе штрафов и снижению заработной платы.

Все мероприятия фабричной администрации пронизывает мысль — свалить убытки на рабочих. По официальным данным, штрафы и вычеты превышали 10% заработной платы. В 1884 году в среднем за день с рабочего взыскивалось по 6 коп., а в 1885 — по 7 коп. При падении заработной платы на 16²/₃% штрафы увеличились. По нашим подсчетам за день рабочий в среднем получал не более 33 к., из которых нужно было уплатить выкупные платежи и подати, кормиться самому и содержать семейство и, наконец, поддерживать хозяйство в деревне. Не забудем, что подавляющее большинство тверских рабочих в те годы были выходцами из ближайших к городу деревень и еще не порвали связей с сельским хозяйством.

Таким образом, причиной забастовки было общее ухудшение материальных условий жизни фабричного люда. Борьба шла, если не за уничтожение, так за смягчение системы штрафов, за оплату праздничных работ и за удаление с фабрики наиболее насоливших рабочим мастеров.

В истории товарищества Тверской мануфактуры это была не первая забастовка. В 1860 году, на почве недовольства штрафами и несоблюдения условий найма, группа ткачей, возглавляемая отставным солдатом Суворовым, учинила бой с директором Гутчесоном и его прихлебателями. Возбужденные дракой ткачи «скопом» отправились к губернатору и принесли ему жалобу на фабричные порядки. Губернатор граф. П. Т. Баранов приказал жалобщикам немедленно воз-

вратиться к станкам. Когда губернское правление по жалобе одного из вожаков, выполняя резолюцию вице-губернатора М. Е. Салтыкова (Щедрина), принялось было за расследование морозовских махинаций, Баранов распорядился дело прекратить.

Второй период оживления борьбы падает на 1870—1871 гг. Он связан с ухудшением дел товарищества и со стремлением отыграться за счет рабочих.

Сначала рабочие пытались бороться с хозяйским обманом и несоразмерными штрафами судом. Свыше 150 жалоб в неделю разрешал мировой судья в это время. Но от судебных тяжб рабочие тогда же переходили к забастовкам. Первая, частичная забастовка произошла 13 июля 1870 г. 13 ткачей на полном ходу бросили станки и явились в контору к хозяину Т. С. Морозову для переговоров о снижении штрафов и увеличении зарплаты.

Вторая забастовка, длившаяся только один день, насчитывает 1 000 чел. участников. Она происходила 7 января 1871 г. Предпринимателям без труда удалось подавить стихийную вспышку недовольства рабочих. Участники были присуждены уплатить в пользу Морозовых штраф за самовольное оставление работы 7 095 р. 50 к. Такова предыстория забастовки, документы которой предлагаются вниманию читателя.

Данная забастовка вносит новый момент в стачечное движение — момент внутрифабричной организованности рабочих.

Забастовка показала рабочим, что полиция, губернатор и все вообще власти — заодно с Морозовыми и прочими капиталистами. Забастовка, наконец, научила, что только организованной борьбой можно добиться успеха. Забастовка подготовила массы для дальнейшей борьбы и расчистила пути революционному влиянию в массах. В этом смысле слова первая большая морозовская стачка является исходным пунктом последующей революционной борьбы на фабрике.

Н. Журавлев.

Донесение тверского вице-губернатора министру внутренних дел, 25 февраля 1885 г., № 141 *.

В дополнение к шифрованной телеграмме имею честь довести до сведения вашего сиятельства, что сегодня в 6 часов утра тверской полицеймейстер, получив с фабрики товарищества Тверской мануфактуры сообщение о том, что рабочие не вышли на работу, доложил об этом мне и, по распоряжению моему, тотчас же отправился на фабрику для выяснения причин беспорядка. По прибытии на место оказалось, что рабочие ткацкого отделения в числе более 2 000 чел. отказались итти на работы и остановили от работ рабочих прядильного корпуса в числе также 2 000 чел.

При распросах о причинах такого беспорядка уполномоченные от рабочих заявили полицеймейстеру, что они требуют сложения с них за все годы штрафов, которые наложены по разным причинам и основаниям, удаления с фабрики одного конторщика и одного мастера за неправильные будто бы действия по отношению к рабочим, вознаграждения за часы работ в течение трех лет в праздничные дни по чистке машин, полагая по 2 часа за каждый праздник, уничтожения штрафов за оказывающийся у рабочих недовес утков, уничтожения покупки на фабрике рабочими за собственный счет челноков для тканья и, наконец, предоставления им права требовать утэк во всякое время. При этом, несмотря на внушения и раз'яснения полицеймейстера, уполномоченные отозвались, что о требованиях своих они желают переговорить с хозяином фабрики и до тех пор, а равно до удовлетворения требований, на работы положительно не пойдут.

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 7—8.

Приняв во внимание все вышеизложенное, я в виду угрожающего общественной безопасности характера действий рабочих и за получением дополнительных сведений о том, что рабочие силою вынудили прекратить начавшиеся работы и в ситцевом отделении, признал, по соглашению с начальником губернского жандармского управления и прокурором окружного суда, необходимым для предупреждения со стороны рабочих дальнейших беспорядков и даже могущих быть насилий, призвать к содействию войска, а потому, сообщив об обстоятельствах дела тверскому уездному воинскому начальнику, потребовал отправления на место 1½ батальона нижних чинов, которые уже отправлены на фабрику. Затем лично я вместе с прокурором окружного суда и начальником губернского жандармского управления отправлюсь теперь же на место как для совершенно точного уяснения при содействии прибывшего из Москвы директора управления товарищества г. Чибисова причин возбуждения рабочих, так равно к восстановлению нарушенного ими порядка. О дальнейшем ходе настоящего дела буду иметь честь донести особо от сего, а в случае спешности телеграфирую.

Испр. долж. губернатора вице-губернатор Яфимович

Протокол допроса директора фабрики товарищества Тверской мануфактуры И. С. Буна, 25 февраля 1885 г.*

Директор морозовской фабрики Иван Самуйлович Бун, 49 лет, грамотный, под судом не был. Живу на самой фабрике, вероисповедания протестантского.

Вчера, 24 февраля, после чистки машин, около 8½ часов утра рабочие вышли с ткацкой фабрики и начали шуметь. Пошумев с четверть часа, или, вернее, поговорив и погалдев между собой, толпой разошлись, так как вчера не было работ по случаю праздника. Вечером на фабричном дворе было много пьяных. От хожалого по спальням Малинникова я узнал еще вечером вчера, что фабричные не хотят итти на работу с утра 25 февраля. Я распорядился, чтобы меня разбудили утром пораньше, чтобы быть на месте во время начала работ. Я так и распорядился. Сегодня утром в 4¾ часа народ стал толпиться около входов на фабрику в прядильную и ткацкую. Рабочие потребовали меня для переговоров. Я вышел к ним, и они заявили мне, что они работать не будут, потому что их штрафуют много. Я об'яснил, чтобы они подали мне свои рабочие книжки, что я их осмотрю и все несправедливости по штрафу исправлю. Затем я спросил рабочих, нет ли между ними желающих работать, и, если есть, то предложил им отправиться в корпус, а нежелающим работать удалиться. Рабочие согласились работать и вслед за мной они вошли в фабрику, но войдя никто однако не стал работать, а тех, кто хотел начать работать, не допустили и выгнали вон и за ними удалились сами. Это все произошло до 6½ часов утра.

По уходе рабочих я приказал остановить паровую. Частный пристав Кузьмин вышел к рабочим на двор, разговаривал с ними и предложил выбрать из своей среды уполномоченных для переговоров, так как с массой разговаривать нельзя и назначил им для этого 9 часов утра. К 9 часам фабричные выбрали своих доверенных 5 человек, но кто именно были выбраны, не знаю[1].

Приехал полицеймейстер, составил акт. Около 10 часов утра часть фабричных пошла в слесарную и стала стучать в окно, требуя, чтобы перестали работать, при этом несколько стекол было разбито в сле-

* Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159, лл. 2—5.

сарне. В слесарне перестали работать по требованию ткачей. Я пропустил показать, что в 5½ часов утра несколько человек, как мне говорили — до 40 человек, но кто сказал, не помню, — пошли в прядильню, расположенную в 4 и 5 этажах, закрыли газ и потребовали, чтобы прядильщики ушли. Мне дали об этом знать кто-то из прядильщиков, кто — не запомнил; я пошел в прядильню и сам просил прядильщиков уйти. Это распоряжение я сделал из опасения столкновения между рабочими. Прядильщикам я сказал, чтобы они пошли себе домой на денек, пока все не успокоится. Никакого особого буйства, кроме стачки и забастовки, со стороны фабричных не было. Все станки на фабрике целы, и ничего рабочие не испортили. Кто виноват в подстрекательстве рабочих к стачке, пока я не знаю и ни на кого подозрения не имею. Причины же стачки, кроме лично высказанного неудовольствия за штрафы — я не знаю. Работа в ситцевом отделе фабрики производилась, сколько я слышал, до 12 дня, но только работы были приостановлены, сколько я слышал, директором; так сделано вследствие слухов, будто туда ткачи собирались войти и требовать также остановки. Штрафы, как и во всех фабриках, практикуются и у нас, без них невозможно ведение никакого дела; по моему мнению, они не велики и установлены только с целью оградить фабрику от умышленных порч [2].

Дополняю, что если у одного рабочего больше штрафов записано, нежели у другого, то это доказывает только, что он плохой рабочий. По поводу штрафов имею об'яснить нижеследующее: при ткацких станках имеются уточные вилочки, рабочие их часто портили умышленно, и, чтобы остановить этот беспорядок, я установил штраф 50 коп.— цифра эта больше действительной стоимости вилочки, и штраф этот в размере 50 коп. назначен лишь как наказание за умышленную порчу их. Подмастерия из усердия или недоразумения, выдавая новые вилочки, стали записывать штраф без разбора за всякую сломанную и испорченную вилочку, о чем только сегодня узнал и сейчас отменяю это распоряжение, приказав сложить за вилочки все штрафы за весь месяц февраль, и вперед приказал приносить уточные вилочки ко мне лично для осмотра.

По поводу других подымаемых рабочими вопросов относительно челноков, щипцов и крючков, то должен сказать, что везде, на всех фабриках, даже за границей ткач щипцы и крючки имеет собственные, да и цена их невелика: крючок стоит 10 коп., а щипцы 30 коп. Челноки же ткачи имеют собственные уже около 8 лет на нашей фабрике, и это сделано по собственному желанию рабочих, три челнока стоят фабрике 1 р. 36 к., за порчу их фабрика вычитала, это ложилось тяжело на рабочих и они предложили работать своими, на что администрация фабрики согласилась. Теперь, если рабочий сломает челнок, он покупает у фабрики новый, причем ему продаются челноки только по 1 р. 20 к., т. е. дешевле, нежели челноки стоят самой фабрике. Как свою собственность рабочие берегут челноки и поэтому им этот порядок выгодный. Когда рабочий уходит, то челнок он берет с собой или продает другому рабочему.

Директор фабрики Иван Самуйлов Бун.

Из протокола доноса хожалого А. Малинникова, 25 февраля 1885 г. *

Алексей Антонов Малинников, малоярославский мещанин, православный, грамотный, под судом не был; служу хожалым на Морозовской фабрике. По поводу происшедшей сегодня стачки имею показать следую-

* Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159, лл. 8—10.

щее: вчера в обычную пору рабочие окончили чистку и вышли из ткацкого корпуса часу в 9 утра, рабочие остановились на площадке перед зданием фабрики и стали кричать «ура». Я вышел к ним и упрашивал разойтись. Они долго не соглашались и спустя ½ часа разошлись. Из разговора фабричных я слышал, что они недовольны штрафами, находя их великими. Рабочие однако никакого особого беспорядка не делали и разошлись по спальням.

О случае этом я заявил г. Буну, который послал меня пригласить старших ткачей, то-есть ткацких подмастерьев, разузнать о настроении умов. Я пошел в спальни, там собралось их около меня человек сотня и об'яснили, что они остановились на площадке потому, что хотели просить о скидке штрафов. На это я им заметил, что они могли бы обратиться к г. Буну и не табуниться, а выбрать для этого из каждого комплекта по два человека и попросить о скидке. На это возразили, что боятся заявить одиночно свои жалобы, что их занесут в черную книгу и дадут расчет. Подмастерья пошли к Буну, и о чем они разговаривали — не знаю. Всех подмастерьев 79 человек, а у г. Буна были 18 человек. Как их звать, не знаю, но список их можно доставить.

Вечером вчерашнего числа я обходил спальни, чтобы ознакомиться с настроением умов. В спальнях особого шума не было. Спальни артельные, человек по 30 в иной. Фабричные разговаривали. На мой вопрос, будут ли они работать... сегодня, в понедельник, рабочие в артельных спальнях отвечали, что подумают...

Сегодня утром был дан свисток в 4½ часа утра. Рабочие украдкой, то-есть боясь друг друга, стали пробираться в корпус фабрики на работу. Когда же собралось много, то остановились у дверей входных в ткацкий корпус и советовались итти или не итти. Я доложил г. Буну, что народ в сборе, и он со мной вышел к рабочим, которым было предложено или работать, кто хочет, или разойтись. Рабочие согласились и вошли в корпус и стали расходиться по станкам. Некоторые стали, было, приниматься за работу, в особенности женщины, но многие закричали, чтобы не работали, и фабричные стояли у станков, не работая на них...

Несколько рабочих ткачей поднялись в прядильную и чесальную и там стали требовать прекращения работ, скидывая валики и портя пряжу...

Через час рабочие стали расходиться, а другим было приказано уйти, чтобы предохранить фабрику от беспорядков и повреждений. Выйдя на двор, рабочие около часу потолпились, посвистали и разошлись, одни пошли в спальни, другие к слесарке, третьи по двору. Всех было тысяч до 5 народу. В три часа опять стали собираться толпы, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и в таком положении застали фабрику приехавшие власти и войска, причем фабричные никакого беспорядка не производили. Некоторые из фабричных говорили в толпе,— но кто именно, не знаю,— что следовало бы пробраться на фабрику и испортить станки.

Алексей Антонов Малинников

Из протокола допроса рабочего А. Щербакова, 26 февраля 1885 г.*

Я явился к допросу сам, вследствие приказания, отданного фабричным, выбрать кого-либо из своей среды для выяснения причин неудовольствия и приостановки работы.

* Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159.

Вчера, вследствие этого приказания, отданного г. полицеймейстером, меня выбрали народом с другими 5 лицами: двое из них со мною пришли, а двое, Ефрем Филимонов и Данило Иванов Колобков, остались на фабрике, на случай если бы потребовал хозяин фабрики Чибисов и Морозов, которые хотели переговорить с нами сегодня в 9 часов утра.

Причины неудовольствия следующие:

1) Нас, рабочих, очень много штрафуют за каждую безделицу; так например, сходить до ветру, и ткацкий мастер усмотрит, что станок стоит, то сейчас записывает штраф 50 коп. за простой станка, а уйти до ветру и не остановить станка нельзя, потому что может без пригляда много напутать. Когда на это стали жаловаться Буну, то он ответил, что это по его приказанию делается и за принесенную жалобу прибавлял штраф в 50 коп. еще, или предлагал расчет. Теперь всем известно, как трудно найти работу, и поэтому пожаловавшийся рабочий валялся в ногах у Буна, прося оставить на фабрике и беспрекословно принимал штраф, лишь бы не остаться без места.

2) Нас, рабочих, заставляют иметь свои челноки, причем покупать их должны на фабрике за 1 р. 20 к. пару. Говорят, что будто это сделано всего лет 8 тому назад с согласия рабочих, но я должен сказать, что хороший челнок, сделанный из пальмы с металлическим наконечником должен долго вымачиваться в масле: он от этого делается тяжелым, не усыхает, а металлические наконечники не отставали от дерева.

Пока челноки были хозяйскою собственностью, то так и делалось, теперь же челноки не этих качеств и часто рабочим продаются челноки недостаточно вымоченные или вовсе немоченные, почему они плохо работают, рвут пряжу и даже путают. Поэтому рабочие просят опять, чтобы челноки были хозяйские, а челноки, находящиеся на руках у нас были бы оплачены фабрикою, т. е. деньги за них, с нас вычтенные, возвращены нам, считая по паре на станок, т. е., чтобы нам выдали по 1 р. 20 к. Если челноки будут оставаться нашей собственностью, то мы, покидая фабрику, будем терять много на них. Идешь домой. Челнок куда мне? И мы их продавали за бесценок торгующему у ворот на лотке Даниле Пименову, который их оттачивал, исправлял и куда-то продавал на фабрику. От нас обратно их не брали, почему мы продавали их по копейке пару, а мальчики и 5 пар за копейку продавали, так как некуда их было девать.

Андрей Яковлев Щербаков.

Протокол допроса представителя от рабочих К. Павлова, 27 февраля 1885 г. *

Козьма Павлов, крестьянин Новоторжского уезда, Кузовинской волости, села Кавы, от роду имею 31 год, веры православной, грамотный, под судом не был, живу в городе Твери, в Рождественской слободе на Морозовских горках, в доме солдата Федора Михайлова, работаю на Морозовской фабрике ткачом.

25 числа сего февраля я вместе с прочими на работу не пошел, потому что работать нам стало совсем невозможно, так как главный конторщик Иван Ефимов Соколов и ткацкий мастер Алексей Яковлев Пискунов стали налагать на нас за всякую безделицу штрафы и притом несоразмерные с действительною стоимостью, как-то: за порчу товара, поломку вилок и других разных инструментов, которые могут ломаться даже от одного действия машин, за провес утка и прочее, что можно видеть из сдельных наших расчетных тетрадей. За выда-

* Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159, лл. 29—31 об.

ваемые нам от конторы два челнока с нас, то-есть с каждого ткача удерживается по 1 р. 20 к., тогда как эти челноки должны быть хозяйские. В то время, когда мы идем в контору за получением утка, или несем туда для сдачи сработанный товар, нам каждый раз пишут как бы за самовольную отлучку, штраф по 50 коп., и поэтому мы вынуждены выходить на работу часто раньше положенного времени, а уходить с работы часом позднее. Нередко бывали и такие случаи, что многим приходилось для естественной надобности уходить в сортир, и за это были штрафованы по 50 коп., как за простой станков.

Недельная работа наша оканчивалась в субботу, в 6 часов вечера, но чистку станков заставляют нас производить в праздник — воскресенье и держат на работе часов до 11 дня, но особой платы нам за эту праздничную работу не производится, а напротив, в это же время скорее получишь штраф за плохую чистку; тем же ткачам, которые в праздник не выйдут на чистку, пишется каждому и за каждый раз по 50 коп. штрафа, несмотря даже на то, что станки этих невышедших ткачей бывают всегда вычищены их сменщиками.

Между нами ткачами есть и такие, которые по неграмотности не знают своих номеров и вследствие этого с одного станка сдают товар на другой по сдельным книжкам. Но и эта ошибка даром не проходит и пишется за каждый раз по 25 коп. и более.

В спальнях ежегодно происходит, по распоряжению фабричной администрации, обелка каморок, но за ремонт этот заставляют платить нас же рабочих по 30 коп. с каждого окна, хотя и всего-то материала, мела, пойдет на один гривенник.

Для более наглядного убеждения в притязательных действиях администрации несоразмерности взыскиваемых с нас штрафов, я указываю на представляемые мною расчетные тетради, именно № 1096, стр. 8, где значится сдача 11 кусков и за каждый из них взыскан штраф, в размере 2 р. 30 к., а между тем за работу их причитается 3 р. 52 к. Таким образом за вычетом штрафа остается получить только третью часть 1 р. 22 к. № 2077, стр. 3. Сдано 11 кусков на 4 р. 40 к. Взыскано штрафа за 10 кусков 2 р. 20 к., остается получить половину. № расчетной денежной книжки Трофима Осипова 4077. В ней показаны штрафы 3 мая за леность 1 р., тогда как эта леность состояла только в том, что подмастерье Осипов по работам проходил тихо, а не бегал. 8 мая за сон 2 руб., а между тем весь сон был таков, что Осипов в ночное время от нечего делать облокотился на станок и зажмурил глаза, которые тут же и открыл. А главное, что это обстоятельство не предусмотрено фабричными правилами. 28 июня за порчу батана 1 руб., тогда как этот батан работал около 6 лет и от времени попортился, 3 августа 1 руб. за такой же сон, какой был 8 мая. В сентябре без означения числа и причины записан какой-то вычет 1 руб. В ноябре, тоже без числа, за нарушение тишины и спокойствия 2 руб., а между тем это нарушение состояло в том, что Осипов с товарищем Васильем Семеновым поругались в спальне, но не в корпусе, а директор, как бы мировой судья, даже без разбора дела и написал этот штраф. В декабре записано за челноки 1 р. 20 к., тогда как Осипову, как подмастерью, таковые вовсе не нужны. 5 января за разбитие круга 50 коп., хотя круг этот и не им, Осиповым, был разбит, но в шлихтовальной он стал его спускать на пол и в это время у него в руках остался край этого круга. 11 того же января за неисполнение дела — 50 коп., а неисполнение состояло в том, что мастер заставил Осипова соединить разорванные гонки, не давая материала для исправления, отчего они после соединения вновь разорвались.

В расчетных денежных книжках № 5818 Петра Трофимова, № 6785

Семена Тимофеева, № 6988 Аксиньи Поликарповой, № 6741 Козьмы Петрова и № 6317 Пелагеи Осиповой у каждого показано штрафа по 50 коп. за рвань у станков, каковой валялось во время работы не более ¼ золотника и которая между тем все-таки по окончании работ подбирается и сдается.

В книжке № 7693 Анисьи Степановой за поломку вилок показано 1 руб., а между тем обе они стоят гривенник. В книжках № 6798 Дарьи Николаевой, № 7591 Дарьи Михайловой, № 5664 Татьяны Николаевой, № 6900 Авдотьи Прокофьевой, № 7379 Прасковьи Ивановой, № 5620 Матрены Ивановой, № 7159 Анны Андреевой, № 6985 Ирины Ивановой, № 6132 Аграфены Ивановой и № 6194 Марьи Алексеевой за полом тех же вилок удержано у каждой по 50 коп.

В тетрадях № 7039 Матрены Семеновой и № 6891 Екатерины Ефимовой за простой станков удержано по 50 коп. у каждой, хотя ни одна из них не гуляла, а как выше об'яснено, отлучались или в контору, или в сортир. Рабочий же № 4236 Козьма Павлов с 13 по 21 июня 1884 г. был болен и имеет у себя записку врача Полякова, но табельщик Петр Петров время это показал прогулом, а директор, несмотря на записку врача, оштрафовал на 2 р. 40 к. В тетради № 6035 Ольги Дормидоновой тоже показано за прогул 4 р. 60 к. В тетради № 4818 Ульяны Арсеньевой за прогул также удержано 3 р. 25 к. Словом, нас рабочих всячески притесняют и штрафуют на каждом шагу и за всякую малость, так что рабочим, за вычетом штрафов из их заработка, приходится получить иной раз едва третью часть, каковой не только для уплаты повинностей, но и на содержание не хватает. В виду чего рабочие и просят прекратить это своеволие и изменить существующий на фабрике порядок, а именно, чтобы фабрика выдавала нам челноки от себя и не требовала с нас за них деньги, уменьшила бы штрафы на будущее время и возвратила таковые за последний год, возвратила бы стоимость челнока за 8 лет, а за поломки вилок и всех механических инструментов возвратить штрафные деньги за год.

Вот и все, что по поручению ткачей имею показать по настоящему делу.

Кузьма Павлов.

Из протокола допроса представителя от рабочих Д. Колобкова, 27 февраля 1885 г.*

...Вот вчера губернатору показывали куски миткаля, за который был наложен штраф. Уже не без этого, чтобы браковщики принесли самый худший кусок. И что же? Все видели, насколько этот кусок был хорошо сделан, на нем во всем куске было только несколько темных полосок и то, когда глядеть на свет, что происходит от того, что этот миткаль немного плотней стал, несколько ниток прибито сильней.

Представляю вам и вилочки от ткацкого станка, за поломку которой взыскивается 50 коп. Поломка эта никогда умышленно не производится, так как за порчу вилочки всегда ставится штраф, и никто себе врагом не будет, чтобы ломать нарочно. А у некоторых рабочих по два штрафа имеется в книжках за поломку вилок. Ломается же вилка вот когда, если погонялка подобьется, или подобьется гонок, то от этого челнок подымается вверх, а от шибкого хода машины не может выскочить вон из зева, то его батаном прихватывает к станку и от этого, разумеется, ломает: вилочки, челнок, бердо и даже случает-

* Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159, лл. 25—28.

ся, ломается молоточек, служащий для остановки машины, т. е. ткацкого станка.

Затем прошу обратить внимание и на записку штрафов за провес утка. Последний выдается нам взвешенным уже без нас. Миткаль сотканный сдаем на вес же. Рвань, т. е. обрывки утка, мы сдаем конторе при получении вновь утка и эту рвань у нас принимают без веса, а записывают всегда 48 золотников. Но если по виду заметят, что рвани больше 48 золотников, то штрафуют от 10 до 25 коп. А рвань происходит в большем или меньшем количестве от того, насколько уток лучше или хуже. Рвань бывает иной раз вследствие плохого утка гораздо больше 48 золотников, до 2 фунтов на ящик, от чего, разумеется, получится провес сверху установленной нормы до 8 фунтов, за что при представлении миткаля записывается штраф 50 коп. и до 1 руб. Рабочий таким образом теряет как представленный рвани штрафом за лишнюю рвань и за недовес при представлении миткаля *, причем однако рабочему не засчитывается излишне-возвращенная рвань, а рабочий даже считается счастливым, если успел возвратить рвани хотя в большем количестве, но не получив штрафа. Кроме того, при работе бывает еще распыл, который составляет тоже собственность фабрики и идет в газ.

Это, разумеется, мелочи, на них мы не обращаем внимания, а только указываем, что хозяину за наш счет барышей всяких довольно.

Данила Иванов Колобков.

Из протокола допроса работницы М. Петровой, 28 февраля 1885 г. **

Служу пятый год в ткачихах на Морозовской фабрике. О стачке меж рабочими-ткачами фабрики я ничего не знаю, все сделалось как-то само, что работа прекратилась. Ведь рабочие ткачи, как и все, по свистку вышли на работу.

Штрафы были велики и все увеличивались, притязательней становились мастера, в особенности наш мастер Алексей Яковлев Пискунов. Последний, кроме непомерной строгости, проявлял к рабочим и жестокость: зазнался человек, видя за собой хозяев, доверявших ему через меру. Вот какой случай был со мною. Я работаю во втором этаже ткацкой, мой станок № 1939; над моим станком на потолке проржавела жесть и в образовавшуюся дырочку сквозь пол верхнего этажа всегда лилась грязная вода, когда прядильщики у себя мыли полы. От этого моя работа постоянно грязнилась сильно, а за грязь нас сильно штрафуют. Я уже замывала раз миткаль — аршин 5, так как ржавая грязная вода примачивала миткаль навернутый на валик.

В прошлую субботу, 16 февраля, когда я стояла у своего станка в 8 часов утра, я об'явила проходившему мимо мастеру Пискунову о том, что на станок льет с потолка и грязнит мою работу. Пискунов прошел, не обращая внимания на мои слова. Я думала, что он не слыхал, пошла за ним и в дверях вновь сказала ему, что на мой станок льет с потолка. Пискунов тогда схватил меня за руку, вытащил за двери, где об дверь ударил меня головой, причем я получила сильный ушиб левой брови. Я схватилась за глаз, так как у меня от удара искры посыпались. Я пошла к своему станку, заплакав и держась за глаз. Пискунов же ушел, не сказав мне ни слова. Меня обступили рабочие, спросили, что случилось. Я им рассказала. Глаз у меня вздул-

* Так в подлиннике.

** Ф. тверского суд. следователя по особо важным делам, д. № 159, лл. 31 об. — 34.

ся, и вот еще теперь, две недели спустя, заметно на виске и под глазом желтое пятно.

Пискунов беспощаден, на руку дерзок, в особенности с нами женщинами. С рабочими драться боится, нас же баб немилосердно лупит, если мы решаемся к нему обращаться с своими просьбами. А когда с челноком к нему обратишься, в особенности с новым, который сбило, и он плохо работает, а мы просим: «Алексей Яковлевич, пойди, погляди, что-то станок плохо работает, поправь». Так тут не только побьет, но и челнок разобьет, а ты себе, значит, новый покупай за 1 р. 20 к. пару. Изверг, а не человек.

Вот когда мне расшиб глаз, мне стали советовать пожаловаться, я не хотела, боялась попасть в черную книгу, но муж мой настоял, говорит: «Пусть знают, какой мастер, молчать не следует. А дадут расчет делать нечего, пойдем»,— говорит. Мы пошли, но Ивана Самуйловича не застали, а заявили свою жалобу сыну директора Ивану Ивановичу Буну. Он записал №№ наших станков, тем дело и кончилось.

Представляю свою книжку № 1939, на стр. 2 видно, что за 2 куска стоимости 72 коп. штраф в 10 к., 14 кусков стоимостью 5 р. 04 к.— штраф 1 руб., между прочим и за марку, т. е. грязь — 10 к., а я в этой грязи не виновата. За следующие 14 кусков — 5 р. 04 к. — штрафу 65 коп. На 3 стр. за 14 кусков — 5 р. 04 к. штрафу 60 коп.

Еще не могу не указать по поводу марки кусков — это почти никогда не бывает виною ткачих, которые довольно опрятны, а грязь попадает от смазчиков, ну ненароком кто капнет, получается пятно, за которое штрафуется ткач же. Бывало, не желая получать штрафа просишь Пискунова сделать отметку, но он никогда не подойдет, чтобы в этом убедиться, а обругает только и толкнет. Ткачи желают, чтобы его удалили, либо заставили помягче и справедливее относиться к рабочим.

Мы с мужем ничего не знаем, что происходит на фабрике и из каморки не выходим, ждем, что будет. Как люди, так и мы.

С пасхи я уже взяла 4 пары челноков, а не знаю, не придется ли еще взять. Заработки невелики, а вычеты большие, терпишь потому, что некуда деваться, только ведь и знаем что ткацкое дело. В Петербурге я работала на Мальцевской фабрике 4 года и копейки штрафа не видала. Служила бы, если муж в Питере жил, а то вышел по билету на родину, и я за ним сюда пришла, да и работаю тут.

Вот и за вилочку штраф 50 коп. записан. Я ее не ломала, сломалась во время работы сама. Вот, что я заметила насчет этих штрафов — как товар на фабрике с рук не идет, так и штрафы до бесконечности увеличиваются, а как товару ход, то много легче.

Вот все, что имею показать. Зарабатываю я от 8 до 11 руб. в месяц чистых, а за вычетом издержек на харчи остается не особенно много.

Показание прочитано, но по неграмотности не подписано.

Судебный следователь Губченко.

Из донесения тверского губернатора министру внутренних дел, 28 февраля 1885 г., № 1411 *

Возвратясь 27 сего февраля из Петербурга в г. Тверь и вступив в управление губернией, я немедленно же пригласил к себе г. вице-губернатора, начальника жандармского управления, прокурора окруж-

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 18—20.

ного суда, судебного следователя, производившего следствие о стачке рабочих, участкового мирового судью и администрацию фабрики товарищества Тверской мануфактуры как для выяснения положения дела по прекращению работ на фабрике, так равно и для совещания по вопросу о принятии мер к восстановлению нарушенного на фабрике порядка. На совещании этом выяснилось, что рабочие красильного отделения фабрики, в числе около 1 200 чел., приступили к работам и продолжают ее. Ткачи же и прядильщики, числом более 4 000 человек, несмотря на все раз'яснения и убеждения, до сих пор упорно отказываются от работы, требуя сложения штрафов, но в то же время не соглашаются получить и расчет, как предлагает им фабричное управление, ввиду окончания срока их до пасхи.

Из всех обстоятельств видно, что между рабочими состоялась стачка, но ни администрация фабрики, ни полиция, ни судебная власть, производящая следствие, не может указать никого из зачинщиков стачки. Таким образом дело усложняется и представляет крайнее затруднение к благоприятному окончанию его. Для лучшего выяснения желания рабочих мною вызваны были уполномоченные от них в числе трех человек, которые и высказали мне в присутствии поименованных выше лиц те требования их, о коих уже донесено вашему сиятельству исправлявшим мою должность вице-губернатором 25 и 26 февраля за №№ 141 и 142. В виду всего этого я признал необходимым отправиться лично на фабрику для принятия там на месте путем внушения и раз'яснений о незаконности поступка рабочих и ответственности за стачку и соответственных мер к тому, чтобы рабочие приступили к работам, а претензии свои и жалобы пред'явили каждый мировому судье.

Прибывши сего числа на фабрику совместно с прокурором окружного суда, начальником губернского жандармского управления и полицеймейстером, я предложил собравшимся на дворе рабочим избрать уполномоченных для переговоров со мною, каковые и были избраны в числе 16 человек. Уполномоченные вновь изложили мне все претензии рабочих к фабрике и желание их, чтобы управление фабрики, сделав уступки, удовлетворило означенные их требования без суда. Выслушав их, я предложил им отыскивать претензии судом, для восстановления порядка работы начать, но уполномоченные отозвались, что на это не согласны, но, начав иски с фабрики у мирового судьи, они до решения дела судом к работам не приступят. В течение около двух часов я раз'яснял уполномоченным всю несообразность их действий, незаконность стачки и ответственность за нее, убеждал и склонял их вести дело судом, продолжая работать, но все мои убеждения были напрасны, и уполномоченные, а затем все рабочие, к которым я вышел после переговоров с уполномоченными, положительно отказались начать работать.

В виду такого упорного отказа рабочих встать на работу и в то же время нежелания их получить от фабрики окончательный расчет, я, по соглашению с начальником губернского жандармского управления и прокурором окружного суда, признал единственной мерой — это об'явить рабочим, что в течение трех дней с 1 марта они обязаны получить расчет от фабрики и очистить фабричные помещения или же встать на работу. Причем в об'явлении предварить рабочих, что с 4 марта отпуск харчей из фабричной лавки не вставшим на работы будет прекращен, а потому теперь же сделал распоряжение о напечатании необходимого количества экземпляров таких об'явлений и о препровождении их к тверскому полицеймейстеру с тем, чтобы об'явления были вывешены 1 сего марта с утра во дворе фабрики на видных

местах и на жилых помещениях рабочих и, кроме того, прочтены полицейским чиновником в спальнях рабочих.

Губернатор А. Сомов.

Из рапорта тверского полицеймейстера местному губернатору, 28 февраля 1885 г. за № 878 *.

Имею честь донести вашему превосходительству о нижеследующем: в воскресенье, т. е. 24 февраля, утром около 12 часов дня, пристав 3 части, прибыв в полицейское управление, лично доложил мне, что на фабрике Морозовых что-то непокойно, рабочие, как есть слух, о чем-то говорят, собираясь группами, и вообще заметно какое-то тревожное настроение, но, докладывая об этом, присовокупил, что доложить о чем-либо верно он не может, не разузнав более подробно, а потому мною было приказано приставу Кузьмину тотчас же отправиться на фабрику, подробно разузнать, в чем дело, и вечером мне доложить или же донести неофициально.

Спустя несколько часов после доклада пристава 3 части приехал ко мне в квартиру управляющий фабрикой г. Жуков с подобным же заявлением, что на фабрике что-то непокойно и, кажется, рабочие на завтра (т. е. 25 февраля) думают произвести беспорядок и просил меня, в случае надобности, оказать содействие, но просил не придавать официальности до поры, до времени и на мой вопрос о причинах вызова рабочих на какой-либо беспорядок отвечал, что можно лишь предположить, что рабочих кто-либо подговаривает на это, но кто именно, указать не может. Причем условился со мною, что если утром 25 февраля при начатии работ будет потребность в содействии военной силы, то он Жуков пришлет ко мне визитную карточку, без всякой надобности; если же надобности в войске не будет, то на карточке будет приглашение приехать мне на фабрику.

Вечером того же 24 февраля около 10 часов, будучи в благородном собрании на духовном концерте, я получил от пристава Кузьмина донесение, отправился к управляющему губернией подробно доложить обо всем мною слышанном, но, не застав его дома, вновь возвратился в собрание, чтобы переговорить и посоветоваться с начальником губернского жандармского управления полковником Бехтеевым и командиром 8 гренадерского Московского полка полковником Борисовым, которого и просил в случае надобности в войске о немедленном его командировании на Морозовскую фабрику, причем указано время, когда эта надобность может случиться и при мне же командиром полка было сделано распоряжение чрез батальонного командира, бывшего в собрании.

Утром 25 февраля около 6 часов утра мне передана была визитная карточка г. Жукова, и посланный им кучер сообщил, что на фабрике бунт, и рабочие собрались около главного корпуса, кричат, на работы не идут и желающих работать выгоняют из здания, грозя перебить в окнах стекла. Выезжая после сего на фабрику, около кирки я встретил другого посланного от Жукова, который лично мне передал, что надобности в войске пока нет, а потому я, по докладе управляющему губернией о сем, немедленно отправился на фабрику узнать подробно, в чем дело и прибыл туда в 7 часов утра.

Нашел народ собравшимся по группам пред главным корпусом и разбросанным по всему двору фабрики и что-то кричавшим. Тотчас же направился к квартире г. Жукова, где мне было заявлено, что

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 21—26.

г. Жуков уехал с фабрики, но куда — неизвестно, а потому я отправился к директору фабрики г. Буну, где он, Бун, заявил, что рабочие ткачи по свистку, хотя и собирались к зданию ткацкой фабрики, но на работу не встали и желавших идти на работу прядильщиков, мотальщиков и т. д. силою заставляли также не ходить, грозя им в противном случае насилием. Причем дополнил, что в 9 часов утра рабочие должны собраться для заявления своих претензий, и к этому времени, действительно, рабочие в числе приблизительно около 3 000 человек собрались перед главным ткацким корпусом и стали что-то кричать. Не найдя удобным говорить с такою массой народа, я предложил приставу 3 части об'явить толпе, чтобы они избрали от себя доверенных, которые могут передать мне все, что они имеют заявить для доклада о сем г. губернатору. Не теряя времени, пока рабочие выбирали доверенных, мною осмотрены были книги ткачей, так как жалоба ткачей была на усиленные штрафы и исключительно за поломку вилок при станках. При проверке оказалось, что в январе месяце сего года из числа 2 320 человек ткачей штрафу за поломку вилок в 50 коп. каждый было подвергнуто 97 человек ткачей, в том же месяце на 12 596 руб. штрафов и других разных вычетов показано на 881 руб. 52 коп.

Когда доверенные были выбраны, то им предложено было войти в помещение фабрики для переговоров. Толпа рабочих стала громко кричать: «Не ходи туда, пускай сюда прийдет». Только после настоятельных и неоднократных приглашений доверенные были впущены в здание фабрики.

Во время переговоров с доверенными, что продолжалось весьма долго, мне было доложено, что толпа рабочих начала ломить двери в слесарной и бить стекла в подвальном этаже, требуя прекращения работ в этом здании, почему мною приказано было доверенным немедленно разогнать толпу и прекратить буйство, что доверенными и было исполнено. На предложения мои доверенным немедленно встать рабочим на работу, они отвечали категорическим отказом, причем заявили, что до переговоров с хозяевами фабрики на работу не пойдут. Обо всем этом мною в час дня было лично доложено управлявшему губерниею, которым и было сделано распоряжение о вводе на Морозовскую фабрику войска, каковое в 3 часа дня того же 25 февраля в числе двух батальонов пехоты и 1/2 эскадрона кавалерии, вступило на фабрику. По прибытии войск на фабрику рабочих на дворе оной уже было весьма небольшое количество, а потому часть войска была отпущена и оставлено на фабрике 2 роты пехоты и 10 конных. По отбытии управлявшего губерниею и других лиц, бывших с ним, судебным следователем по особо важным делам приступлено было к следствию.

Во время опроса нескольких лиц, около 10 часов вечера, мне было доложено, что 8 человек неизвестных рабочих пришли в газовое отделение и выгнали оттуда дежурных, оставленных на ночь, почему и было тотчас же сделано распоряжение об охране газового помещения часовыми от войска.

26 февраля работ по случаю дня рождения государя императора не было ни в одном из отделений фабрики, а в 2 часа дня на фабрику вновь прибыл управляющий губерниею для переговоров с доверенными рабочих... В течение дня 26 февраля особых беспорядков не было, и 27 февраля красильное отделение, остановленное распоряжением директора г. Швейцера, вследствие настойчивости и угроз рабочих силою выгнать рабочих, вновь пущено в ход с 6 часов утра беспрепятственно со стороны рабочих-ткачей.

Полицеймейстер Мишин.

Из донесения тверского губернатора министру внутренних дел, 3 марта 1885 г., № 156 *.

Имею честь довести до сведения вашего сиятельства, что рабочие фабрики товарищества Тверской мануфактуры продолжают держать себя тихо и спокойно, тем не менее я ввиду того, что 4 марта будет прекращен отпуск с'естных товаров из фабричной лавки рабочим, кои не встанут на работу, и кроме того может представиться надобность в принятии мер к удалению силою с фабрики тех рабочих, кои не пойдут на работу и добровольно не возьмут расчет, признал необходимым усилить содействие от войск и сделал распоряжение о дополнительном отправлении на фабрику сего числа к 5 часам вечера 6 рот Московского гренадерского полка и одного эскадрона конных драгун для принятия мер к предупреждению возможности произвести беспорядок.

При этом считаю долгом присовокупить, что вследствие моих указаний и внушений рабочие начали заявлять свои претензии на фабрику и пред'являть к мировому судье, который приступил уже к разбору этих претензий и жалоб, входя в рассмотрение рабочей книжки каждого рабочего, что и будет продолжать по мере поступления жалоб... В настоящее время мировым судьею рассмотрено несколько книжек у рабочих и 2-го сего марта постановлено: 1) за недовес утка с 1 октября наложенные штрафы сложить, ввиду того, что у всех рабочих показан недовес одинакового количества (48 золотников); 2) штрафы за поломку машин также сложить в виду того, что поломка машин может быть не по вине рабочего; 3) в праздники не работать, а кто желает производить работу, допускать за особую плату; 4) за челноки штраф с рабочих сложить с 1 октября 1884 г. согласно условий найма, имеющихся в книжке рабочего; 5) на будущее время уток весить в присутствии рабочего, получающего оный, и 6) штраф за порчу товара сложить за февраль месяц за непредставлением фабрикою доказательств, что товар испорчен.

В жалобах прядильщиков отказать, за исключением только штрафа, наложенного на рабочих за перемешку утков, каковой штраф сложить. Некоторые из рабочих, прибывших к мировому судье с фабрики к разбору их жалоб, выслушав постановление судьи, признали таковое правильным и законным, но многие остались недовольны таковым, считая себя в праве получить обратно означенные в решении судьи штрафы за 9 лет.

Из донесения тверского губернатора министру внутренних дел, 5 марта 1885 г., № 161 **.

Правление товарищества Тверской м-ры, по предложению моему, обратилось к мировому судье 2 участка города Твери Красенскому с просьбою о составлении судебного приговора, обязывающего рабочих очистить фабричные помещения и удалиться с фабрики. Между тем сего числа утром оказалось, что мировой судья Красенский, за болезнью, передал означенное заявление для разбора мировому судье Дьякову. Приняв во внимание, что Дьяков отличается либеральным направлением и будучи уверен, что он при разборе дела не составит соответственного приговора, я, по соглашению с прокурором окружного суда, не нашел возможным допускать дело до разбирательства г. Дьяковым, а потому ввиду полученного мною предложения вашего сия-

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 35—36.
** Там же, лл. 42—43.

тельства о высылке рабочих на родину, если стачка будет продолжаться, распорядился, чтобы правление товарищества прекратило у мирового судьи дело, предполагая более правильным и целесообразным воспользоваться предоставленным мне правом административной высылки рабочих. При обсуждении порядка приведения означенной меры в исполнение оказалось, что большинство рабочих происходит из крестьян Тверской губ. и преимущественно Тверского уезда[3], а потому высылка их на родину, будучи сопряжена с крайними неудобствами отправления в селения под конвоем, не принесет вполне существенной пользы, так как рабочие из ближайших селений на другой же день после отправления на родину могут опять вернуться на фабрику. Между тем при исполнении меры высылки возможно ожидать сопротивления со стороны рабочих, а при употреблении силы — и столкновения с войсками. Поэтому я, по соглашению с прокурором окружного суда, командиром полка, часть коего находится на фабрике, и с ад'ютантом жандармского управления, предложил воздержаться некоторое время от распоряжений к высылке рабочих в селения, тем более, что они продолжают держать себя совершенно тихо и спокойно. Но в видах побуждения рабочих к добровольному оставлению фабрики и возможному раз'единению их, признал необходимым распорядиться, чтобы всякий вышедший с фабрики для какой бы то ни было надобности рабочий не был допускаем туда обратно. Для чего у входов на фабрику будут поставлены с 6 марта патрули, которые, предоставляя рабочим возможность выхода с фабрики, впуск в нее прекратят[4].

Мера, эта по общему мнению лиц, бывших у меня на совещании, должна принести действительную пользу, так как рабочие по недостатку с'естных припасов, по необходимости должны будут уходить с фабрики, а за невпуском обратно на фабрику удаляться на родину, куда по волостям будут высланы, по распоряжению моему, паспорта рабочих, как равно расчеты их с фабрикою и заработанные деньги...

Губернатор Сомов.

Из рапорта тверского полицеймейстера местному губернатору, 7 марта 1885 г., № 980 *.

Пристав 3 части г. Твери рапортом за № 5 донес мне, что сего числа, вследствие дошедших слухов, что в слободке за монастырем в доме отставного унтер-офицера Афанасия Иванова, у квартирующего у него ткача крестьянина Шепелевской вол. деревни Поддубки Андрея Яковлева[5] собираются, и нередко по ночам, лица, упорно поддерживающие беспорядок между рабочими, отбирая от них расчетные книжки даже без их согласия. Он, пристав, отправился в означенный дом, в сопровождении конвоя жандармов: Платонова и Дмитриева и помощника пристава Галицкого. Кроме хозяина дома Афанасия Иванова, в квартире оказался содержатель ее крестьянин Шепелевской волости, деревни Поддубки Яков Васильев. Но сын его, на которого и было указано, оказался в отсутствии. Кроме того, на ночлеге в квартире этой оказались значащиеся по делу поверенными крестьяне Шепелевской волости деревни Перехожей Данила Иванов, Никулинской волости деревни Никулина Абрам Соколов, Шепелевской волости деревни Зеленца Николай Григорьев и Первитинской волости деревни Олбова Дмитрий Филиппов[6]. Все эти лица оказались без огня, повидимому, спящими, и проживая на фабрике, сего числа были замечены

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 53—54.

за воротами в числе невпущенных на фабрику. В квартире оказалось около 1 170 фабричных книжек, подписанные листы о согласии на избрание поверенных, листы по сбору денег, черновая жалоба от всех фабричных и три доверенности на имя г.г. Рождественского и Малевича-Малевского. Бумаги эти взяты приставом до рассмотрения, а книги опечатаны и сложены в отдельное помещение под запором и наблюдением за помещением хозяина дома.

Полицеймейстер Мишин.

Донесение тверского губернатора министру внутренних дел, 10 марта 1885 г., № 177 *.

Имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что к настоящему дню на фабрике товарищества Тверской мануфактуры остается налицо из всего числа 4 200 человек рабочих из ткачей и прядильщиков только 995. Таким образом оказывается, что принятая мною с 6 марта против рабочих мера — невпуск их на фабрику — оказала вполне целесообразные результаты, и рабочие удалились с фабрики без всяких столкновений, добровольно. Но при этом считаю необходимым дополнить, что успеху этой меры способствовало и то, что присяжный поверенный Рождественский и помощник присяжного поверенного Малевский-Малевич, вследствие моего требования и указаний, им сделанных, 4 числа прекратили с рабочими весьма вредные, возбуждавшие их к продолжению стачки и парализовавшие мои распоряжения переговоры и отказались вести их дело, впредь до полного восстановления на фабрике порядка [7].

Сегодня мною получено донесение, что из остающихся на фабрике ткачей и прядильщиков более 450 рабочих заявили правлению фабрики желание встать на работу, вследствие чего правление имеет открыть 11 сего марта в прядильно-ткацком корпусе работы для рабочих, изъявивших на то желание.

Губернатор А. Сомов.

Рапорт тверского полицеймейстера местному губернатору, 12 марта 1885 г., № 1045 **.

Имею честь донести вашему превосходительству, что 11 сего марта на фабрике Морозова приступило на работу с 6 часов утра: по прядильному отделу — 379 человек, по ткацкому — 428 и по механическому — 98 человек.

А всего поступило 905 человек.

Полицеймейстер Мишин.

Из протокола пристава 3 части г. Твери, 13 марта 1885 г. ***

1885 г. марта 13 дня г. Твери пристав 3 части составил этот акт в следующем: 12 числа по заявлению проживающего близ фабрики товарищества Тверской мануфактуры отставного рядового Федора Михайлова задержан проживающий у него рабочий фабрики крестьянин Новоторжского уезда, села Кавы, Кузьма Павлов. Михайлов заявил, что у Павлова собирается много народа, между которого Павлов возбуждает неудовольствие, и тем из рабочих, которые изъявят желание

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, лл. 86—87.
** Там же, л. 97.
*** Там же, л. 111.

возобновить брошенные работы, грозит побоями, уверяет, что те, которые возвратятся на работы, непременно будут подвергнуты штрафам. На требование Федора Михайлова не заводить беспорядков в его доме, Кузьма Павлов сделал угрозы и самому Федору Михайлову убить его самого и его собаку.

Из показаний вполне подтверждается то, что означенный Павлов и также рабочий крестьянин Тверского уезда, деревни Селина, Дмитрий Васильев, с очевидною целью отвлечения рабочих от работ, грозили избивать тех, которые пойдут на работу, и, кроме того, уверяли, что все те, которые пойдут на работу непременно подвергнутся штрафу и денежному взысканию. Сверх означенного 11 числа, когда по сделанным заявлениям в первый раз начали являться на работы, толпы других рабочих, стараясь их не допускать, кричали, что они непременно будут оштрафованы и в одной такой толпе лично приставом замечен Павлов, который также, как и другие участники толпы, при приближении пристава удалился и на призывы пристава возвратиться не возвратился.

Пристав 3 части г. Твери Кузьмин.

Из протокола пристава 3 части г. Твери, 23 марта 1885 г. *

1885 г. марта 23 сего дня г. Твери к приставу 3 части явился служивший на фабрике Тверской мануфактуры ткацким подмастерьем из дворян Станислав Николаев Белевич и заявил жалобу на бывшего ткача фабрики серпуховского мещанина Ивана Федорова Семенова, носящего также прозвище «Чуркина», «Студента». По заявлению Белевича, Семенов, состоя в числе зачинщиков беспорядков на фабрике, во время оставления работ, был с теми рабочими, которые, как он сам нечаянно слышал, сговаривались завернуть в фабрике газ и в темноте насильственно расправиться с директором, ткацким подмастерьем и конторщиками. Чтобы отвратить такое насилие и отвратить его последствия, Белевич решился забросить ключ, которым завертывался газ и без которого рабочие сделать этого не могли и предупредить об опасности, о чем он и успел предупредить мастера Алексея Яковлева, а ключ действительно забросил. Вследствие этого рабочие, не успев в своем намерении, порывались его избить, грозя совсем разорвать, и несколько времени целою толпою караулили до тех пор, пока он не получил возможность тайно уехать с фабрики. Ныне Белевич снова встретил Семенова, и сей последний, выражая ему свое неудовольствие, снова сделал ему угрозу.

Почему постановил: Ивана Федорова Семенова впредь до справки и окончания дознания задержать.

Пристав Кузьмин.

Отношение директора департамента полиции тверскому губернатору, 9 апреля 1885 г., № 1155 **.

Особое совещание, образованное согласно статьи 34 положения о государственной охране, выслушав доклад о содержащихся под стражею в Тверской губернии Кузьме Павлове и Дмитрие Васильеве, обвиняемых в подстрекательстве к беспорядкам, постановило: подчинить Павлова и Васильева, если о их виновности не будет возбужден вопрос в судебном порядке, гласному надзору полиции в Вологод-

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, л. 28.
** Там же, л. 139.

ской губернии — первого на два года, второго на один год, считая обоим срок надзора с 27 марта 1885 г.

Сообщая о вышеизложенном, департамент полиции имеет честь просить ваше превосходительство сделать распоряжение об исполнении определений особого совещания.

За директора [подпись].

Рапорт тверского полицеймейстера местному губернатору, 25 апреля 1885 г. *

Имею честь донести вашему превосходительству, что серпуховский мещанин Иван Федоров Семенов («Чуркин») за беспорядки на фабрике Морозова присужден мировым судьею 2 участка Твери на два месяца в дом арестуемых и затем высылке на родину [8].

Полицеймейстер Мишин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Были выбраны ткачи Ефрем Филимонов, Данила Иванов, Колобков, он же Лашков, Николай Григорьев, Кузьма Павлов и Петр Абрамов.

2. «Особые правила» морозовской фабрики предусматривали штрафы не только за порчу машин или материалов, но и за плохое поведение рабочего, за ругань, игры и драки. Брались штрафы за непосещение воскресных богослужений, за прием в казарме гостей, за позднее возвращение в казармы даже в нерабочие дни, за уход с фабрики до истечения срока найма.

В 1870 году губернское правление, разбиравшее вопрос о рабочих книжках, в которых были опубликованы эти правила, признало, что «... в книжке обязанности фабриканта в отношении к рабочим ослаблены пропуском из законов того, что обеспечивает рабочих (например, что хозяин, желая отпустить рабочего до срока, должен об'явить за две недели и расчитать за время до отпуска). Напротив, права фабриканта присваивают ему власть и судебную и даже превышающую ее. Обязанности на рабочего возлагаются сверх определенных законами, а права их ограничены до крайности и затемнены, особенно в обжаловании фабричных действий по расчетам с рабочими».

Губернское правление запретило книжки и потребовало изменить «особые правила», но сенат, куда обжаловали Морозовы действия тверских властей, отменил постановление губернского правления, и фабричный режим сохранился без изменения до забастовки 1885 г. (См. ф. тверского губ. правления, 4 стол, д. № 135/72, л. 14 и об.)

3. Из 4 257 человек рабочих ткацкого и прядильного отделений Тверской мануфактуры, участвовавших в забастовке, из Тверского уезда было 3 545, ближайшего уезда той же губернии — Новоторжского — 387 чел., соседнего уезда Московской губернии — Волоколамского — 144 чел., из других уездов Тверской губ.— 67 чел., из остальных уездов Московской губ.— 78 чел., Рязанской губ.— 4 чел., Псковской губ.— 1, Ярославской губ.— 4 чел., Витебской губ.— 7 чел., Воронежской губ.— 3 и Владимирской губ.— 7 чел. Жили в спальнях 2 944 чел., на квартирах 1 313. (См. канц. тверского губ., д. № 54, л. 50.)

4. См. отчет Тверского комитета РСДРП II с'езду. «Рассказывают,— читаем в этом отчете,— что солдаты на штыках передавали хлеб в импровизированную тюрьму».

5. А. Я. Щербаков — один из руководителей забастовки.

6. Все, кроме Дмитрия Филиппова, принадлежали к основному руководящему ядру.

7. О своем разговоре с адвокатами тверской губернатор в донесении министру внутренних дел писал:

«Пригласив к себе Малевича-Малевского и Рождественского, об'яснил им, что принятием на себя ходатайства в окружном суде они вводят своих доверителей в заблуждение, внушая им ложную уверенность в неподсудность этого дела мировому судье, и совершенно напрасные надежды на возможность полнейшего удовлетворения судом всех требований, и таким образом поддерживают в рабочих дух сопротивления распоряжениям администрации, все усилия которой направлены к тому, чтобы убедить рабочих начать работу, предоставив разбирательство их претензий мировому судье».

8. Кроме Кузьмы Павлова, Дмитрия Васильева и Ивана Федоровича Семенова за забастовку были высланы по этапу распоряжением губернатора Сомова 300 рабочих. Все они были занесены фабрикантами Морозовыми в «черную книгу».

* Ф. канц. тверского губ., д. № 54, л. 144.

Казанские суконщики в 1836 г.

Казанская суконная фабрика возникла в 1714 г. Рабочая сила для нее была набрана из приписных населенных имений, из беглых крестьян, а также из свободных людей. Вначале фабрика принадлежала казне, а затем, в 1724 г., перешла в руки крупного казанского купца Михляева, от него в 1728 г.— к брату жены Михляева, купцу Дряблову, которому фабрика указом Анны Иоанновны от 9 сентября 1735 г. была передана в полную собственность вместе с людьми, работавшими на ней.

Начиная с 1737 г. до 1849 г. непрерывно, то затихая, то ярко вспыхивая, идет борьба рабочих Казанской суконной фабрики за освобождение от крепостной зависимости.

Из поколения в поколение в течение 100 лет в среде рабочих Казанской суконной фабрики появлялись инициаторы выступлений, направленных против тяжелых условий работы и, главным образом, против закрепощения рабочих. Суконщики считали себя свободными людьми, так как их предки поступили на фабрику свободными.

Борьба казанских суконщиков занимала видное место в истории рабочего движения России XVIII и первой половины XIX в. и особенно в жизни города Казани.

Кнутом и «кошками», каторгой, ссылкой и острогами кончались не только «бунты», но каждый незначительный протест рабочих. Зато в этой борьбе рабочие закалялись, получали навык борьбы, учились быть стойкими и сплоченными.

В начальный период этой борьбы, в XVIII в., рабочие были еще слабо организованы, наблюдались случаи довольно большого отсева жалобщиков, снимавших свои подписи с челобитных. В начале XIX в. такие случаи были уже реже. Рабочие в массе своей держались стойко, дружно, что видно из показаний во время процесса 1836 г. Наблюдались, конечно, отдельные случаи штрейкбрехерства, но такие случаи исчислялись единицами.

Особенно тяжело приходилось суконщикам в период 1827—1837 гг., когда фабрика Осокина находилась в аренде у Александра Ивановича Лобачевского, человека необузданного, жестокого и властного, окружившего себя шпионами и приказчиками, такими же жестокими и кровожадными, как и он сам. Работу на фабрике он превратил в каторгу. В этот период волнения среди рабочих по своему размаху затмили все предыдущие. Рабочие восстали поголовно и решили подать петицию Николаю I на владельца фабрики Осокина.

Еще в 1834 г. рабочие составили «приговор» о том, чтобы жаловаться на притеснения Осокина и Лобачевского; ряд рабочих подписался под этим приговором (дело аудиториатского департамента, отд. 3, стол 2, № 3, л. 148). С конца 1835 г., стараясь не навлекать подозрений со стороны фабриканта и властей, рабочие тайно начали готовиться к подаче «всеподданнейшего» прошения в Петербурге. Для составления прошения наиболее активная часть рабочих (Чернов и др.) обратилась к отставному коллежскому регистратору Ливанову, который в феврале 1836 г. за определенную мзду написал им прошение. В этом прошении рабочие жаловались и на притеснения Осокина и Лобачевского, и на неза-

конные действия правительственной комиссии Хомутова, Приклонского и Булыгина, которая была учреждена по повелению Николая I в августе 1835 г. для расследования жалобы рабочих на неправильную сдачу в рекруты. Присоединив к прошению ряд «старинных актов и указов» и вышеуказанный «приговор», рабочие выбрали двух ходоков, Баранова и Жирнова, и отправили их в Петербург. Через несколько дней ходоки вернулись обратно без бумаг, об'яснив на допросе причину своей отлучки «непробудным пьянством». Бумаги же были найдены в Нижегородской губ., Горбатовском уезде, на Непецинском мосту по Московскому тракту и присланы в июле 1836 г. казанскому военному губернатору. Каким образом они попали туда, точно установить не удалось. По одним сведениям, ходоки передали бумагу какому-то ехавшему в Петербург человеку, который, ознакомившись с их содержанием, из боязни выбросил их на дороге; по другим — сами ходоки потеряли их. Дело приостановилось до июля 1836 г., когда по Суконной слободе распространился слух о предстоящем в августе приезде в Казань на военные маневры Николая I, что и побудило рабочих подать петицию непосредственно ему.

Для подготовки протеста суконщики избрали из своей среды 13 человек; днем они бывали на работе, ничем не выдавая своих замыслов, а всю работу проводили по ночам. Эти 13 избранных разделили Суконную слободу на участки, и каждый ходил по домам, агитировал и собирал подписи; вместе с ним ходил какой-нибудь грамотный рабочий, который расписывался за неграмотных.

Чтобы составить петицию и переписать ее, нужен был хорошо грамотный человек. Рабочие устроили сбор денег, и отставной канцелярист Горбунов, в первых числах августа, составил новое «всеподданнейшее прошение», за что получил два рубля серебром. В основу второй «петиции», поданной 20 августа 1836 г. Николаю I, Горбунов положил ливановское прошение, дополнив его вступлением, несколько развив историческую часть и усилив характеристику методов эксплоатации рабочих и борьбы с ними фабриканта Осокина.

Прошение было подано Николаю I суконщиком Толокновым 20 августа 1836 г. Николай I, взяв прошение из его рук, пригрозил рабочим, что в случае неправильности их жалоб на Осокина с ними сурово расправятся. Свою угрозу он не замедлил привести в исполнение и тотчас дал предписание казанскому военному губернатору «расследовать» дело. С 24 августа по приказанию Стрекалова «заработала» громоздкая бюрократическая машина «империи Российской». Следствие имело целью обнаружить сочинителей и переписчиков «петиции», но ни обыски на квартирах рабочих, ни их показания ничего не дали. Ливанов говорил о своей непричастности к подаче второго прошения; Горбунов сообщил, что он после долгих отказов, уступая настойчивым просьбам незнакомых ему рабочих, лишь переписал это прошение; рабочие в один голос отрицали какое-либо знакомство с Горбуновым и Ливановым; мало того, большинство из них без согласия общества отказалось подписывать свои показания. Один из инициаторов движения, суконщик Чернов, заявил: «Кто сочинял и переписывал прошение, не знает, кто подавал его — не помнит». А подавший прошение Толокнов показал, что «ни из чьих рук жалобы не принимал, а был всеми рабочими со слезами прошен о принятии на себя подачи ее; тронувшись их слезами, сам он заплакал, отворотился от них и, когда после обратился к ним, увидел ту жалобу лежащей на земле, с которой ее и поднял». Только предательство одного из рабочих П. Шмелева раскрыло сущность дела.

Казанская комиссия 10 ноября 1836 г. «за ложный донос и отказ подписать свои показания» приговорила наиболее активную часть рабочих в числе 13, а также обоих канцеляристов, писавших «петицию», к смертной казни. Казанский вице-губернатор Огнев «смягчил» наказание, заменив смертную казнь каторжными работами, ссылкою на поселение в Сибирь, отдачею в солдаты с предварительным наказанием плетьми. Дело через министерство внутренних дел, военного министра, аудиториатский департамент было представлено Николаю I, который 16 октября 1837 г. утвердил решение последнего.

Еще до приведения в исполнение приговора над 15 остальных рабочих фабрики разделили на три группы по степени их участия в движении и потребовали поголовной подписки в том, что они впредь на Осокина жалоб писать не будут. Рабочие в массе своей требуемой подписки не дали. В ответ на их отказ, по распоряжению местных властей, учинена была жестокая расправа, после которой большинство рабочих дало требуемую подписку.

Путем жестокого приговора над зачинщиками и кровавой расправой с остальными рабочими царское правительство пыталось посеять страх и раз навсегда покончить с выступлениями рабочих, но оно было бессильно задержать общий ход исторического развития.

Публикуемые документы хранятся в ЛОЦИА в Военно-историческом архиве, в фонде аудиториатского департамента.

Э. Кацман.

Прошение рабочих Казанской суконной фабрики Осокина Николаю I, 20 августа 1836 г. *

Всеавгустейший монарх, всемилостивейший государь.

Бедственная участь, ввергающая ** человечество в угнетение лица, не имеющего законных прав владения, заставляет нас прибегать к освященным стопам твоим и с тем вместе утруждать благословенное царствование твое воззрением на людей, ищущих твоего покрова от бед и гонений, их непрестанно преследующих. О каковой участи мы угнетенные имели уже счастие прибегать всеподданнейшими просьбами, посланными чрез почту в прошлых 1832 февраля 12[1], 1833 июня 26, 1834 марта 1, и того ж 1834[2], поданной флигель-ад'ютанту вашего императорского величества князю Долгорукову[3]. Но, как не получая никакого разрешения в нашей гибели, возымели дерзновение представить лично вашему императорскому величеству при посещении благословенного града Казани и представить вкратце угнетительность *** фабричного состояния людей, свободно на фабрику поступивших, причиняемую от содержателя Казанской казенной суконной фабрики г. Осокиным в течение 40 лет.

Казанская суконная фабрика, заведение свое восприявшее *** в царствование блаженно и вечно достойной памяти императора Петра I, и созиждена казенным иждивением, а потом поступившая на содержание купцу Михляеву[4], по его достаточному и доброму состоянию, ведая, что будет преуспевать к размножению и увеличению сего столь полезного для блага государства заведения. В последствии ж времяни по указу мануфактур-коллегии генваря 7 дня 1736 года[5] приписано к оной фабрике в немалом количестве пожелавших с добровольного согласия в фабричные мастеровые разного сословия людей, кои в звание сие поступили из солдатских и драгунских детей, дворцовых крестьян, посадских дворян, купецких детей и духовного звания людей.

По смерти ж купца Михляева означенная суконная фабрика досталась в распоряжение купцу Дряблову[6], как ближайшему родственнику, который в 1755 году, с дозволения правительства, купил к оной фабрике несколько душ крестьян. Потом, как оная фабрика в 1799 году по распоряжению правительства отдана была на содержание коллеж-

* ЛОЦИА, Военно-историч. архив, аудиториатский департамент, отдел 3, ст. 2, св. 41, 1836 г., д. № 3, лл. 214—219.

** В подлиннике «ввергающее».

*** Так в подлиннике.

скому советнику Ивану Осокину, а от него поступила в таковое ж владение сыну его гвардии прапорщику Гавриле Осокину [7], то оный, желая укрепить за собою без всякого различия всех тех вольно поступивших из разного сословия в фабричные мастеровые, хотя и делает свои на предмет таковой доказательства, но оные есть несправедливы: ибо если от предков его последовал взнос в казну денег, то таковой произошел не за нас, а за принятие беглых помещичьих крестьян, которые поступили в укрепление к отцу его, а вольно пришедшие люди из разного сословия довольствовались платою по указу 1734 года сентября 28, с означением в нем, кто именно из какого звания поступил в мастеровые; за нас же от всех поясненных содержателей фабрики взносимо денег никуда не было, и он, г. Осокин, на присвоение нас в крепостные, не имея документов, не имеет права к тому, пользуясь одною давностью время, показывая в ревижских сказках в разнообразном виде: ибо по 4 и 5 ревизии назвал мастеровыми просто, по 6 — состоящими при фабрике вечно отданными мастеровыми, и по 7 — всех вообще фабричными безземельными людьми, купленными будто бы в 1755 году [8]. Таковое его показание не могло б еще делать нам чувствительного отягощения, ибо мы по званию своему должны определяемые при фабрике работы исправлять с прилежанием, не делая содержателю ни в чем малейшей остановки, равно как готовы всегда повиноваться учрежденному при фабрике начальству и исполнять их приказания, во всех отношениях до фабричного мастерства относящиеся, без малейшего со стороны нашей упущения, в чем долг обязанности нашей сохраняем мы всегда в непоколебимой твердости.

Но бесчеловечное обращение с нами г. Осокина подает нам смелость об'яснить вашему императорскому величеству те обстоятельства, кои доводят нас до тяхчайшей угнетительности и раззорения многих наших семейств, а именно:

1) В 1814 году мастеровому Ивану Брызгалову при фабрике причинено без всякой причины жестокое наказание до смерти. В 1826 году управляющий фабрикою надворный советник Лобачевский [9] причинил также жестокое наказание мастеровому Николаю Корелину, который чрез трое суток помер; фабричный подмастерья Матвей Белов [10] таким же жестоким образом в 1826 г. наказал безвинно мастерового Илью Неволина, который от жестоких побой преждевремянно окончил жизнь свою, а семейства сих несчастных находятся в жалком состоянии. Сверх сего он, г. Осокин, к стеснению нас производит отдачу из фабричных людей в солдаты за своих крепостных крестьян, коих поступило около 80 человек, и безвинно отлучает от семейств ссылкою в Сибирь на поселение, каковых несчастных находится в довольно значительном состоянии, и оные, будучи по фабрике из самых лутчих рабочих людей, сосланы не за дурное поведение или другой противозаконной поступок, а единственно за то только, что они знали твердо предков своих, поступивших из доброй воли на фабрику для обучения, и к тому не давали прапорщику Осокину подписки на признание его вечно законным своим помещиком. Каковое распоряжение г. Осокина противно указу 1731 г. сентября 28 и предписания министра Кочубея [11] от 23 генваря 1806 г., коими узаконено мастеровых фабричных натурою в рекруты не отдавать, а иметь для непременного умножения мастерства и пользы казне к увеличению выделки сукон, а вместо оных взносить деньгами из прибыльной суммы по 500 руб. за рекрута. Доказательством же уничтожительности фабричного состояния людей служить может то, что по бывшей 4 ревизии числилось нас 1468 душ, в нынешней же 8 ревизии состоит с небольшим 800 душ,

из чего можно видеть не прибыль в мастеровом народе, но непомерную убыль.

2) Г. Осокин по единой воле употребляет в несвойственные фабричному званию работы, для каковых работ по силе указов 1736 генваря 7 и 1803 июля 19 числ надлежало б ему, г. Осокину, нанимать вольных людей. О каковых жестокостях и изнурениях, для нас несносных, хотя мы в надлежащие присудственные места и к лицам, власть имеющим, приносили неоднократные свои жалобы, но не получали в защиту никакого удовлетворения, кроме, как г. Осокин, имея у себя значительное состояние, и для прикрытия своих поступков тратит свой капитал, остаемся в продолжении 40 лет по нашим жалобам без всякой защиты в мучительном и горестном положении. Даже и сверх оного, поданная нами в 1817 году к его императорскому высочеству — великому князю Михайле Павловичу при посещении его града Казани жалоба осталась, конечно, по действиям г. Осокина в чьих руках, без всякого внимания, а в 1818 году, хотя были посланы от нас в Москву для подачи в правительствующий сенат мастеровые Афонасий Соколов и Иван Ефремов [12], но оные по проискам г. Осокина захвачены, и, по случаю производства о сем судного дела, по крайнему настоянию г. Осокина сослано безвинно в Сибирь на поселение 39 человек и в сем случае поверенный нам мастеровой Дмитрий Сивухин [13] был содержан при фабричной канторе для нарочитого пропуска апелляционного срока, по миновании коего означенные мастеровые принуждены были выполнить над собою приговор судебного места.

3) После сего, в сем 1836 году, из мастеровых людей семь человек, а именно: Иван Баранов, Кузьма Дубровин, Павел Филатов, Петр Шелковников, Александр Подчалкин, Степан Теньков и Иван Белобородов, кои все честного поведения и с хорошею нравственностью, заслуживающие всякого доверия, слишком полгода содержались в Казанском тюремном замке за недачу г. казанскому полицеймейстеру Клушину [14] подписки в том, якобы последовало из правительствующего сената решение, по основанию по данной просьбе к вашему императорскому величеству чрез флигель-ад'ютанта князя Долгорукова, о всегдашней принадлежности означенному Осокину и в бытии у него в вечном крепостном владении, и таковых будто бы ябеднических просьб к лицу вашего императорского величества не подавать. С какового решения просили г. полицеймейстера выдать нам копию, но оный отозвался невозможностию. По сему случаю и действиям Осокина о сих обстоятельствах производилось в казанских судебных местах дело, и по решению уголовной палаты велено: годных отдать в солдаты, а негодных сослать в Сибирь на поселение. Из вышеписанных 6 человек удалены, а последний, Белобородов, поступил в солдаты.

4) Сверх сих угнетений, описываемых нами, занимаемся мы на фабрике работою, кроме праздничных дней, почти безвыходно, но жалованье хотя и получаем ныне ассигнациями и медью, но плату г. Осокин за выработку против прежней платы по указу 1820 года убавил с таковым заключением, что якобы прочие в работе употребляют леность, и, сверх сего, производит неправильный вычет, якобы за обракованные сукна, кои в казну от комиссариатского депо принимаются наравне с добротными, при фабрике отобранными, каковых зарабатываемых нами денег от 9 до 10 рублей в месяц не достает с семействами своими и на дневное пропитание, не имея к сему никаких других средств к приобретению, кроме как вынуждаются большею частию семейства приобретать чрез труды рук своих в праздничные дни.

5) Из числа отданных г. Осокиным в солдаты Петр Сапожников [15]

в прошлом 1834 году, во время пребывания вашего императорского величества в Нижнем-Новгороде и при осмотре тамошнего гарнизонного батальона, приносил лично жалобу о неправильной его отдаче г. Осокиным в солдаты, по каковому обстоятельству производилось здесь, в городе Казани, исследование через г. чиновника по разным поручениям у казанского военного губернатора Машкина и [при] депутате с воинской стороны г. подполковнике Чекове. Но оные показываемые нами обстоятельства не приняв в уважение, требовали одного только подтверждения нашего в подаче просьб. А как мы порядком производства такового следствия остались недовольными, то и требуемого рукоприкладства к делу не сделали, и так дело сие, должно полагать, осталось ничем неоконченным, и рядовой Сапожников по присылке в город Казань с 25 декабря 1834 года по сие время содержится в Казанском военном тюремном замке.

6) По прошениям нашим, как мы наслышаны, по повелению вашего императорского величества от г. министра внутренних дел последовало г. казанскому военному губернатору предписание о дознании от помещика Осокина, когда и в какое время он получил себе в наследство нас фабричных людей, или мы приобретены покупкою, то когда имянно, от кого были проданы, где совершена была купчая крепость, в какой силе и, если наследственно, то от кого мы перешли, кто был то лицо, от кого мы достались ему, г. Осокину? Но приведено ли сие предписание в исполнение, нам неизвестно, а должно быть, сие остается неисполненным.

7) Потом тем же министром внутренних дел предписано ему г. военному губернатору командированным в комиссию чиновникам особых поручений статскому советнику Хомутову и коллежскому советнику Приклонскому и назначенному от графа Бенкендорфа находящемуся в городе Казани полковнику корпуса жандармов Булыгину оказывать при произведении ими дела сего зависящее от него, г. губернатора, законное содействие, и наконец

8) По сему препоручению г.г. Хомутов и Приклонский, прибыв в г. Казань, требовали нас в комиссию всех по одиночке и принуждали к написанной ими подписке подписаться в бытии у г. Осокина в вечном крепостном владении на правах им установленных, к каковой подписке из числа фабричных людей человек до 50, которые от канторы по достатку состояния своего находятся из оброку от работ свободными и занимаются распоряжением при канторе, закупкою для сукон шерсти, подписались. Но мы, фабричные люди, слишком 750 человек, по непринадлежности ему, г. Осокину, от сего подписа отказались, объясняя каждый свои причины, но они г.г. Хомутов, Приклонский и Булыгин наших показаний ни одного в уважение не приняли, а более еще старались, по настояниям г. Осокина, с приближенными ему г.г. чиновниками, склонить нас об'яснить, что якобы мы утруждали ваше императорское величество нашими просьбами неправильно, чего однако ж мы, чувствуя себя невинными, исполнить не могли.

А как видя до крайней степени угнетение, нам причиняемое, и не имея способов влачить образ жизни в столь бедственном положении, решились все сии обстоятельства лично, при столь радостном высочайшего твоего лица посещения града Казани, предать во всемилостивейшее благоусмотрение вашего императорского величества и всеподданнейше просить воззрения милосердным оком на все сии претерпеваемые нами стеснения и повелеть высочайшею властию истребовать лично от г. Осокина те акты, по коим он считает нас фабричных, с воли на фабрику поступивших для обучения сему внове в отечестве нашем

заводимому ремеслу и для жизни каждого человека полезному, в вечное крепостное свое владение. В опровержение ж его несправедливой притязательности имеем с своей стороны представить каждый из нас о своем роде доказательные документы, подтвержденные высшими судебными местами. И с тем вместе повелите сделать всех нас, с воли на фабрику поступивших, коренными, свободными от услуг людьми.

Ваше императорское величество! На все сие воззрение имеет ожидать конец несчастным для нас приключениям и даже самого производства дела, продолжающегося слишком 40 лет и по сие время ничем не оконченным.

Вашего императорского величества, всемилостивейшего государя верноподданные рабы, с воли на фабрику поступившие, оставшиеся от предков своих, подписуемся умеющие грамоте своеручно, а не умеющие по их личной просьбе.

[Подписи.]

Донесение и. д. казанского военного губернатора И. Огнева министру внутренних дел Д. Блудову, 4 февраля 1837 г.*

Предписание вашего высокопревосходительства от 9 минувшего генваря за № 19 с из'яснением высочайшего повеления по делу о мастеровых Казанской суконной прапорщика Осокина фабрики, приносивших неосновательные жалобы на владельца своего, я имел честь получить 26 того генваря в 9 часов пополудни.

Между тем г. казанский военный губернатор в отношении ко мне от 17 генваря за № 33 для об'явления такового высочайшего повеления означенным фабричным и приведения оного в исполнение поручил мне, в предупреждение могущих произойти замешательств, фабрику, куда собраны будут мастеровые, предварительно обезопасить двумя или более ротами казанских гарнизонных батальонов, полусотнею уральских, здесь состоящих, казаков и, по возможности, жандармами, с тем, чтобы воинские чины, к сему прикрытию употребиться имеющие, были в полном вооружении и с заряженными ружьями и чтобы с ними были отряжены благонадежные офицеры.

Вследствие чего, назначив срок для исполнения упомянутого высочайшего повеления 29 генваря, в 8 часов утра, я относился к г. г. окружному генералу 4 округа внутренней стражи и казанскому коменданту о наряде конвоя к месту сбора фабричных в том самом количестве и с таким вооружением, как назначено г. военным губернатором (что со стороны их в точности и исполнено).

Сверх сего, пригласив их же, т. е. г. г. окружного генерала 4 округа внутренней стражи и здешних коменданта, равно губернского прокурора и корпуса жандармов полковника Булыгина, присутствовать лично при исполнении мною упомянутого высочайшего повеления и в том мне, при случае надобности, содействовать, я прибыл с ними на фабрику прапорщика Осокина в назначенное время, где собраны были мастеровые оной, и об'явил чрез г. прокурора упомянутую высочайшую прежде волю 51 человеку, из'ясненным в списке под литерою *С*, при предписании вашего высокопревосходительства доставленном, кои следуют в военную службу, в Сибирь на поселение, или на Иркутскую суконную фабрику [10], и тотчас отправил их при военном конвое в пересыльный каземат для представления оттоль в рекрутское присутствие к освидетельствованию и распределению по назначению, куда кто годным окажется.

---

*ЛОЦИА, Военно-историч. архив, аудиториатский департамент, отд. 3, ст. 2, св. 41, 1836 г., д. № 3, лл. 37—41.

Потом немедленно об'явлено упомянутое высочайшее повеление 60 мастеровым, находящимся в должном послушании, 144 поименованным в списке под литерою *А* (коим должно было сделать внушение о повиновении владельцу) и 177 состоящим в списке под литерою *Б* (подлежащих исправительному полицейскому наказанию). По прочтении высочайшего повеления поступки первых (по перекличке всех по именам) были одобрены; вторым сделано внушение о повиновении владельцу, а последним определено было мной дать каждому чрез полицейских нижних служителей по 25 ударов розгами (что тотчас над ними, окруженными воинскою командою с заряженными ружьями, и было приведено в исполнение).

Наконец, приступлено к отобранию подписки от всех фабричных в том, что они ни свободы отыскивать, ни ябеднических жалоб на владельца подавать впредь не будут и останутся в законном послушании владельцу фабрики и тем, к кому от него по наследству или по покупке достанутся. Шестьдесят человек, бывших прежде в должном послушании, и тут показали собою добрый пример прочим и дали требуемую подписку немедленно и добровольно. Некоторые же из поименованных в списке под литерою *А* и *Б*, несмотря ни на какие убеждения, делаемые со стороны моей и присутствующих при том г. г. окружного генерала 4 округа внутренней стражи, коменданта, губернского прокурора и корпуса жандармов полковника Булыгина, долго упорствовали в даче требуемой от них подписки. Таковые упорствовавшие, по распоряжению военного бывшего там начальства, с согласия моего, наказаны еще розгами, а двое и палками, всего 13 человек, и после того согласились дать подписку, и дали. Все сие продолжалось до 2 часов с половиною по полудни.

А на другой день, то-есть 30 генваря, были представлены при мне в казанское рекрутское присутствие исправляющим должность казанского полицеймейстера те из 51 мастеровых, кои 29 числа отделены были от прочих фабричных и отосланы в пересыльный каземат.

Из числа их оказалось годных к военной службе 17 человек, в которую и приняты уже они рекрутским присутствием того ж 30 генваря и отправлены к командиру 1 казанского гарнизонного батальона подполковнику Броневскому для отсылки, согласно назначению г. военного губернатора, в отдаленные от Казани места; 19 человек признаны способными только к фабричной работе, а 4 найдены к оной, по летам и состоянию здоровья, негодными. Сии 23 человека отосланы рекрутским присутствием в губернское правление для препровождения по принадлежности. Один из числа 51 чел., Алексей Семенов Сазанов, не являвшийся вместе с прочими в назначенное место для выслушивания высочайшей воли, находился два дня в бегах, который однако ж на третий день полициею отыскан и по свидетельству, произведенному в рекрутском присутствии 3 числа текущего февраля, признан способным к фабричной работе и отправлен того ж числа в губернское правление для отсылки вместе с прочими на место назначения. Затем 9 человек содержатся в военном каземате, которые состоят под военным судом по высочайшему повелению, из'ясненному в донесении моем вашему высокопревосходительству от 25 минувшего генваря за № 15, а последний, Григорий Дмитриев Аршинов, умер с полгода тому времени назад.

Донося вашему высокопревосходительству о приведении в исполнение высочайшего повеления и представляя при сем именные списки мастеровым фабрики прапорщика Осокина, принятым в военную службу, равно назначенным на Иркутскую суконную фабрику и в Сибирь на поселение из числа 51 человека, значущихся в списке под

литерою *С*, я покорнейше прошу начальственного разрешения, следует ли приводить таковое повеление ныне в исполнение касательно 9 человек фабричных, помещенных в том же списке, кои содержатся в военном каземате по особому делу, или остановиться до получения утверждения мнению моему об них, представленному вашему высокопревосходительству от 25 минувшего генваря за № 15.

Исполнением ныне полученного об них высочайшего повеления я удержался по тому уважению, что они военным судом приговорены к наказанию гораздо тягчайшему, а прикосновенный к тому же делу Петр Данилов Шмелев, как не присужденный к наказанию, отдан в военную службу по силе ныне состоявшегося высочайшего повеления и отправлен уже, вместе с прочими, здешним батальонным командиром в назначенное отдаленное от Казани место. Сверх того, содержатся в военном каземате по военному суду трое мастеровых: Николай Иванов Серебряков, Иван Иванов Шумихин и Иван Андреев Бабин по тому же делу, означенные в списке под литерою *Б*, до получения испрашиваемого мною утверждения о решении участи их, и ныне наказанию розгами не подвергнуты.

При сем обязанностью считаю представить в благосклонное внимание вашего высокопревосходительства деятельность и расторопность, оказанные в исполнении приказаний моих по вышеупомянутому случаю с надлежащею точностью исправляющим должность здешнего полицеймейстера, 1 части приставом, губернским секретарем Алкиным и приставом 4 части X класса Базилевичем, в ведомстве коего состоит фабрика Осокина *.

Доклад генерал-аудиториата, конфирмованный Николаем I, 27 августа 1837 г. **

Генерал-аудиториат, по рассмотрении военно-судного дела об отставных коллежском регистраторе Ливанове [17], канцеляристе из обер-офицерских детей Горбунове [18] и мастеровых Казанской суконной фабрики, состоящей в посессионном владении отставного прапорщика Осокина: Егоре Сметанине, Иване Бабине, Иване Шумихине, Николае Серебрякове, Ефиме Рамзине, Алексее Быстренине, Алексее Чернове, Пантелее Коровине, Михайле Баранове, Егоре Жирнове, Петре Шмелеве, Василии Зубцове и Семене Толокнове,—находит, что все они по высочайшему повелению, 20 августа 1836 г. последовавшему, суждены были военным судом: чиновники Ливанов и Горбунов за переписку мастеровым недельных просьб на высочайшее имя, 12 человек из означенных мастеровых за подписание тех просьб за себя и других, а мастеровой Толокнов за подачу вашему императорскому величеству в 1836 г. просьбы.

По следствию и суду оказалось:

Мастеровые означенной фабрики с давнего времени жаловались правительству на неправильное присвоение их прапорщиком Осокиным, терпимые ими притеснения и на скудость платы за работу. Осокин же приносил жалобы на неповиновение, строптивость и леность их. Все принимаемые меры к прекращению таковых взаимных неудовольствий и к водворению порядка на фабрике не имели успеха. Наконец, в 1834 г. рядовой Нижегородского внутреннего гарнизонного батальона Сапожников, поступивший на службу из фабричных той фабрики, принес вашему императорскому величеству жалобу как

* Подпись отсутствует.

** Конфирмованные доклады по военно-судным делам с 7 октября по 6 ноября 1837 г.

о делаемых Осокиным находящимся на фабрике людям свободного состояния притеснениях, так и о неправильной отдаче его, Сапожникова, в рекруты.

Для произведения исследования по сей жалобе, по высочайшему повелению учреждена была особая комиссия, которая донесла, что жалоба Сапожникова оказалась несправедливою; равным образом не основательны и все прежние жалобы мастеровых на Осокина и на распоряжения местного начальства, как-то: на отдачу в солдаты, ссылку в Сибирь на поселение и другие наказания; что внушения комиссии мастеровым о принадлежности их фабрике и повиновении владельцу оной не имели успеха; что сие неповиновение и строптивость, а также непрерывные жалобы происходят от ложной уверенности в праве на свободу.

Вследствие сего донесения комиссии и представления министра внутренних дел, рядовой Сапожников, по высочайшему повелению, предан военному суду; что ж принадлежит до мастеровых, то по высочайше утвержденному положению комитета министров определено: главных зачинщиков непокорства и строптивости всего 51 человека, удалить с фабрики, отдав в солдаты, а неспособных сослать в Сибирь на поселение; 177, менее виновных, подвергнуть полицейскому исправительному наказанию; прочим внушить, дабы обратились к должному порядку.

В числе означенных мастеровых присуждены были подсудимые по настоящему делу к удалению с фабрики: Сметанин, Рамзин, Быстренин, Алексей Чернов, Коровин, Баранов, Жирнов, Шмелев, Зубцов, Толокнов и прикосновенный к сему делу мастеровой Михайло Чернов; к исправительному наказанию: Шумихин, Серебряков, Бабин и прикосновенный к делу сему мастеровой Ожарин. Из них подсудимый Шмелев отдан в солдаты; из прикосновенных к сему делу Ожарин наказан розгами, а Чернов сослан на Иркутскую суконную фабрику; о прочих же исполнение приостановлено по поводу настоящего дела.

Между тем, как следственная комиссия производила по означенному предмету дело, двое из подсудимых мастеровых, Баранов и Жирнов, из домов своих скрылись и, через некоторое время возвратясь, об'явили, будто бы они пьянствовали, но где действительно находились, не открыто; в последствии же найдены в Горбатовском уезде на мосту на высочайшее имя прошение мастеровых упомянутой фабрики и приговор их о согласии на подачу оного. Из них первое подписали: подсудимые Сметанин, Бабин, Шумихин, Серебряков, Рамзин, Быстренин, Алексей Чернов и Коровин, а за прочих мастеровых, не умеющих грамоте, по личной их просьбе, приложили руку подсудимый мастеровой Баранов, с об'яснением при том доверия по сей просьбе подсудимому Жирнову. Приговор в числе прочих подписали за себя и других подсудимые: Быстренин, Сметанин, Бабин, Баранов и Алексей Чернов.

В означенном прошении из'яснено, что притеснения и жестокости как Осокина, так и управляющего фабрикою Лобачевского простирались до того, что три человека после наказания умерли; что по прихотям Осокина отдано в солдаты около 80 человек и некоторые за его крепостных людей; сослано 39 человек в Сибирь на поселение из самых лучших рабочих людей не за дурное поведение, а действительно за то, что они, зная предков своих, поступивших изстари по доброй воле на фабрику для обучения, не давали Осокину подписки на признание его вечно своим помещиком; многие умирают от мучительной жизни преждевременно, и убыль в мастеровых доказывается тем, что

по 4 ревизии числилось их 1468, а ныне остается с небольшим 800; что 7 человек мастеровых хорошей нравственности полгода содержались в тюремном замке, за недачу казанскому полицеймейстеру подписки о воспоследовании решения сената относительно всегдашней принадлежности их Осокину, за что по настоянию его, решением уголовной палаты, годные отданы в солдаты, а негодные сосланы в Сибирь на поселение; что занимаются работой безвыходно, но Осокин убавил плату за работу и при том делает неправильный вычет, от чего недостает заработанных денег на дневное пропитание; что чиновники, производившие следствие по жалобе рядового Сапожникова, состоящий при военном губернаторе Машкин и подполковник Чеков показываемые ими обстоятельства во уважение не принимали, а статский советник Хомутов, коллежский советник Приклонский и подполковник Булыгин, делая понаровку Осокину, старались их угнетать.

Казанский военный губернатор, найдя, что означенная жалоба содержит в себе одни и те же претензии, которые несколько раз были уже рассматриваемы в министерствах финансов и внутренних дел, а также в правительствующем сенате, и усматривая из сего буйный и возмутительный дух мастеровых, а равно вредное влияние на умы из неблагонамеренных людей, подстрекающих к непокорности сочинением подобных ябед, сделал распоряжение об отыскании сочинителя и переписчика.

Когда уже открыто было, что переписывали на-бело означенное прошение отставной коллежский регистратор Ливанов, а приговор — подсудимый мастеровой Баранов, то во время высочайшего вашего императорского величества пребывания в Казани, 20 августа 1836 г., подано вашему величеству подсудимым мастеровым Толокновым подобного содержания прошение от имени прочих мастеровых; это прошение переписывал на-бело подсудимый отставной канцелярист Горбунов, а подписали оное: за себя подсудимые мастеровые Сметанин, Шмелев, Шумихин, Бабин, Рамзин, Алексей Чернов и за других, не умеющих грамоте, подсудимый же мастеровой Зубцов; сверх сего, при обыске подсудимых мастеровых найдены: у Зубцова означенное прошение, вчерне, рукою Горбунова писанное, и у Шумихина копия с подложного высочайшего повеления казанскому военному губернатору о рассмотрении несогласий между владельцами фабрик и фабричными [19].

Коллежский регистратор Ливанов и канцелярист Горбунов к оправданию своему об'яснили:

Ливанов, что найденное на мосту в Горбатовском уезде на высочайшее имя прошение он переписал на-бело против воли своей, по настоятельному требованию мастеровых Михайла Чернова и двух незнакомых, завлекших его ночью в неизвестный ему дом; кто сочинял то прошение, не знает, а не об'явил о том начальству, страшась мщения мастеровых.

Горбунов,— что поданная вашему императорскому величеству мастеровыми 20 августа просьба и черновая оной, найденная у мастерового Зубцова, списаны были им с черновой, данной ему мастеровым Михайлом Черновым, неизвестно кем сочиненной, что сделал сие по бедности своей за два рубля серебром, Черновым данных, не зная, что просьба была неправильная и что мастеровым запрещено подавать просьбы.

Мастеровой Михайло Чернов означенное показание Ливанова и Горбунова не подтвердил, а мастеровой Зубцов отозвался, что найденное у него черновое прошение дано ему мастеровым Ожариным, но Ожа-

рин, отвергнув сей отзыв Зубцова, сознался в том, что найденная у Шумихина копия с подложного высочайшего повеления получена им наедине от незнакомого ему человека в питейном доме.

Когда дело сие было окончено и представлено начальству, вдова мастерового Наумова подала на высочайшее имя прошение, в коем согласно вышеизложенным жалобам мастеровых, описывая вообще притеснения прапорщика Осокина и изъясняя, что она чрез неправильную отдачу Осокиным двух сыновей ее в военную службу приведена в бедственное положение, просит о возврате одного из них.

По розысканию открылось, что сыновья Наумовой отданы в военную службу за нерадение к работе и порочную жизнь, а прошение Наумовой писано подсудимым канцеляристом Горбуновым.

Генерал-аудиториат, сообразив выше изложенные обстоятельства, находит виновными:

1) Отставного коллежского регистратора Ливанова в переписке набело на высочайшее имя неправильной жалобы от мастеровых Казанской суконной фабрики на владельца оной пропорщика Осокина, которая найдена была на мосту в Горбатовском уезде.

2) Отставного канцеляриста, из обер-офицерских детей, Горбунова в переписывании подобных двух жалоб от мастеровых и вдовы мастерового Наумова, из коих первая подана лично вашему императорскому величеству в высочайшее вашего величества пребывание в Казани.

3) Мастерового Михайла Баранова в собственноручном писании приговора от мастеровых о принесении вашему императорскому величеству жалобы на владельца фабрики и управляющего оною, в подписании того приговора и жалобы, найденной в Горбатовском уезде, за себя и других и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных у него показаний и выписки из дела.

4) Мастерового Егора Жирнова в согласии на принесение вашему величеству вышеозначенной жалобы, в принятии от общества доверия на подачу оной и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных от него показаний и выписки из дела.

5) Мастерового Семена Толокнова в подании лично вашему величеству жалобы мастеровых на владельца фабрики и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных от него показаний и выписки из дела.

6) Мастерового Василья Зубцова в приглашении мастеровых к участию в принесении вашему величеству жалобы на владельца фабрики, в подписании оной за себя и других и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных от него показаний и выписки из дела.

7) Мастерового Ивана Шумихина в согласии на подачу вашему императорскому величеству упомянутых обеих жалоб, в своеручном подписании оных, в хранении у себя копии с подложного высочайшего повеления на имя казанского военного губернатора о рассмотрении несогласий между владельцами фабрик и фабричными и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных от него показаний и выписки из дела.

8) Мастеровых Алексея Чернова, Пантелея Коровина, Ефима Рамзина, Егора Сметанина, Ивана Бабина, Николая Серебрякова и Алексея Быстренина в согласии на принесение вашему величеству жалоб, в своеручном их подписании и в оказании пред судом упорства к подписанию отобранных от них показаний и выписки из дела.

9) Прикосновенного к делу сему мастерового Дементия Ожарина в принятии от неизвестного ему человека копии с вышеозначенного подложного высочайшего повеления казанскому военному губернатору.

По сему генерал-аудиториат полагает:

Коллежского регистратора Ливанова, лишив чина, без лишения личного дворянства, отдать в солдаты, куда годным окажется.

Канцеляриста Горбунова, лишив звания канцеляриста и права, обер-офицерским детям присвоенного, отдать в солдаты, а в случае неспособности к военной службе, сослать в Сибирь на поселение.

Мастерового Михайла Баранова 36 лет наказать шпицрутенами чрез 500 человек 1 раз и потом отдать в солдаты с определением на службу в отдельный Кавказский корпус, а в случае неспособности к военной службе отослать в арестантские роты инженерного ведомства на три года: по окончании же сего срока сослать в Сибирь на поселение.

Мастеровых: Егора Жирнова 49 лет и Семена Толокнова 42 лет наказать розгами, первого 200, а второго 150 лозанами и потом сослать обоих в Сибирь на поселение.

Мастеровых Василия Зубцова 20 лет и Ивана Шумихина 35 лет наказать шпицрутенами, прогнав чрез 500 человек первого 2 раза, а второго 1 раз, и потом отдать обоих в солдаты с определением на службу в отдельный Кавказский корпус, а в случае неспособности к военной службе отослать в арестантские роты инженерного ведомства на 3 года; по окончании же сего срока сослать в Сибирь на поселение.

Мастеровых: Алексея Чернова 34 лет, Пантелея Коровина 45 лет, Ефима Рамзина 26 л., Егора Сметанина 46 л., Ивана Бабина 52 л., Николая Серебрякова 52 л. и Алексея Быстренина 66 лет, наказать розгами, дав первым трем по 100, Сметанину, Бабину и Серебрякову по 50 и Быстренину 25 лозанов, и потом Коровина, Сметанина, Бабина, Серебрякова и Быстренина сослать в Сибирь на поселение, а Чернова и Рамзина отдать в солдаты с определением на службу в отдельный Кавказский корпус, а в случае неспособности к военной службе отослать в арестантские роты инженерного ведомства на 3 года; по окончании же сего срока сослать в Сибирь на поселение.

Прикосновенного к делу сему мастерового Дементия Ожарина 20 лет наказать розгами 200 лозанами и потом отдать в солдаты с определением на службу в отдельный Кавказский корпус, а в случае неспособности к военной службе отослать в арестантские роты инженерного ведомства на 3 года, по окончании же сего срока сослать в Сибирь на поселение.

Заключение сие генерал-аудиториат всеподданнейше повергает на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение.

Генерал от артиллерии Игнатьев 1-й. Генерал-лейтенант Полуектов. Генерал-лейтенант Княжнин. Генерал-лейтенант Берхман. Генерал-аудитор Ноинский. Начальник отделения Рогов.

На докладе подлинная резолюция Николая I: «Быть по сему». Николай.— «Георгиевск. 16 октября 1837 г.».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В феврале 1832 г. трое поверенных рабочих Казанской фабрики, Попов, Чудин и Сметанов, от имени всех остальных рабочих прислали жалобу на высочайшее имя на гнет и жестокости Осокина, а также на неудовлетворение их просьб казанским губернатором. В Казань был командирован чиновник министерства финансов Афросимов, который нашел жалобы рабочих «неосновательными».

2. В 1834 г. во время царского смотра войскам в Нижнем-Новгороде была подана Николаю I жалоба на притеснения Осокиным мастеровых и на неправильную отдачу рабочих в рекруты (см. прим. 15).

3. Долгоруков, В. А., кн. (1803—1868). В 1830—1842 гг.— флигель-ад'ютант; позже генерал-ад'ютант, военный министр (1852—1856) и шеф жандармов (1856—1866).

4. Михляев, И. А. казанский купец, крупный предприниматель. Имел собственную суконную фабрику. В 1727 г. Михляеву в управление был передан казенный шерстяной завод, а через два года, в 1724 г., казенный шерстяной завод (впоследствии Казанская суконная фабрика) перешел в собственность Михляева.

5. Полн. собр. законов, № 6858.

6. Дряблов, А., брат жены Михляева, чебоксарский посадский, затем казанский купец.

7. Осокин, И., казанский купец, бывший отпускной гр. Шереметьева, разбогатевший на золотых приисках. К его сыну Г. И. Осокину фабрика перешла в начале 1800-х годов.

8. В период с 1718 г. по 1860 г. было проведено 10 ревизий. Упоминаемые в документе ревизии происходили: в 1781 — 1787 гг. — четвертая; в 1794—1808 гг. — пятая; в 1811—1812 гг. — шестая; в 1815—1826 гг. — седьмая; в 1833—1835 гг. — восьмая.

9. Лобачевский, А. И. (1794—1870), ад'юнкт технологии Казанского университета. Заведывал, а затем был арендатором Казанской суконной фабрики Осокина в 1820—1830-х годах.

10. Белов, М. М., главный мастер Казанской суконной фабрики 1820-х — 1830-х гг.; отличался жестоким обращением с рабочими.

11. Кочубей, В. П., кн. (1768—1834). Друг Александра I и министр внутр. дел при нем.

12. В 1818 г. от казанских рабочих были посланы тайно поверенные А. Соколов и И. Ефремов для подачи жалобы Александру. Оба они по дороге были арестованы и отправлены обратно в Казань в кандалах. По дороге Ефремов скончался, не вынеся мучений, которым он подвергся с Соколовым, а Соколов был заключен в тюремный замок.

13. Сивухин, Д. В., рабочий Казанской суконной фабрики, подававший неоднократно по доверенности рабочих прошения против телесных наказаний, применяемых на фабрике Осокиным.

14. Клушин, В. А., с 1835 г. полицеймейстер г. Казани («Адрес-календарь за 1832—1837 гг.», ч. 2).

15. Сапожников, П., мастеровой фабрики Осокина. Сдан в рекруты Осокиным. В 1834 г., во время смотра войскам в Нижнем-Новгороде, лично подал Николаю I жалобу на притеснения мастеровых Осокиным. Для расследования дела была назначена особая комиссия, которая жалобу признала «неосновательной». (См. департамент полиции исполнительной, д. № 372, отд. 2, 1834—1858 гг.)

16. Иркутская суконная фабрика (мануфактура) возникла в 1831 г. в районе Иркутска в с. Тельме (отсюда название ее «Тельминская суконная фабрика»).

17. Ливанов, В. Г., «бывший старший свияжский лекарский ученик», из приказно-служительских детей. На службе с августа 1812 г.; уволен за болезнью в сентябре 1830 г.

18. Горбунов, А. А. (род. около 1802 г. в г. Петербурге). В службу вступил учителем Казанской области, после чего находился при производстве дел по канцелярии гражданского губернатора в Казани до 1827 г.; в 1829 г. по прошению уволен.

19. Упоминаемое «подложное высочайшее повеление казанскому военному губернатору» С. С. Стрекалову, «имевшее вредное влияние на непокорных власти мастеровых» (то же дело, л. 8), было обнаружено в копии у рабочего Шумихина, содержавшегося вместе с другими 12 рабочими во время производства следствия по их делу. Из протокола допроса рабочих выяснилось происхождение этого любопытного документа, оказавшегося впервые в руках рабочего той же фабрики Ожарина. «Назад тому около трех недель,— говорится в протоколе от 19 октября 1836 г.,— в бытности его, Ожарина, во время обеда у себя в доме, подошел к нему под окно вышедший из питейного дома неизвестный человек и, узнав, что он, Ожарин, есть мастеровой суконной фабрики, сказал, что нужно ему с ним видеться, и позвал его в питейный дом. Этот неизвестный человек сказал ему, что он имеет у себя бумагу, относящуюся к делу фабричных людей, и дал ему ее для переписки. Он, Ожарин, велел переписать эту бумагу брату, что им и было сделано. После сего подлинную бумагу Ожарин отнес в питейный дом и в сенях оного отдал показанному неизвестному человеку, а с копией на другой день в обеденное время отправился в 4-ю часть градской полиции и там, увидав под навесом мастерового Петра Романова Шмелева, отдал оную ему один на один для прочтения» (л. 30). Передав бумагу для прочтения своим сотоварищам, Шмелев донес о ней властям.

В составлении подложного высочайшего рескрипта подозревался, без каких-либо оснований, тот же А. А. Горбунов, который, якобы, «хотел укрепить свое влияние среди рабочих, дабы они имели доверие к своему сочинителю».

Приводим полностью этот любопытный документ.

«Казанский военный губернатор Степан Степаныч Стрыкалыв, во время пребывания моего в благословенным граде Казани подана ко мне жалоба от состоящих

при казанской суконной г. Осокина фабрики людей, жалующихся на жестокое обращение с ними фабриканта Осокина с из'яснением в оной, что они не есть его крепостные; как видно, он Осокин имеет свою к оным притязательность. Из сей же их жалобы усмотрел я много законопротивных поступков, несообразных с управлением до фабрик вообще относящихся. Почему для прекращения всех междуусобия и раздоров между владельцами фабрик с фабричными, я поручаю к вашему превосходительству войти в подробное рассмотрение всех обстоятельств, относясь как к справедливости владения ими г. Осокин[а], тако ровно и предоставить средства фабричным людям к пред'явлению своего свободного отношения; избрав в сем случаи вас как истинного патреота к нашей службе, я надеюсь, что сие поручение исполнится к совершенному водворению спокойствия наших верноподданных; самое же сопдственное дело, оно по окончанию всех обстоятельствах представить как возможна поспешнея к нашему рассмотрению, засим пребываем к вам благосклонны. На подлинно подписано тако: Никола». (То же дело, л. 340, орфография подлинника.)

Волнения рабочих на Шуйской фабрике купца Носова в 1822—1824 гг.

Полотняная фабрика шуйских купцов Носовых была заведена в 1788 году. Работы на ней вначале производились исключительно вольнонаемными людьми, но в конце XVIII в. владельцу предприятия Григорию Алексеевичу Носову было дано мануфактур-коллегией разрешение на покупку к «оной» крепостных. Указом мануфактур-коллегии определялись количество подлежащих покупке крепостных и порядок их использования: «Тебе, шуйскому 2-й гильдии купцу сыну Носову,— говорится в указе,— по силе высочайшего именного указа, данного правительствующему сенату марта в 16 день 1798 года, следующие по числу пятидесяти станов, кои ты в непрерывном действии при фабрике твоей держать обязуешься, количество мужска пола душ и именно по двенадцати на стан всего шестьсот душ, а женска пола сколько при тех мужска пола душах будет с землею или без земли, где только за удобное найдено будет к означенной твоей полотняной фабрике купить дозволить... По покупке тобою, Носовым, шестьсот или неполного количества душ крестьян были они всегда при полотняной твоей фабрике неотлучно и так, чтоб их, людей, без фабрики ты, Носов, никому не продавал и не закладывал и никакими вымыслами ни за кем не укреплял и к другим заводам и фабрикам, буде оные тобою, Носовым, когда-либо заведены будут, или селениям, по одиночке или семьями не переводить... а притом чтобы назначаемые к покупке на фабрику твою, Носова, крестьяне ни на что иное, как на фабричное дело, к которому они куплены будут, употреблены были; второе, чтоб в распределении купленных тобою, Носовым, людьми при полотняной твоей фабрике работ поступлено было согласно высочайшему манифесту в 5 день апреля 1797 года о разделении вообще крестьянских работ изданному, т. е. чтоб из количества годных в работу половина всегда в работе фабричной находилась...» [1].

В счет разрешенных к покупке шестисот душ в 1802 г. Носовым были куплены у помещицы Чувстовской «состоящих во Владимирской губернии, Шуйского округа в сельце Иванове и деревне Клочковой ревизских мужска пола 164, женска 182 души и с рожденными от них после ревизии обоего пола детьми с их крестьянским всяким имуществом, строением и всякого рода скотом...» [2].

Положение купленных крепостных было чрезвычайно тяжелое. Оторванные от сельского хозяйства, они должны были ходить на непривычную для них работу почти за двадцать верст. Кроме фабричных работ, их незаконно заставляли исполнять и целый ряд других. «...Обрабатывали и обрабатываем,— писали в сентябре месяце 1823 г. уполномоченные от крестьян во Владимирское губернское правление,— на сто девяносто одну душу до ста станов, кроме других по распоряжениям их работ, как-то: кузнечных, красильных, млынарных и прочих, равно домашних касательно запашки и уборки хлеба, рубления леса и дров и доставления их в город Шую расстоянием в один путь на 27 верст...» За все работы платили «самую малую плату». Рабочие влачили жалкое существование.

---

[1] Ивановский обл. ист. арх., и. о., Шуйский уездный суд, д. № 642, л. 248.
[2] Там же, л. 250.

Произвол и эксплоатация владельцами рабочих не имели пределов. Рабочих людей всякими способами били и истязали. О жестокостях и тиранствах Носовых показывал посланному для производства следствия уездному исправнику Иконникову не один десяток пострадавших: Иван Андреев — «в октябре месяце 1821-го года, а которого числа не упомнит, из хозяев Александр Носов бил его, приехавши тогда в деревню, рукою по лицу». Михаил Агеев—«хозяин его Михайло Носов поступил с ним тиранским образом и именно тиранство сие состояло в том, что бил его палкою якобы за то, что нехорошо вытканы были им штуки, а в самом деле не щитал он себя виновным, причину побой его, случившихся назад тому два года, полагает он ту, что известно ему было, как Михайло Носов насиловал девок, бравши их с фабрики к себе в кантору»; Гаврило Филиппов — «из хозяев его Александр Носов весною бил близь красильни на дворе скалкою и сшиб с ног, топтал его ногами за то, что он просился у него домой» и т. д. и т. п.

Как известно, первая половина XIX в. в истории развития текстильной промышленности в России характеризуется бурным ростом хлопчатобумажного производства. Легкие, красивые, дешевые хлопчатобумажные ткани быстро завоевали рынки сбыта. Рост хлопчатобумажной промышленности вызвал тяжелый кризис в области обработки льна, что не могло не отразиться на положении рабочего этой отрасли производства — его эксплоатация усиливалась.

На полотняной фабрике Носовых обычно с 15 июня по 1 сентября работы прекращались, рабочие распускались по своим деревням на сельскохозяйственные работы. В 1823 г. традиционный порядок был нарушен. В начале лета хозяин предприятия распорядился работу производить без перерыва на летний сезон. Это мероприятие ставило рабочих людей в тяжелое положение, так как при недостатке в деревне рабочих рук их сельское хозяйство должно было развалиться, а они лишались добавочных средств существования. Неоднократные переговоры с предпринимателем положительных результатов не дали. В период летних полевых работ большинство рабочих покинуло фабрику самовольно. Так началась забастовка — второй, наиболее интересный период борьбы рабочих, по содержанию отличный от предыдущего. В 1822 г. рабочие добивались передачи их из-под власти купцов Носовых в казенное ведомство.

Анализируя ход борьбы крепостных Носова с их хозяином, необходимо отметить следующие характерные моменты. С самого начала движение подчинилось организационной воле руководителей. Во главе его встали люди сильной воли, смелые, среди которых первое место по праву принадлежит крестьянину Родиону Валуеву. Роль Валуева как организатора и руководителя весьма значительна. Недаром владелец предприятия Александр Носов в многочисленных прошениях, подаваемых в правительственные учреждения, центральным пунктом ставил вопрос о Валуеве, считая, что волнения рабочих происходят «через единственное возмущение злокачественного по своим деяниям крестьянина Родиона Валуева..., которой... тайно и явно внушает крестьянам, имея ж от них [к] себе влияние, восстановляет их, крестьян, против меня...»

О хорошей организованности движения свидетельствуют устраиваемые рабочими собрания для обсуждения вопросов, связанных с борьбой, сбор денег. Наконец, красноречивее всего об этом говорит продолжительность забастовки. Нельзя не отметить выдержки, дисциплинированности рабочих, единодушия в действиях, касающихся общих целей. Показателен в этом отношении следующий факт. Для приведения к повиновению крепостных 20 сентября 1823 г. в деревню Клочково выезжали представитель Шуйского уездного суда, уездный стряпчий и ратман городового магистрата. Ими было намечено арестовать руководителей движения Ивановых и Андреева. Когда об этом стало известно крестьянам, последние «закричали единогласно, что коль скоро из них хотя один взят будет, то пусть и их всех берут куда хотят, да и сами они в город идут к господину гражданскому губернатору».

Рабочие не могли оказаться победителями в неравной борьбе: на стороне Носовых была вся сила самодержавной власти.

Характерно предельно наглое и издевательское решение суда. Показания рабочих и крестьян, привлеченных по делу, давались людьми, которым грозили новые пытки, новые издевательства. Тем не менее мы имеем десятки показаний о «тиранстве», избиениях, насилиях над девушками. И после этого суд постановляет считать эти зверства и насилия не имевшими места, а Валуева об'являет клеветником.

Документы рисуют один из интереснейших эпизодов рабочего движения, они показывают, какой огромной энергией, мужеством и героизмом отличались представители рабочего класса и в начальный период его оформления как класса-революционера, класса, борющегося за свободу всего человечества.

И. Соколов.

Из протокола Шуйского уездного суда Владимирской губернии, 27 марта 1823 г.[1]

1823 года марта 27 дня. По указу его и. в. Шуйский уездный суд, слушав выписку, учиненную из дела и законов производимой о самовольной с фабрики шуйских купца Александра Изосимова и мещанина Михаила Яковлева Носовых отлучке принадлежащего к фабрике их крестьянина Родиона Фомина Валуева. Обстоятельства ж дела того суть следующие: прошлого 1822 года октября 23 дня владимирское губернское правление при указе препроводило в сей суд произведенное владимирскою градскою полициею следствие о вышеписанном крестьянине Валуеве с тем, чтобы сей суд, рассмотря дело и постановя свое мнение, внес на ревизию в палату уголовного суда. Из дела ж видно: 1822 года сентября 9 числа шуйской второй гильдии купец и привилегированной полотняной фабрики содержатель Александр Изосимов Носов во об'яснении владимирской градской полиции написал: в бытность его в губернском городе Владимире уведомили его из города Шуи домашние его, где состоит полотняная их фабрика, что крепостной крестьянин Родион Фомин Валуев, вышед из должного им повиновения, без его позволения и без ведома домашних его, в небытности его, от фабрики отлучился, следовательно, и без всякого законного письменного вида; ныне ж узнал он, что означенной крестьянин Валуев с двоими крестьянами неизвестно зачем находится здесь в городе и квартирует у вольноотпущенного крестьянина Петра Петрова в доме, просил градскую полицию, крестьянина Валуева и находящихся при нем крепостных их двух крестьян на квартире у означенного Петрова взять, и, естли имеются при них какие-либо бумаги, документы или деньги, отобрав, под расписку ему выдать, а их по допросе препроводить куда следует за самовольную отлучку и без законного письменного вида для поступления с ними в том по законам.

На допросах же в той полиции показали: деревни Клочкова Родион Фомин Валуев: принадлежит он шуйскому мещанину Михаилу Яковлеву Носову и достался после умершего родителя его шуйского 2 гильдии купца Якова Григорьева Носова, а ему по разделу с племянником купцом Александром Изосимовым Носовым: проживание ныне имеет в показанной деревне Клочкове; в город Владимир приехал он сентября 8 числа для подачи его сиятельству владимирскому гражданскому губернатору по данной ему от показанного мещанина Носова, бывшего прежде купцом, доверенности и двух мирских приговоров на одном листе и полулисте бумаги простой, писанным от кре-

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 642, лл. 236—266.

стьян Шуйской округи села Дроздова и деревни Клочкова с прочими принадлежащими тому Носову и брату его двоюродному купцу Александру Изосимову Носову прошения о предоставлении принадлежащей ему Носову в городе Шуе состоящей полотняной фабрики и при ней крестьян, из давших приговоры, ему же принадлежащих, числом 181 душ, в том селе Дроздове и деревне Клочкове находящихся, в казну, но оного им еще не подано; пашпорта, выданного из уездного казначейства, он у себя не имеет, а имеет только один билет, данный ему на листе двухрублевого герба от того мещанина Носова в 7 день сентября за его подписом и приложением имянной печати, в присутственном же месте не засвидетельствованы, оной же билет дан ему сроком на четыре месяца.

В дополнение сего об'являет, что принадлежащая брату мещанина Носова купцу Александру Изосимову Носову часть крестьян будет также просить начальство о причислении их к казенному ведомству, потому что он, Александр Носов, поступает с ними тирански, как-то: увидя кого-либо из мастеровых в нетрезвом виде, наказывает сам, из коих Иван Тихонов, Лев Ильин уходили в градскую полицию и проживали у шуйского г. городничего, избегая тех побой; сверх того, живущему при конторе домовой фабрики прикащику Антону Кузьмину назад тому года три или четыре прострелил из ружья руку, у коего в оной и ныне имеются дробины, о чем и явлено от него шуйскому г. городничему; крестьяне, принадлежащие как мещанину Михаиле, так и купцу Александре Носовым, зделавшие приговоры, дали ему на расход денег семьсот рублей государственною ходячею монетою, что и в тех приговорах обозначено. В г. Владимир приехал он с крестьянами Шуйской же округи деревни Горлицина: принадлежащими мещанину Михайле Носову — Митрофаном Ларионовым, купцу Александру Носову — Захаром Козьминым; [они], как надобности здесь никакой не имеют, отлучились единственно только для отвозу его. На фабрике купца Александра Носова не проживал, ему не принадлежит, а проживал на фабрике Зарецкой умершего купца Якова Григорьева Носова и был при конторе прикащиком. Из данных ему крестьянами семисот рублей денег осталось триста рублей, а прочие на разные потребности израсходованы.

Крестьянин Митрофан Ларионов: принадлежит он шуйским купцу Александре Изосимову и мещанину Михайле Яковлеву Носовым; сентября 7 числа показанный Михайло Носов послал его отвезти в город Владимир той же округи деревни Клочкова одновотчинного крестьянина Родиона Фомина Валуева, коему от него дана доверенность и от крестьян села Дроздова и деревни Клочкова с прочими приговоры на подачу, куда следует, прошения о предоставлении принадлежащего ему, Носову, и брату его Александру Носову ж в городе Шуе состоящей полотняной фабрики и при ней крестьян из числа давших приговоры 181 душу, в селе Дроздове и деревне Клочкове находящихся и в общем их Носовых, как он полагает, владении состоящих, в казну, по каковому случаю и приехал во Владимир с ним и крестьянином деревни Горлицина Захаром Кузьминым 8 числа сентября. Узаконенного пашпорта на отлучку и никакого письменного вида не имеет, надобности в городе Владимире проживать никакой нет, а намерен и обязан был, по приказанию Михайла Носова, по привозе крестьянина Валуева возвратиться обратно, оставя его для ходатайства по доверенности, в дом свой квартировать; по приезде остановились в доме крестьянина Петра Петрова у дворника Архипа, по отчеству неизвестно; из повиновения как купца Александра, так и мещанина Михайло Носова не выходит и отлучку он зделал не самовольно, а по

приказанию, как и выше сказано, мещанина Носова. То ж самое показал и крестьянин Захар Козьмин.

По обыску крестьянина Валуева оказалось: денег золотых полуимпериалов 10 с лажем на 210 рублей, государственными ассигнациями 55 руб. с променом на 59 руб. 40 коп., серебром с лажем — 116 руб., а всего 385 рублей 40 коп., более ж сего ничего при нем не найдено. Крестьянин Валуев: что из взятых им от крестьян Шуйской округи деревни Клочкова, села Дроздова, деревень Горлицина, Бакшева, Пестова, Соловцова, Дуткина и Деденки, принадлежащих как мещанину Михайле Яковлеву, так и купцу Александру Носовым 700 руб. израсходовано 314 рублей 60 коп., полагая в то число и оставленные им в своем доме 264 рубли, а куда имянно израсходованы, приложил реестр. В допросе ж своем показал он, что израсходовано тех денег 400 руб. несправедливо не отчего инако, как только по ошибке, происшедшей от забвения, достальные ж деньги 385 руб. 40 коп., хранившиеся при нем, ныне г. полицеймейстером отобраны. Из регистра, что имянно израсходовано, видно: на доверенность — лист 3 руб. 80 коп., на билет — лист 2 руб. 25 коп., за писанье доверенности — 4 руб., дорогою в харчах — 12 руб., дано Михайле Носову 20 руб., оставлено дома 254 руб., а всего 314 руб. 60 коп. В доверенности ж, данной от Михайла Носова, значит:

«Родион Фомин! Имею я за собою полотняную фабрику, состоящую в городе Шуе, и при ней крестьян 181 душу, состоящих Шуйской округи в селе Дроздове и деревне Клочкове, доставшихся мне по наследству после покойного родителя моего шуйского купца Якова Григорьева Носова, а ему по привилегии, выданной предкам его, которую фабрику с вышеописанными крестьянами, по встретившимся со мною обстоятельствам и по молодости лет моих, содержать в настоящем виде не в состоянии и для того, опасаясь, чтоб не пришла оная фабрика в расстройство, имею намерение предоставить ее в казну, на основании изданных на сей случай узаконений, с выдачею мне за оную положенных денег, а как по сему предмету нужно будет подавать в разные присутственные места прошении и протчие бумаги, а я по слабости здоровья своего сам сего зделать не могу, почему и доверяю тебе, куда следует, о том от имени моего [1]... вместо меня рукоприкладством прошение, об'явления и прочие, какие надобно будет бумаги подавать и вообще по делу сему хождение иметь, в чем я тебе верю и что ты по сему учинишь, спорить и прекословить не буду. Шуйский мещанин Михайло Яковлев сын Носов руку приложил. Августа ... дня 1822 года». «Сия доверенность принадлежит крестьянину моему Родиону Фомину Валуеву. 1822 года августа 28 дня». Владимирской губернии в Шуйском уездном суде сие верющее письмо от шуйского мещанина Михайла Яковлева Носова явлено и сказкою об'явлено, что оное от него дано крестьянину его деревни Клочкова Родиону Фомину Валуеву и под оным подписано подлинною его мещанина Носова рукою, которая и в книгу подлинником под номером 54 записано и пред'явителю обратно выдано с росписью. Подписал дворянский заседатель Каблуков. Скрепил секретарь Полянский. Справил подканцелярист Строев». У сей подписи Шуйского уездного суда печать. Билет: «Об'явитель сего Владимирской губернии Шуйской округи деревни Клочкова крестьянин Родион Фомин Валуев отпущен мною, прежде бывшим второй гильдии купцом, а ныне мещанином Михайло Яковлевым Носовым, по случаю доставшегося мне с прочим имением по наследству, данного деду мое-

[1] Слово неразборчиво.

му от мануфактур привилегии крестьянами, сроком от нижеписанного числа впредь на четыре месяца, и для того на заставах господам, команду имеющим, благоволено б было ему, Валуеву, чинить свободной пропуск без задержания. По истечении ж вышеписанного срока нигде ему не жить и никому не держать, а явиться с сим билетом обратно ко мне. В удостоверение чего и подписуюсь. 1822 года генваря 7 дня прежде бывший шуйской второй гильдии купец, а ныне мещанин Михайло Яковлев Носов.» У сего билета приложена имянная его печать.

«1822 года сентября 5 дня деревни Клочкова [и сельца] Иванова, староста Мирон Иванов делал собрание всему миру по сведомости и по получении доверенности, данной Михайлом Яковлевым Носовым крестьянину Родиону Фомину Валуеву, в том, что иметь хождение и какие принадлежат дела и на оные издержки потребуются деньги, в том подписуемся вспомоществовать все крестьяне сказали единогласно. Ко оному приговору, при оном собрании из каждого семейства были по человеку, в чем и подписуемся. [Подписи]. 1822 года сентября в ... день собрано с крестьян денег 511 руб., оные и отданы поверенному Родиону Фомину Валуеву. Оные деньги получил и росписался...»

На допросах учинили... в сем суде со священническим увещанием. Крестьянин Валуев утвердил произведенной ему во владимирской градской полиции допрос, с таковым притом дополнением, чтоб благоволено было опросить всех одной с ним вотчины крестьян, под крестным целованием, о тиранствах, чинимых как Михайлом Носовым, так и братом его Александром, о которых крестьяне могут показать подробно.

8 ноября шуйской мещанин Михайло Носов поданным в сей суд прошением просил, так как он с братом своим Александром учинил зделку, то решился данную крестьянину Валуеву доверенность уничтожить, а дабы он не мог более по оной иметь хождение, благоволено б было, оную уничтожа, по записной книге не числить.

Уездной суд 10 ноября с прописанием значущихся в деле обстоятельств предписал земскому суду указом, обо всем исследуя на месте, суду рапортовать, вследствие чего и отправился земский исправник Иконников, коему под присягою показали: деревни Клочкова староста Мирон Иванов: 1822 года,—в котором месяце и числе по безграмотству не знает,—только помнит то после праздника их, бываемого 29 числа августа, что называют они Иванов день, спустя неделю, делан был сход в их деревне крестьянам по одному человеку с семейства из деревни Клочкова и сельца Иванова, потому единственно, что крестьянин их деревни Родион Фомин Валуев показывал им какую-то доверенность от одного из хозяев мещанина Михайла Носова, якобы о предоставлении им вольности посредством отдачи их в казенное ведомство, уговаривал их в том, чтоб нащет хождения Валуеву по сему делу вспомоществовать во всех издержках, что самое и было исполнено ими; руку приложить к приговору вместо себя просил он их деревни крестьянина Егора Рыбакова и оной приговор точно писан был в той силе, как ему прочтено; собранные тогда же деньги 500 руб. со всех крестьян отданы были на издержки Валуеву; приговор тот писан был Егором Рыбаковым по мирскому согласию и оной утвердили все бывшие на сходе единогласно; от хозяев его как Александра, так и Михаила Носовых не только никакого тиранства не видал, но даже никаких наказаний от них не претерпевал и всегда управлением их оставался и остается довольным. То ж самое показали крестьяне деревни Клочкова: [перечень имен], дополняя из них:

Спиридон Кузьмин — что из хозяев его Александр Носов за ослушание зашиб его несколько раз прутиком, ибо он самовольно отлучился на кулашной бой; Павел Макаров — что слышал он от дочери своей Анисьи, что изнасиловал ее в блудодеянии, когда она была девицей назад тому года два из хозяев его Михайло Носов, ныне ж оная находится в замужестве; Александр Дмитриев — что назад тому третей год хозяин его Михайло Носов зашиб его раз пять деревянным бежаком в конторе за то, что выткана им была нехорошо штука; Алексей Данилов — хозяин его, Александр Носов, назад тому два года наказывал его один раз в конторе за самовольную его с фабрики домой отлучку; Филип Потапов — от хозяев своих как Александры, так и Михайла Носовых тиранства никакого не видал, а служа у них при доме, бил его один раз кулаками из хозяев Михайло Носов, назад тому года два, за то, что он отказался итти на завод их, состоящей за рекою Тезою, по приказанию его с крестьянином их деревни Анисимом Васильевым, который был тогда пьяной, ругался с ним; в прочем показал согласно с старостою Мироном Ивановым; Иван Андреев — в октябре месяце 1821 года, а которого числа не упомнит, из хозяев Александр Носов бил его, приехавши тогда в их деревню, рукою по лицу, находясь в нетрезвом виде, а после того, увидевшись с ним, когда стал говорить ему о побоях, то, извиняясь он ему в том, сказал, что никак того не зделал бы, ежели бы не был хмелен, а потому претензии своей на нем нигде не настаивал; кроме же сего, никакого тиранства как от него, так и от другого хозяина Михайла Носова он никогда не видал, управлением всех оставался и остается довольным; в прочем показал то же самое, что и староста Мирон Иванов; Егор Федоров Рыбаков, утверждая допрос старосты Мирона Иванова, дополнил, что приговор писан им был и вместо не умеющих грамоте бывших на сходе людей за всех руку приложил; Федор Алексеев — на сходе он не был тогда, когда собирались крестьяне их деревни и сельца Иванова в сентябре месяце 1822 года по случаю якобы предоставления им вольности по данной хозяином их Михайлом Носовым доверенности крестьянину Валуеву, а слышал об оном от других, будто дано на исходатайство Валуеву 500 руб., кто писал тогда приговор на сходе и в какой силе был оной, он не знает, тиранств от хозяев своих он никаких не видал, кроме того, что был наказываем за то: не успевал против прочих выработывать штук; Сергей Иванов и Захар Логинов показали то же самое, что и Алексеев с тем различием — Иванов, что от хозяев своих не только никакого тиранства не видал, но даже никаких наказаний от них не претерпевал и управлением их всегда оставался и остается довольным, Логинов — назад тому года три наказывал хозяин его Александр Носов в малолетстве, за шалость ли какую или за что другое, не помнит, а тиранств от хозяев, кроме сего, никаких не видал, претензии своей за наказание на хозяине своем не отыскивал и не отыскивает.

Гордей Иванов и Иван Ефимов также с Алексеевым нашет приговора показали согласно с тем различием — Иванов, что наказываем был хозяином Александром Носовым один раз за то, ушел самовольно с фабрики на кулашной бой и еще за пьянство, тиранства же никакого, кроме сего наказания, от хозяев своих Носовых не происходило, Ефимов — тиранств от хозяев своих Носовых никаких он не видал, кроме того, что получал иногда от Михайла Носова во время гулянья с ним побой, ежели зделает против его какие ослушания; Михаил Агеев показал согласно с старостою Мироном Ивановым с тем различием, что из хозяев его Михайло Носов поступил с ним тиранским образом, и имянно тиранство сие состояло в том, что бил его палкою

якобы за то, что нехорошо вытканы были им штуки, а в самом деле не щитал он себя виновным, причину побой его, случившихся назад тому два года, полагает он ту, что известно ему было, как Михайло Носов насиловал девок, бравши их с фабрики к себе в кантору и в одну ночь имел он блудодеяние с крестьянскими девками их деревни Натальей Иевлевой, сельца Иванова, Онисьей Павловой и Христиной Трофимовой; Тимофей Ефимов нащет приговора показал согласно с крестьянином Алексеевым, тиранства от хозяев своих никакого он не видал, кроме что, назад тому года с полтора, бил хозяин Александр его в канторе палкою и кулаками за то, что принес он тогда к нему вытканную штуку, которая по рассмотрению ее оказалась худо вытканною, и в канторе тогда никого не было, кроме одного хозяина; Михайло Архипов — нащет приговору показал то же с тем различием, что назад тому года три Александр Носов ударил его прутиком за то, что показалось ему штука худо им выткана, и в канторе тогда никого не было, кроме одного хозяина; Федор Корнилов — нащет сходу, которой делан был в сентябре месяце 1822 года о зборе денег о исходатайствовании вольности, отозвался во всем он неизвестностию, тиранств от хозяев своих никаких он не видал, кроме что назад тому два года Михайло Носов зашиб его в канторе прутиком несколько раз за то, что будто выткана была им штука плохо.

Павел Филипов — нащет приговора показал согласно с Федором Алексеевым, о хозяине же Александре Носове об'явил он, что был от него наказываем неоднократно, а за какую вину и в которое время не упомнит, причем прибавил еще к показанию, чтоб непременно написано было сие слово — тиранил; Елисей Ефремов показал с прочими согласно, из хозяев его Михайло Носов назад тому года с два высек его розгами, не знает по какой причине, более ж сего от хозяев своих тиранств никаких не видал; Кирило Иванов — нащет приговору показал согласно с Федором Алексеевым; из хозяев его Александр Носов нынешнею весною, когда приходил он к нему просить к себе домой дочь свою девку Федосью Кирилову для крестьянской работы, зашиб его несколько раз по голове, рукою, а более сего никакого тиранства от хозяев своих не видал; Гаврило Филипов — с крестьянином Федором Алексеевым о зделанном приговоре показал согласно; из хозяев его Александр Носов весною бил его близь красильни на дворе скалкою и сшиб с ног, топтал его ногами за то, что он просился у него домой, и он до означенного времени, когда все пошли по домам, прежде их его не отпустил, причем настаивал, при отобрании сего показания мною, чтоб написано было слово сие: тиранил; Павел Федоров показал во всем согласно с крестьянином Корниловым, тиранств от хозяев своих никогда никаких не видал и наказаний не претерпевал ни малейших, а оставался и остается разпоряжением их довольным: сельца Иванова Ануфрий Сергеев показал согласно с старостою Мироном Ивановым, дополнив, что в прошлом 1821 году из хозяев его Александр Носов за то, что высушил он, Сергеев, нехорошо пряжу, раз десять зашиб его прутиком;

Дементий Никифоров, Афанасий Анофриев, Ефим Мокеев — показали согласно с крестьянином Федором Алексеевым с тем различием — Анофриев, что тиранства от хозяев своих никогда не видал, кроме что, назад тому года три, высечен он был Александром Носовым розгами за то, что выткана была им нехорошо штука; Мокеев — из хозяев его Александр Носов неоднократно наказывал его за то, что иногда нехорошо выточет штуку, а иногда не успеет с прочими выработать ее, а также бил еще один раз за то, что просил у него денег. Федор Степанов — нащет сходу показал согласно с крестьяни-

ном Федором Корниловым, из хозяев его Александром Носовым был наказываем один раз, назад тому года три, розгами за то, что иногда долго точет штуку, а иногда оная ему не покажется и два раза бит был за сие же по щекам, более никакого тиранства от него не видал. Владимир Васильев показал то же, что Степанов, тиранства от хозяев его, а также и наказаний никаких никогда не претерпевал. Михайло Анофриев — из хозяев его Александр Носов один раз драл его за волосы и ударил по щеке, что нехорошо выткана была им штука нынешнею весною, в прочем показал согласно с крестьянином Владимиром Васильевым.

Анисим Васильев, Василей Никифоров, Кирило Прокофьев и Степан Мокеев показали то же, что и крестьянин Владимир Васильев с тем различием: Прокофьев — хозяин его Александр Носов в 1820 году наказывал его три раза за то, что выработываемы были им нехорошо штуки, а иногда случалось, что ударит и по щеке, более ж сего никаких тиранств от него не видал; Мокеев — хозяин его Александр Носов, назад тому года два, зашиб его за то, что не привел с собою цевошников, более же никаких тиранств и наказаний от него не видал. Иван Трофимов — нащет приговору показал во всем согласно с крестьянином Мокеем Ивановым с тем, что, назад тому третий год, как хозяин его Михайло Носов бил его по щекам за то, что он не пускал сестру свою Христину Трофимову к нему Михайлу песни петь, от которой после слышал он, что она в блудодеянии была изнасилована, более ж сего никаких тиранств от хозяев его не видал. Герасим Степанов с Федором Корниловым нащет приговора показал согласно, от хозяев своих никаких тиранств не видал, кроме что 1822 года наказан был Александром Носовым один раз за то, что выработана была им нехорошо штука.

Семен Антонов, Евдоким Павлов, Кондратей Евграфов, Прохор Ермолаев, Спиридон Васильев, Петр Михайлов, Григорий Васильев, Лев Павлов, Степан Якимов, Андреян Миронов и Карп Дементьев показали согласно с крестьянином Павлом Федоровым с тем различием: Антонов, что хозяин его Михайло Носов в прошлом 1821 году зашиб его раз пять по лицу кулаком за то, что выткана была нехорошо штука, Евграфов — года два тому назад наказываем он был два раза хозяином его Александром Носовым за то, что нехорошо вытканы были им штуки, Дементьев — тиранства от хозяев своих никогда никаких не видал и наказаний не претерпевал ни малейших, а оставался и остается им довольным; деревни Горлицина староста Семен Федоров — в последних числах августа месяца или в первых сентября 1822 года, по безграмотству своему не знает, только помнит то, что после праздника Иванова дни, что бывает 29 августа, делан был сход в их деревне крестьянам по одному человеку с семейства из всех селений, принадлежащих хозяевам их, а именно: деревень Горлицина, Соловцова, Пестова, Дуткина, Бакшева и села Дроздова потому единственно, что крестьянин деревни Клочкова Родион Фомин Валуев, показывая им доверенность от мещанина Михайла Носова якобы о предоставлении им вольности, что будто они будут казенные, уговаривал их в том, чтоб нащет хождения Валуеву по сему делу вспомоществовать во всех издержках, в чем и делан был ими приговор, к которому, по прозьбе его, за него руку приложил одной с ним деревни крестьянин Митрофан Ларионов, а также и за всех, в то время на сходе бывших людей, к приговору руку приложил он же Ларионов, приговор точно был в той силе, как ему прочтено, собранные тогда деньги 700 руб. со всех крестьян отданы были на издержки Валуеву, приговор тот писан был Митрофаном Ларионовым по мирскому

согласию и оной утвердили все бывшие на сходе единогласно; ежели бы не приехал к ним Валуев з доверенностию от Михайла Носова о доставлении им вольности, обольщая их в том, то бы никогда они о возмущении и не вздумали, от хозяев его как Александра, так и Михайла Носовых, не только никакого тиранства, но даже никаких наказаний от них никогда не претерпевал, и всегда управлением их оставался и остается довольным; то ж самое показали крестьяне Митрофан Ларионов, Захар Козьмин, Никанор Ларионов, Козьма Яковлев, Степан Яковлев, Петр Васильев, Дмитрий Игнатьев, Иван Константинов, Денис Козьмин и Матвей Нефедов с таковыми дополнениями: — Ларионов, что ездил он во Владимир с Родионом Валуевым с согласия мирского общества без всякого письменного вида; Константинов — что он из хозяев своих Александром Носовым бит был по щекам за то, что просил у него работы; Степан Яковлев — о сходе бывшем в их деревне в августе или сентябре месяце 1822 года по безграмотству своему не знает, за отлучкою его из селения, но слышал, что был оной нащет збору для отдачи поверенному деревни Клочкова Родиону Валуеву, потому что он по доверенности, данной ему из хозяев его мещанином Михайлом Носовым, якобы о исходатайствовании вольности, ездил для того во Владимир, в прочем с старостою показал согласно...

Деревни Клочкова крестьянская девка Настасья Иевлева — находится она на фабрике, состоящей в городе Шуе за рекою Тезою, назад тому года два, когда она находилась на оной фабрике, на которую приехал хозяин ее, прежде бывший купец, а ныне мещанин Михайло Яковлев Носов с неизвестными ей двоими какими-то гостями в пьяном виде, созвав их с фабрики в столярную избу, как мущин, женщин и девок петь песни и после того он, хозяин, выслал всех из оной, а оставя только их пять девок как ее, так и Анисью Павлову, Христину Трофимову, Акулину Андрееву и Алену Федорову, где, взяв ее, хозяин Михайло потащил в красильну, неизвестно зачем, где она закричала караул, но он, зажимая ей рот имевшимся у него в руках платком, и втащил ее во оную красильну, имел с ней насильственное прелюбодеяние, и после того происходило со оставшимися в столярной избе девками и приехавшими гостями то же самое насильственное прелюбодеяние, и когда они уехали, то они на другой день, т. е. во вторник, уехали в деревню и об'явили миру и священнику села Егорья Александру об оном с ними произшествии и так как они были до того времени невинностию; привозил же их гостей на лошади кучер Филип Егоров, и в то время, когда находились они в столярной избе, был крестьянин Марк Никифоров, которые могут тех гостей узнать, они же лично признать не могут.

На допросе же в сем суде со священническим увещанием крестьяне Михаил Агеев, Павел Филипов и Гаврило Филипов утвердили произведенные ими при следствии допросы. Мещанин Михайло Носов,— хотя крепостные его обще с братом двоюродным Александром Носовым — как крестьянские девки деревни Клочкова: Настасья Иевлева. Елена Федорова, Акулина Андреева и сельца Иванова женка Анисья Павлова с Христиною Трофимовою, так и находившиеся при фабрике их крестьяне: Максим Агеев, Павел Макаров, Иван Трофимов, Анисим Васильев и Марк Никифоров в допросах своих показывают на него: первые в насильственном якобы разтлении им их назад тому года два вместе с купецким сыном Андреем Воиновым и коллежским регистратором Александром Петровым, а последние в домогательство об'яснили, из коих как-то крестьянин Агеев показал, что якобы он под видом за нехорошее вытканье бил его за то, что он знал за ним

означенный противузаконный поступок, но с чего ими на него сие показано, он ничего не знает и в таковом на него поступке не только нимало не находит себя виновным, но даже никогда не имел к тому намерения, а потому и бить означенного крестьянина не имел никакой надобности, да и никогда ни за что он от него наказан не был; что же касается до купецкого сына Воинова и г. Петрова, то первый ходил в дом на фабрику в разное время по причине тогда коммерческих дел для покупки им у него товару, последней же по одному с ним знакомству и со стороны как противузаконного ничего не знает, посему и полагает он, что сие показано на него единственно от желания вытти им из владения их и воспользоваться свободою, так как нащет оного, т. е. об отдаче следующей из оных крестьянин его части в казенное ведомство, дана была крепостному их деревни Клочкова крестьянину Родиону Валуеву доверенность, но как она по случаю его с означенным братом миролюбного согласия уничтожена и об уничтожении в Шуйской уездной суд подано от него прошение, то к исполнению желания и вознамерились уже ныне употребить таковое злоумышление в зведенном на него безвинно противузаконного поступка, справедливость же относительно его невинности, а напротиву их в том единственно злоумышленности очень ясно открывает ниже следующее:

1) Означенный его поверенный крестьянин Валуев, будучи допрашиван владимирской градской полиции, первоначально, неизвестно ему почему, вздумал взвести на двоюродного брата его Александра Носова, что якобы он поступает с крестьянами своими тирански, ни касаясь до него ни мало, а в течение такового времяни во все его содержание под присмотром в означенной полиции о вспомоществовании ему и о прочем было писано им к нему довольно писем, из числа таковых для большого удостоверения, естли только потребно будет оному суду, то представить не преминует. Когда же он, Валуев, был прислан для поступления по законам в Шуйский уездной суд, где, узнав, что об уничтожении данной ему доверенности подано им прошение, умыслил уже при допросе уездного суда показать то же самое и на него, из чего видно то ему была причиною одна его Валуева злоба, желание вольности.

2) Показание означенных Иевлевой, Федоровой, Андреевой, Павловой и Трофимовой якобы в насильственном их растлении за силою толкования на 164 воинской артикул никакого вероятия не заслуживает.

3) Также из вышеописанных свидетелей крестьянин Павел Макаров, которой показал, что якобы он от дочери своей слышал, что будто бы имел с нею насильственное прелюбодеяние, но оная его дочь нащет об'явления родителю в показании своем ничего не об'яснила, как только показано ею, что о сем якобы об'явлено было ею как миру, так и священнику, но он, Макаров, сего от себя нимало в допросе своем не показал, а таковое их разноречие не заслуживает никакого вероятия, да притом по силе воинских процессов 2 части 3 главы 11 и 14 пунктов он, Макаров, свидетелем быть не может и не должен.

4) Естьли бы действительно было о насильственном якобы им прелюбодеянии от означенных девок об'явлено миру и священнику, то непременно бы было не отпущено по должности вотчинных начальников соцкого и самого священника об оном донести до сведения начальства и тем самым в то же время открыть его преступление, но как ими сего было не исполнено, то из сего и видно, что они не только себя в таковом ложном извете изобличают, но даже обвиняют са-

мый мир и священника в нарушении состоящего на сей случай государственного узаконения.

5) Совершенная же несправедливость, а единая их в том умышленность, открывается из зделанных ими между собою разноречий, во-первых означенные девки и женщины показали, что якобы он имел насильственное прелюбодеяние в красильне, отводя из столярной избы, а крестьянин Агеев, что он водил в кантору, во-вторых,— некоторые из означенных девок и женщин показали, что в то время привозил на фабрику крепостной их человек Фомин Егоров, а другой Анисим Васильев.

6) А хотя крестьянин Анисим Васильев показывает, что якобы он, будучи тогда у его подле каменной палатки, слышал от девок крик караул, но сим он ни мало не доказывает справедливости, сколько напротив изобличает он самого себя, поелику так как по показанию вышеозначенных крестьянок якобы он для учинения насильственного прелюбодеяния водил из столярной в красильну, то и должен был совершенно он, Васильев, видеть все, что только по показанию их могло произходить, ибо сверх того, что оная красильна отстоит от столярной не более 40 сажен, но и должен был по показанию их вести непременно мимо той каменной палатки и мимо его Васильева, но он об оном ничего не показал.

7) Засим еще к большему удостоверению и открытию относительно взведенного ими безвинно на него противузаконного поступка, а что единственно сие есть только злой умысел отойти от них из повиновения обнаруживают и обвиняют самые оных же девок и женщин допросы, так как они все показали, что в то время, приехав, на заводе собрал сначала мужиков, женщин равно и девок петь песни, а после того выслал всех, оставя якобы только их пятерых девок, потом таскал в красильну для учинения показанного ими поступка, от коего они якобы кричали караул, то нельзя дать и сему ни малейшего вероятия, чтоб никто из бывших в то время рабочих людей не мог чего-либо видеть и слышать, потому что ткатская состоит от столярной не более 10 сажен.

8) А что из оных девка Иевлева и крестьянин Марко Никифоров показали, что якобы они были в то время в пьяном виде, то несправедливость их обнаруживает прочих показания, кои нащет оного ничего не об'явили, а из такового их в допросах несогласия выходит, что вообще всех оных показаний есть одно только действие их вымысла.

9) Все означенные пять девок показали, что якобы приезжал тогда с двоими какими-то неизвестными им гостями, с коими и делал насильственное прелюбодеяние и коих как зовут они не знают и в лицо признать не могут, то из всего заключить должно, что в оном ни малейшей истины не заключается, как одна их клевета, поелику естьли бы они и не знали их действительно, то, по крайней мере, по учинении показанного преступления, должны и могли бы узнать от прочих, так как они сами показали, что прежде пели песни мущины и женщины, кои тогда их и должны были видеть, а притом купецкого сына Воинова почти все их крестьяне знают хорошо; сверх же всего, естлибы действительно имели с ними такое дело, то также нельзя нимало дать веры, чтобы они и не могли нисколько заприметить их как Воинова, так и г. Петрова.

10) В таковой же их умышленности и несправедливости обвиняют еще также в показаниях их разноречия, ибо первая из них Иевлева показала, что первоначально взял из них ее и учинил прелюбодеяние с нею, после чего уже то же происходило и с оставшимися: Павлова

же, что сначала взял ее и отдал приехавшему тогда гостю, а Трофимова и Андреева, что прежде всех вывел означенную Андрееву, а после, взойдя, и Трофимову, ис коих с первой он, а з другой приехавший с ним гость имели прелюбодеяние, утверждая Трофимова, что якобы он с Андреевой в красильне, а с нею бывший гость в сенях той красильни, напротив же Андреева утвердила, что якобы он в сенях той красильни, а означенный гость в самой красильне имели с ним[и] насильственное прелюбодеяние, последняя же Федорова, что первоначально Иевлеву и Павлову, а после, пришед опять, взял ее, но и ее, Федоровой, показание, в коем хотя и ссылается на крестьянина Марка Никифорова, что якобы когда он ее потащил в красильну, то она закричала караул и, вырвавшись из рук, ушла опять в столярную, где означенной крестьянин Никифоров ее спрятал, но он ее, сыскав, опять потащил, за такое сопротивление бил ее, а после, учиня в красильне прелюбодеяние и приведши за ворот в столярную, отдал бывшему с ним гостю, сказав, что как хочешь, прокажься, кой, поваля ее, насильственным образом и учинил то же самое, почему за силою уложения 10 главы 16 статьи дать настоящей веры нисколько не можно тем более.

11) Означенный крестьянин Никифоров в допросе своем нащет всего показанного не только его, но и прочих ничего совершенно и достоверно не показал, как только то, что якобы должны были они все изнасилованы, потому что он видел после их в крайней неопрятности.

12) Но равно и его, Никифорова, таковое показание и заключение его же самого в несправедливости изобличает, ибо он не только должен был непременно, как из допросов его и прочих видно, что все то время находился он в столярной, слышать крик караул, но даже и видеть самое действие того насильственного якобы им с гостями прелюбодеяния, тем более, как показывает Федорова, что он[а] в другой раз изнасилована приехавшим с ним гостем уже в самой столярной, а что якобы он бил его за то, что он спрятал означенную Федорову, то его в том несправедливость также изобличается учиненным между ими разноречием, ибо нащет сего Федорова показала, что якобы он ее самую за сие бил, нимало не показывая о битии за оное ж ее спрятание его, Никифорова; напротив же Никифоров о битии ее ничего не показал, да и естлибы справедливо было показание Федоровой, что когда повел ее он в красильну, то она первоначально вырывалась, почему и не было надобности бежать в ту же столярную и прятаться, а ему, Никифорову, ее прятать, но следовало бы ей уйти в ткатскую или совершенно или по глупости по ее показанию в контору, где находились наши крестьяне, а из сего и видно, что сие есть одна злоумышленная зговорка.

13) Наконец, что касается до того, что таковое их на меня показание есть только одно зговорка и научение их прочими, чтобы чрез то отойти от них из повиновения открывается из допросов означенных девок Андреевой и Федоровой, кои показали, что тогда привозили его с гостями не Филип Егоров, а Онисим Васильев, то из чего они, будучи допрашиваемы каждая порознь, узнали, что прочие показали Филипа Егорова, как не из научения их и между собою зговорки.

Второй Андрей Федоров Воинов,— что будучи он прикащиком шуйского купца Ивана Иванова Посылина имел коммерческую торговлю с означенным мещанином Носовым, в рассуждении коей и ходил он в разные времена тогда как в дом его, так и на фабрику имеющегося у него полотняного товара, что же касается до того, как показано на его, якобы он в зимнее время приезжал с ним, Носовым, и коллежским регистратором Александром Петровым на фабрику его Носова в пья-

ном виде, делал как он, так и они насильственное прелюбодеяние с находившимися на той фабрике крепостными его девками, то с чего сие показано ими на них, не знает, так как он не только оного поступка не учинил, но даже и не имел к тому намерения, равно и вышеозначенными Носовым и Петровым учинения ими такового противузаконного поступка не только оного не видал, но и ничего нащет оного не знает, а полагает, что сие учинено ими на его по какому-либо недовольствию или почему-нибудь другому на хозяина их Носова, так как из допросов заметить можно, ибо они в оных не означали не только месяца и числа, но даже настоящего времени, он же во все почти течение зимнего времени, по их показанию, находился по паспорту от означенного хозяина своего по коммерческим делам в разных российских городах.

Марта 9 числа сего года шуйский купец второй гильдии Александр Зосимов и мещанин Михайло Носовы в поданном прошении прописывает:

1) В сем уездном суде производится дело по извету на них показанному от крепостного их человека Родиона Валуева о чинимых якобы ими тиранствах покупным к той фабрике крестьянам, имеющим жительство в селе Дроздове с деревнями, по которому оным уездным судом предписано было земскому суду, чтобы он обо всем из'явленном от Валуева показании произвел на законном основании должное исследование. Земский суд в согласность такового предписания отбирал от всех крестьян под присягою показания, в коих большая часть показывали, после сами говорили, что они никаких тиранств от них не видали, а остаются управлением их довольными, некоторые ж из них приговаривали, что они, хотя и были от них наказываемы, но всякой за свои погрешности и вины, а за то они никакой претензии на них не имеют, а деревни Клочкова крестьяне — Максим Агеев, Павел Филиппов, Гаврило Филиппов же, может быть, при допросах для расстройства их фабрики и возмущения других крестьян и делали новые доводы к обиде их от своего вымыслу, никаким свидетельством не подтвержденные, однако они в настоящем деле не должны иметь места, потому что за нерадение в работе и нехорошую выработку полотен нередко должны были им от них выговоры, каковая мера наказания не есть деланное ими тиранство, а исправление возложенных по мере каждого должностей потому более, чтобы фабрика их, согласно данному из мануфактур-коллегии открытому указу, время от времени приходила в лучшее и цветущее состояние, потому означенные крестьяне наказываемы телесно от них никогда не были и все сие взведено ими несправедливо и единственно по одному мечтательному ими вымыслу, ложных на них показаний, чрез что самое желая получить себе свободу, каковое обстоятельство уездный суд из произведенного по сему делу следствия сам благоволит усмотреть, что они никакого тиранства не только сим крестьянам, но и никому не чинили; почему ясно заключить можно, что намерения Агеева и Филипповых с крестьянином Валуевым клонятся из видов неповиновения к одному только своевольству на тот единственно конец, чтоб остановить полезные их изделия. К изобличению каковых противузаконных их действий служат доказательством следующие происшествия: с 16 на 17 число ноября прошлого 1822 года крестьянин Гаврило Филиппов, будучи с прочими крестьянами на фабрике за рекою Тезою и занимаясь фабричным мастерством, самовольно с той фабрики без всякого позволения отлучились в свои селения; на спрос же прикащиком их, куда они пошли, ответствовали, что они идут в свои дома, ибо де им суд приказал. О сем от его, Александра, и поданы в здеш-

нюю градскую полицию того ж ноября 18 дня два прошения; но учинено ли по ним какое производство, ему неизвестно.

Сверх сего текущего 1823 года в феврале месяце во время небытности его дома некоторые крестьяне и крестьянки, выйдя из должного прикащика его [повиновения], также самовольно с фабрики ушли в свои домы, о чем в здешней городовой магистрат и об'явления поданы. Таковые поступки тех крестьян не доказывают ли ясно против их своего возмущения и приказаниям их противного законам неповиновения, чрез что самое в вырабатывании изделий имеется на фабрике замедление, а в капитале, в оную вложенном, совершенной убыток и расстройство.

Наконец, за нужное находят об'яснить: 2) как означенное недвижимое имение куплено покойным их дедом с дозволения государственной мануфактур-коллегии к фабрике с таковым обязательством, чтобы оное от той фабрики, ни фабрика без крестьян ни в какое владение не переходила, а естли нужда заставит оное продать, то чтобы таковая продажа поступала совокупно одно с другим, т. е. как фабрика, так и крестьян,— поговоря между собою полюбовно, на основании законов, положили тех крестьян и фабрику оставить в единственном его Александра владении, а ему, Михайлу, получить положенной между ими в домовом раздельном акте количество денег и более ни во что не вступаться, каковой их акт и представлен от них будет на утверждение куда следует, а до сих пор все их имение осталось в единственном его, Александра, владении и распоряжении. Просили: крестьян Валуева, Агеева и Филипповых за вымышленную ими на них клевету и возмущения других рабочих людей к неповиновению им предать на основании указа 29 генваря 1798 года суждению, а дабы производство на фабрике изделий не могло расстроиться к убытку их, то и других крестьян, занимающихся работами, равно и всех прочих, принадлежащих им, живущих в селениях, обязать на месте, через кого следует, подписками с тем, чтоб они находились у них в должном повиновении и послушании...

Уездный суд, рассматривая и соображая оные с производством дела, находит:

1) Что купленные к фабрике Носовых крестьяне, на коих Валуев имел ссылку в чинимых якобы им тиранствах нимало извета его, Валуева, не утвердили, а напротив того 87 человек показали, что они оставались и ныне остаются управлением хозяев своих довольными, 35 человек, хотя и показывали, что они были наказываемы, но каждый за свои погрешности и претензиев своих за то не имеют, почему таковой Валуева извет по силе уложения 2 главы, 17, 10 главы 160 статей и воинских процессов 2 части 1 главы 2 пункта за справедливой принят быть не может, а следует его счесть произведенным из одного только мщения, ибо когда он Александром Носовым остановлен был во Владимире от подачи прошения о взятии его, Валуева, с принадлежащими на часть Михайла Носова крестьянами и фабрикою в казну и представлен был во владимирскую градскую полицию, как отлучившийся самовольно без узаконенного пашпорта, то он в то же время в градской полиции в допросе своем показал, что от него, Александра, делаются крестьянам тиранства, ни говоря ни слова, чтобы то же чинилось и от Михайла Носова, а когда прислан был чрез посредство внутренней стражи в уездной суд, тогда и на него, Михайла, сказал, что и он делает то же.

2) Трое только крестьян, именно: Михайла Агеев, Павел Филиппов и Гаврило Филиппов при произведении и извете Валуева следствия

настоятельно [просили], чтобы в показаниях их помещено было слово «тиранство», но какое имянно производимо было им от своих хозяев и когда имянно, того ничем не доказали, поелику из них Павел Филиппов показывал, что за каковую вину и в которое время был наказываем,— того не упомнит, а Гаврило Филиппов сказал, что он наказан был один раз за то, что просился с фабрики домой прежде времени, почему, естли и подлинно они были от хозяев своих наказаны, то за их вины, то и нельзя отнести к тиранству, почему таковые их показании за справедливые принять не можно, а полагать должно, что и они зделали сие по научению Валуева.

3) Показание девок и женщин в насильственном с ними от хозяина их Михайла Носова блудодеянии и с ними бывших гостей Александра Петрова и Андрея Воинова за справедливое принять также нельзя, потому что от них, по силе толкования на воинской 167 артикул, в свое время жалобы нигде принесено не было; хотя же они и показывают, что об'явлено от них было миру, но из тех мирских людей о таковом им об'явлении в отобранных от них показаниях никто не говорил ни слова,— и потому сей суд мнением заключает: крестьян — Родиона Валуева, Максима Агеева, Павла и Гаврила Филипповых, по силе уложения 2 главы 17 статьи воинского 132 артикула и указов 1762 октября 8 и 1797 годов генваря 29 числа, наказав плетьми первого,— яко главного против своих хозяев возмутителя и прочим крестьянам подавшего к оному повод,— 50 ударами, сослать на поселение, а последних троих каждого по 25 ударов, отдать в военную службу с зачетом вотчине за рекрут, буде окажутся способными; а кто из них будет к службе неспособен, то сослать на поселение без зачету. Деньги же, собранные с миру 354 руб. 48 коп. для хождения по делу, отдать их с роспискою в вотчину крестьян Носовых, а вышеписанных крестьян Максима Агеева, Павла и Гаврила Филипповых, вытребуя чрез земской суд из вотчины, препроводить для содержания в градской тюрьме под стражею впредь до решения палаты уголовного суда...

Уездный судья и кавалер Иконников.

Дворянский заседатель Каблуков.

Прошение А. Носова в уездный суд, июнь 1823 г.[1]

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший. Просит шуйский второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1) К крепостному моему с прочими наследниками, принадлежащему к полотняной фабрике, состоящей в городе Шуе за рекою Тезою Шуйского уезда деревни Клочкова, старосте Мирону Иванову посылал я с нарочным мои письменные приказы истекшего маия: 1) 28 дня, чтоб он освобожденных из-под стражи и Шуйским уездным судом отданных 21 числа оного майя не в вотчину[2]... и на поручительную росписку шуйскому мещанину Игнатию Шилову крепостных моих с прочими наследниками крестьян Родиона Валуева, Максима Агеева, Гаврила и Павла Филипповых с тем, чтобы они до решения дела никуды отлучаемы не были, вместо чего они, крестьяне, явились

[1] Там же, д. № 683, лл. 11—12.

[2] Одно слово неразборчиво.

в вотчину и без позволения моего им, старостою, допущены в домах своих проживать, отправить по установленному порядку в Шуйской земской суд через соцкого, яко самовольно отлучившихся из города Шуи, но им, старостою, сей мой приказ возвращен был моим посланным прикащикам Карпу Бушуеву и Михайлу Балахнину с угрозами и буйством, а в чем сие заключается, о том они, прикащики, могут сами показать.

2) 29 дня с приношением оного первого приказа, как подтверждающего о непременном по оному исполнению, так и о том, чтобы меня уведомил, для чего он, староста, посланному крестьянину Федору Степанову приказал, помимо меня, самовольно с фабрики фабришным отправиться в домы свои, а не чрез меня, яко хозяина.

3) 30 дня подтверждающий об одном и том же Валуева, Агеева и Филипповых отправлении с дополнением, дабы он, староста Иванов, доставил ко мне свое уведомление о нижеследующем: во-первых, спросить крестьянина Федора Степанова, почему он самовольно наперед приказал фабришным с фабрики отправиться в домы, а мне, когда они уже ушли, после только об'явил о сем; получа же от меня приказание, чтобы фабришные оставались до получения мною письменного требования, для чего их не остановил? а он, староста, каких ради причин с ним, Степановым, ко мне не прислал письменно извещения, что фабришные с фабрики в домы свои потребованы сельским заседателем, ибо я сие извещение от него, старосты, получа, и, яко хозяин, мог бы и сам приказать, чтобы они, фабричные, отправились в свои домы, чем соблюден бы был порядок, предотвращающий от своеволия и ослушания, и во-вторых — с сентября месяца прошлого 1822 года по сие время сколько раз и каждой когда имянно он, староста, делал мирских сходов крестьяном и в которой раз сходов для какой надобности оные были, а также сколько имянно он, староста, делал с каждой души или тягла партикулярных денежных зборов и закладок и на какие имянно надобности и сколько из таковых употребил?

4) 13 маия по посланному от меня приказу с дополнением, чтобы доставил ко мне сведения о нижеследующем: во-первых — следователь г. шуйский дворянства предводитель Шимановский в деревне Клочковой у кого имянно на квартире изволил квартировать? во-вторых,— на дачу приговоров: одного прошлого 1822 года в сентябре Валуеву, а другого сего 1823 года в генваре месяце ему, старосте, со крестьянами — Волковым, Саловым и Рыбаковым о хождении за Валуева ко освобождению его деланы ль были мирские сходы и при таковых сходах поскольку в каждой раз заложено с души на расход денег или по добровольной складке сколько кому и кем имянно отдано? и в — третьих — имевшийся при вотчине хлебной магазин, когда имянно, за сколько и кому продан и куда полученные деньги поступили, а продажу таковую он, староста, сделал с чьего позволения? Как же упомянутой староста Мирон Иванов по вышеизложенным приказам исполнения не учинил, а оказывал ослушание, то вынужденным себя нахожу всеподданнейше просить, дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое прошение в Шуйском уездном суде принять и в вышеписанных по моим от старосты Иванова требованиям предметах им не исполняемых, его, суть оказавшегося в явном ослушании, допросить и на допросе благоволено б было отправить его к законному суждению в Шуйской уездный суд, а мне о показании его об'явить для представления моего дальнейших доказательств о противозаконных его деяниях; а между тем подсудимых крестьян: Валуева, Агеева и Филипповых из вотчины, яко следующих быть в городе Шуе безотлучно на расписке до решения дела, но не в домах

своих и отлучившихся самовольно, отправить в Шуйский уездной суд...

Шуйский второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

Письмо старосты д. Клочкова М. Иванова А. Носову, 29 мая 1823 г.[1]

М. г., Александр Зосимович.

Хоша я вчерашнего дня ваш приказ и не принял и росписки в том не дал, в котором изволили писать, чтобы я выслал крестьян: Родиона Валуева, Максима Агеева, Гаврила и Павла Филипповых чрез посредство соцкого, но я ими распоряжать воли не имею, ибо оные крестьяне освобождены уездным судом в домы свои, которые и находятся безотлучно в вотчине нашей. А нащет фабришных, ибо за ними послал сельской заседатель, Василей Никифоров, хоша записки и не дал, но велел доложить милости вашей, чтоб освободили для следствия г. дворянским предводителем. А мы повиноваться вам должны всегда, а фабришные, как скоро следствие кончится, непременно все будут на фабрике.

Староста деревни Клочкова Мирон Иванов. За неумением грамоте по его приказанию крестьянин Егор Федоров руку приложил.

Письмо М. Иванова А. Носову, 31 мая 1823 г.[2]

М. г., Александр Зосимович.

Приказ ваш с выпискою государственных узаконений я, староста Мирон Иванов, получил. Изволите приказывать выслать Родиона Валуева с протчими крестьяны, якобы от оного Валуева происходят многие возмущения, но сие напрасно изволите сомневаться, от его ни я, ни крестьяне возмущения никаковаго не слыхали, а представить я их в земской суд никаковой за ними притчины не знаю. Ежели вам угодно, изволите показать притчину, с чем их представить, а мы просили его сиятельство графа владимирского гражданского губернатора и кавалера, чтоб их освободить из-под стражи внутренней не для того, чтоб проживаться в городе Шуе, а для того, чтобы находиться в домах своих и заниматься полевой своей работой, а что пишите нащет протикулярных[3] сборов, у нас никаковых не имелось, кроме казенных подушен и прогонных денег. Еще пишите нащет сходов, но нам без них никак нельзя для управления в работах промежду самих себя, потому что у нас ныне заведена церковная постройка. Затем остаюсь староста Мирон Иванов, а за неумением ево грамоте по ево приказанию крестьянин Егор Федоров руку приложил.

Показание М. Иванова дворянскому заседателю Шуйского уездного суда Секирину, 8 июня 1823 г.[4]

1823 года июня 8 дня. Шуйского уездного суда дворянскому заседателю г. Секерину Шуйской округи вотчины шуйского купца и фабриканта Александра Носова с прочими с ним наследниками староста деревни Клочкова Мирон Иванов вследствие об'явленного мне поданного в оной суд от него, Носова, прошения сим по сущей справедливости показую, что я в настоящей своей должности нахожусь уже

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 46.
[2] Там же, л. 44.
[3] Так в подлиннике.
[4] Там же, л. 15.

третий год и избран к оной по мирскому вотчины нашей приговору, утвержденному им самим, Носовым. Г. дворянский предводитель Шимановский, производя следствие в деревне нашей, квартировал у вышеупомянутого крестьянина Родиона Валуева, для освобождения коего из-под стражи с общего мирского согласия собрано с каждой души нашей вотчины по пятидесяти копеек, всего сто рублей на разные расходы. Имевшейся при деревне нашей магазин без хлеба продан нашей же деревни крестьянину Филиппу Потапову за сто двадцать пять рублей, кои и употреблены для разных вотчинных наших надобностей и нужд крестьянина Валуева, дабы он не мог притти в совершенное раззорение.

К сему показанию вместо означенного старосты Мирона Иванова, за неумением ево грамоте, по ево личному прошению крестьянин Егор Федоров руку приложил.

Дворянский заседатель Секерин.

Из прошения А. Носова в Шуйский нижний земский суд, июль 1823 г.[1]

1. Желая сменить за многие законопротивные беспорядки и ослушании против меня, яко хозяина, принадлежащего крепостного к полотняной моей с прочими наследниками фабрике, мною управляемой, Шуйского уезда деревни Клочкова старосту крестьянина Мирона Иванова... посланным 8 числа приказом к крестьянам оной деревни Клочкова и сельца Иванова я об'являл, дабы они вместо того избранному мною из среды их в старосты крестьянину Павлу Яковлеву были послушны и находились в его повиновении, но они оказали ослушание от возмутительного внушения отлучившегося из города Шуи... Родиона Валуева..., а как на основании указа 1779 года ноября 22 дня принадлежащие крестьяне к фабрике моей не инако разумеемы быть должны, как собственность моя, которую я по состоянию своему и порядку, в законах предписанному, учреждать имею свободно, то и право от меня есть неотъемлемое в выборе и утверждении из крепостного имения старост, для чего всеподданнейше прошу:

... во-первых, вышеписанных крепостных крестьян деревни Клочкова и сельца Иванова... ко исполнению моих приказаний привесть в послушание и вновь избранному от меня старосте Павлу Яковлеву повиновались бы, в чем их, крестьян, и обязать подпискою; во-вторых, ко удержанию и обузданию дальнейшего ослушания и беспорядка во оных селениях благоволено б было приказать заведывать те селении постороннему сотскому, ибо одновотчинной с упомянутыми ослушными крестьянами соцкой, будучи с ним единомышленником, безнадежен для соблюдения между оными должного порядка... в-четвертых, отныне на дальнейшее время воспретить новоизбранному от меня старосте чинить с крестьян всякие сборы и закладки на партикулярные расходы, а паче без ведома моего, в чем и обязать его подпискою, и в-пятых, отлучившихся из города Шуи крестьян: Валуева, Максима Агеева, Гаврила и Павла Филипповых и в домах своих проживающих, к предотвращению от дальнейших их возмущений прочих крепостных крестьян нащет неповиновения моим приказаниям, выслать оных в г. Шую и воспретить новоизбранному старосте без ведома моего таковых допускать в домах их жительствовать, чем и благоволено б было доставить мне законное удовлетворение...

К сему прошению второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

---

[1] **Там же, лл. 18—19. Официальное обращение в начале документа (см. док. на стр.) здесь опускается.**

Из прошения А. Носова в Шуйский нижний земский суд, 10 июля 1823 г.[1]

1. Шуйскому земскому суду от меня в минувшем июне месяце подано прошение о приведении в послушание мое крепостных Шуйской округи деревни Клочкова и сельца Иванова крестьян, принадлежащих по привилегии к полотняной моей с прочими наследниками фабрике, мною управляемой, и о прочем в том прошении мною из'ясненном, но по сему учинено ли что, мне неизвестно. Как между тем своеволие и беспорядок между теми крестьянами продолжаются... Из упомянутых крестьян из числа годных в работу долженствует быть на фабричном изделье половине, без малого до ста человек обоего пола, но вместо сего от неповиновения мне означенных крестьян бывает на фабричном изделье из них незначительное количество рабочих, да из тех самовольно с фабрики отлучаются, а наконец, ныне самомалейшая часть оных имеется, так что фабрика пришла в сущее запустение и в производстве фабричном остановилась... Для чего всеподданейше прошу, дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое прошение в Шуйском нижнем земском суде принять и, как по прежде поданной моей прозьбе, оказать мне законное удовлетворение, так и по сей поименованных крестьян привесть в послушание, чтобы из числа оных годных в работу половинное количество беспрерывно находилося на фабричном изделье... и обуздать, чтобы из таковых, на изделии находящихся, самовольно с фабрики отнюдь не делали отлучек и тем благоволено б было оказать мне удовлетворение, предначертанное в правах священных законов.

К сему прошению шуйский второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

Из прошения А. Носова в Шуйский нижний земский суд, 30 августа 1823 г.[2]

1. Настоящего августа 28 дня принадлежащий к полотняной фабрике крепостной мой с прочими наследниками Шуйского уезда деревни Клочкова бывшей староста Мирон Иванов явился с извещением, что фабричные крестьяне желают вступить на фабричное изделье; на сие от меня отвествовано, что я его старостою не признаю и действоваться моим распоряжением не могу чрез его потому, что он от меня предан суждению, как о сем Шуйскому земскому суду и видимо из поданных от меня прошений, а к тому ж: во-первых, он, Иванов, сверх собственного своего ослушания и своеволия, допустил до таковых поступков и всех прочих крестьян, о чем также видимо оному суду из моих прошений; во-вторых, он же, Иванов, на приказы мои меня уведомлял, как представляемые при сем за моим скреплением два его ко мне орегиальные донесения доказывают — одно от 29 майя, что он с крестьянами повиноваться мне должен, а другое от 31 того ж маия, что партикулярных зборов у него никаких не имелось, но после сего в июне месяце при следствии г. дворянскому заседателю Секерину он, Иванов, об'явил, что нащет освобождения из-под стражи крестьянина Валуева на расходы был им делан с крестьян денежной сбор, да и за проданной без ведома моего вотчинной хлебной магазейн полученные деньги им равномерно ж употреблены на разные вотчинные потребности; стало быть, оной Иванов сделал ко мне свои донесении ложные, и в-третьих, исключая, что при утверждении ево, Иванова,

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 22.
[2] Там же, лл. 44—45.

о том, что он бутто мне повинуется, а при соображении на самом деле всех его подвигов вместо его повиновения лишь видно одно за другим ослушание и своеволие, до того простертое, что уже и в отношении при требовании со стороны земской полиции от дачи подписки он с фабричными крестьянами отказался, о чем также земскому суду известно; а притом буде он, Иванов, и все прочие фабричные крестьяне мне повинуются, то почему же по приказу моему с 8 числа июня месяца вновь избранного мною на место его, Иванова, из среды их старостою крестьянина Павла Яковлева в сем звании не признают и повиноваться моим через его распоряжениям отказались и не хотят? И я, доколе Шуйской земской суд не благоволит привесть к узаконенному порядку означенных крестьян, яко возмутившихся, в должное мое повиновение и к предотвращению на будущее время от ослушания и своеволия и от всяких беспорядков не обяжет их подпискою, ограждающею им быть в моем послушании и не делать им своеволий, а также повиноваться вновь избранному от меня старосте Яковлеву, то дотудова не могу ими, фабричными крестьянами, распоряжаться; поелику земской суд благоволит иметь в виду своем, что от ослушания и своеволия их, крестьян, фабрика вовсе опустела и без действия находится без малого два месяца, чем причинена мне большая растройка и навлечены немаловажные убытки, и с кого я сии должен отыскивать и получать? О том испрашивается мною разрешение от губернского начальства, потому что если бы в начале их, крестьян, ослушании и своеволии выставленные от меня на вид установленным властям были сокращены, но нетерпимы, то бы и последствий подобных содействоваться не могло, о чем об'ясняя, всеподданнейше прошу, дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое прошение и при нем представленные два донесения бывшего старосты Иванова в Шуйском нижнем земском суде принять и по вышепрописанным обстоятельствам и согласно с прежними моими прошениями бывшего старосту Мирона Иванова предать суждению, а со ослушными фабришными крестьянами за неповиновение ко мне и своеволие, исследовав, кто из них был к сему поводом или чьему они в том последовали внушению, поступить с ними по законам; а между тем их, крестьян, со обязанием подпискою по учрежденному порядку привесть в должное мое повиновение со обузданием их на предбудущее время от своеволий их, ибо без сего и без повиновения вновь избранному старосте от меня Яковлеву, чрез коего должен я распоряжаться, не можно мне признать покорности их, крестьян, в повиновении их, как уже довольно доказавших безнадежность своего поведения, а паче при жительстве в вотчине крестьянина Родиона Валуева, которой втайне и явно, бывая всегда на мирских совещаниях, не оставляет делать им злокачественных своих внушений, то и благоволено б было к разрешению моему об'явить мне резолюцию и тем доставить мне законное удовлетворение.

К сему прошению шуйский второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

Из прошения старосты и крестьян д. Клочкова во владимирское губернское правление, сентябрь 1823 г.[1]

1. Дошли мы во владение к хозяевам, нашим содержателям полотняной фабрики, шуйским купцу Александру и мещанину Михайле Носовым слишком уже 20 лет от предков их по наследственной ли-

[1] Там же, лл. 2—3.

нии, в течение коего времени обрабатывали и обрабатываем на 191 душу до ста станов, кроме других по распоряжениям их работ, как-то: кузнечных, красильных, млынарных и протчих, равно домашних, касательно запашки и уборки хлеба, рубления леса и дров и доставления их в город Шую расстоянием в один путь на 27 верст, получая при родителях, их за первые умеренную, ныне же самую малую плату, из коей теперь удержали по счетам и ерлыкам их 1600 рублей, получая между тем с нас оброку в год тысячу рублей.

2. По всегдашнему обыкновению, т. е. с начального управления нами родители их, и даже при них самих, с 15 числа июня и по 1 сентября отпускались фабричные в домы свои для обработывания полей, так как в домах остаются старые и малые. По прошествии срока всегда являлись на фабрики и исправляли каждой свою работу. Ныне же купец Александр Носов, мстя за принесенную нами правительству жалобу о притеснениях и жестокостях, ими крястянам производимых, не хотел было дать позволения на отлучку по вышеиз'ясненному обыкновению, хотя и многократно мы приходили о сем ево просить, представляя на вид, что мы чрез то должны [лишиться] годового пропитания, ибо для уробки хлеба одно бывает время, о чем просили также шуйского г. городничего, но однакож по долгом упорстве дал некоторым позволение, а протчие затем решились зделать то же. По явке же всех их по прошествии срока на фабрики требовали от владельца каждой себе работы, но он, в том отказав им, сказал только, что об них известно правительству и что для них у него работы нет, почему теперь сказанные фабричные наши крестьяня, не занимаясь никакими работами, проживают в домах своих праздно, чрез что могут дойти до совершенной нищеты, ибо каждодневно, ожидая приказанья владельца, никак не могут ни отлучиться куда, ни наняться в какой-либо работе, не получая, между тем, и заработанные удержанных ими денег. А потому всеподданнейши просим и дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие наше прошение владимирским губернским правлением принять и владельцам Носовым, чрез кого следует, приказать дать фабричным нашим крестьянам должную и безостановочную работу с платежем за оную денег для содержания домов своих и семейств, а удержанные ими по счетам и ерлыкам 1600 рублей с них взыскать и оными нас удовлетворить.

К сему прошению вместо вышеписанных крестьян за неумением их грамоте и писать по личному прошению ковровской мещанин Иван Петров Воронов руку приложил.

Из прошения старосты и крестьян д. Клочкова в Шуйский нижний земский суд, сентябрь 1823 г.[1]

1. Сего 1823 года августа 31 дня приходили мы с прочими одновотчинными с нами крестьянами ж к хозяину своему Александру Зосимову Носову для произведения в находящейся у него полотняной фабрике следующей нам работы, которой неизвестно почему, не принимая нас в оную работать, сказал тогда, что мы ему уже не нужны, о чем самом в то же самое время и было нами об'явлено словесно шуйскому г. городничему, чрез каковое ево, хозяина нашего, непринятие и, опасаясь мы, дабы безвинно не подпасть нам под каковую-либо ответственность, а также и не могло б быть нам сочтено за какое-либо ослушание, решились сего сентября 21 дня итти к нему, хозяину нашему, опять для испрошения у него при фабрике его

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 59.

работы, которой и ныне, неизвестно ж почему, для работы брать не соглашается, о чем, об'являя Шуйскому земскому суду, всеподданнейше просим, дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие наше явочное прошение в Шуйском земском суде принять и оное, где следует, впредь для ведома записать.

К сему явочному прошению вместо вышеписанных, за неумением грамоте, по их личному прошению, шуйской инвалидной команды барабанщик Василий Воскресенский руку приложил.

Об'яснение А. Носова, данное шуйской городской полиции, 20 ноября 1823 г.[1]

Выслушав присланное из Шуйского земского суда во оную полицию сообщение с приложением при указе владимирского губернского правления прошения, поданного от принадлежащих мне с прочими наследниками к полотняной фабрике крепостных Шуйской округи деревни Клочкова старосты Мирона Иванова и крестьян — Архипа Рыбакова и Мокея Иванова, об'яснить честь имею на содержание означенной прозьбы во всех частях, а имянно:

1. «Дошли мы во владение к хозяевам нашим, содержателям полотняной фабрики, слишком уже 20 лет». Но они, крестьяне, по привилегии куплены ис помещичьего владения самобеднейшими, а теперь находятся в хорошем состоянии, что могу доказать самым делом.

2. «Обрабатывали и обрабатываем на 191 душу до ста станов, кроме других по распоряжениям их работ — кузнечных, красильных, млынарних и прочих, равно домашних, касательно запашки и уборки хлеба, рубления леса и дров и доставления их в город Шую расстоянием в один путь на 27 верст». Но они, крестьяне, больше того станов, что в законе определено не обработывают; кузнечная, красильная и млынарная входят в состав фабричного изделья, без чего фабрике существовать нельзя; следовательно, и выражения их, крестьян, на сей щот более не составляют ничего другого, как лишь одно распространенное пустословие, а о домашних работах, в чем сии заключались и кем из крестьян были отправляемы и с чего, о том из следствия, произведенного Шуйским г. дворянским предводителем Шимановским его сиятельство г. владимирский гражданский губернатор, изволив усмотреть, благоволил предложить Шуйскому городовому магистрату, в котором о сем предмете и производится дело.

3. «Получая при родителях их за первые умеренную, ныне же самую малую плату, из коей теперь удержали по щетам и ерлыкам их 1 600 рублей, получая между тем с нас оброку в год тысячу рублей». Но за работу фабричного изделья им, крестьянам, хотя они по силе имянного высочайшего указа 1798 года марта 16 дня 4 пункта и обязаны отправлять оную безденежно, было платимо из единого добродушия, а не по праву долга, наравне с вольнонаемными бездоимочно, что ж содействовался платеж прежде больше, а ныне меньше,— от известного всем большого понижения цен по коммерции на товары, а сообразно с тем происходит уже и самая всеместная наемка рабочих слишком за уменьшительные цены, то и обидою считать того нельзя, что зависит по обстоятельствам существующих цен от настоящего времени, а не от произволения человека; следовательно, в таковом последствии, в котором была и есть добрая воля хозяина платить и не платить крепостным за изделье, напрасно они, крестьяне, нащитывают упомянутую не следующую недоимку; получали ль мои

[1] Там же, лл. 4—9.

покойные предки с тех крестьян какой денежной оброк, мне о том неизвестно; стало быть, за смертью моих предков их, крестьян, показание есть тщетное и не у места, тем более, что оное означает затейливость, что буде мои предки получали с них, крестьян, оброк, то почему же они в жизни их, где следует, о содействии им не оглашали, а вздумали претензовать не малое время, я думаю, на тот конец, что покойники неправду их, крестьян, изобличить не могут...

4. «По всегдашнему обыкновению, т. е. с начального управления нами родители их, и даже при них самих с 15 числа июня и по 1 сентября отпускались фабричные в домы свои для обработывания полей». Но из них, крестьян, на фабричном изделье больше того количества, какое предузаконено указом 1798 года марта 16 дня не работывало; следовательно, исключая старых и малолетних, оставаясь в домах своих такая ж половина, какая находится и на фабрике или еще и более годных работников, могли бы управить в летнее время свои полевые работы; но как предок мой, а после их и я, имея попечение больше о благосостоянии их, крестьян, нежели о собственных выгодах, из снисхождения и к улучшению их состояния каждогодно в летнюю пущую пору на два с половиною месяца всех до единого крестьянина отпускали с фабрики в домы на свои полевые работы;

5. «Ныне ж купец, Александр Носов, мстя за принесенную нами правительству жалобу о притеснениях и жестокостях, ими крестьянам производимых, не хотел дать позволения на отлучку по вышеписанному обыкновению, хотя и многократно мы приходили о сем его просить». Но когда они, крестьяня, по покупке из помещичьего владения при владении моих предков и моем ими доведены из бедных в лутшее состояние, и будучи я не во обязанности по праву вышеозначенного указа 1798 года марта 16 дня платить им деньги за изделье их на фабрике, а в летнее отпускать всех до единого с фабрики на собственные их работы, но за первое им платил наравне с вольнонаемными, а в последнем случае их удовлетворял в чаянии пользоваться от них за то признательною чувствительностью, в которой употреблялось добро, произтекли плоды не только ко мне неблагодарные, а еще противу меня и лживые; отчего ж? Через единственное возмущение злокачественного по своим деяниям крестьянина Родиона Валуева, бывшего под стражею и из-под оной выпущенного со отдачею его на постороннюю расписку из города Шуи неотлучную до решения дела, но вместо сего живущего уже в вотчине, которой, пользуясь сим удобством, тайно и явно внушает крестьянам, имея ж от них себе влияние восстановляет их, крестьян, противу меня...

6. «По явке же всех их по прошествии срока на фабрику требовали от владельца каждой себе работу». Но как, хотя из них, крестьян, часть, а не все и являлись ко мне и требовали от меня, чтобы я их допустил на фабрику работать, однако ж я в том удовлетворить их, крестьян, не мог, а по каким именно притчинам, о том его сиятельству г. владимирскому гражданскому губернатору, земскому суду и по поручению его сиятельства Владимирской уголовной палаты г. советнику Гаврилову известно из поданных до ныне от меня прошений и об'яснения, поелику, со времяни возмущения их, крестьян, Валуевым почти в течение слишком года от них, крестьян, последовали разновремянно многие беспорядки, нарушавшие тишину и спокойствие..., а наконец уже явно оказали своеволие и отложились от повиновения мне до такой степени, что в нарушение указов 1762 октября 8 и 1797 годов генваря 29 чисел вновь избранного мною из среды их старостой крестьянина Павла Яковлева в сем звании не признают и от послушания его отреклись, то доколе они, крестьяня, не

будут обязаны подпискою в повиновении мне и о неделании ими своеволия, а новоизбранного старосту не признают, я, их крестьян, как испытанных в неблагонадежности их поведения без ограждения тем себя в настоящем и грядущих временах, не могут допустить до изделья на фабрику, а наипаче в таком случае, когда они уже не вняли и самым внушениям земского суда, но сделали и противу суда сего ослушание...

К сему об'яснению шуйской второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

Из показания крестьян д. Клочкова шуйскому земскому исправнику Иконникову, 6 сентября 1823 г.[1]

1823 года сентября 6 дня шуйским земским исправником Иконниковым при ратмане шуйского городового магистрата Михайле Денисове и при нижеписанных разных вотчин и селений сторонних людях прочитаны были крестьянам шуйского 2-й гильдии купца Александра Носова, живущим Шуйской округи в деревне Клочкове: 1) предписание его сиятельства г. владимирского гражданского губернатора и кавалера о приведении их в должное к хозяину своему повиновение и исполнение законных его требований, присланное от 15 августа 1823 г. № 5865 и 2) к убеждению нащет удержания их от своевольств и других обстоятельств указы 1797 генваря 29, 1798 марта 16, 1736 генваря 7 и 1762 гг. октября 8 числ.

По выслушании вышеписанного, означенные ниже по имянам деревни Клочкова крестьяня об'явили, что они от должного повиновения своему хозяину никак не отказываются и в чем следует исполнять обязуются его приказании. Что же касается до вновь избранного хозяином их в старосты крестьянина Павла Яковлева, то сни его не утверждают, а желают, чтоб был старостой Мирон Иванов, который прежде был избран, потому что сей последней, по заключению их. достойнее к занятию сей должности первого.

При отобрании сего показания находились деревни Клочкова неумеющие грамоте: староста Мирон Иванов, крестьяне (следует перечисление присутствовавших), которые все притом еще, об'явя, просят, чтоб благоволено было удовлетворить, кого следует, за работу по прежним щетным книгам, кому что причитаться будет. На работу же к хозяину своему они идут беспрекословно. Некоторые же из них крестьяня 31 августа сего года и приходили уже на фабрику Носова для работы, но он их отослал назад.

Исправник Иконников.

Из журнала присутствия Шуйского нижнего земского суда, 20 сентября 1832 г.[2]

1823 года сентября 20 дня Шуйский земский суд обще с правящим должность уездного стряпчего при ратмане городового магистрата, прибыв в деревню Клочково, принадлежащую купцу Носову, и составя свое присутствие, приказали — об оном записать в журнал и учинить следующее: собрав понятых сторонних людей и приглася чрез ведение священника погоста архангела Михаила, об'явить всем купца Носова крестьянам деревни Клочкова и сельца Иванова предписание, полученное в сей суд от г. владимирского гражданского гу-

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 50.
[2] Там же, л. 57.

бернатора и кавалера нащет бытия оных крестьян в полном послушании своего владельца Носова и что они на оное скажут отобрать письменное от них показание, в случае ж и за сим ослушания, об'явить им на сей предмет узаконения и о том учинить особое рассуждение.

Сего ж числа в присудствии Шуйского земского суда при священнике погоста архангела Михаила, показанных сторонних людях, крестьянам, принадлежащим купцу Носову, первоначально прочитано было полученное в сей суд от г. владимирского гражданского губернатора и кавалера предписание от 13 сентября за № 6735 о приведении в послушание оных крестьян купцу Носову. По выслушании коего: первые трое крестьян деревни Клочкова Иван Андреев, Сергей Иванов и сельца Иванова Мокей Иванов с озартом закричали, что они никакого ослушания хозяину своему не делают, итти к хозяину своему готовы, избранного им старосту Ивана Яковлева не принимают и ему не повинуются, а как у них есть из среды их ими избранной Мирон Иванов, коего и теперь оставляют. Смотря на коих крестьян, и прочие все единогласно подтвердили то же самое. Причем читаемы были все те законы, кои и прежде об'явлены им г. исправником, но они остались непреклонны. Приказали: об оном записать в журнал; избранного старосту купцом Носовым утвердить, не взирая на крестьян, а Мирона Иванова оставить рядовым, о чем им при всех крестьянах и об'явить с подписками: первому, чтоб он распоряжал крестьянами и был над ними старшиною, а последнему, дабы не имел права входить ни в какие распоряжении, крестьян же Ивановых и Андреева взять под присмотр впредь до разрешения г. гражданского губернатора, коему о сем и представить.

По силе сего, когда прочитана была вторая статья журнала, то все те крестьяня закричали единогласно, что коль скоро из них хотя один взят будет, то пусть и их всех берут, куда хотят, да и сами они в город идут к г. гражданскому губернатору, что слыша, Павел Яковлев и Мирон Иванов никакой подписи не дали и не дают. Приказали: и о сем записать в журнал для совокупного соображения, чем самым и присутствие закрыть, дабы и более не распространить ропоту и о всем том в рапорте к г. гражданскому губернатору включить на его благорассмотрение и впредь до его разрешения, не брав никого, оставить крестьян при домах своих.

В должности исправника дворянский заседатель Секерин. За стряпчего уездного суда секретатрь Полянский, Ратман Петр Вахрин. Скрепил секретарь Яковлев.

Предписание А. Носова соцкому Е. Рыбакову, 2 октября 1823 г.[1]

Сего числа приходили ко мне из оного имения бывшей староста Мирон Иванов с некоторыми крестьянами и просили меня допустить их на фабричное изделье, но я вопросил их, что признают ли они в звании старостою мною избранного кресьянина Павла Яковлева? Отвечали — нет. А как по праву закона сменить и избрать старосту зависит единственно от меня, но не от прихоти крестьян, то и отвечал я им, чтобы они сделали мирской сход и, посоветовавшись между собою, приговором своим признали оного мною избранного старосту, а тем доказали бы, что готовы мне повиноваться; кто ж из них, крестьян, на сие будет не согласен, то тех бы они означили в своем приговоре да во оном приговоре единогласно и о том об'яснили, чтоб

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 69.

впредь из послушания моего им, крестьянам, не выходить, а быть в точном моем законном повиновении и своевольства никакого из них никому не делать; зделав же сей приговор, оной представили ко мне с тем, что я, получа от них таковой приговор и будучи тем обеспечен в их ко мне должном повиновении, тотчас их, крестьян, допущу до изделья на фабрике, а без сего никак на допущение к такому согласиться не могу, как людей, возмущению и неповиновению преданных и опытом во многих случаях то не только предо мною, но уже и пред земскою полициею доказавших и не внемлющих напутствованию истинны, на законах основанной, а остающихся при своей буйной закоснелости возмущения. Следовательно, когда убеждение законного внушения над ними не подействовало, то могу ль я крестьян допустить, без ограждения себя, к фабричному изделью! В таком случае к тебе, соцкому, отнесясь испрашиваю от тебя, чтобы ты о вышеписанном мною всем к фабрике принадлежащим крестьянам с подпискою об'явил. Посланному же с сим в приеме прошу дать росписку. А с сим вместе о посланном от меня к тебе уведомлении Шуйскому земскому суду мною прошением об'явлено.

Фабрикант Александр Носов.

Из отношения владимирского гражданского губернатора гр. Апраксина советнику палаты уголовного суда Гаврилову, 17 декабря 1823 г.[1]

Из представленного вами следствия, произведенного Шуйским земским судом, и соображения, вступивших во время производства оного и после: жалоб от шуйского купца Александра Носова на неповиновение купленных предком его крестьян к полотняной фабрике, равно и от крестьян на недопущение их Носовым к работам — усматриваю я, что крестьяне, хотя не отрекаются от повиновения, но с тем вместе первый опыт требования от них согласия на принятие старосты, избранного купцом Носовым, оказался безуспешным; они как земскому суду, так и вам об'явили, что желают иметь прежнего старосту Мирона Иванова, а назначенного хозяином фабрики не принимают; подобно сему и купец Носов не соглашается оставить в звании старосты Мирона Иванова потому уважительно, что в бытность его возникло со стороны крестьян непослушание, уход с работ фабричных без ведома его и прочие беспорядки, и под сим предлогом не допускает их к работам, жалуясь, между тем, на оставление оных. Для отвращения вредных последствий от такового неустройства и предупреждения дальнейших беспорядков, влекущих за собою собственное раззорение крестьян и расстройку фабрики, поручено вам отправиться в город Шую и сделать следующее:

1) Внушить приличным образом крестьянам деревни Клочкова и сельца Иванова, что они, как купленные к фабрике по привилегии, обязаны повиноваться хозяину оной, несмотря на дело, производимое особо о жестоких якобы владельцов фабрике поступках, которое в свое время имеет получить окончание на основании законов.

2) Поелику из жалоб крестьян и произведенных следствий видно, что в прежнее управление получали они за работы свои деньги, чего и ныне требуют, напротив, Носов не соглашается давать оных, то об'явить им, что указом 1798 года марта 16 дня и данною деду Носова привилегиею предписано работать на фабрике половине годных в работу крестьян без всякой платы, что ежели Носов платил им

[1] Там же, лл. 90–91.

прежде или впредь захочет платить, то сие зависит собственно от его произвола и от усердия крестьян к работам.

3) Для водворения спокойствия стараться согласить как Носова, так и крестьян, чтобы первый допустил их к работам, а последние упражнялись в них, не утруждая правительство вхождением в хозяйственное распоряжение; но естли сие окажется невозможным, то, приняв в основание указы 1798 марта 16 и 1797 годов апреля 5 числ, узнать чрез местное изыскание количество годных в работу обоего пола и половину оных, назначив определенно, заставить работать на фабрике без всякой платы, причем обязать всех начальников семейств подпискою, что если будут ослушны, уйдут без ведома хозяина с фабрики и остановят действие оной, то сами будут причиною навлечения на себя строгих мер, какие правительство принужденным найдет употребить.

4) Назначение годных к фабричным работам, требующим предварительного навыка и приобучения, зделать от 12 лет до 55.

5) Ежели в оставлении прежнего старосты Носов не согласится, а крестьяне будут упорствовать, то дабы не подать повода одному к жалобам, коими он беспрестанно обременяет правительство, а другим к своевольству, имеете назначить старосту по собственному усмотрению и обязать его подпискою, чтобы не допускал крестьян до ослушания, отправляя на работу надлежащее их количество в свое время и безостановочно; естли же обличится во ослушание сам, то первый подтвергается строгому суждению.

6) Носова обязать подпискою, чтобы в распоряжении фабричными крестьянами не преступал границ, предписанных указом 1798 года марта 16 и докладом министра внутренних дел 1803 года июня 19 дня, отнюдь не употребляя их на собственные домашние услуги, кроме работ фабричных...

8) Купец Носов во всех жалобах своих поставляет причиною неповиновения внушение крестьянина Родиона Валуева, то естли вы найдете при местных действиях ваших, что жалобы сии имеют справедливое основание, в таком случае можете удалить его из вотчины под присмотр градской полиции на время, вам нужное; в прочем имеете обязать его подпискою, чтобы не осмеливался делать вредных внушений крестьянам под страхом строгого суждениях, как нарушителя тишины и спокойствия...

Владимирский гражданский губернатор граф Апраксин.

Отношение советника Владимирской палаты уголовного суда Гаврилова в Шуйский нижний земский суд, 15 января 1824 г.[1]

1824 года генваря 15 дня. Прибывшие на место Шуйской округи в деревню Клочково вследствие предписания г. владимирского губернатора его сиятельства графа Петра Ивановича Апраксина советником Владимирского суда Гавриловым по несоглашению крестьян деревни Клочкова и сельца Иванова оставить в звании старосты избранного владельцом фабрики купцом Носовым крестьянина Павла Яковлева назначен в сию должность крестьянин деревни Клочкова Петр Федоров и бывшой староста Мирон Иванов от оной должности удален, о чем всем крестьянам об'явлено. Действие сие производил советник палаты уголовного суда Гаврилов. При сем был Шуйского земского суда дворянский заседатель Куткин.

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 119.

Подписка крестьян д. Клочкова советнику Владимирской палаты уголовного суда Гаврилову, 15 января 1824 г.[1]

1824 года генваря 15 дня. Мы нижеподписавшиеся присланному от его сиятельства г. гражданского губернатора графа Петра Ивановича Апраксина чиновнику советнику Владимирской палаты уголовного суда Гаврилу сею подпискою обязуемся владельцу фабрики, к коей мы куплены, шуйскому 2 гильдии купцу Александру Носову, во всех законных требованиях повиноваться, с фабрики без ведома его с работ не уходить, так же и избранному вами старосте крестьянину Петру Федорову быть послушными и надлежащее количество людей в фабричную работу из своего семейства, т. е. половину годных обоего пола, без платы, как сие предписано указом 1798 года марта 16 дня и данною предку хозяина Носова привилегию, отправлять будем безостановочно под опасением положенного в законах наказания за ослушание.

К сей подписке крестьянин Павел Яковлев руку приложил...

Из подписок, данных крестьянами д. Клочкова и сельца Иванова советнику Владимирской палаты уголовного суда Гаврилову, 16 января 1824 г.[2]

1824 года генваря 16 дня. Бывший староста Мирон Иванов Волков при прочтении ему подписки, заготовленной вследствие предписания его сиятельства г. гражданского губернатора, об'явил, что он отпустить на работу сына своего согласен, но жену свою и жену сына не согласен, потому что у них малолетних детей трое. Дочь же отпустить не могу по опасению нехороших поступков хозяев с девками, о чем показано в первых следствиях.

К сему показанию вместо означенного крестьянина Мирона Иванова Волкова по безграмотству его и личной прозьбы священник Николай Лаврентьев руку приложил.

Гаврила Евграфов об'явил, что он одинок и живет с матерью солдаткою. Работать согласен, если хозяин будет содержать его и платить деньги и казенные повинности или если на половину года, т. е. на летнее время, хозяин его отпустит, то обязуется работать другую половину без платы.

Гаврила Евграфов.

Иван Григорьев, что он из двоих сынов своих отпустить в работы согласен обоих, только с тем, чтобы владелец содержал их, ибо ему самому содержать ни одного из них нечем, потому что он до возникшего дела между владельцами фабрики и крестьянами жил в доме своих хозяев и хлебопашества не имел.

Иван Григорьев.

Захар Логинов, что в семействе своем, состоящем из семи человек, он один работник; сестра его Анна крива, сестра двоюродная Марья находится в Шуе у хозяев Носовых и мать его и тетка стары; трое ж малолетних детей отца его, родившихся после увечья, требуют надзора, почему отпустить на работу не может никого, кроме жены своей и то месяца на два во время зимы. Сам же отлучиться на работы не может, потому что некому кормить семейства.

Захар Логинов.

---

[1] Там же, л. 123.
[2] Там же, лл. 124—134.

Марк Никифоров, что он по одиночеству своему работать без платы половины года не может, ибо некому будет его кормить и содержать, а соглашается работать на хозяина во время зимы месяца два.

Марк Никифоров.

Кирилл Иванов, что он годных в фабричные работы двух дочерей девок в работы не отпускает, потому что одна из них была изнасилована, о чем показано в бывших следствиях, а другую опасается отпустить по опасению того же.

Кирило Иванов.

Родион Валуев, что из годных в работу мущин он находится в семействе своем один, но на работы фабричные явиться не может по причине производящего дела, по которому владелец фабрики, купец Александр Носов, имеет собственные на него неудовольствии. Жену свою отпустить не могу, потому что некому управлять домом и смотреть за престарелою матерью. Дочь свою отпускаю месяцов на восемь в году, а в четыре, когда наступит рабочая пора, надлежит ей быть дома для уборки хлеба.

К сему показанию крестьянин Родивон Валуев.

Иван Трофимов — одинокой, обязуюсь работать на об'явленном положении зимним временем два месяца.

Иван Трофимов.

Отношение советника Владимирской палаты уголовного суда Гаврилова в шуйскую городскую полицию, 19 января 1824 г.[1]

Благоволи, полиция, содержать впредь до уведомления моего, под строгим присмотром посылаемого при сем крестьянина деревни Клочкова Родиона Валуева, не допуская его ни до каких переговоров с крестьянами своего селения и сельца Иванова[2].

Из прошения уполномоченных от крестьян д. Клочкова и сельца Иванова владимирскому гражданскому губернатору, январь 1824 г.[3]

Не безизвестно вашему сиятельству о производившемся ныне во Владимирской палате уголовного суда делу по двум следствиям, учиненным бывшим Шуйским земским исправником Иконниковым и г. уездным дворянским предводителем Виктором Васильевичем Шимановским, о жестоких обращениях хозяев наших с крестьянами, по коему делу, вследствие предложения вашего сиятельства, Владимирской палаты уголовного суда г. советник Петр Иванович Гаврилов, прибывши к нам на место, требовал по ревижским скаскам половинного количества из годных людей, коих нашел, кроме стариков и недостигших еще 12-летнего возраста, слишком 100 человек, в работу к хозяевам Носовым без платежа на содержание их денег, а как из показанного числа людей, в коем и женский пол, большое количество одиноких и обязанных семействами, как-то: 1) целое семейство состоит только из мужа и жены; 2) из мужа, жены и малолетных детей 3-х или 4-х человек; 3) из двух братьев, престарелого отца одного, жены и также малолетних детей и протчих тому подобных, которые, отпустя половинное количество, т. е. мужа или жену на фабрику к хозяе-

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 139.
[2] Документ подписи не имеет.
[3] Там же, лл. 158—159.

вам Носовым, отстоящую от места жительства нашего в 18 верстах, должны содержать как тех, так и других, но сего ни одному из них никак нет возможности сделать, ибо как жена не может обрабатывать землю, да и оной очень недостаточно, равно и протчих угодей, в особенности лесных совсем нет, так и муж воспитывать малолетних детей без матерьнего призрения, быв навсегда с нею разлученными, между же тем тот или другой отвлекаем каждонедельно на целые сутки для доставления пищи на фабрику, исполняя ж таковое требование целые семейства, не имея ни пищи, ни одежды, должны скитаться по миру, что и может последовать примерным и едва ли когда еще бывшим где-либо разорениям, а потому мы и просили его высокоблагородие, чтобы он приказал взять на фабрику об'явленных нами людей, как-то, например: от двух братьев одного в год, от трех также одного в год, а другого в полгода и тому подобных, одиноких же и обязанных семействами малых детей — по одному на сколько-либо месяцов по возможности их. Всех же их, нами об'явленных, приведя месяцы в число года, кроме полевых работ, на которые они должны быть отпущены, составляет сорок один с половиною человек, то и сие немало послужит нам бедностию: где бы отпустить на фабрику жену или дочь, но должен отправиться сам по случаю делаемых Носовыми насильств, растлений и протчих жестокостей. А как означенные владельцы Носовы за прежние наши работы не отдают по щетам и ерлыкам 1 600 руб., не принимая по прежнему на фабрику для работы с сентября месяца, о чем и поданным к вашему сиятельству прошением мы просили, то и о сем также г. Гаврилову было об'явлено с тем, что теперь не могут отпустить на фабрику людей по случаю неотдачи Носовыми денег, ибо каждой из нас как от сего, равно и от того, что пять месяцев, не быв взяты на фабрику и не имея позволения заниматься посторонними работами, находясь в празности, пришел в худое положение и не имеет теперь ни пищи, ни одежды, с чем бы мог отправиться для работы. Почему всенижайше просим ваше сиятельство соблаговолите сие наше прошение принять, а об'явленных нами г. советнику Гаврилову людей приказать хозяевам Носовым взять для работы и удовлетворить удержанными деньгами 1 600 руб., между ж тем для содержания их и чтоб с тем можно было отпустить на фабрику, позволить оставшимся в домах, у коих хотя недели, дни или часы, может быть, останутся когда свободными, заниматься посторонними работами кто где свойственную себе может приискать. А как теперь семейство крестьянина Валуева, содержащегося неизвестно за что по отношению г. Гаврилова под стражею и в оковах, находится без попечения, то предписать, кому следует, его освободить. Ваше сиятельство, не оставьте нам изнуряемым оказать защиту и покровительство.

К сему прошению вместо вышеписанных просителей Мирона Волкова, Мокея Салова и Архипа Рыбакова за неумением их грамоте по их прошению деревни Клочкова крестьянин Никита Петров руку приложил.

Из прошения А. Носова в Шуйский нижний земский суд, 16 апреля 1824 г.[1]

Шуйскому земскому суду известно, что купленные предком моим более 20 лет к полотняной фабрике Шуйской округи, деревни Клочкова и сельца Иванова крепостные крестьяня, быв возмущены из среды их крестьянином Родионом Валуевым, теперь находящимся под

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 683, л. 179

стражею, оказали своеволие и многие разнородные беспорядки, нарушающие общественное спокойствие и тишину, ослушание против меня и оного земского суда, а наконец вовсе отложились от повиновения моего и от работы на фабрике, к которой они по привилегии принадлежат... будучи обязаны работать свое изделье на моей только фабрике; но для того от обязанности своей отложились, что во множестве от посторонних фабрикантов из платы к себе в домы набрали бумагу и пряжу ткать и тем занимаются, а от сего самого и к выполнению обязанности своей не обращаются... и из оных же крестьян многие нанялись в разных сторонах и у разных людей в работники и пастухи...

О чем об'являя, всеподданнейше прошу, дабы высочайшим вашего и. в. указом повелено было сие мое прошение в Шуйском земском суде принять и по вышеиспрописанным указным резонам... 2) во означенных селениях у крестьян учинить обыск и изыскание о набранном от посторонних фабрикантов изделье и, оное от них отобрав, сколько у кого окажется, учинить нащет оного постановление, а с фабрикантами, отдавшими им, крестьянам, на выработку, изделье, поступить по законам с воспрещением им впредь без ведома и согласия моего отдавать тем крестьянам на выработку свое изделье и 3) об отлучившихся из поимянованных селений крестьянах обоего пола в работники и пастухи исследовать и кто они окажутся, возвратя таковых, предать суждению, а впредь в неотлучке их из своих селений старосту со крестьянами обязать подпискою...

Второй гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов сын Носов руку приложил.

Из рапорта Шуйского нижнего земского суда в общее присутствие уездного суда и городового магистрата, ноябрь 1824 г.[1]

Владимирское губернское правление от 30 числа июля за № 29315 указом сему суду предписало к приведению в полное повиновение к шуйскому купцу Носову крестьян его деревни Клочкова и сельца Иванова принять строгие и деятельнейшие меры, употребя в сем случае благоразумные распоряжения, и если к прекращению оного нужно будет, то к главным зачинщикам такового неповиновения поставить соразмерную экзекуцию. Во исполнение сего указа земский суд к убеждению крестьян означенных деревни Клочкова и сельца Иванова быть у хозяина своего купца Носова в полном повиновении, хотя и принял все законные к тому меры, но все они единогласно от дачи купцу Носову половинного числа рабочих людей на фабрику отказались и с тем, буде купец Носов допустит до производства работ на фабрику с платою за оные денег, тогда и они выставят людей согласно того количества, что найдется к работе способных, и от повиновения совсем отказались. По каковым обстоятельствам, согласно предписанию его сиятельства г. владимирского гражданского губернатора и кавалера, в вышеписанных селениях военная экзекуция, состоящая из одного шуйской инвалидной команды прапорщика Иевлева, двух унтер-офицеров и 20 человек рядовых и была поставлена, а 10 числа ноября оной Иевлев сему суду рапортом донес, что он нашел тех крестьян занимающихся во многом количестве в своих домах на разных людей тканьем миткалей, каковой их работе и сделан был присудствием суда при ратмане шуйского городового магистрата... осмотр в домах и по осмотру найдено у некоторых крестьян заработанных на станах несколько клубьев и вытканных штук....

Дворянский заседатель Кащеев.

[1] Ивановский обл. ист. архив, и. о., Шуйский уездный суд, д. № 697, л. 1.

Список крестьян д. Клочкова и сельца Иванова, производивших на дому работы на посторонних владельцев, ноябрь 1824 г.[1].

Имена и прозванья	На сколько у кого станов работает	Имена и прозванья	На сколько у кого станов работает
В деревне Клочкове		В сельце Иванове	
У Василья Иванова	5	У Степана Алексеева	4
» Федора Иевлева	3	» Василья Алексеева	2
» Ивана Андреева	1	» Мокея Иванова	3
» Дмитрея Леонтиева	3	» Анофрия Сергеева	2
» Филиппа Алексеева	2	» Прокофия Осипова	1
» Архипа Ефимова	2	» Александра Дмитриева	1
» Лариона Федорова	1	» Сидора Сергеева	2
» Родиона Фомина	2	» Ефрема Сергеева	1
» Степана Данилова	1	» Максима Кузьмина	1
» Харитона Емельянова	1	» Евграфа Иванова	2
		» Федора Родионова	2
Итого	21	» Алексея Михайлова	1
		» Ивана Ефимова	1
		» Семена Антонова	2
		» Василея Федорова	1
		» Ивана Трофимова	2
		Итого в сельце Иванове	28

Итого в двух деревнях 49 станов.

Прапорщик Иевлев.

Об'явление А. Носова в Шуйский нижний земский суд, 8 декабря 1824 г.[2]

В оном земском суде имеется дело о нахождении в бунтующем положении крепостных, к фабрике моей принадлежащих, крестьянах Шуйского уезда деревни Клочкова и сельца Иванова. Последние принятые сим судом к сокращению тех бунтующих крестьян законные меры столько на них подействовали, что они, крестьяня, из заблуждения своего обратились в покорность мою и к исполнению своей законной обязанности. Из оных крестьян на означенной предмет повиновения дали мне свои подписки, а имянно: чрез шуйскую градскую полицию сельца Иванова Иван Ефимов, деревни Клочкова — Ларион Федоров, Федор Федоров, в Шуйском уездном суде из числа осужденных (о коих дела имеются на ревизии во владимирской уголовной палате) деревни Клочкова — Максим Аггеев, Гаврило Филиппов, Павел Филиппов и Сергей Иванов; затем же прочие бывшие в возмущении крестьяня чрез избранного от меня старосту Павла Яковлева уведомили меня, что они доныне, явясь в Шуйский земской суд, и от себя оному суду на повиновение ко мне и на отправление своей законной обязанности дали подписки, но кто они имянно и в каком содержания дали те подписки, мне неизвестно. Итак, теперь из числа неповинующихся крестьян остались при бунтующей своей

[1] Там же, д. № 697.
[2] Там же, д. № 697, лл. 10—11.

мысли только: во-первых, бежавшей из-под стражи шуйской градской поляции деревни Клочкова Родион Валуев, которой, как мне известно, подговоря сельца Иванова крестьянина Антона Кузьмина Курочкина, с ним отправился в Санкт-Петербург для произведения клеветного ходатайства и прозьб. Следовательно, они суть главные возмутители и поддержатели крестьян в бунтующем положении, на каковой конец и вели со оными крестьянами свою переписку, но за всем тем, увидев сказанные крестьяня несправедливое свое заблуждение, из мрака сего обратились в признательное раскаяние, и во-вторых, отложившиеся и осужденные Шуйским уездным судом деревни Клочкова бывшей староста Мирон Иванов, Иван Андреев и сельца Иванова Мокей Иванов, которые дабы не служили примером держанию собратии своей в бунтующем положении, от оного земского суда отосланы в Шуйской уездной суд, а сим преданы тюремному заключению. Стало быть, у них отняты способы к законопротивному их подвигу в сношении со обратившимися в покорность крестьянами. Сообразив вышеписанное событие, я не нахожу нужным в поимянованных селениях — деревне Клочкове и сельце Иванове — у крестьян далее иметь военную экзекуцию, доселе пребывающую. Почему, об'явив Шуйскому земскому суду о вышепоимянованных обстоятельствах, покорнейше прошу оной суд: 1) военную экзекуцию от сказанных крестьян снять и обратить оную к ее команде, поелику в ней надобности более не предвидится; 2) отобранное от крестьян тканье возвратить им для доработки, но дателей им при нахождении в бунтующем крестьян положении без ведома и согласия моего предать законному суждению на основании указов 1723 декабря 23 дня пункта 12 и 1736 годов генваря 7 числ, пунктов 5 и 6; 3) с данных оному суду от пришедших крестьян в покорность подписок для ведома моего дать мне за скрепою судейскою копии; и 4) к предостережению от поколебания пришедших в повиновенье крестьян обязать всех оных крестьян, чрез кого следует, особою подпискою, дабы они не имели никакого сношения с главными возмутителями Валуевым и Курочкиным, находящимися в Санкт-Петербурге, и естли кто из них от тех Валуева и Курочкина получат какие письма, то бы получившие представили в оной земской суд, а о всем вышеизложенном благоволено б было донесть, куда следует.

К подлинному об'явлению шуйской 2 гильдии купец и фабрикант Александр Зосимов Носов руку приложил.

Земельные отношения в дореволюционном Дагестане

Дагестан, представляющий собой обширный край с весьма выгодным положением на торговых путях запада с востоком, за время своего исторического существования неоднократно втягивался в борьбу с сильными соседями.

Узловой центр путей между передней Азией и прикавказской низменностью — Дербент — на протяжении многих веков переходил от одного завоевателя к другому.

Здесь сталкивались силы армян, персов, арабов. В XIV—XVI вв. дагестанские правители — шамхалы и ханы со своими родичами — беками признавали верховную власть то Персии, то турецкого султана. Но эта зависимость не изменяла внутреннего уклада жизни страны. Издавна ханы предоставили членам своих семей — бекам — управление отдельными районами и право получать доходы с подчиненных деревень [1].

Типичные черты восточных деспотий — нищета и полная бесправность земледельцев, расточительность и роскошь правящих верхов — в течение сотен лет оставались нетронутыми в дагестанских ханствах. Верховная власть принадлежала шамхалу и ханам, живущим за счет зависимого населения, делившегося на полных рабов и крепостных. Рабов доставляла ханам работорговля, которой в Дагестане занимались, главным образом, кази-кумухские шамхалы и беки. Кроме военнопленных, превращаемых в рабов, на рынок работорговли попадало и крестьянское население — так еще в 1839 году дербентский комендант в своем рапорте отмечает:

«Управляющие беки деревнями, кои им даны за заслуги их или предков, разделяя семейства, из них мужеского и женского пола людей продают и даже часто дарят другим, в другие деревни и города» [2].

---

[1] По сообщению Магомет-Рафия (к. XVI в.) для населения Дагестана кормление шамхала и его наследников, помимо податей, предоставляемых бекам, выражалось в следующем: «за позволение пасти скот на горах от общества Тебелель каждые четыре года по одному барану с дыма; от общества Карах — по 500 в год; от Кесрух, по 300 баранов и для Крым-шамхала (наследника шамхала) по 400, от другой горы в Кесрухе же по 1000 баранов, а для Крым-шамхала по 30 быков; от общества Джамалал — 500 баранов; от округа Шиндиб — 20 быков; от деревни Арчуб (в Кази-Кумухе) — 130, а для Крым-шамхала 30 баранов; от округа Хунзаха по 700 баранов, 700 кейль хлеба и 60 кейль меду; от округа Андиб по одному быку и 7 войлоков; города Годар и Гаркас каждый вносил половину дани, взимаемой с Хунзахского округа; Томели давали с каждого семейства по одному барану и по одному кейлю хлеба; от города Кюстек по одной рыбе с семейства; от Мичикича, собственного удела шамхала, по одному барану с семейства; от города Тарки по два саа сарочинского пшена; от деревни Губден — 100 баранов; от жителей Кайтага — 170 буйволов; от деревни Акуша и Усуша по 100; от Зудакар по 50 быков; от Суоги с каждого семейства по одной драхме; от деревень Джумджукат и Какуба по шести ослов, навьюченных маслом; от деревни Зерех-Геран (Кубачи) по 30 ружей; от горы Сумбата по 50 баранов; от деревни Иогани, с каждого семейства по кейлю хлеба; от горы Зонтаб по 80 баранов; от общества Бактулал по 30 быков и 30 барашков; от гор Захура и Кулади (уделы шамхала), по 70 баранов; от общества Русур и Мукруг по 70 баранов; от Куралал Кюринского владения) по 100 лошадей и по 100 кобыл». Сб. сведений о кавказских горцах (вып. I, изд. 1868 г., стр. 54.

[2] ГАФКЭ, ф. Воронцова-Дашкова, Дело сословно-поземельной комиссии.

Зависимый класс населения состоял из 4 категорий: 1) кулы и караваши, т. е. рабы и рабыни, находящиеся в непосредственном распоряжении бекского двора; 2) чагары — рабы, отпущенные на поселение на бекских землях и ведущие отдельное свое крестьянское хозяйство; 3) раяты — крестьяне, живущие на бекских землях, платящие за право пользования землей повинности и лишенные права перехода из одного селения в другое; 4) уздени — так называемое свободное крестьянское население, живущее на землях, принадлежащих бекам, с правом наследственного пользования этими землями, но обязанное за это платить подати и нести трудовые повинности.

Уздени не были прикреплены к земле и пользовались правом свободного переселения.

По присоединении в 1864 г. дагестанских ханств к Российской империи царское правительство, осуществляя свою систему колонизаторской политики, стремилось сохранить неприкосновенными издавна установившиеся в дагестанских ханствах экономические отношения.

В грамотах и трактатах ханам и бекам давались заверения сохранить прежние формы внутреннего управления в присоединяемых провинциях и оставить незыблемыми прежние права высших классов. Эти обещания царизма облегчали ему колонизацию Дагестана и на этих условиях ханы содействовали царизму в покорении независимых ханств.

Установленные ханами феодальные формы эксплоатации крестьян были признаны и утверждены русским царизмом. Порядок землепользования во всех районах Дагестана был почти одинаков. В наиболее тяжелых формах крепостническая эксплоатация крестьянского населения проявлялась в южных районах Прикаспийской части Дагестана (Кайтаго-Табасаранский, Кюринский, Самурский) и в Темир-хан-шуринском, Кази-кумухском и Аварском районах Северного Дагестана. В таком же положении находилось население бывшего Елисуйского султанства в восточной части Закатальского округа. Население этих районов было обязано отбывать трудовые повинности и вносить в пользу беков разные подати натурой и деньгами, за что получало право пользования определенным земельным наделом в бекских владениях. Леса, кустарники, выгонные и пастбищные места, а также вода ирригационных канав, не вошедшие в земельный надел и не представляющие собой сервитута, оставались в полном распоряжении бека-владельца. За пользование ими полагалась особая плата. Основным показателем, определяющим размеры трудовых повинностей и податей, являлась не величина участка земли или урожая, а рабочая сила. Крестьяне западной части Закатальского округа находились в так называемой кешкельной зависимости, заключающейся в уплате кешкелевладельцу (владельцу участка земли) ежегодно определенного количества сельскохозяйственных продуктов.

На «иждивении» крестьянского населения находились еще и мутаалэмы — учащиеся при мечети, собиравшие в каждый четверг седак — подаяние и топливо, и муллы, получавшие за толкование шариата и даваемые советы плату натурой — определенное количество сушеной баранины и зерна. О жадности мулл хорошо говорит дагестанская поговорка — «Сытый мулла хуже голодного волка».

После упразднения в автономных владениях Дагестана ханского управления царизм свою политику направлял на укрепление и поддержку земельной аристократии. Замена царским правительством управленческой власти ханов и беков административной властью царских чиновников компенсировалась пожалованием местной аристократии новых землевладений с подтверждением их привилегий. Таким образом, ханы и беки внутри страны и при царизме чувствовали себя хозяевами положения. Крестьяне же попрежнему находились в полном распоряжении ханов и беков.

Военные экспедиции царских генералов разорили народное хозяйство Дагестана. Ханы и беки для восстановления своих хозяйств прибегали к еще более жестокой эксплоатации крестьянского населения и без того разоренного военными экспедициями. Крестьяне имели в своем пользовании ничтожные наделы земли. Сред-

ством для увеличения площади удобной земли служило предоставление им права корчевать и удобрять новые участки из-под леса, колючки, местами из-под камыша. Мюльки — так назывались эти завоеванные в борьбе с природой участки земли — составляли как бы частную собственность крестьянина, перепродавать которую раяты могли только своим односельчанам.

Доход, получаемый от трудовых повинностей и податей, вносимых от раятских земель, был значительно выгоднее для беков, чем труд кулей и каравашей, за который они все же должны были платить, хотя бы скудными продуктами питания. Поэтому в 1868 году дагестанские ханы и беки пошли на «освобождение» рабов и провели это освобождение с большой для себя выгодой. Некоторые рабы об'являлись свободными после отработки установленного срока, некоторые за единовременную сумму выкупа, многие безвозмездно. «Освобождение» рабов на деле выразилось в новом их закрепощении. Вольноотпущенные кулы и караваши были вынуждены, отыскав себе клочок земли, превратить его в мюльк и за пользование своего мюлька платить подати и нести трудовые повинности.

Царское правительство отводило громадное количество десятин земли под колонизаторское переселенчество. Часть земель была роздана царским чиновникам, не малое количество земель было присвоено в пользу царской казны. Награждались (иногда в размере до 4 000 десятин земли) и ханы, оказавшие царизму услуги при захвате Дагестана.

Источником перераспределения земельного фонда были, преимущественно, земли, конфискованные у «неблагонадежных» землевладельцев, и владения непокорных ханских фамилий, лишенных политических прав.

В результате осуществления царизмом своей колонизаторской политики в Дагестане образовалось большое количество безземельных крестьян, а размеры участков крестьянского землепользования были доведены до 0,09 десятины на душу.

Безземельные или имеющие крайне недостаточное количество земли крестьяне-раяты приобретали право пользования землей или промыслами в пределах бекского селения полным подчинением землевладельцу. Лучшие посевные угодья или фруктовые сады крестьян постепенно прирезались к бекским полям. Оставшиеся у крестьян наделы земель разделялись на меньшие участки, а за пользование ими подати и повинности увеличивались. Так называемые свободные крестьяне-уздени, хотя формально не были прикреплены к земле или бекским селениям, фактически состояли наравне с раятами в полной зависимости от земельной аристократии.

Взимание с крестьян без реального учета размеров крестьянской земли повинностей и податей по усмотрению ханов и беков, обложение их земель государственной оброчной податью и поземельным налогом привели как раятское крестьянское население, так и крестьян-узденей к систематическому голоданию.

Усилившаяся эксплоатация крестьян вызвала крестьянские волнения и протесты, дошедшие в 1898 и последующих годах до восстаний. Большинство селений Кайтаго-Табасаранского округа прекратило отбывание повинностей. Российское самодержавие было всецело на стороне эксплоататоров и жестоко подавляло восставших. Бекам и ханам было предоставлено право суда и расправы над крестьянским населением. На беков также была возложена обязанность представлять по своему усмотрению списки «вредных людей» для высылки из края.

Недостаточность земельных наделов, безземелье, связанное с этим недостаточное развитие скотоводства — создали почву для чрезвычайно широкого распространения в Дагестане мелкого промыслового товарного производства.

Немаловажную роль в развитии промыслов играла оторванность горных дагестанцев от внешнего торгового мира, от доступа конкурирующих фабричных изделий. Создалось мелкое цеховое производство, напоминающее средневековые цехи феодальных городов, с примитивной техникой.

Виды крестьянских промыслов Дагестана представляли собою чрезвычайное разнообразие. В отчете военного губернатора Дагестанской области 1899 г. отме-

чается, что в промыслах одинаково заняты как мужчины, так и женщины. Исключительное занятие женщин составляет всякого рода пряжа и тканье, выделка ковров, сукон, бурок, войлоков, вышивание по бархату, шелку, сукну и коже. Мужчины же обрабатывают преимущественно металлы, глину, дерево и кожи.

По данным статистики в годы, предшествующие империалистической войне, шерстеобрабатывающим промыслом было занято 120 тыс. чел.; металлообрабатывающим — 9 тыс.; деревообделочным — 11 700; кожевенным и обувным — 3 тыс.; гончарным — 300; ковровым — 40 тыс.; ювелирным — 3 300.

Особое развитие промыслы получили в районах: Лакском, Левашинском, Ботлихском, Ахтынском, Дахадаевском, Рутульском, Хунзахском. Ряд аулов испокон веков занимался исключительно только промыслами, как например Кубачи Амузгия, Харбук в Дахадаевском районе. Их жители снабжали дагестанцев предметами домашнего обихода, посудой, тканями, обувью, мебелью и пр. Особое место занимали художественные промыслы: ковровые, ювелирные, медечеканные, частично деревообделочные и гончарные. Их продукция вплоть до второй половины XIX века поступала к земельной аристократии, извлекавшей выгоды от ее реализации за пределами своих феодальных владений. Изделия ювелирного и коврового мастерства XIX века стали об'ектами весьма прибыльного экспорта за границу купцами-скупщиками.

Заработок мелких товаропроизводителей-крестьян был предметом особого внимания царских чиновников. В отчетах генерал-губернаторов Дагестана всегда приводится перечень количества выработанных ковров, кусков сукна, войлока и т. д. Заработок от мелких промыслов служил предлогом для увеличения денежных обложений в пользу царской казны.

В самые последние годы XIX века и в начале XX экономическое положение Дагестана значительно изменилось. На территорию Дагестана проник промышленный капитал. К 1901 г. в Дагестане было 64 фабрики и 53 завода: бумагопрядильных, табачных, пивных, кирпичных, мыловаренных, бондарных и других. Капитализм прокладывал себе путь к новому рынку. Появились фабричные изделия, особенно ткани. Ткацкие крестьянские промыслы пришли в упадок. Свободные рабочие руки перешли на другие производства, а также на фабрики и заводы. В отчете дагестанского губернатора за 1907 год отмечено: «в последнее время фабричные продукты начинают конкурировать с изделиями кустарей. Достаточно указать на факт довольно большого распространения в городах области сукна, выделываемого московскими фабрикантами по образцу местного. Некоторые мелкие железные изделия, прежде заготовлявшиеся кустарями, начинают вытесняться фабричными» [1].

Этот процесс чувствительно отразился на сельском хозяйстве. Рост товарно-денежных отношений вызывал стремление землевладельцев к накоплению денег. Средством было усиление эксплоатации крестьянского труда.

На истощающие крестьянина и его хозяйство трудовые повинности и подати привели крестьянские хозяйства в запущенность и полный упадок.

Повинности бекам, отбывавшиеся населением, по словам публикуемого документа, были «обременительными для поселян, так как последние, кроме них, должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подымную подать, а после 1905 года государственный поземельный налог или оброчную подать».

В 1910 году поверенные крестьян Северной Табасарани заявляли в сословно-поземельной комиссии Дагестана: «они (беки) имели власть в руках, пользовались поддержкой русской администрации и делали с нами, что хотели, увеличивали самовольно повинности, гнали нас на работы на его поля при помощи своих нукеров. В конце концов, десять лет тому назад все мы до того были истощены, что были не в силах более отбывать повинности, хотя бы нас уби-

[1] ГАФКЭ., ф. Воронцова-Дашкова, Дело сословно-поземельной комиссии.

вали. Беки, действительно, и убивали многих из нас за отказ от уплаты повинностей. Но мы не могли уплачивать» [1].

Для ханов и их беков такое положение крестьянских хозяйств было равносильно собственному разорению. Трудовые повинности исполнялись плохо, а подати натурой и деньгами становились все скуднее, и бекские амбары оказались пустыми. В той же сословно-поземельной комиссии беки заявляли: «Жить, надеясь только на раятские доходы, никто у нас не согласится, ибо ни у кого не имеется раятов в таком количестве, чтобы получаемых с них доходов было достаточно на жизнь сколько-нибудь да сносную». Царские власти тоже не были в состоянии собрать с дагестанских крестьян государственной оброчной подати и земского поземельного сбора. По Закатальскому округу недоимочность составляла 684%, по Дагестанской области — 265%.

Ханы и беки, обремененные ипотечными и другими долгами, оскудевшие от недоимок крестьянских податей и повинностей, просили царское правительство приобрести их владения в казну по цене, какую установит само правительство.

Такое положение феодальных хозяйств было характерно для всего Закавказья.

В разгар аграрного движения, широкой волной прокатившегося в 1905 — 1906 гг. по всей России и с особой силой распространившегося в Закавказье, царское правительство открыло Закавказское отделение крестьянского поземельного банка, функция которого должна была выразиться в удовлетворении интересов помещиков при разрешении земельного вопроса в Закавказье. Это не могло удовлетворить крестьян, боровшихся за бесплатное отчуждение бекских и других земель.

Банковские операции, направленные на откуп феодальных владений в казну, тоже не дали ожидаемого правительством эффекта. Растерянность царского правительства характерно отразилась в заявлении управляющего Закавказским отделением крестьянского поземельного банка в письме кавказскому наместнику: «лихорадочно поспешная работа, требуемая политическим моментом и побуждаемая к скорейшему производству оценок и покупки частновладельческих земель со стороны самих помещиков, надеявшихся при помощи этой операции достать какие-либо средства на дальнейшее свое существование... явилась причиной, что при покупке многих имений крестьянским банком целый ряд вопросов из области правоотношений крестьян и помещиков остался недостаточно освещенным. Только с течением времени, когда заметное успокоение в крае дало возможность приступить к хозяйственному заведыванию купленными имениями и ликвидации их, отделению пришлось встретиться с этими вопросами во всей их величине. К числу таких вопросов, несомненно по своей принципиальной важности и полной неразрешимости с существующим законодательством, относится вопрос о сервитутах в Закавказье».

Сервитуты доказали полную нерентабельность в коммерческих расчетах казны. Решение же вопроса в сторону конфискации или выкупа у крестьян пастбищного сервитута было равносильно или гибели крестьянского хозяйства или установлению новой чрезвычайно тяжелой пастбищной зависимости.

На образованную сословно-поземельную комиссию Дагестана была возложена задача изучить и установить формы и способы наиболее безубыточной для беков ликвидации их привилегий. На основании материалов работы этой комиссии 7 июля 1913 года был утвержден «закон о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам». Согласно этому закону, крестьянское зависимое население освободилось от отбывания всякого рода повинностей в пользу беков, однако, с уплатой государственному казначейству причитающихся в вознаграждение бекам за отмененные повинности 302 309 рубл. 40 коп. путем ежегодных равных взносов в течение 20 лет.

[1] ГАФКЭ, ф. Воронцова-Дашкова, Дело сословно-поземельной комиссии.

К моменту установления советской власти в Дагестане феодально-крепостной гнет над крестьянством еще существовал. Только Великая октябрьская социалистическая революция окончательно ликвидировала феодально-крепостнические отношения и обеспечила возможность построения социалистического хозяйства в Дагестане.

Публикуемый документ извлечен из бумаг кавказского наместника И. И. Воронцова-Дашкова и является докладом-сводкой работ Дагестанской сословно-поземельной комиссии, подготовленным для членов совета наместника. Документ представляет собой ценный материал для истории Дагестана.

А. Бирзе

В СОВЕТ НАМЕСТНИКА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НА КАВКАЗЕ [1]

О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения в Дагестанской области и Закатальском округе

I.

В Дагестанской области и Закатальском округе до сего времени сохранились зависимые отношения поселян к бекам и так называемым кешкелевладельцам. Будучи в правовом смысле пережитком той эпохи, когда личная зависимость одной группы населения от другой вполне соответствовала тогдашнему общественному укладу, отношения эти в настоящее время являются совершеннейшим анахронизмом, уничтожение которого должно быть признано настоятельной задачей правительства.

Дагестанская область.

Существуя в шести округах Дагестанской области, отношения эти по количеству зависимых селений, по об'ему повинностей поселян и по разнообразию своему получили наибольшее развитие в Прикаспийской части Дагестана и, главным образом, в южном ее районе, где особенно долго действовали туземные управления, поддерживаемые русскими властями, при полном почти невмешательстве их во внутренние дела владений, а именно в нынешних округах Кайтаго-Табасаранском — в 40 селениях с 3 362 дымами, в Кюринском — в 27 селениях с 1 929 дымами и в Самурском — в 2 селениях с 291 дымом. В этих селениях зависимые отношения достигли наибольшего развития, и население их, кроме Самурского округа, получило даже специальное наименование раят, т. е. людей низших, подневольных.

В северном Дагестане отношения эти существуют в трех округах: в Темир-Хан-Шуринском — в 20 селениях с 6 530 дымами, в Казикумухском — в 8 селениях с 842 дымами, и в Аварском — в 1 селении с 72 дымами; здесь отношения эти не достигли той степени развития, что в южном Дагестане, и зависимое население их, хотя и обложено повинностями в пользу беков, все же считается принадлежащим к категории так называемых узденей, т. е. людей вольных.

---

[1] Заголовок подлинника. — На подлиннике штамп: «Директор канцелярии наместника его императорского величества на Кавказе. 10 августа 1910 г., № 18948, г. Тифлис».

Таким образом в настоящее время зависимые отношения охватывают во всей области 98 селений с 13 026 дымами, представляющими многочисленную группу населения приблизительно в 70 000 человек.

Сущность зависимых отношений, чрезвычайно разнообразящихся в подробностях по отдельным округам, районам и селениям, состоит в том, что поселяне зависимых селений отбывают помещикам, бекам и чанкам[1] повинности денежные и натуральные — продуктами сельского хозяйства и личными услугами.

Денежные повинности существуют в ограниченном числе селений; они сравнительно недавнего происхождения и явились результатом добровольных соглашений поселян с беками или распоряжений высшей администрации, как например, по сел. Верхние-Казанищи, Темир-Хан-Шуринского округа, имевших целью прекратить бесконечные споры между обеими сторонами по поводу отбывания повинностей, заменив все разнообразие их одним определенным денежным оброком.

Порядок землевладения зависимых селений и виды повинностей по отдельным округам

В Казикумухском и Аварском округах усадебные и пахотные земли находятся в подворном пользовании жителей, а пастбища и леса, где таковые существуют, составляют предмет общего пользования.

По Казикумухскому и Аварскому округам

Повинности в обоих из названных округов отличаются необыкновенной простотой и ничтожными размерами, а потому не имеют серьезного экономического значения ни для одной из сторон. Этим об'ясняется тот факт, что во многих селениях беки даже не находят для себя интереса взыскивать повинности с поселян, и они за время 10, 15 и 20 лет упразднились сами собою. Повинности отбываются уплатой бекам каждым селением одной или нескольких голов мелкого или крупного скота, например, одного барана ежегодно, одной коровы в каждые 4 года, четырех быков в каждые 8 лет и т. п. Лишь в двух селениях (Шовкра и Говкра) отбывается ничтожная зерновая повинность — пять мер пшеницы ежегодно, и в одном селении (Хури) существует денежная повинность. В большинстве случаев повинность отбывается всем сельским обществом; лишь в сел. Хуци из 15 дымов обложены повинностями всего два, а в сел. Кани из 182 дымов 12, составляющих при отбывании повинностей одну солидарную группу.

По Темир-Хан-Шуринскому округу

В Темир-Хан-Шуринском округе, в виде общего правила, усадьбы, сады, покосы и пахотные земли принадлежат жителям на праве подворного пользования, а пастбища, сенокосы и леса составляют предмет пользования общественного. Только в нескольких селениях (например, Малый Буйнак, Шахмал-Янги-Юрт) на праве подворного пользования состоят лишь усадьбы и сады, а все остальные угодья находятся в пользовании всего общества с переделами каждые три года или ежегодно. Но и в тех селениях, где господствует подворное землевладение,

---

[1] Чанки — нечистокровные беки, происходящие от смешанных браков беков с женщинами небекского происхождения. (Прим. подлинника.)

встречаются отдельные пахотные и сенокосные участки, находящиеся в общем пользовании с ежегодными переделами их между членами общества (селения Параул, Дургели, Кака-Шура, Альбурикент и др.) Почти во всех зависимых селениях Темир-Хан-Шуринского округа беки и чанки имеют свои земли, как и всюду в Дагестане, находящиеся в их исключительном пользовании, отграниченные от земель поселянских и отдельно показанные в плане с'емки земель Дагестанской области; но особенностью земельного строя некоторых селений этого округа является то, что названные владельцы, независимо от своих частных земель, пользуются также и землями общественными, являясь в этом отношении членами всесословной земельной общины. Явление это наблюдается в селениях Кака-Шура, Кадар, Капчугай, Атлы-Буюн, Кумторкале, Карабудахкент, Эрпели и др. В этих селениях, при переделе общественных угодий, земельные доли отводятся также бекам и чанкам, и, притом, обыкновенно в увеличенном числе: вместо одной доли, получаемой поселянами, беки получают две или даже четыре доли, а чанки две, причем в некоторых селениях они имеют еще то преимущество, что получают доли не по жребию, как все, а по собственному выбору. Там, где существует искусственное орошение земель, участие беков в общественных угодьях простирается и на воду; так, в селении Капчугай беки пользуются оросительной водой и, притом, преимущественно пред поселянами.

В одном селении, Бет-Аул, выморочные участки поселян поступают в распоряжение чанков.

Повинности, отбываемые поселянами округа, двоякие: денежные и натуральные.

Денежные повинности в чистом виде существуют в четырех селениях округа (Параул, Дургели, Кака-Шура и Верхние Казанищи), где они заменили прежние натуральные повинности. В одном случае (сел. Бет-Аул) жителям принадлежит альтернативное право: либо отбывать натуральную повинность личной работой, либо уплачивать денежную повинность; на практике они предпочитают этот последний способ.

Натуральные повинности в округе следующие: поселяне обязаны поставлять для распашки бекских полей плуги со своим скотом и прислугой, распахивать его земли, боронить, засевать зерном бека и выставлять для жатьбы и косьбы рабочих; кроме того, в двух селениях поселяне должны давать бекам баранов, в пяти — доставлять на дом дрова. В единственном селении Эрпели существуют следующие повинности: «алым» — обязанность давать беку четырех коров или 40 рублей в случае смерти члена бекского семейства и «харзы» — обязанность в случае женитьбы бека давать ему по одному барану с каждой метки (стада); повинности эти, повидимому, выполняются не всегда и находятся в стадии постепенного уничтожения.

В виде общего правила повинности в Темир-Хан-Шуринском округе отбываются целым обществом, кроме сел. Бет-Аул, где способ отбывания их подворный.

По Кайтаго-Табасаранскому, Кюринскому и Самурскому округам

Порядок землевладения в зависимых селениях Кайтаго-Табасаранского, Кюринского и Самурского округов, за исключением прилегающей к Каспийскому морю, так называемой Терекемейской части Кайтага, одинаковый и состоит в том, что все поселянские земли, кроме пастбищ

и лесов, находящихся в общем пользовании, составляют предмет подворного пользования; лесами и пастбищами в большинстве случаев беки и поселяне пользуются сообща. В некоторых селениях Кайтаго-Табасаранского округа существует право беков на выморочные участки поселян (например, сел. Ушнюг), но оно в настоящее время почти не осуществляется, постепенно превратившись в nudum ius.

В Терекемейских селениях Кайтаго-Табасаранского округа подворное землевладение в чистом виде наблюдается лишь в трех селениях: Берекей, Татляр и Джемикент, где усадьбы, сады, пашни и покосы находятся в пользовании отдельных поселян, а в общем пользовании состоят лишь пастбища и леса. В остальных селениях этого района повсюду в общем пользовании находятся также леса и пастбища, прочие же угодья состоят у жителей частью на праве подворного пользования, частью в пользовании всего общества, именно чалтычные [1] поля, с заметным, в большинстве случаев, преобладанием по каждому отдельному селению площади подворного землепользования над общественным. В сущности говоря, и эти земли принадлежат поселянам на праве подворном, но ввиду характера рисовой культуры, требующей интенсивного орошения, и существования общего права на воду поселяне из отдельных подворных участков создали сплошной общий чалтычный участок, обрабатываемый общими силами; таким образом, мы наблюдаем здесь артельную обработку рисовых полей и, так называемую, водную общину.

В терекемейских селениях беки также претендуют на право наследования выморочных участков поселян, но на практике оно не осуществляется.

Евреи-раяты селений Маджалис и Янги-Кент проживают на собственных усадебных участках и лишь в последнем селении владеют тремя покосными участками сообща с местным мусульманским сельским обществом. До недавнего времени довольно много раят-евреев было еще в селении Мугатыр, но лет пять тому назад они оставили его почти поголовно, выселившись в гор. Дербент, оставшись в селении Мугатыр лишь в количестве 6 дымов.

Повинности в трех названных округах денежные и натуральные.

Исключительно денежные повинности установлены: во-первых, для евреев селений Маджалис и Янги-Кент; во-вторых, для девяти селений Кюринского округа, принадлежащих фамилии беков Карчагских. Они лишь в недавнее время заменили натуральную повинность. Кроме того, в некоторых селениях этого же округа денежная повинность существует наряду с натуральной — в размере 1 коп. ежегодно с каждого барана.

В остальных селениях названных округов отбывают повинности натуральные — продуктами сельского хозяйства и личной работой одновременно; лишь в очень немногих селениях Кюринского округа существует исключительно зерновая повинность. Повинности произведениями сельского хозяйства встречаются следующие: поселяне обязаны доставлять бекам пшеницу, ячмень, чалтык, орехи, сено, саман (мятая солома), виноград, фрукты, мед, масло, яйца, кур, баранов, дрова.

Повинности личной работой таковы: распашка бекских земель, жатва, сенокос, уборка хлебов и сена, молоченье, доставка зерна на мельницу и на дом беку, доставка сена с поля на дом беку, исправление и очистка бекских оросительных канав, поставка ароб для надобностей бека и т. п.

---

[1] Чалтык — местное название риса. Чалтычные поля — рисовые поля.

Как и в северном Дагестане, в перечисленных округах повинности отбываются целым сельским обществом, причем от несения их освобождаются сироты, неимущие и сельские должностные лица. В нескольких селениях Кайтага часть поселян освобождена от каких-либо обязательств к бекам, так что повинность отбывает лишь часть селения, но опять-таки не подворно, а всей группой.

Основания отбывания повинностей

По общему правилу, наблюдаемому в зависимых селениях всего Дагестана, основанием для отбывания повинностей является не земля, а рабочая сила.

Повсюду при взимании главнейших повинностей руководствуются следующими основаниями.

Денежная повинность взимается или в раз навсегда определенном размере для всего селения, независимо от числа дымов, или же в определенной сумме с каждого дыма. Количество рабочих, выставляемых для бека, определяется числом дымов и мерою потребности бека. Количество плугов, выставляемых поселянами, определяется числом дымов, имеющих рабочий скот, и действительной потребностью бека; бедные дымы соединяются вместе,чтобы выставить один 3-х или 4-х парный плуг. То же самое следует сказать и про аробную повинность.

Повинность ячменем, пшеницей и т. п. отбывается в определенном размере каждым дымом, опять-таки имеющим рабочий скот, а в некоторых селениях даже и не имеющими скота, но по минимальной норме или же в определенном размере с каждой пары рабочего скота и т. д.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что общее количество повинностей, взимаемых ежегодно с каждого селения, не находится в соответствии с тем или другим размером площади владеемой поселянами земли, а определяется непосредственно: 1) числом дымов в селении и 2) степенью обеспеченности жителей рабочим скотом. Следствием такого основания обложения является то обстоятельство, что беки мало заинтересованы в количестве земли, состоящей в пользовании крестьян; так, например, при разделе между сонаследниками прав на получение повинностей они распределяют их не по количеству земли, на которой живут зависимые поселяне, а по числу дворов.

Земли узденей, отбывающих повинности по Казикумухскому, Темир-Хан-Шуринскому, Аварскому и Самурскому округам, обложены по закону 12 июня 1900 года государственной оброчной податью, а земли раят Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов государственным поземельным налогом.

Закатальский округ

Существующие в Закатальском округе зависимые отношения проявляются в двоякой форме; в западной части округа, граничащей с Тифлисской губернией, существует, так называемая, кешкельная повинность поселян, а в восточной части, примыкающей к Елисаветпольской губернии,— раятская зависимость, аналогичная существующей в Дагестане, но отличающаяся от последней некоторыми особенностями.

Кешкельная повинность

Сущность кешкельной повинности заключается в том, что жители 31 кешкельного селения Закатальского округа ежегодно обязаны упла-

чивать получателям этой повинности определенную натуральную дань произведениями земли — пшеницей, ячменем, просом, чалтыком и шелком, причем поселяне одних селений отбывают эту повинность только пшеницей и ячменем, других же — всеми видами земных произведений в зависимости от того, какая именно культура преобладает в данном районе. Плательщиками этой повинности являются омусульманившиеся грузины (так называемые ингелойцы и мугалы — мусульмане татарского происхождения). Получателями повинности являются лезгины[1] западных селений Закатальского округа.

Происхождение кешкельной повинности таково. В течение XVII—XVIII веков лезгины Дагестана постепенно отторгали от Грузии западную часть нынешнего Закатальского округа и, покорив местных аборигенов, утвердили здесь собственную государственность, образовав вольную Джаро-Белоканскую общину.

Покорив коренное население завоеванного района, лезгины воздержались от вмешательства во внутреннюю жизнь местного населения и ограничились лишь тем, что обложили его в свою пользу кешкельной данью по следующим основаниям. Ими было определено в туземных мерах сыпучих тел то количество зерна — пшеницы, ячменя и пр.,— которое каждое селение обязано было им ежегодно уплачивать, распределив определенную на целое население повинность равными долями между всеми наличными дымами его. Эта доля каждого дыма называлась кешкель. Таким образом первоначально кешкельная повинность носила подымный характер, причем кешкель представлял в разных селениях величину неодинаковую. Чем руководствовались лезгины, неодинаково облагая различные селения, утвердительно сказать трудно. По-видимому, в этом отношении некоторую роль играла удаленность кешкельных селений от места расселения лезгинов, в соответствии с чем ослаблялась возможность для последних непосредственно влиять и воздействовать на покоренное население, заставляя его платить большую дань. По крайней мере, в настоящее время можно заметить, что более удаленные от лезгин зависимые селения обложены кешкельной данью менее обременительно, чем ближайшие. Впоследствии подвластные сельские общества привели кешкельную повинность в связь с количеством находившейся в их владении пахотной земли следующим образом. Разделив всю пахотную землю на равные участки или паи по числу дымов, сельские общества обязали уплачивать кешкельную дань владельцев этих паев, а в случае перехода или дробления этих участков дань должны были уплатить новые владельцы пропорционально пространству принадлежащей им земли. Описанные паи или участки также получили название кешкеля. В соответствии с этим слово кешкель имеет в настоящее время двоякий смысл. С точки зрения лезгина-кешкелевладельца слово это означает доход, получаемый с подвластных поселян; по пониманию же кешкелеплательщика, кешкель — это участок сельской дачи, обложенный кешкельной данью. Таким образом, количество кешкелей в этом последнем смысле первоначально соответствовало числу дымов данного селения, но впоследствии, разумеется, по мере роста населения, дымов стало больше, чем кешкелей, и последние стали дробиться в разных долях между отдельными крестьянскими дымами, так что у некоторых поселян оказались во владении весьма мелкие части кешкеля — $^1/_{10}$, $^1/_{15}$ и менее. Что [число] кешкелей первоначально вполне соответствовало наличному числу дымов, тому примером может служить сел. Ити-Тала. Селение это было осно-

[1] Автор записки лезгинами называет бывших елисуйских султанов и их беков.

вано на кешкельном праве в половине прошлого века на пустопорожних землях, расположенных в сфере лезгинского влияния, выходцами из старинного кешкельного селения Алиабад, причем количество установленных в этом селении лезгинами кешкелей совпадало с числом вновь образовавшихся дымов.

Первоначальный подымный характер кешкельного обложения явствует, между прочим, и из того, что жители сел. Ляляло, одного из самых удаленных от лезгинского расселения, до сего времени отбывают кешкельную повинность не по количеству кешкелей в современном смысле земельного пая, а по числу дымов, считая с дыма 1 тагар пшеницы и 1/2 тагара ячменя [1]. Отбывание кешкельной повинности носит индивидуальный характер: перед [кешкелевладельцем] [2] ответственным за отбывание повинности является не сельское общество, а каждый отдельный дымохозяин, пропорционально количеству владеемой им земли; но общество, в лице своих сочленов, внимательно следит за тем, чтобы никто из владельцев [3] кешкельной земли не ускользнул от обложения.

Нельзя при этом не отметить того странного явления, что нередко поселяне продают свою кешкельную землю, оставив за собой обязанность уплачивать кешкельную повинность, не имея земли. Что касается взимания повинности, то первоначальный кешкельный доход поступал в пользу целых лезгинских обществ и затем распределялся между их сочленами, но впоследствии он был окончательно распределен между наличным количеством лезгинских дымов, которые и пользуются им ныне на частном праве, вплоть до права отчуждения включительно. Вследствие этого существуют селения, как, например, Белоканы, лезгины которых почти поголовно продали свои права на кешкельный доход; существуют и поселяне, которые за выкуп освободились навсегда от кешкельной повинности или же, оставаясь кешкелеплательщиками, в то же время приобрели от лезгин кешкельные права по отношению к другим зависимым поселянам. Из указанного порядка взимания кешкельной дани единственное исключение представляет Джинникское сельское общество. Здесь кешкельный доход принадлежит всему обществу и затем распределяется между наличным его составом.

Помимо лезгин, незначительный кешкельный доход в размере, при переводе его на денежную оценку, 180 руб. 95 коп., получает с поселян шести селений округа государственное казначейство. Кешкели эти, именуемые казенными, были отняты у лезгин в 40-х годах в виде наказания за участие в восстании против русского управления, и с тех пор зерновой доход с этих кешкелей поступает ежегодно в закатальское окружное управление для продажи с торгов.

Кешкельные земли находятся в исключительном владении поселян, которые в отношении их пользуются ничем не ограниченным со стороны кешкелевладельцев правом пользования и распоряжения; поселяне свободно отчуждают их, закладывают, дарят, дают в приданое и пр. Кешкелевладельцы ровно никаких прав на эти земли не имеют, единственное их отношение к владельцам кешкельной земли заключается в том, что последние обязаны уплачивать им ежегодно доход земными произведениями.

Тип землевладения в кешкельных селениях повсюду подворный. Выморочные кешкельные участки поступают в распоряжение сельских обществ, которые, вступая в пользование такими участками, вместе

[1] 1 тагар пшеницы — 7 1/2 пудов; 1 тагар ячменя — 6 пудов. (Прим. подлинника.)

[2] В подлиннике ошибочно написано «кешкелеплательщиком».

[3] Подразумеваются «кешкелепользователи».

с тем, и обязывают уплачивать следующую с них повинность. Сельские общества нередко передают выморочные участки новым владельцам опять-таки под условием отбывать повинность, размер которой в этих случаях они иногда увеличивают, обращая излишек сверх следуемого кешкелевладельцу в свою пользу.

Всех кешкелевладельцев в Закатальском округе, не считая юридических лиц (казна и Джинникское сельское общество), по данным 1908 года, было 784 чел., а кешкелеплательщиков около 3 500 человек.

Кешкельные земли обложены государственной оброчной податью, при распределении окладов которой между селениями соблюдается следующее правило.

Согласно примечания к ст. 42 инструкция по распределению государственной оброчной подати и государственного поземельного налога в Закавказском крае, утвержденной министром финансов 5 июня 1903 года, при исчислении окладов государственной оброчной подати с кешкельных селений Закатальского округа надлежит наблюдать, чтобы совокупное обложение земель этих селений оброчной податью и кешкельною повинностью не превышало, по возможности, обложения оброчной податью соседних земель той же приблизительно доходности.

Применяя правило означенного примечания, тифлисское губернское по раскладке поземельных сборов присутствие, при распределении между уездами и округами сумм оброчной подати, назначенной на Тифлисскую губернию в период 1901—1903 гг., предложило следующий способ: «Распределить селения округа, подлежащие обложению оброчной податью, на кешкельные и некешкельные, и, разбив сообразно с доходностью их всю сумму подати между ними, сложить с кешкельных селений часть ее, равняющуюся размерам кешкельной повинности, т. е. 18 333 руб.[1], и эту часть прибавить к сумме, причитающейся с некешкельных селений».

Указанный способ повел к чрезмерному переобложению оброчной податью некешкельных селений. Так, по данным раскладки 1901—1903 гг., некешкельные селения округа были обложены в размере 26,19% доходности земель, а кешкельные селения — 12,46%; кроме того обложение последних кешкельною повинностью составило 8,31 руб. со ста рублей доходности земель.

В целях справедливого распределения оброчной подати между отдельными группами поселян в раскладку 1904—1906 гг., продолженную и на 1907 год, закатальскому окружному по раскладке поземельных сборов присутствию, для осуществления прим. к ст. 42 инструкции, была предложена новая система, а именно: к сумме оброчной подати по округу прибавлена стоимость ежегодной кешкельной повинности — 18 333 руб., полученная сумма распределена сообразно с суммою доходности земель между кешкельными и некешкельными селениями и затем стоимость повинности исключена из суммы оброчной подати, падающей на кешкельные селения.

Система эта осталась без изменения и на 1908 год и привела к уравнению %% обложения некешкельных селений оброчной податью и кешкельной повинностью. Так, по данным 1904—1906 гг., % обложения некешкельных селений — 20,92, а кешкельных селений — 11,96%, % же обложения последних кешкельною повинностью — 8,96, а по совокупности 20,92.

---

[1] В такую сумму оценила всю кешкельную повинность Закатальская сословно-поземельная комиссия, работавшая в округе в 1870—1872 гг. (о ней см. дальше). (Прим. подлинника.)

При раскладке оброчной подати на 1909—1911 годы, закатальское окружное по раскладке поземельных сборов присутствие, имея в виду, что, по данным 1908 года, кешкельная повинность, при переводе ее на денежную оценку, выражается в сумме 22,042 рубл., для уравнительности обложения кешкельных и некешкельных селений придерживалось следующего способа.

Разделив сумму кешкельной повинности на две части пропорционально суммам оброчной подати и земского сбора, причитающегося по обеим категориям земель, оно полученные числа прибавило к суммам оброчной подати и земского сбора; затем эти итоги оно распределило между кешкельными и некешкельными землями, пропорционально их доходности, и из полученных сумм, павших на кешкельные земли, вычло соответственные части кешкельной повинности; полученные таким способом разности и составили суммы оброчной подати и земского сбора, которые и были распределены между отдельными владельцами кешкельных земель.

Из изложенного, таким образом, следует, что фактически тяжесть кешкельной повинности отражается не только на кешкельных селениях, но вообще на всем населении округа, земли коего обложены оброчной податью.

Раятская зависимость

Раятская зависимость существует в 16 селениях Закатальского округа.

Существующие в пользу беков повинности следующие:

Малджагат — известная доля урожая зерна.

Кесамат — определенное количество хлеба, уплачиваемое ежегодно независимо от урожая.

Даргалуг — определенное количество хлеба, уплачиваемое с каждого дыма или сохи в пользу бекского управляющего, отмеривающего малджагат, а также, где по незначительности имений особых управляющих нет, в пользу самого бека.

Бахча-баши — плата за мюльк, находящийся во владении раята, т. е. за усадебное место со двором, с садом и сенокосным участком.

Повинности денежные и шелком.

Поставка ароб и лошадей для перевозки летом бека в сел. Елису [1] и обратно и для доставки в дом бека малджагата.

По характеру основной уплачиваемой бекам повинности все шестнадцать раятских селений и хуторов делятся на четыре группы.

Первая группа — селения Алмало, Дегмадагельды, Казмаляр, Кайсарло, Онджало и хутора Базар-тала и Бах-тала — платит малджагат в размере $^1/_{10}$ части урожая.

Вторая группа — сел. Али-Султан-Кетукло, Кара-тала, Кипчах, Шихляр — платит малджагат в размере $^1/_7$ части урожая.

Третья группа — сел. Иманло, Ибахло, Узун-тала и Сускент — платит бекам кесамат, причем кесамат по сел. Сускент заключается в уплате 45 истилей шелку (истиль $^2/_3$ фунта).

Четвертая группа — сел. Байдарло — уплачивает частью малджагат в $^1/_7$ и $^1/_{10}$ часть урожая, а частью кесамат.

Всех дымов в поименованных 16 селениях и хуторах, уплачивающих бекам повинности — 671, из коих 606 дымов платят земельные повинности малджагат, кесамат и даргалуг, 25 дымов платят кесамат

[1] Главное хозяйство беков-помещиков расположено на жаркой низменности, пребывание в которой летом очень тяжело. Ввиду этого на летнее время, беки с семьями обыкновенно перекочевывают в горы, преимущественно в сел. Елису. (Прим. подлинника.)

только шелком и 40 дымов платят только бахчи-баши и другие денежные повинности.

Сверх повинностей бекам, поселяне, состоящие в зависимых к последним отношениях, уплачивают с 1901 года, на основании закона 12 июня 1900 года, государственный поземельный налог на одинаковых с частными землевладельцами началах.

Порядок землепользования в некоторых селениях имеет свои особенности, но в общих чертах он почти всюду одинаков. Мюльки, т. е. усадьбы, сады при них и курухи (покосные места) находятся в полном распоряжении раят, с правом отчуждения. Мюльки вымерших дымов в большинстве селений переходят к обществу, а в некоторых селениях к беку. В последних селениях вопрос о праве на мюльки вымерших дымов вызывает иногда острые недоразумения между беками и раятами, причем последние категорически отрицают права беков на выморочные поселянские участки.

Пахотные земли состоят в общинном владении и распределяются равными долями между всеми раятскими дымами, а в некоторых селениях в разделе участвуют и беки, которые получают несколько долей. В некоторых селениях под распашки обращаются участки по указанию беков, и последним, кроме того, принадлежат сервитутные права пользования под выпас свободными участками, а также пахотными участками после снятия с них урожая.

Леса и пастбища, в большинстве случаев, состоят в общем пользовании раят и беков; в некоторых же селениях леса считаются бекскими, и раяты пользуются лесом с разрешения беков бесплатно, а в некоторых селениях — за особое вознаграждение.

Современное состояние вопроса и необходимость его разрешения

Дальнейшее оставление этого вопроса в теперешнем его состоянии совершенно недопустимо.

Прежде всего, самый факт существования в настоящее время в крае зависимых, подневольных отношений одной части населения от другой, являющихся некоторым подобием полвека назад уничтоженного крепостного права, представляется анахронизмом, немыслимым в Дагестане и Закатальском округе, когда широко задуманная крестьянская реформа должна во всем Закавказском крае уничтожить последние следы личной зависимости населения. Едва терпимый раньше институт этот совершенно недопустим при современных условиях обновленной правовой жизни государства; немыслимо призывать население к участию в государственной жизни, награждая его политическими правами, и одновременно оставлять его в прежнем несвободном состоянии.

Существование этих повинностей поставило обе стороны в обостренные отношения, разделив их на два враждебных лагеря. Имея исключительное право пользования своею землей и уплачивая за нее государственные и земские налоги, поголовно все поселяне Дагестанской области и Закатальского округа усвоили себе взгляд, что с введением русского управления и с освобождением беков и лезгин от исправления административно-полицейских обязанностей в районах прежних туземных владений, они утеряли права на взимание повинностей; если поселяне отбывают их, то в огромном большинстве случаев не из сознания правомерности их, а под влиянием еще сохранившегося кое-где авторитета получателей повинностей и под давлением требований администрации.

На практике подобное воззрение проявилось в том, что поселяне

Дагестана стали уклоняться от отбывания повинностей: движение это в 1898 году приняло форму настоящих волнений, и в этом году большинство селений Кайтаго-Табасаранского округа прекратило отбывание бекам повинностей и не отбывает их до сих пор. В течение последующего десятилетия движение это стало охватывать все больший район, проявившись с новой силой в последние годы, быть может, не без связи с аналогичными явлениями в других частях края и во внутренних губерниях империи. По крайней мере, в Темир-Хан-Шуринском округе уклонение поселян от отбывания бекских повинностей стало наблюдаться в самые последние годы.

В настоящее время вне его находятся лишь селения одного Кюринского округа.

Само собою понятно, что в результате этого движения возникло множество процессов и жалоб, которыми завалены суды и администрация.

В отдельных случаях суды восстанавливают нарушенные права. Главное кавказское начальство и местная администрация также стараются не допускать произвольного уклонения поселян от исполнения своих обязательств, но их вмешательство, как показал опыт, бессильно устранить коренной недостаток сложившегося порядка, требующего законодательного вмешательства, и движение среди поселян Дагестана продолжается. Это движение в названной области развилось в зависимости от нескольких причин. Прежде всего оно имеет экономический характер.

Отбывавшиеся бекам Дагестана повинности являлись обременительными для поселян, так как последние, кроме них, должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подымную подать, а после 1900 года государственный поземельный налог или оброчную подать.

Естественно, что поселяне тяготятся таким двойным обложением, принимающим довольно чувствительные размеры. В этом отношении нельзя не отметить следующего характерного обстоятельства. Уклонение раят от уплаты бекам повинностей с особенной силой проявилось в Кайтаго-Табасаранском округе, в частности в Табасарани, т. е. там, где раятские повинности отбывались в особенно крупных размерах, а земли в нагорных селениях северной Табасарани далеко не того качества, что в низовых селениях; в Кюринском округе, где повинности более или менее умеренны, раятское движение никогда не проявлялось в такой активной форме, как в соседнем Кайтаго-Табасаранском, и дальше простого недовольства не шло.

В Казикумухском округе прекращение отбывания повинностей в последние 10, 15 и 20 лет об'ясняется совершенно обратными причинами: здесь нередко сами беки были не заинтересованы в исправном их отбывании в виду совершенно ничтожного их размера, а если дорожат ими теперь, то не по материальным соображениям, а как проявлением их сословных преимуществ.

Нельзя, впрочем, не отметить того обстоятельства, что на исправное отбывание повинностей немаловажное влияние оказывало внимательное отношение к этому вопросу администрации; где она настойчиво и систематически требовала от населения выполнения обязательств, там отбывание повинностей не прекращалось до последнего времени.

Там же, где местные органы администрации сразу не заставили забастовавших раят отбывать повинности, впоследствии оказалось в высшей степени трудным восстановить установленный порядок обыкновенными средствами.

Тяжесть повинностей усиливалась тем, что размер их и порядок взыскания не были урегулированы. Можно сказать безошибочно, что

раяты были предоставлены полному, бесконтрольному усмотрению беков и их управляющих и приближенных, которым предоставлялось самостоятельное взыскание повинностей, и нередко в их же пользу; последние проявляли при взыскании недостаточную умеренность и произвол, не сообразуясь ни с условиями времени, ни с экономическим положением раят. Специальных органов надзора, занятых поселянскими делами, разрешением возникающих недоразумений, в роде мировых посредников, в Дагестане не существовало, местные же власти — наибы из офицеров милиции совершенно неудовлетворительного состава, сплошь и рядом назначались из беков и потому всегда поддерживали бекское сословие. Нередко они сами в своем же участке являлись получателями раятских повинностей, т. е. лицами заинтересованными. Особенно широко практиковалась система таких назначений в Табасарани, где как раз раятский вопрос обстоит острее всего.

Единственной попыткой урегулировать подобную бесконтрольную систему была выдача в конце 60-х годов обществам зависимых поселян,— однако, далеко не всем,— так наз. «ведомостей» и инструкций, в которых указаны были категории и размеры подлежащих отбыванию повинностей; но эти инструкции мало улучшили положение поселян; они составлялись опять-таки чинами местной администрации, всегда поддерживавшей беков, и притом преимущественно, по заявлениям последних, отличались неопределенностью способов расчета, положенных в основание исчисления повинностей, и во многих случаях они только узаконили уже существовавшие ненормальности. Можно безошибочно сказать, что именно настояния беков на отбывании раятских повинностей согласно нормам инструкций были одной из главных причин прекращения поселянами отбывания каких бы то ни было повинностей в пользу беков и обострения отношений между этими двумя группами местного населения.

Дело в том, что эти инструкции и ведомости вовсе не дают указаний на общую точную сумму повинностей по каждому данному раятскому селению, подобно точным цифрам кешкельной дани. Они представляют лишь перечисление существовавших в 60-х годах и зарегистрированных в то время повинностей (из них многие теперь вовсе не существуют уже десятки лет), с показанием максимальных норм, по которым бек мог требовать отбывания их. Но фактически ни одному беку повинности не отбывались и не отбываются в арифметическом соответствии с подобными указаниями инструкций потому, что бывают неурожайные годы, когда бек вынужден уменьшить свои требования; некоторые повинности вообще, вследствие долгого невыполнения, считаются упраздненными; наконец, отбывание повинностей по указанным нормам вообще настолько обременительно для поселян, что беки по всем статьям должны делать неизбежные уступки, вошедшие в обычай. Затем мерилом для требования бека являлась действительная его потребность: если ему нужно было привезти 40 ароб дров, то он и требовал именно такое количество их, а не то, на которое он имел право по букве ведомости. Так что в этом отношении поименованные документы содержат указания лишь на предельность возможных требований помещика, но отнюдь не выражают собой действительной картины существующих между ими и поселянами соотношений. Конечно, интерес бека заключался в том, чтобы, основываясь на букве инструкции, заставить поселян выполнить повинность в максимальных размерах. Такие требования и создавали постоянную обостренность в отношениях сторон, приведшую к полному прекращению раятами Табасарани отбывания каких бы ни было повинностей.

Иллюстрацией неумеренности требований беков, основывающихся

на букве инструкции, может служить следующий пример из практики самого недавнего времени.

Беки-землевладельцы селений Кайтаго-Табасаранского округа, Мугатыр и Митаги, подали в 1908 году на имя наместника его императорского величества на Кавказе прошение, в коем из'явили свое неудовольствие на учрежденную в Дагестанской области его сиятельством комиссию по вопросу о зависимых отношениях поселян к бекам, неправильно, по их мнению, определившую размер следующих в пользу помещиков повинностей с этих селений.

Основываясь на ведомости 60-х годов и путем простого арифметического расчета помножив тогдашние нормы повинностей на современное число дымов названных селений, помещики определили общий ежегодный доход свой с местных раят, в переводе на денежную оценку по сел. Мугатыр в 6 187 руб., по сел. Митаги — в 2 897 руб., тогда как комиссия, приняв во внимание, что многие указанные в ведомости повинности фактически упразднены и имея в виду средние действительные нормы отбывания повинностей, определила их по первому селению в сумме 685 руб., а по второму — 548 руб. 75 коп.

Таким образом, по расчету помещиков, каждый раятский дым сел. Мугатыр (в числе 126 дымов, отбывающих повинности) отбывал им повинностей ежегодно на сумму 49 руб., а по сел. Митаги (56 дымов) — 51 руб., не считая государственного, поземельного налога и земского сбора. Если принять во внимание, что земли этих нагорных селений не отличаются хорошими качествами, и на каждый дым приходится земли по 5 дес. 854 кв. с. и 6 дес. 1 470 кв. с., то расчет помещиков, основанный на букве ведомости, нельзя не признать преувеличенным. Если даже и на половину сократить приведенные цифры, то и в этом случае нельзя, казалось бы, не заключить, что настояния помещиков на соблюдении норм ведомостей совершенно не соответствуют действительной платежной способности раят этого района.

В Закатальском округе неудовольствия поселян, вызываемые необходимостью отбывать, помимо государственных сборов, еще повинности помещикам и лезгинам, никогда не принимали таких острых форм, как в Дагестанской области. Об'ясняется это тем, что вообще экономическое положение населения этого округа несравненно более благоприятное, чем зависимых поселян Дагестана, вследствие чего кешкелеплательщики и раяты Закатальского округа легче могут справляться с тяжестью добавочного обложения в пользу помещиков и лезгин. В особенности это необходимо сказать про жителей кешкельных селений, для которых бремя повинности в пользу лезгин, как изложено выше, облегчается тем, что часть ее перелагается с них на население некешкельных районов Закатальского округа.

Помимо этого, взиматели кешкельной повинности не имели возможности в этом округе проявлять в отношении своих подвластных той степени усмотрения, которая практиковалась в Дагестане. Об'ясняется это следующими причинами. После восстания части лезгин Закатальского округа в 1830 году, по распоряжению тогдашнего главного начальника края графа Паскевича, повстанцы-кешкелевладельцы селений Белоканы, Катехи и Джары были лишены права взимания кешкельной дани, и последняя стала поступать в доход казны. Остальные же лезгины лишились права взимать свой кешкель непосредственно с плательщиков и должны были получать его от старшин подвластных селений в определенном размере. В 1838 г. правительство восстановило принимавших участие в восстании лезгин в кешкельных правах, предоставив, вместе с тем, всем вообще кешкелевзимателям право собирать кешкель непосредственно от поселян, но в стро-

то определенных размерах, именно, в тех, какие существовали в 1831 году. Нормировка эта имела, несомненно, благодетельное значение, так как сдерживала лезгин в их стремлениях произвольно увеличивать количество кешкеля. Обе стороны хорошо знали установленный обычаем и утвержденный администрацией размер повинности, и когда в Закатальском округе в 1870—1872 гг. работала над исследованием местных сословно-поземельных отношений особая комиссия, она получила и зарегистрировала вполне определенные данные о размере этой повинности в каждом кешкельном селении. При проверке этих данных особой комиссией, командированной в округ наместником его императорского величества на Кавказе в 1908 году, оказалось, что и теперь кешкельная повинность отбывается согласно данным 1870—1872 гг., т. е. в размерах постоянных, допускающих на практике изменения обыкновенно в одну сторону — в сторону понижения ее в пользу поселян, по милости взимателя или в виду нередкого уклонения плательщиков от отбывания ее полностью.

Помимо изложенного, возможность трений между лезгинами и зависимыми поселянами устранена тем, что между обеими группами населения не существует постоянного хозяйственного или иного соприкосновения. Они расселены изолированно друг от друга, на расстоянии нескольких десятков верст, и единственные отношения их состоят в том, что поселяне раз в году, после снятия урожая, обязаны дать лезгинам определенное количество земных произведений.

При всем том, за последнее время обе стороны начинают тяготиться существующими между ними отношениями. Поселяне все более и более начинают сознавать ненормальность существования подобной повинности и отбывают ее менее исправно, чем прежде,— зерном худшего качества, по возможности в уменьшенном количестве, причем попытки кешкелевладельцев настоять на точном исполнении обязанности не всегда удаются. При таких условиях и лезгины начинают проникаться мыслью о необходимости так или иначе ликвидировать эти отношения, сознавая, что в конце концов уклонение кешкелеплательщиков от отбывания повинностей, приняв массовый характер, сведет их права на-нет.

Но допуская даже, что между кешкелевладельцами и поселянами долго еще будут добрые отношения, нельзя не признать, что упразднение этой зависимости теперь же — экономически и морально на лезгинах отразится только благоприятно. В той части лезгинского населения, которая получает кешкельный доход в количестве, достаточном для пропитания, право это поддерживает непривычку к труду и до сих пор вселяет в них нежелательную с государственной точки зрения уверенность, будто лезгины (в действительности — те же поселяне) являются каким-то привилегированным племенем, имеющим у себя в подчинении многочисленную группу подвластного населения.

Менее удовлетворительны отношения между беками-помещиками восточной части Закатальского округа и раятами.

Повинности последних разнообразнее и тяжелее кешкельной, кроме того, раяты лишены преимуществ, предоставляемых правилом упомянутого примечания к ст. 42 инструкции 5 июня 1903 года. В смысле урегулирования раятской повинности правительство не предприняло даже того немногого, что было сделано для жителей кешкельных селений.

На почве отбывания этой повинности между беками и поселянами происходят постоянные и притом весьма острые недоразумения, в особенности чувствительные для обеих сторон потому, что в противоположность лезгинам, помещики восточной части округа живут бок-о-бок

с раятами и имеют с ними повседневное соприкосновение на почве хозяйственных интересов, вызываемых общностью многих угодий, обилием сервитутных прав и т. п.

И здесь, следовательно, чувствуется живая необходимость развести обе стороны путем ликвидации существующих между ними отношений.

Из заявлений помещиков и поселян Дагестанской области и Закатальского округа можно усмотреть, что обе стороны сознают необходимость ликвидации существующих между ними отношений, не сходясь однако в способах разрешения этого острого вопроса.

Первая попытка русского правительства ликвидировать зависимые отношения поселян была предпринята в Закатальском округе и относится к 1830 году.

Так называемая Джаро-Белоканская область (состоявшая в зависимости от России лезгинская вольная община западной части теперешнего Закатальского округа), вследствие постоянных восстаний против России лезгин, в 1830 году была окончательно присоединена к России, и для нее графом Паскевичем было издано высочайше утвержденное 24 июля 1830 года положение, коим подтверждалось за лезгинами сохранение их прежних прав и преимуществ, «поколику сие будет согласно с общими законами и уставами российской империи». В видах охранения интересов зависимых поселян, владельцам воспрещено было облагать их произвольным налогом; им была предоставлена личная свобода и дано право, в случае желания, переселиться в другое место, взять с собою все движимое имущество, недвижимое же они могли приобрести в собственность, уплатив владельцу 10-летнюю стоимость доходов.

Реального значения правила эти для поселян иметь не могли, так как подвластные и раньше не были крепостными и во всякое время могли переселяться куда им угодно. Что же касается права выкупа десятилетней стоимости кешкельной платы, то на практике оно никогда не осуществлялось, и если выкупы совершались, то всегда по цене, установленной добровольным соглашением сторон.

В 1869 году в Закатальском округе, по приказанию его императорского высочества главнокомандующего Кавказской армией, для разбора и определения сословно-поземельных прав туземного населения округа была образована особая сословно-поземельная комиссия, приступившая к исполнению возложенного на нее поручения с 1 марта 1869 года.

В феврале 1874 года Закатальская сословно-поземельная комиссия представила составленный ею проект положения о поземельном устройстве населения округа. Проектом определялись главные основания поземельного устройства поселян, разделяющихся на три разряда: 1) водворенных на собственных землях; 2) кешкельных поселян, отбывающих лезгинским обществам раз навсегда определенную кешкельную повинность, и 3) поселян, водворенных на бекских землях.

Проект заключал в себе следующие основные положения:

За обществами поселян-собственников утверждаются все находящиеся в их владении земли и угодья.

Поселяне, водворенные в бекских селениях, а также имеющие оседлость в бекских хуторах, получают в этих имениях в свое постоянное пользование определенный земельный надел за установленную повинность и с правом выкупа.

Пространство и состав поселянского надела преимущественно определяются по взаимному соглашению владельцев и поселян, но с тем, чтобы в общем наделе каждого поселянского общества ни в каком слу-

чае не приходилось менее 5 десятин на дым. Если же не будет достигнуто обоюдное соглашение, то пространство и состав поселянского надела определятся по особым правилам, утвержденным главнокомандующим армией.

Леса, выгонные и пастбищные места, не включенные в надел и не оставленные в общем пользовании, поступают в полное распоряжение владельца; если поселяне пожелают пользоваться ими, то относительно порядка и условий пользования должны войти с владельцем в добровольное соглашение.

Поселянам, водворенным в кешкельных селениях, оставляются все земли и угодья, которыми они владеют на кешкельном праве, с тем же правом выкупа.

В состав поселянского надела в кешкельных селениях включаются все кешкельные и, сверх того, такие некешкельные земли, которые по заключенным с владельцем условиям, письменным или словесным, предоставлены в постоянное пользование кешкельников.

Размер повинностей за поселянский надел, отведенный в пользование обществам в постоянное пользование, вообще остается прежний с соответствующим лишь уменьшением или увеличением в случае изменения пространства существующего прежде надела.

Пространство и состав надела подымных участков, отведенных в постоянное пользобание обществ и отдельных дымохозяев, порядок пользования землею, водою ирригационных канав и другими угодьями поселянского надела, размер и порядок отбывания повинностей в пользу землевладельцев — обозначаются в уставных грамотах, составляемых, утверждаемых и вводимых в действие по правилам, имеющим быть изданными главнокомандующим армией.

Выкуп поселянского надела производится или по взаимному соглашению сторон, или, когда такого соглашения не последует, единовременной уплатой владельцу выкупной суммы, исчисленной путем капитализации из 6% всех отбываемых в пользу владельца повинностей, по предварительной оценке их на деньги.

Для приведения в известность поземельных владений и прочного разрешения существующих поземельных споров в округе производится межевание применительно к высочайше утвержденному 29 июня 1861 года положению о размежевании Закавказского края и к существующему в округе судоустройству.

Для приведения проекта в исполнение утверждаются должности помощника начальника округа по поземельным делам, двух мировых посредников и трех переводчиков при них.

Проект этот был рассмотрен комитетом по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа, причем вызвал много возражений, главнейшие из которых касались возможности укрепления земель Закатальского округа за населением на праве собственности. В виду этих возражений изложенный выше в главных чертах проект закатальской комиссии дальнейшего движения не получил.

В 1898 году состоявшая при управлении главного начальника края комиссия для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края военно-народного управления представила в совет главноначальствующего гражданской частью на Кавказе записку о поземельном устройстве государственных поселян, водворенных на владельческих землях в Дагестанской области и Закатальском округе.

В отношении Закатальского округа записка эта касалась лишь раятских селений восточной части округа, вопрос же о кешкельных отношениях в ней не был затронут.

По существу записка проектировала введение в упомянутой части Закатальского округа положения 14 мая 1870 года. Дальнейшего движения она также не получила.

Первым поводом к разрешению поземельных отношений между лицами высших сословий и поселянами Дагестана послужил высочайший рескрипт 6 декабря 1846 года, последовавший в отмену сделанных по Закавказскому краю распоряжений о принятии в казну имений агаларов и меликов и в отмену таких же предположений о ханских и бекских имениях.

Для разработки вопроса о применении к бывшей Дербентской губернии изданного в 1847 году, в развитие означенного выше рескрипта, положения о беках и проживающих на их землях поселянах, в 1848 году была образована дербентская комиссия, которая составила списки всех деревень, жители которых состояли в зависимых отношениях к бекам, и постановила заключения о применении к каждому имению рескрипта 6 декабря 1846 года. Свои труды комиссия окончила в 1852 году и изложила их в трех частях, из коих первая относится к Дербентскому уезду названной губернии (Улусский Магал, Верхний и Нижний Кайтаг, северная и южная Табасарань), а две другие — к Кубинскому.

Работы комиссии по Кубинскому уезду впоследствии были переданы начальнику Шемахинской (ныне Бакинской) губернии и послужили основанием для осуществления в этом уезде основных начал рескрипта, труды же ее собственно по Дагестану дальнейшего движения не получили, так что рескрипт 6 декабря 1846 года к указанной части Дагестана не был применен, и помещики остались в прежних отношениях к поселянам.

Последствием передачи гражданской власти дела о Кубинском уезде было то, что наместником кавказским, по выработке окончательного положения 14 мая 1870 года, было испрошено в том же году высочайшее разрешение на применение этого положения к бекским имениям Кубинского уезда. На основании этого высочайшего разрешения наместником кавказским было издано 10 января 1877 года особое положение (тождественное по содержанию с положением 14 мая 1870 года) об имениях бекских Кубинского уезда. Этим положением и завершено, таким образом, дело в этом уезде.

Что касается Дербентского уезда, то вопрос о поземельном устройстве населения этого уезда и, вообще, южного Дагестана, поступил в высочайше утвержденную 21 июля 1869 года штатную южно-дагестанскую сословно-поземельную комиссию, труды которой состояли, главным образом, в изучении местных поземельных прав.

В частности, собственно по вопросу о взаимных отношениях беков и поселян, комиссия собрала данные о существовавших повинностях в пределах южного Дагестана (кроме, конечно, Кубинского уезда, выделенного уже из состава Дагестана).

Как видно из этих данных, в числе податей ни в одном имении не было подати, известной под именем «малджагата», т. е. взноса поселянами в пользу бека определенной доли урожая. Таким образом здесь, оказывается, не имела места та повинность, которая в имениях собственно Закавказского края была основной повинностью и которая была закреплена положением 14 мая 1870 года в имениях Эриванской губернии, в размере $^4/_{30}$ частей урожая, а в прочих имениях в размере $^3/_{20}$ частей (с денежной поземельной повинностью в количестве 30 коп. с десятины) и с отменой всех прочих повинностей.

Наоборот, здесь в пределах южного Дагестана, в гораздо более значительном количестве, чем в прочих имениях Закавказского края, были

повинности неземельного характера; особенно широко развита была например аробная (повозочная) повинность; поселяне должны были выставлять арбы бекам: для возки дров, травы, хлеба, возки строительных материалов и просто для надобностей бека (без обозначения, что это за надобности); за тем, повинности поселян выражались в поставке с селений определенного числа нукеров (прислуги); некоторые селения поставляли беку определенное число лошадей; в значительной степени практиковались, в качестве натуральной повинности, работы поселян для бека (пашня, сенокошение, жатва и т. д.); были и повинности полевыми продуктами, в том числе табаком, но они собирались без отношения к посевной площади и к урожаю, или по определенному расчету с каждого дыма или же с пары волов; взамен этих повинностей были и денежные, и на этот раз по определенному количеству с каждого двора. Таким образом, в пределах южного Дагестана, были констатированы означенной комиссией те повинности, которые взимались не с земли, а имели характер личного (подымного) налога, или, если и имущественного, то неземельного, т. е. здесь найдены были те повинности, которые положением 14 мая 1870 года в прочих имениях Закавказского края были отменены навсегда (с заменой их 30 коп. подесятинным сбором).

Собрав эти данные, южно-дагестанская комиссия вместе с тем пришла к заключению, что в частях южного Дагестана, для урегулирования земельных отношений между беками и поселянами, следует ввести положение 14 мая 1870 года, с некоторыми лишь изменениями, необходимыми по местным условиям; в чем же должны состоять эти изменения, комиссиею не было указано.

Принимая во внимание, что в состав южного Дагестана, кроме бывшего Дербентского уезда (Кайтаго-Табасаранского округа), входили тогда округа Самурский и Кюринский, оказывается, что район применения поселянского положения 14 мая 1870 г., по предложениям этой комиссии, был расширен, по сравнению с предположениями прежней, закрытой в 1852 году, комиссии (которая, как упомянуто выше, ограничивала в своем проекте пределы действия положения 1847 года одним Дербентским уездом). Но и предположения этой комиссии не получили утверждения, а самая комиссия в 1883 году была закрыта и вместо нее образована была новая центральная при учрежденном тогда управлении главноначальствующего. Эта последняя наименована была «комиссией для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края военно-народного управления». К ней, таким образом, перешел вопрос и о разрешении поземельных отношений между беками и поселянами в Дагестанской области.

Эта комиссия, в свою очередь, уже в 1898 году внесла в совет, состоявший при бывшем главноначальствующем, проект о распространении того же положения на поселян, водворенных на землях лиц высшего сословия в частях Дагестанской области, входивших в состав бывшей Дербентской губернии (за исключением, конечно, Кубинского уезда, на который было уже распространено означенное положение) и в Закатальском округе.

Но и этот проект, являвшийся в сущности тождественным с проектом южно-дагестанской комиссии, не получил осуществления, а самая сословно-поземельная комиссия была в том же 1898 году переформирована и из учреждения самостоятельного обращена в отделение канцелярии главноначальствующего по военно-народному управлению.

Этой канцелярией составлен был в том же 1898 году новый проект: он касался, как и прежние, тех же пределов; вводил в сущности то

же положение 14 мая 1870 г., но с тем существенным различием, что этим проектом не устанавливалось нормы надела для поселян, а закреплялось фактическое их пользование; не устанавливались и повинности малджагата, т. е. известной доли урожая с поселян владельцу, что было бы неизбежным следствием введения означенного положения; отменялись при этом все повинности, не вытекавшие из земельного пользования, и оставлялись только те, которые имели смысл платы за землю, причем однако разграничения двух категорий этих повинностей в проекте не было сделано; на обязанность главного начальника края возлагалось переложить земельные повинности на деньги и обязать крестьян вносить их в казначейства с тем, чтобы беки из этих последних получали сии сборы под расписки; по введении в жизнь такого порядка, на поселян возлагался выкуп этих повинностей, по капитализации из 6%, но с тем условием, что и за таким выкупом, право собственности на эти земли будет принадлежать казне, а поселяне ею будут пользоваться потомственно на правах государственных крестьян. По уплате повинностей, а впоследствии и выкупных платежей, вводилась круговая порука (по положению же 14 мая 1870 года за взнос повинностей отвечает каждый дым порознь сам за себя).

Проект этот встретил со стороны ведомств, в особенности со стороны министерства внутренних дел, серьезные возражения, сущность главнейших из коих сводится к следующему.

Проекту дано наименование «положение о поземельном устройстве государственных поселян, живущих в Дагестанской области на землях, состоящих в пользовании частных лиц или обществ»; в действительности же этим положением определяется поземельное устройство поселян лишь Кайтаго-Табасаранского и части Кюринского округов; между тем поселяне, состоящие в тяжелых зависимых отношениях к бекам, проживают в 6 округах Дагестанской области, в виду чего надлежало бы подвергнуть обсуждению вопрос об устройстве в поземельном отношении всех дагестанских поселян.

Установление в рассматриваемом проекте обязательного выкупа поселянами ежегодных платежей за предоставляемые им в надел земли с целью лишь прекращения этих платежей, а не приобретения в собственность самих земель, было бы коренным изменением принятого действующим о крестьянах законодательством начала, в силу коего выкуп крестьянами следующих с них за надельные земли повинностей в пользу вотчинников является способом приобретения крестьянами именно права собственности на эти земли. Допущение подобной меры не находит в себе оправдания и в тех законодательных актах о земельном устройстве сельских обывателей, которым земля предоставлена на праве пользования. Положение об управлении Туркестанского края (ст.ст. 255, 263, 285 и 287) и высочайше утвержденное 23 мая 1896 г. мнение государственного совета о главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев в четырех сибирских губерниях, предоставляя сельскому населению поименованных местностей земли в постоянное пользование, с сохранением права собственности на оные за государством и облагая таковые земли оброчной податью, не устанавливает вовсе выкупа этой подати единовременными взносами, с целью освобождения от нее надельных земель. Умолчание в упомянутых узаконениях о таковом выкупе произошло не случайно, а об'ясняется тем, что по общему закону о поземельном устройстве государственных крестьян (особ. прил. к т. IX зак. о сост., изд. 1876 г., VII полож. гос. крест., ст. 24 и 25), те земельные участки, причитающаяся с которых оброчная подать (выкупные платежи)

погашена посредством взноса в казну соответствующего капитала, составляет полную собственность их владельца.

Выкуп повинностей без права собственности на землю был проектирован и в деле об освобождении калмыков-простолюдинов от зависимости калмыцких владельческих классов; но государственный совет признал совершенно справедливым мысль министерства государственных имуществ об отклонении означенного предположения в том внимании, что применение правил о выкупе к данному случаю представлялось бы действительно неудобным и даже несправедливым, так как при капитализации, согласно этим правилам, албана из 6% [1], нойоны и зайсанги воспользовались бы вознаграждением, далеко превышающим размер тех имущественных потерь, которые они должны понести с отменою албана.

В виду приведенных соображений министерство внутренних дел затруднилось согласиться с положением проекта об установлении обязательного выкупа государственными поселянами Дагестана ежегодных платежей за надельные земли и нашло, что вопрос этот может возникнуть лишь в случае признания права собственности на эти земли за беками, а не за казною, ибо в таком случае дальнейшее оставление поселян в зависимых повинностных отношениях к бекам действительно не отвечало бы цели настоящей реформы — прекращению означенной зависимости.

В виду сделанных возражений проект этот бывшим главноначальствующим был взят обратно.

В видах переработки этого проекта, в 1901 году в Дагестанскую область была командирована особая временная комиссия, на которую было возложено: 1) проверить по планам хозяйственной с'емки земель Дагестанской области границы фактического землевладения беков и зависимых поселян и 2) собрать в Дербентском архиве сведения по вопросу о применении в Дагестанской области рескрипта 6 декабря 1846 г.

Выполнив это поручение, в том же 1901 году комиссия, между прочим, произвела проверку границ фактического землепользования беков и раят по всем раятским селениям, причем выделила бекские земли от земель, находящихся в непосредственном пользовании поселян, с соответствующими отметками в планах с'емки. В тех же случаях, когда по незначительности участков правильное по масштабу нанесение их на план оказывалось невозможным, участкам этим составлялись описи с указанием названия каждого участка и его площади по приблизительному определению беков и поселян. При этом на планах отмечались и спорные земли.

Таким образом, труды комиссии 1901 года представляют весьма ценный материал по вопросу о фактическом землепользовании раят и могут служить серьезным подспорьем при разрешении местного поземельного вопроса.

Работы последнего времени

Озабочиваясь скорейшим разрешением вопроса о прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам в Дагестане и в Закатальском округе, наместник его императорского величества на Кавказе в 1908 году образовал по этому вопросу в г. Тифлисе особое совещание под председательством помощника по граждан-

[1] Албана из 6%, т. е. выкупная сумма всех отбываемых в пользу землевладельца повинностей.

ской части наместника в составе чинов управления наместника и податной инспекции, при участии представителей беков и кешкелевзимателей.

Обсудив вопрос о том, следует ли при прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам ставить задачей выкуп земли, находящейся в пользовании у поселян или же только повинностей, отбываемых ими, совещание признало более правильным остановиться на выкупе повинностей, причем полагало правильным определить стоимость их и современные размеры путем обследования на месте.

В этих видах совещание постановило:

Образовать в г. Закаталах для детальной организации работ по прекращению зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам в Закатальском округе временную комиссию в составе начальника округа (он же председатель), двух чинов военно-народной канцелярии наместника и двух чинов податной инспекции. Для разрешения жалоб на неправильную оценку размера повинностей, произведенную работающими на местах партиями, состав временной комиссии пополнять выборными представителями заинтересованных сторон, по три человека от каждой.

Возложить производство работ по обследованию повинностей на местах на две партии из чинов временной комиссии, каждая в составе одного из командированных чинов военно-народной канцелярии и одного — из податных инспекторов, с участием в сих партиях, с правом голоса, троих выборных представителей от каждой из заинтересованных сторон.

Предоставить временной комиссии в Закаталах выработать порядок избрания представителей от заинтересованных сторон как в партии, работающие на местах, так и во временную комиссию.

Вышеуказанным партиям поставить задачей: выяснить, какие именно повинности, в каком размере, в чью пользу и в какой для каждого доле отбываются в настоящее время каждым дымом в зависимых селениях и перевести эти повинности на денежную оценку на основании средних цен за последние пять лет; результат обследований пред'явить заинтересованным сторонам и, в случае недовольства последних, отобрать от них письменные об'яснения о причинах недовольства для рассмотрения во временной комиссии в Закаталах.

Возложенную на нее работу комиссия выполнила следующим образом.

По первоначальному плану обследования кешкельных повинностей в Закатальском округе, принятому к руководству при выработке в форме ведомостей обследования, предполагалось при выяснении размера требований кешкелевладельцев и обязательств крестьян точным образом установить, кому из беков должен отбывать повинность каждый из крестьян кешкельных селений округа и, в соответствии с этим, с кого из крестьян имеет право требовать отбывания повинности каждый из кешкелевладельцев; по этому плану предполагалось, что показания обеих сторон в результате должны вполне совпадать в отношении личности контрагентов кешкельных отношений и размера повинности, отбываемой данным крестьянином данному получателю. В таком именно направлении и начали свои работы на местах комиссии. Практика обследований привела однако к убеждению, что избранная система бессильна привести к удовлетворительным результатам.

Дело в том, что, как оказалось, в огромном большинстве случаев ни лезгины, ни поселяне, связанные между собой кешкельными отношениями, или вовсе не знали своих контрагентов или знали их настоль-

ко плохо, что установить точно участников отношений было в высшей степени затруднительно. Если поселяне еще могли установить более или менее удовлетворительно имена лезгин, которым они обязаны платить кешкельный доход и число которых, вообще, ограничено, то показания лезгин почти на каждой странице ведомостей пестрили наименованиями крестьян-плательщиков, которые или вовсе не существуют в данном селении, или, хотя и существуют, но признают себя обязанными отбывать повинности не тому лезгину, который на них претендует, а совершенно другому; были, наконец, такие кешкелеплательщики, которые, хотя и показали платежи в пользу лезгин, но не в том размере, на какой претендуют последние; наряду с этим, сплошь и рядом наблюдалось такое явление, что, согласно ведомостям поселянских показаний, признают себя обязанными отбывать повинности данному кешкелевладельцу те плательщики, имен которых он даже и не упоминал.

Такая неясность и неизвестность в отношениях, имеющих серьезное значение для обеих сторон, на первый взгляд непонятная, об'ясняется тем, что плательщики и получатели приходят между собой в соприкосновение по поводу отбывания повинностей всего один раз в течение года, именно в момент получения лезгинами кешкельного дохода; кроме того, очень часто кешкелевладельцы собирают предметы повинностей не непосредственно с каждого из плательщиков, число которых бывает значительно, а размер платежа каждого ничтожен, а чрез особых уполномоченных, обыкновенно поселян данного кешкельного селения, которые, собирая из года в год зерно от нескольких плательщиков и доставляя его беку общей массой уже от себя и заслоняя, таким образом, от получателя личность плательщиков, делают обе стороны еще более неизвестными друг другу. Такими сборщиками нередко бывают лица, имеющие несколько младших братьев, обязанных платежами тому же беку, племенников и других родственников, опекуны малолетних и т. п. Соучастников сборщика в платеже кешкелевладелец не знает и свой доход показывает за лицом, ему известным, между тем как последнее за собой показывает лишь лично с него причитающуюся часть требуемого кешкелевладельцем платежа. Те изменения, которые происходят в составе обеих сторон, опять-таки ускользают от внимания участников кешкельного отношения и не всегда и не скоро делаются им известными.

Между тем изменения эти случаются часто. Сюда необходимо отнести, прежде всего, случаи смерти получателей или плательщиков, когда на место умершего вступают наследники, часто многочисленные, причем противной стороне остается неизвестным, в каких долях они распределили между собой права или обязанности.

Далее, изменение состава сторон происходит вследствие перехода прав и, в особенности, обязанностей, при продаже всего или части участка, обложенного кешкельной повинностью, другим лицам, залогов, дарений, дачи в приданое и пр. и пр. Члены комиссии должны были констатировать тот факт, что вступление в кешкельные отношения новых лиц, вследствие мобилизации недвижимости в Закатальском округе, явление довольно распространенное.

Попытка произвести исправление не совпадающих между собой показаний сторон, путем вызова их и сопоставления лицом к лицу в присутствии комиссии оказалась неосуществимой, как вследствие громадного количества требовавшихся вызовов, так и вследствие дальности расстояния (местожительства плательщиков и кешкелевладельцев расположены далеко друг от друга) и затруднительности в течение

слишком продолжительного срока занимать население кешкельными обследованиями.

Настойчивое стремление членов комиссии пользоваться для уяснения неясностей и разрешения недоразумений вышеуказанного рода услугами представителей сторон, вмененная им в обязанность утвержденной наместником его императорского величества на Кавказе инструкцией, также не дало желаемых результатов; поверенные как лезгин, так и поселян, тяготились необходимостью присутствовать при производстве обследований, уклоняясь от участия в работах членов комиссии и проявляя в этом отношении, за редкими исключениями, индеферентизм, совершенно не соответствовавший важности вопроса. Придерживаясь пассивного отношения к работам партий, они сообщали последним сведения лишь по общим вопросам, отговариваясь незнанием всякий раз, когда от них требовалось заключение по какому-либо конкретному предмету, и в тех случаях, когда был замешан частный интерес одного из их доверителей.

Кроме того, нельзя не отметить, что поверенные обеих сторон принимали участие в работах партий лишь в своих селениях и в обследованиях, производившихся ими в селениях противной стороны, они, в виде общего правила, участия не принимали. Некоторое исключение в этом отношении представляли выборные от кешкелевзимателей.

Отказавшись вследствие изложенного от первоначального предположения выяснить, кому именно от лезгин должен отбывать повинность каждый из поселян кешкельных селений, комиссия прибегла для учета размера повинности к следующему приему. Она постановила произвести поименный опрос всех кешкелеплательщиков каждого кешкельного селения и всех лиц, получающих доход с этих селений о размерах повинности, и полученные итоги сравнить. Если бы оказалось, что показания обеих сторон о размере кешкельной повинности сходятся, то признать их правильными и общий размер повинности определить сообразно с согласными показаниями сторон. В результате такого приема оказалось, что показания поселян совершенно сходятся с показаниями лезгин по 25 селениям округа, причем сравнение полученных итогов с данными о размерах кешкельной повинности округа, имевшимися в делах Закатальской поземельной комиссии 1870—1872 гг., показало, что, за исключением некоторого количества выкупленных кешкелей в 1908 году, кешкельная повинность отбывается в этих селениях в том же размере, что и сорок лет назад.

По шести селениям — Алиабад, Верхиан, Мосул, Загам, Ляляло, Чобанколь — соответствия между показаниями поселян и взимателей не получилось, так как притязания последних значительно превышали то, что показали за собой плательщики. В виду такого обстоятельства комиссия произвела по перечисленным селениям вторичный учет повинностей по отдельным кешкелям и кешкельным участкам каждого данного селения, с точной регистрацией тех долей кешкелей, которые были поселянами выкуплены, так что размеры повинности, следующей с поселян этих селений, должны быть признаны зарегистрированными с точностью.

В частности, по сел. Мосул оказалось, что поселяне при первоначальной регистрации следующую с них повинность показали в половинном размере против того, что с них следовало согласно данным комиссии 1870—1872 гг. и сведениям местной администрации и податной инспекции, причем не могли указать, когда именно и по чьему распоряжению последовало уменьшение мосульского кешкеля. Вследствие этого комиссия сама установила общую сумму повинности этого селения согласно действительной норме ее, приняв во внимание точно

учтенные ею выкупленные кешкели и записав эту сумму за всем обществом сел. Мосул, а не за отдельными дымами, в виду категорического отказа поселян давать комиссии вторично какие бы то ни было показания.

Но и после этого сумма повинностей, определенная кешкелеполучателями, значительно превышала определенную комиссией. В частности по отдельным селениям процент превышения составлял: по сел. Алиабад — 7,06; Верхиан — 8,74; Мосул — 5,72; Загам — 5,44; Ляляло — 6,22 и Чобанколь — 9,64. Несмотря на принятые старания, кешкелевзиматели не соглашались исправить свои показания, и потому, приняв во внимание, что повинности поселян были учтены точно и увеличить их размеры оказалось невозможным, комиссия вынуждена была по спискам кешкелевладельцев, получающих доход с перечисленных шести селений, уменьшить долю каждого кешкелевладельца на указанный выше процент.

В результате своих работ комиссия составила по каждому селению округа списки всех кешкелеплательщиков и кешкелевладельцев с показанием против каждого имени доли следующей повинности в туземных мерах (тагары и чанахи) и денежной оценки каждой доли, по ценам, утвержденным комиссией при участии представителей сторон.

По двум кешкельным селениям — Мосул и Чудуло, поименных списков плательщиков не составлялось: по первому селению в виду обстоятельств, указанных выше, а по второму — на том основании, что уплата чудулинского кешкеля в равных долях возлагается по раскладке общества на весь наличный состав дымов Поэтому, в обоих поименованных селениях кешкельная повинность записана за всем сельским обществом.

По всему округу ежегодно размер кешкельной повинности определен в 22 042 р. 84 к.

В раятских селениях обследование повинностей производилось при деятельном участии как поселян, так и беков, причем в огромном большинстве случаев комиссией размер повинностей был определен согласно указаниям обеих сторон, почти не расходившихся в своих заявлениях по этому вопросу, и по этим селениям комиссией были составлены поименные списки получателей повинностей и плательщиков.

Относительно списков этого последнего рода необходимо иметь в виду следующее.

Раятские повинности отбываются лишь теми дымами, которые принимают участие в пользовании общественной землей; следовательно, общий размер повинности по каждому раятскому селению не представляет величины определенной, и последняя находится в зависимости от числа дымов в данное время. При таких условиях, поименные списки раят не имеют того значения, какое имеют списки кешкелеплательщиков: последние в виду индивидуального характера кешкельной повинности, представляют перечисление лиц, являющихся непосредственно ответственными пред получателями, тогда как списки наличных раят были составлены лишь для выяснения общей суммы повинности по каждому селению и в случае выкупа повинностей выкупная сумма должна быть ежегодно распределяема по раскладке между наличным числом дымов ко времени каждой раскладки.

Общий годовой размер раятской повинности определен был комиссией в 6 454 руб. 2½ коп.

Общая же сумма всех ежегодных повинностей, уплачиваемых поселянами Закатальского округа, составляет 28 496 руб. 86½ коп.

В основание такой оценки существующих в Закатальском округе

повинностей были положены средние цены, существовавшие в округе на предметы повинностей за время с 1902 по 1906 г., причем самые цены определены были путем опроса на местах представителей сторон, торговцев и пр., а также на основании сведений податной инспекции и окружной администрации. Представители беков, получающих повинности с раят, цены, определенные партиями, признали правильными.

Кешкелевладельцы лишь одного селения Джары просили о повышении цен на зерновые продукты, поселяне 4 зависимых селений округа просили о понижении цен, но заявления эти комиссией при участии представителей сторон признаны были не заслуживающими уважения.

По Дагестанской области совещание признало необходимым поручить начальникам округов и податным инспекторам выяснить совместно, какие из повинностей считаются в настоящее время в каждом из зависимых селений существующими, перевести эти повинности на денежную оценку по местным ценам, привести количество уплачиваемых поселянами повинностей в связь с размерами владеемой ими земли, пред'явить результаты своих исследований заинтересованным сторонам, отобрав у них, в случае надобности об'яснения, почему именно стороны не согласны с выводами начальника округа и податного инспектора о размере и роде повинностей. Для организации и руководства работами начальников округов и податных инспекторов в Темир-Хан-Шуре, под председательством военного губернатора Дагестанской области в составе названных должностных лиц и при участии представителей от заинтересованных сторон, была образована временная областная комиссия. К руководству по выполнению этой работы была дана одобренная наместником его императорского величества на Кавказе инструкция, сообразно которой денежная оценка подлежащих выкупу повинностей должна была производиться по обычным местным ценам. Так как эти сведения должны были послужить основанием для определения общей суммы, потребной для ликвидации зависимых отношений, являющейся отражением действительно существующих в настоящее время отношений между беками и поселянами, то производящим обследование лицам поручено было обратить особое внимание на то, чтобы ими были зарегистрированы повинности, действительно ныне отбываемые бекам. Повинности, прежде существовавшие, но впоследствии не отбывавшиеся, должны считаться упраздненными. Самый же размер повинностей должен был быть определен не по нормам, применявшимся раньше, а по современным, нередко значительно уменьшенным против прежних.

Дагестанская областная комиссия по вопросу о расценке повинностей и определении размера их дала следующие руководящие указания лицам, производящим обследования на местах: 1) под термином «местные цены» надо понимать рыночную цену известного района селений, находящихся в одинаковых экономических условиях, за последние три года и притом после сбора урожая и 2) при выяснении повинностей поселян к бекам должны быть зарегистрированы все те повинности, которые подлежат отбыванию, за исключением лишь потерявших в настоящее время свое значение, или неподдающихся учету или, наконец, на неотбывание которых со стороны беков не было выражено никакого протеста в форме иска в судебных учреждениях.

Выполнение означенного поручения не вызвало особых затруднений по большинству округов области, кроме Северо-Табасаранского участка Кайтаго-Табасаранского округа. Здесь, как изложено выше, раяты перестали отбывать повинности бекам уже 10—12 лет назад, вследствие

чего они теперь считают себя свободными от каких-либо обязательных отношений к бекам. Начальник округа и податной инспектор, приняв во внимание, что отбывание повинностей прекращено самовольно, что беки постоянно добиваются восстановления своих прав в судебном и административном порядке и что поэтому повинности поселян не могут считаться упраздненными, определили размер их по тем нормам, по которым они фактически отбывались в последние годы отбывания раятских повинностей в Кайтаго-Табасаранском округе.

К этому же периоду времени приурочена была норма расценки повинностей.

В виду того, что аналогичные работы по Закатальскому округу, оконченные раньше, чем в Дагестане, дали добытые практикой приемы обследования, а также указания, которые желательно было бы применить и к дагестанским работам, в названную область были командированы работавшие в Закатальском округе чины канцелярии наместника и податной инспекции для обозрения трудов начальников округов и податных инспекторов и для об'единения и направления их сообразно практике закатальской комиссии.

Ознакомившись с произведенными работами, командированные чины произвели в них некоторые изменения, наиболее существенные по округам Темир-Хан-Шуринскому и Кайтаго-Табасаранскому, где повинности отбываются в наибольших размерах, а отношения между поселянами и беками неудовлетворительны. Поставив ближайшей своей задачей склонить обе стороны способствовать ликвидации зависимых между ними отношений путем полюбовных соглашений по вопросу о размере повинностей и оценке их, командированные чины достигли добровольных соглашений по этим вопросам по преобладающему большинству селений Темир-Хан-Шуринского округа. В результате таких соглашений последовало некоторое изменение как в размере повинностей, так и в определении цен их, в соответствии с чем общий размер этих повинностей по денежной оценке, установленный начальником округа и податным инспектором в 7 900 руб., окончательно определился в 6 114 руб. Совершенно не последовало никаких соглашений по Кайтаго-Табасаранскому округу. В Северо-Табасаранском участке этого округа поселяне вообще отрицали какие бы то ни было права беков на получение повинностей; в Нижне-Кайтагском участке между сторонами разногласие происходило, главным образом, по вопросу о ценах на предметы повинностей. Руководствуясь судебными решениями, представленными некоторыми беками Табасарани, командированные чины произвели по нескольким селениям округа изменения и в размере повинностей. Что же касается оценки этих повинностей, то способ определения цен на предметы повинностей признан был несоответствующим ни практике закатальских работ, ни указаниям Дагестанской комиссии.

Начальник округа и податной инспектор по значительной части округа оценку повинностей произвели по данным того периода времени, когда повинности поселянами еще отбывались, в том соображении, что и самый размер повинностей определен по данным того же времени Между тем к данным этого времени в вопросе о размере повинностей по необходимости пришлось обратиться потому лишь, что, как изложено выше, за последние 10 лет табасаранские раяты перестали отбывать повинности. Но так как последние признаны юридически существующими ко времени производства работ, т. е. к 1908 году, хотя и в размерах прежних годов, то и оценка этой ныне существующей обязанности должна бы производиться сообразно указаниям, данным главным начальником края, областной комиссией и в

соответствии со способами оценки в остальных районах Дагестана и в Закатальском округе, т. е. по средним ценам последних годов.

Что касается повинностей по Нижне-Кайтагскому участку названного округа, где отбывание повинностей никогда не прекращалось, то и там оценка повинностей казалась несколько низкой. В виду этого командированные чины, приняв во внимание существующие средние цены последних годов, повысили расценку повинностей по всему Кайтаго-Табасаранскому округу, в результате чего общая сумма их вместо 15 494 р. определилась в 18 349 руб. 10 коп., каковая сумма впоследствии, по жалобе одного из беков, была повышена областной комиссией еще до 18 612 руб. 10 коп.

Менее значительные изменения в размере и цене повинностей сделаны были также по Кюринскому округу. где отбывание повинностей вообще не вызвало споров и по Казикумухскому. О всех изменениях в определении размеров и оценке повинностей сделаны отметки в ведомостях обследования.

Дагестанская областная комиссия утвердила повышенную расценку повинностей, что вызвало возражения местных начальников округов и податных инспекторов.

Как беки, так и поселяне были письменно поставлены в известность об установленном размере и оценке повинностей, причем им дан достаточный срок на подачу заявлений о несогласии со сделанными определениями в областную комиссию. Таковых заявлений не поступило вовсе по округам Кюринскому, Аварскому, Казикумухскому и Самурскому, вследствие чего комиссия утвердила результаты произведенного по этим округам обследования с теми изменениями в отношении размера повинностей и расценки их (повышенной), какие сделаны были командированными из Тифлиса чинами.

По Темир-Хан-Шуринскому округу подано было несколько прошений поверенными поселянских обществ, ходатайствовавших об уменьшении исчисленных размеров повинностей, следующих с них, или даже о полном освобождении их от отбывания повинностей, и заявление одного бека по сел. Эрпели о повышении размера повинности.

Просьбы эти областной комиссией не удовлетворены.

По Кайтаго-Табасаранскому округу, точно так же, поселянами сделан ряд заявлений, об освобождении их от раятской зависимости, каковые заявления оставлены без последствий.

Что касается беков, то по Нижне-Кайтагскому участку с их стороны вовсе не последовало выражений неудовольствия на оценку следующих в их пользу повинностей ни в областной комиссии, ни впоследствии, главному кавказскому начальству, ни центральному правительству. В большинстве случаев они из'явили согласие с оценкой повинностей, произведенной командированными чинами, в чем от них отобраны расписки. Обстоятельство это заслуживает быть отмеченным в виду того, что немногочисленные Кайтагские беки являются наиболее крупными и заинтересованными получателями раятских повинностей по названному округу. Поверенный одного из таких беков, которому принадлежит право на наибольшую часть повинностей, гвардии генерал-майора Уцмиева, признавая приемлемой расценку повинностей, утвержденную областной комиссией, выразил лишь пожелание, чтобы выкупная сумма была выдана, по осуществлении реформы, наличными деньгами и притом единовременно.

Названный землевладелец просил об увеличении размера следующей ему повинности лишь по сел. Каякент, определенного, по его мнению, местными чинами и командированными чиновниками непра-

вильно. Ходатайство это комиссия удовлетворила, определив годовую стоимость повинности по сел. Каякент вместо 1 150 руб. в 1 440 руб.

Жалоба другого лица — Казай-бека Уцмиева об увеличении числа раятских дымов по сел. Туманляр признана не подлежащей удовлетворению.

Что касается табасаранских беков, то одна часть их не сделала никаких возражений по поводу результатов произведенного обследования принадлежащих им повинностей; другая же часть сделала ряд возражений как по вопросу об определении размеров повинностей, так и оценке их.

Сущность их заявлений, изложенных в жалобе беков табасаранских председателю совета министров и в прошении на имя наместника его императорского величества на Кавказе землевладельцев селения Мугатыр и Митаги, заключалась в том, что определение размеров повинностей, следующих в их пользу, должно было быть сделано не по действительно применявшимся нормам, а по нормам, определенным сословно-поземельной комиссией на основании так называемых инструкций. Кроме того, беки табасаранские находили и оценку повинностей чрезмерно низкой, предлагая свою, приближающуюся к справочным ценам администрации.

Выше было изложено, что определение размеров и видов повинностей, сделанное в так называемых инструкциях и ведомостях, относится к концу 60-х годов прошлого столетия; между тем, несомненно, что в настоящее время раятские повинности отбываются беками далеко не по тем нормам, по каким они были зарегистрированы в указанное время местной администрацией и южно-дагестанской сословно-поземельной комиссией; кроме того, многие виды повинностей вовсе перестали отбываться.

Ввиду этого и принимая во внимание, что согласно указаниям, преподанным наместником его императорского величества на Кавказе, выкупу подлежат лишь действительно существующие повинности, отбываемые по современным нормам, причем оценка их должна быть произведена по обычным местным ценам, комиссия заявления эти оставила без удовлетворения, кроме одного, поданного по сел. Мугатыр, о включении в число зависимых поселян 6 еврейских дымов.

При обследовании повинностей было выяснено, что в 1908 году целый ряд селений Дагестанской области должен быть признан свободным от отбывания повинностей по следующим основаниям. Селения Имам-Кули-Кент. Барбар-Кент и Махмуд-Кент, Кюринского округа, Хулисма, Бурши, Чаравалю, Сумбат и Кулюшац, Казикумухского округа и Цалкита, Аварского округа, издавна прекратили отбывать повинности при молчаливом согласии прежних получателей их. Сел. Эчеды, Андийского округа, и Ишкарты, Темир-Хан-Шуринского округа, выкупили свои повинности. По сел. Нита, Накитль и Датун отбывание повинностей прекращено по судебному приговору. Наконец, от получения повинностей по сел. Кафыр-Кумык, единственному в области, отказался добровольно за себя и за свое потомство местный бек князь Тарковский.

По всем селениям области составлены ведомости, заключающие в себе описание повинностей по каждому селению с переводом их на денежную оценку, с указанием тех беков, в пользу которых повинности отбываются.

За всеми произведенными изменениями областная комиссия определила ежегодные повинности поселян Дагестанской области в следующих цифрах.

Темир-Хан-Шуринский округ	8114—80
Кайтаго-Табасаранский	18 12—10
Кюринский	472[illegible]—09
Казикумухский	71—30
Самурский	635—65
Аварский	72—00
Итого . . .	30330—94

Расценка эта, по заключению военного губернатора Дагестанской области, установлена по нормам в высшей степени умеренным, не подлежащим ни в какой мере дальнейшим сокращениям без опасения нарушить справедливые интересы взимателей повинностей.

Общий же ежегодный размер повинностей по Дагестанской области и Закатальскому округу, по денежной оценке 1908 года, определяется в сумме 58 727 руб. 80½ коп.

Соображения о способах ликвидации зависимых отношений.

При обсуждении оснований, по которым должна быть произведена ликвидация зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам в Дагестане и в Закатальском округе, необходимо, прежде всего, разрешить вопрос о том, подлежат ли эти районы или какая-либо часть их действию высочайшего рескрипта 6 декабря 1846 года, положенного в основание решения сословно-поземельного вопроса в прочих мусульманских провинциях Закавказья. Если б этот вопрос пришлось разрешить в положительном смысле, то реформа зависимых отношений в Дагестанской области и в Закатальском округе представлялась бы в следующем виде: на эти районы пришлось бы распространить действие поселянского положения 14 мая 1870 года с необходимыми, по местным условиям, изменениями, или же выработать новое местное положение, а затем выкуп признанных этим положением повинностей произвести на общих основаниях, т. е. по капитализации стоимости их из 6%. Такое решение вопроса представлялось бы справедливым, так как не было бы оснований производить ликвидацию зависимых отношений в указанных частях Закавказья иначе, чем в остальных местностях края, коль скоро права местных получателей повинностей, не отличаясь какими-либо особенностями, подлежат действию одного и того же закона — рескрипта 6 декабря 1846 г.

Обращаясь к рассмотрению этого вопроса, необходимо признать, что по обнародовании рескрипта высшая в крае власть не сомневалась в том, что он не подлежит применению в Закатальском округе и в тех частях Дагестана, которые, хотя и считались входящими в состав Закавказского края, но не находились под непосредственным русским управлением, к каковым частям надлежит отнести шамхальство Тарковское, ханства: Аварское, Кюра-Казикумухское и Мехтулинское и земли лезгин, т. е. большую часть нынешнего Дагестана. По крайней мере, и самого вопроса о распространении рескрипта на эти районы в то время не возбуждалось. Возможность применения рескрипта к тому краю предполагалась лишь в пределах бывших Дербентского (в состав которого входили нынешние Кайтаг и Табасарань) и Кубинского уездов тогдашней Дербентской губернии. Образованной в 1848 году дербентской комиссии и было поручено рассмотреть вопрос о применении к этому краю изданных в развитие рескрипта положений. Комиссия эта, окончив свои работы в 1852 году, составила списки беков, за коими, по ее мнению, подлежат укреплению, по силе рескрипта, населенные земли, но заключения ее, как изложено выше, утвержде-

ны не были. Таким образом, рескрипт 6 декабря 1846 года не получил распространения ни в Закатальском округе, ни в Дагестанской области, и самый вопрос о возможности применения указанных им начал к разрешению местного сословно-поземельного вопроса в зависимых селениях до сего времени остается открытым.

В случае признания возможности применить эти начала к проектируемому ныне прекращению зависимости поселян Дагестана и Закатальского округа пришлось бы и в настоящем случае использовать принятый всеми крестьянскими и поселянскими законоположениями выкуп существующих поселянских повинностей в пользу беков и кешкелевладельцев путем капитализации их из 6%. Способ этот до сего времени повсюду был применен к надельным землям, принадлежащим владельцам на праве собственности, т. е. в этом случае погашалось право помещиков не только на повинность, но и отчуждалось у них и самое право на землю; другими словами, это был выкуп земли крестьянами. Но прежде чем высказываться за подобный способ ликвидации, необходимо было бы установить, что до присоединения Дагестана и Закатальского округа к России земли, состоящие в пользовании поселян, принадлежали местным ханам, бекам и кешкелевладельцам на вотчинном праве, или же что такое право, если оно не принадлежало им в то время, было им предоставлено при русском правительстве. В случае, если бы оказалось, что такие права имелись у владельцев во времена ханского управления или предоставлены им после, то, конечно, единственным способом прекращения зависимых отношений поселян от беков являлся бы выкуп повинностей по означенной капитализации. В противном случае должен быть найден иной способ.

В общем характере отбываемых поселянами Закатальского округа и Дагестанской области повинностей едва ли можно сомневаться: они отбывались или в виде дани покоренного племени (кешкельная повинность) или за труд управления, были чем-то вроде государственных податей, а не платой за пользование землей.

Наиболее отчетливо подобный публично-правовой характер поселянской зависимости проявляется в институте кешкельного права. Последнее возникло в результате покорения лезгинами аборигенов нынешнего Закатальского округа, обложенных победителями кешкельной данью. Таким образом, возникновение этой повинности указывает на ее неземельный характер. Точно так же в современном строе этого института не имеется ни одного вотчинного признака. Кешкелевладельцы не только не имеют никаких прав на кешкельную землю, но даже не могут указать того участка земли, с которого им отбывается кешкель. Вся кешкельная земля находится в ничем неограниченном со стороны кешкелевладельцев пользовании и распоряжении поселян.

Происхождение раятской зависимости Закатальского округа аналогично кешкельной. Елисуйские султаны, по происхождению дагестанские лезгины, в состав владений которых входила восточная часть нынешнего Закатальского округа (район раятских селений), явились покровителями коренного населения, которое и было обложено различными повинностями, имевшими значение дани за управление; среди повинностей главную роль играл хлебный оброк, имевший много общего с кешкельной данью. Часть доходов с поселян султаном была предоставлена бекам, членам владельческого дома, между которыми и были распределены раятские селения, разумеется, на том же праве, на каком пользовался доходами с них султан. Таким образом, и здесь первоначально повинности носили характер административный, но впоследствии, по присоединении султанства Елисуйского к России в 1844 г.,

влияние беков, ставших более самостоятельными, усилилось, и они стали присваивать вотчинные права, вмешивались в распоряжения поселянскими землями, занимая их и произвольно увеличивая обложение. Без сомнения, развитию частноправных отношений между беками и поселянами много способствовало и заселение территории бывшего султанства выходцами из соседних провинций, оседавшими на предлагаемых управителями-беками условиях на землях, составлявших, без сомнения, часть государственной территории султаната, а не предмет частного обладания беков.

Обращаясь к Дагестанской области, необходимо прежде всего отметить, что во всем этом крае повинности поселян носят неземельный характер даже там, где они отбываются произведениями земли. Выше, в очерке зависимых отношений в Дагестане было подробно указано, что основанием для отбывания повинностей там является не земля, а рабочая сила.

Беки не заинтересованы в количестве земли, находящемся в пользовании поселян, и при разделе совладельцами прав на повинности они распределяют последние между собой не по количеству поселянской земли, а по числу дымов. Поселянские повинности в Дагестане не имеют прямого отношения ни к трудоспособности отдельной податной единицы, ни к ее состоятельности, ни к земельной обеспеченности: как бы различно ни было количество земли у отдельных поселян, они все вносят повинности бекам в одинаковом размере.

Еврейское население зависимых селений, не имея вовсе полевых угодий, а владея лишь землей под постройками, тоже уплачивает повинности бекам. Существуют раяты, проживающие на землях свободных селений, следовательно не владеющие в собственном смысле этого слова раятской землей (селения Кайтаго-Табасаранского округа Берекей, Вели-Кент), и тем не менее уплачивающие бекам повинности. Этого не могло бы быть, если бы отбывание повинности обусловливалось пользованием бекской землей.

Командированная в 1901 году в Дагестанскую область временная комиссия обнаружила, при об'езде раятских селений, что некоторые раяты, утратив свои земельные участки, приобрели себе новые в черте земель свободных селений и, несмотря на это, продолжают нести повинности бекам. Наоборот, свободные поселяне, приобревшие земельные участки у раят, никаких повинностей бекам не несут.

Для характеристики поселянских повинностей, как института неземельного, может служить и существование такого рода повинностей, которые, без сомнения, проистекают из неземельных прав беков. Так, в некоторых селениях беки получили определенную плату за право выхода женщины замуж: девушки — в большем размере, вдовы — в меньшем.

В некоторых селениях Кайтаго-Табасаранского округа существовала обязанность раят уплачивать беку некоторое количество зерна с заработков на стороне. В селениях с развитым садоводством беку уплачивалась пошлина за покупаемые у раят фрукты.

Все эти повинности ныне не существуют. В настоящее время отношения беков к раятам выражаются лишь в праве получения повинностей. Самой землей поселяне распоряжаются вполне самостоятельно, не испрашивая разрешения бека. Единственным определенным указанием на принадлежность раятских земель бекам является поступление выморочных поселянских участков в их пользу. Впрочем, по обследованиям поземельных комиссий, право это встречается спорадически и является, повидимому, далеко не установленным. Но помимо того, что это не было общим правилом, и выморочные земли поступали обыкновенно сель-

скому обществу, бек при прежнем деспотическом правлении всегда имел возможность захватить свободный участок, больший, чем сельское общество.

Таким образом, у дагестанских беков не имеется ни одного из признаков права собственности на землю, состоящую у поселян: ни права владения, ни пользования, ни распоряжения, хотя бекам принадлежат сервитутные права на земли поселян (и обратно), наличность каковых ограниченных вещных прав, не обозначает, впрочем, принадлежности владельцам сервитутов и самой земли.

В общей массе зависимых селений Дагестана совершенно иной характер носят повинности одного селения Кая-Кент, Кайтаго-Табасаранского округа. В пользовании поселян этого общества состоит участок пахотной земли, мерой приблизительно 360 десятин, купленный некогда отцом нынешнего бека этого селения и переданный обществу на вечные времена под условием уплаты поселянами пшеницы в количестве от 1 000 до 1 500 саб [1].

Неземельный характер повинностей поселян Дагестана является естественным результатом тех исторических и бытовых обстоятельств, вызвавших к жизни этот институт.

Зависимые отношения существуют лишь в тех частях Дагестана, которые входили в состав прежних туземных владений, во главе которых стояли наследственные правители, носившие различные наименования (хан, шамхал, кадий, уцмий, майсум). Правители эти, взимавшие с населения различные подати и повинности, раздавали членам своих семейств или приближенным лицам в управление отдельные районы своих владений, предоставляя таким второстепенным управителям-бекам и владетельские доходы с подчиненных им деревень. Этим об'ясняется то обстоятельство, что в северной Табасарани взимателями раятских повинностей являются беки Табасаранские, потомки бывшего правителя Табасарани — кадия; в Нижнем Кайтаге — потомки бывшего владетеля уцмия, беки Уцмиевы; в южной Табасарани в числе других — беки Майсумовы, потомки местного майсума — и т. д., т. е. совершенно так же, как в Закатальском округе, где раяты отбывают повинности членам бывшего владетельного дома.

Такая раздача деревень в управление практиковалась еще в сравнительно недавнее время; так, например, в Кюре до 1812 года вовсе не было беков, и поселяне не отбывали бекских повинностей. С назначением в 1811 году Кюринским ханом Аслан-хана вслед за ним прибыли в Кюру и его многочисленные родственники из Казикумуха, которым он стал раздавать в управление деревни Кюринского ханства. Таким образом, бекское сословие появилось в этой части Дагестана при русском управлении.

Время и обстоятельства возникновения повинностей кюринских поселян бекам не оставляют никакого сомнения в том, что повинности эти — неземельного происхождения.

Другим, не менее характерным примером возникновения поселянских повинностей бекам являются повинности селений Луткун и Яллах, Самурского округа. Жители этих селений добровольно поступили под покровительство Казикумухских ханов с обязательством платить им за покровительство определенную хлебную дань, впоследствии уступленную одним из ханов Какинским бекам, нынешним взимателям этих повинностей.

Переход состоящих в управлении беков деревень с правом получения доходов по наследству, естественно мог привести беков к тому убеж-

[1] Саба — мера для зерна, равная 1 пуду 15 фунтам.

дению, что деревни эти принадлежат им на вотчинном праве, убеждению, которое с водворением русского управления и с постепенным проникновением русских правовых взглядов и понятий о поместном владении, должно было окрепнуть в направлении, совершенно несоответствующем истинной природе бекских прав. Подобному перевороту в представлениях беков на характер их отношений к поселянам, без сомнения, способствовало и отношение к этому вопросу русского правительства. Традиционное, после Ермолова, невмешательство русской власти во внутренние дела местных владений, соединенное с поддержанием всех особенностей местной правовой жизни, возведенное в принцип при кн. Барятинском, было причиной того, что владетели и беки получили возможность развивать и усиливать свои права по отношению к поселянам, истолковывая их в желательном для них смысле. Без сомнения, много способствовали развитию убеждения беков в принадлежности им прав на самые земли, населенные раятами, работы дербентской комиссии, которая, приступив к обследованию вопроса о населенных имениях, могущих быть укрепленными за беками в порядке рескрипта 6 декабря 1846 года, внушила бекам уверенность, будто населенные поселянами земли составляют собственность беков, а взимаемые ими повинности являются не вознаграждением за покровительство и охрану безопасности, а земельной рентой.

Что такой взгляд беков — новейшего происхождения это, между прочим, подтверждается тем, что в делах и переписках, производившихся по нынешней Дагестанской области до воспоследования рескрипта 6 декабря 1846 года и до образования дербентской комиссии, не имеется даже и намеков на поместные права беков. По крайней мере, упомянутая выше комиссия, работавшая в 1901 году в Дагестане по бекско-раятскому вопросу и ознакомившаяся с делами Дербентского архива, относящимися к этому вопросу, не обнаружила в них никаких сведений о земельной собственности беков, получавших повинности; самое выражение «населенное имение», впоследствии столь употребительное, тогда вовсе не встречалось, и определяемое им понятие было чуждо народу. Всюду шла речь о деревнях и их управлении, о доходах с них, без всякого отношения к земле.

Если первоначально русское правительство не заблуждалось относительно природы бекских и ханских прав, не стесняясь за измену отнимать доходы с деревень и отдавать их другим лицам, то впоследствии оно само же не смогло предотвратить превращения бекских прав в институт частного права даже в тех случаях, когда истинное значение этих прав было вполне ясно. В этом отношении весьма характерен следующий пример. В 1847 году князь Воронцов, вследствие спора заселения Урума, Дургели и Параул, Темир-Хан-Шуринского округа, предписал раз'яснить шамхалу Тарковскому, что деревни эти, отданные Ермоловым Мехти-шамхалу в вознаграждение услуг, оказанных последним русскому правительству, «не составляют его личной собственности, но достояние шамхальского дома, и не могут быть шахмалами без согласия правительства отчуждаемы, так точно, как и другие части шахмальства», почему шахмалу «предоставляется право пользоваться доходами и повинностями с жителей по обычаю края, но с тем однако же условием, чтобы все взаимные отношения жителей и обычаи касательно пастбищ, воды и пр. отнюдь не изменились в том положении, как это существовало издревле до поступления деревень к разным владельцам...» Несмотря на этот ясно выраженный взгляд правительства относительно деревень, принадлежащих ханам и бекам, условия пользования ими остались неизмененными на прак-

тике, и теми же деревнями, по поводу которых последовало вышеприведенное раз'яснение князя Воронцова, князь Абумуслим Тарковский распоряжался на том же праве, как и своими родовыми, отчуждая их по своему усмотрению; так например, сел. Параул отдано было им в 1853 г. в пользование сыну своему чанке Таймаз-хану, а некоторые из населенных участков проданы в частные руки.

В настоящее время селения Дургели и Параул принадлежат к числу зависимых селений.

Укреплению взглядов беков на принадлежавшие им доходы, как на предмет частного обладания, не могла не способствовать следующая непоследовательность, допущенная правительством уже в новейшее время, при окончательной ликвидации местных туземных владений Дагестана.

В 1865 году было упразднено Кюринское ханство, преобразованное в округ. Последнему хану была пожалована денежная пенсия, и взамен всех угодий, которыми он пользовался по званию хана, отведен в вечное и потомственное владение в Кюринском округе из так называемых ханских земель участок земли в количестве 4 000 десятин. Жители Кюринского округа, взамен всех отбываемых казенных и ханских налогов, были обложены общим денежным сбором. Но, освободив жителей Кюринского округа от уплаты повинностей, отбывавшихся непосредственно хану, русское правительство не освободило их от отбывания повинностей бекам, между тем, упразднить и эти повинности представлялось бы вполне справедливым, так как права кюринских беков, родственников и приближенных кюринского хана, были того же происхождения, что и ханские, возникнув не более как за 50—55 лет до упразднения ханства из права управления, а не из обладания землей.

Совершенно то же повторилось с упразднением бывших туземных владений нынешнего Темир-Хан-Шуринского округа — шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского. В 1867 году шамхальство и ханство были упразднены, причем последний шамхал князь Шамсудин-хан добровольно отказался от всех повинностей, следовавших ему «по званию шамхала и землевладельца» с подвластных ему деревень. От уплаты таковых же налогов хану мехтулинскому подвластное ему население было освобождено по высочайшему повелению.

Между тем, за беками, пользовавшимися повинностями в селениях бывших шамхальства и ханства, таковые были сохранены, и они ими пользуются до сего времени, хотя права на получение этих повинностей, уступленные им правителями, подлежали упразднению по тем же основаниям, по каким было признано необходимым упразднить все вообще политические права в местных туземных владениях.

Наиболее всего распространено убеждение в принадлежности раятской земли взимателям повинностей среди беков Кайтаго-Табасаранского округа, в котором зависимые отношения и размер повинностей достигли наибольшего развития.

В подтверждение земельного происхождения взимаемых ими повинностей местные беки, между прочим, ссылались при обследовании повинностей в 1908 году на то, что многие из раят, в особенности жители так называемых терекемейских селений (расположенных на берегу Каспийского моря севернее Дербента) являются переселенцами из других мусульманских провинций, водворенных на землях уцмия, под условием отбывания повинностей. Факт этот, однако, опровергается преданием об обстоятельствах заселения этого района Кайтаго-Табасаранского округа, записанным и внесенным в составленный председателем южно-дагестанской сословно-поземельной комиссии полковником Мадатовым исторический очерк южного Дагестана. Оказывается, что тереке-

мейские земли принадлежали жителям верхнего Кайтага и отчасти башлинцам. За сопротивление, оказанное ими уцмию Султан-Ахмеду, последний перебил часть их, отнял земли и заселил выходцами из разных мест, предоставив таким образом последним не собственные пустопорожние земли в качестве землевладельца, а отнятые им у неприятеля в качестве правителя. Следовательно, и версия о заселении Терекемейского района колонистами не может служить доказательством принадлежности этих земель потомкам уцмия на вотчинном праве.

Беки Темир-Хан-Шуринского округа (за немногими случайными исключениями) и Кюринского не заявляют претензий на принадлежность им состоящих в пользовании поселян земель.

Вопрос о происхождении повинностей поселян Казикумухского округа (и сел. Цельмест, Аварского) остается невыясненным. Ввиду незначительного размера этих повинностей, едва ли можно предполагать в них плату за пользование землями. По крайней мере, в 1908 году, при обследовании этих повинностей, получатели их, при опросах, не придавали им такого значения и скорее всего дорожили ими как своеобразной сословной привилегией, материального интереса не представляющей.

Особое мнение члена южно-дагестанской сословно-поземельной комиссии майора Симонова и справки из архивных дел, извлеченных командированной в Дагестан в 1901 году временной комиссией, содержат в себе много фактических доказательств неземельного происхождения повинностей Дагестанской области.

На основании изложенных соображений необходимо притти к заключению, что ни ханы, ни беки Дагестанской области никогда не были владельцами населенных имений, что таковые права не были им предоставлены рескриптом 6 декабря 1846 года и что сохранившиеся на населении в пользу этих лиц повинности имели лишь характер подати в пользу правящего класса или дани завоевателям.

При таких условиях мог бы возникнуть вопрос, не следует ли за устранением ныне ханов и беков от управления и за освобождением закатальских кешкелевладельцев от политической зависимости лезгинам, отменить повинности поселян бекам и кешкелевладельцам Дагестана и Закатальского округа вовсе без всякого вознаграждения.

Директор канцелярии полагает, что подобный способ решения настоящего вопроса представляется совершенно неприемлемым ввиду следующих соображений.

Русское правительство, по введении туземных дагестанских владений в состав империи, обыкновенно давало в грамотах ханам и прокламациях народу обещание владетелям,— а в лице их и бекам,— сохранить прежнее внутреннее управление присоединяемых провинций и оставить незыблемыми прежние права как высшего сословия, так и всей массы населения.

То же было сделано и при присоединении к России лезгинской вольной общины Закатальского округа.

Подобные государственные обязательства представляли не случайное явление, а необходимую политическую систему, усвоенную в отношении туземных владений потому, что она представляла единственное средство, которое давало возможность присоединять ханства к России и поддерживать в них внутренний порядок.

При тогдашнем состоянии внутреннего быта этих владений, при тогдашних средствах, которыми располагало русское правительство, не могло бы быть в то время и речи о полной инкорпорации их в состав империи на основаниях, одинаковых с другими частями ее.

При таких условиях единственным средством для этой цели было действовать через владетелей и беков, привлекать их на сторону России, сохранять все их права в неприкосновенности, укрепляя их положение среди населения и требуя взамен внутреннего порядка в их владениях.

Оставление ханских и тем самым бекских прав неприкосновенными по трактатам, заключенным с ханами, не было какой-либо милостью со стороны русской власти; эти положения трактатов были обоюдной необходимостью для обеих сторон: для России они были conditio sine qua non присоединения Дагестана, для ханов же было выгодно входить в соглашение с Россией на условиях сохранения их прав; на этих условиях они даже содействовали России в покорении независимых ханств; такое содействие оказал, например, кюринский хан Асланбек при покорении Аварского ханства.

Но будь это подчинение ханов соединено с лишением их прав, присоединение отдельных частей Дагестана к России совершалось бы не так скоро и с гораздо большими затруднениями и жертвами.

В эти условия, правда, вносилась оговорка, что права на внутреннее управление предоставлялись, по смерти хана, тем его потомкам, которые признаны будут в этом достоинстве государем императором, но смысл этой оговорки состоял в том, что при нескольких наследниках в качестве владетеля ханства мог быть утвержден кто-либо один, и во всяком случае эта оговорка, если и допускала возможность лишения потомства хана этих прав, то не иначе, как при условии неисполнения потомками принятых на себя обязательств подданства.

В действительности, в таких только случаях ханы или их дети и считались русской властью данных им привилегий. Очевидно, что прекращение при таких условиях означенных повинностей в пользу беков и ханов без всякого вознаграждения не соответствовало бы достоинству государства.

Нужно, затем, иметь в виду, что такому прекращению повинностей не соответствовал бы образ действия русского правительства и в минувшее время.

После окончательного уничтожения в местных автономных владениях туземного управления, русское правительство, быть может вследствие неправильного понимания местных обычаев, во всяком случае не уничтожило зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и признало за поселянами обязанность попрежнему отбывать им повинность, впредь до общего разрешения сословно-поземельного вопроса в Дагестанской области и Закатальском округе.

Таким образом, русское правительство признало этот институт, всегда до самого последнего времени давало ему законную административную и судебную охрану, никогда не считая закономерными такие проявления, как самовольное прекращение поселянами платежа повинностей; следовательно, правительство всегда в течение последних сорока лет культивировало тот взгляд, широко проникший в сознание местного населения и в особенности высшего его сословия, что получение повинностей есть право.

Уничтожение при таких условиях этих повинностей, без вознаграждения, не соответствовало бы коренному положению нашего законодательства, не допускающего лишения кого-либо его прав, даже для государственных надобностей, без вознаграждения.

Уклонение от этого принципа, в данном вопросе могло бы создать нежелательное, с государственной точки зрения, предположение о том, что правительство игнорирует законные права беков и кешкелевладельцев в Дагестане и в Закатальском округе и применяет при местной сословно-поземельной реформе начала, противоположные тем, которые

были приняты во внутренних губерниях России и в прочих мусульманских провинциях Закавказья.

Наконец, прекращение зависимых отношений без всякого вознаграждения беков повело бы к полному обнищанию многих из них и к созданию группы неимущих пролетариев, неспособных к труду.

Дело в том, что значительная часть беков и кешкелевладельцев, получая из года в год доходы с подвластного населения, привыкла к праздной жизни и не обзавелась собственным устроенным хозяйством; поэтому оставить их без вознаграждения за доходы с поселян было бы равносильно лишению их единственного источника пропитания.

Основания для ликвидации зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам предуказаны наместником его императорского величества на Кавказе, изволившим высказать во всеподданнейшей записке по управлению Кавказским краем от 10 февраля 1907 года, что выдача вознаграждения указанным лицам за повинности, имеющие, по историческому происхождению, характер не столько поземельный, сколько платы за труды по управлению или дани завоевателю, является безусловно необходимой как потому, что невыплата этого вознаграждения повела бы к серьезным неудовольствиям среди беков и кешкелевладельцев, так и потому, что на Кавказе всюду отмена подобной повинности была оплачена или путем денежных выдач, как, например, у горских племен, или путем перевода крестьян на положение временнообязанных, что было сделано во всех состоящих в гражданском управлении мусульманских местностях края.

Установив, что бекам и кешкелевладельцам Дагестанской области и Закатальского округа должно быть назначено вознаграждение за отмену поступающих в их пользу с населения повинностей, необходимо решить вопрос, на каких же основаниях оно должно быть определено.

Исходным пунктом при решении этого вопроса должно служить, по мнению директора канцелярии, то обстоятельство, установленное предыдущим изложением, что повинности эти вытекают не из прав взимателей их на земли, состоящие в пользовании и владении поселян, а потому, очевидно, капитализация из 6% этого дохода, как принято нашими законоположениями в отношении помещичьих земель, состоящих в наделе у поселян, в этом случае не соответствовала бы об'ему прав беков и кешкелевладельцев.

Другими же справедливыми способами вознаграждения названных лиц за утрачиваемое ими право могли бы явиться выдачи им или пожизненных пенсий или единовременного вознаграждения в размере десятилетней сложности отменяемых доходов, т. е. способы, имевшие применение в аналогичных случаях в мусульманских провинциях Закавказья. Первый практиковался в пределах нынешних губерний — Эриванской, Бакинской и Елисаветпольской, пока там не признаны были высочайшим рескриптом 6 декабря 1846 года права собственности беков на населенные земли; второй же способ был установлен в 1830 году Джаро-Белоканской областью, хотя практического осуществления не получил.

Один из этих способов мог бы быть применен и при предстоящем выкупе повинностей в Дагестанской области и Закатальском округе.

Останавливаясь на том, какой из них предпочтительней, директор канцелярии считает необходимым высказать, что назначение бекам и кешкелевладельцам пенсий представляется несправедливым в том отношении, что продолжительность получения пенсий, завися от различного возраста пенсионеров, ставила бы стариков беков и кешкелевладельцев и их семьи в далеко не одинаковые условия с взимателями повинностей более молодыми, так что лицо преклонного возраста

и обладавшее большими доходами могло бы получать пожизненное вознаграждение лишь в течение очень короткого времени, и семья его, после смерти, неизбежно впала бы в бедность; наоборот, беки молодых лет за отмену незначительных по стоимости повинностей могли бы получить в течение долгого периода времени несоответственно значительное вознаграждение.

Ввиду таких обстоятельств казалось бы более правильным остановиться на втором способе вознаграждения — на уплате бекам десятилетней сложности их доходов, получаемых с поселян. Эта форма ликвидации повинностей давала бы одно общее исходное начало для всех беков по определению следующего им вознаграждения и ставила бы таким образом всех их в одинаковые условия.

Обсуждая затем вопрос, как практически должно быть определено бекам вознаграждение, т. е., должна ли быть установлена общая средняя норма вознаграждения с дыма для всех беков, или же должна быть оценена доходность каждого бека с зависимых именно от него поселянских дымов, директор канцелярии полагает, что первый способ, имеющий преимущество простоты, едва ли может быть приемлем.

Установление одной общей средней нормы вознаграждения бекам и кешкелевладельцам с каждого дыма для целой области или даже для каждого округа особо не соответствовало бы существующему сейчас в Дагестанской области и Закатальском округе строю этого института. В действительности, ни в одном из округов Дагестанской области, ни в Закатальском округе не существует общей нормы отбываемых поселянами повинностей. Напротив, размер повинностей по округам, районам и даже по отдельным селениям отличается поразительным разнообразием, вызываемым разными историческими и экономическими условиями, влиявшими на рост повинностей.

При переводе натуральных повинностей на денежную оценку такое разнообразие их проявляется в еще большей мере. В виде наглядного примера можно указать, что, по оценке повинностей в Дагестане и в Закатальском округе в 1908 году, величина ежегодных платежей поселян бека колеблется по отдельным округам в следующих пределах: по Темир-Хан-Шуринскому округу — от 67 коп. до 2 руб. 31 коп., по Кюринскому округу — от 63 коп. до 8 руб. 65 коп., по Кайтаго-Табасаранскому — от 75 коп. до 17 руб. 91 коп., по Закатальскому (раятские селения) — от 4 руб. 47 коп. до 19 руб. 80 коп. с каждого дыма.

При таких колебаниях установление какой-либо общей нормы вознаграждения в одних случаях равнялось бы несправедливому умалению прав беков и кешкелевладельцев, получающих повинности по высокой норме, а в других случаях без достаточных оснований увеличивало бы низкие нормы.

Поэтому, коль скоро дело идет о выдаче вознаграждения за потерю их прав, последние должны быть оценены по их действительной ценности, каковая определяется оценкой отменяемых повинностей.

Само собой разумеется, что при оценке повинностей должны быть приняты во внимание лишь те из них, которые действительно отбываются или отбывались в последнее время, а не те, которые, числясь за поселянами лишь по документам, инструкциям и т. д., фактически не отбываются и должны считаться упраздненными.

Так именно и было поступлено при оценке повинностей в 1908 году.

Определенная в 1908 году на месте сумма в 58 727 руб. 80½ коп., являющаяся действительным денежным выражением существующих между поселянами и взимателями повинностей отношений, должна бы быть, по мнению директора канцелярии, положена в основание имеющего быть выданного бекам и кешкелевладельцам вознаграждения за

утрачиваемые ими права. Размер последнего, в случае принятия проектируемого настоящей запиской способа исчисления этого вознаграждения путем помножения на десять суммы годичной стоимости повинностей, определится в 587 278 руб. 5 коп., с выдачей каковой суммы по принадлежности и должна навсегда прекратиться поселянская зависимость в Дагестане и в Закатальском округе. Уплата этого вознаграждения должна быть возложена на поселян, так что прекращение зависимых отношений в названных районах имеет осуществиться на началах выкупа.

Обращаясь к рассмотрению вопроса о том, на каких ближайших основаниях должен совершиться этот выкуп, директор канцелярии полагает, что таковой должен носить обязательный характер, так как предоставление выкупа поселянских повинностей, хотя бы и по определенной в 1908 году расценке, соглашение сторон поведет к несомненной затяжке в решении этого вопроса и вызовет еще большее обострение в отношениях поселян к бекам.

Настоящее положение раятского вопроса не дает никаких, повидимому, оснований ожидать такого улучшения в отношениях к бекам поселян и столь значительного переворота в их настроении, при котором они добровольно согласились бы на выкуп повинностей, отбывание коих в некоторой части Дагестана ими совершенно прекращено уже много лет, причем движение это грозит захватить новые районы.

Затем, нельзя не принять во внимание и того обстоятельства, что одной из главных задач правительства при изыскании способов ликвидации поселянской зависимости, помимо ограждения справедливых материальных интересов обеих сторон, является, по возможности, безотлагательное упразднение этого института, дальнейшее существование которого, независимо от полнейшего несоответствия его современным правовым условиям, вносит раздражение в отношения двух названных групп местного населения и представляет серьезное препятствие спокойному течению местной жизни. Подобная цель лучше всего могла бы быть достигнута принудительным, при содействии правительства, выкупом поселянами своих повинностей. Содействие правительства этой операции могло бы выразиться в следующем: сумма следуемого бекам и кешкелевладельцам вознаграждения выдается им единовременно наличными деньгами из государственного казначейства с тем, чтобы она была погашена равными годичными, в течение десяти лет, беспроцентными взносами в казну поселян, которым, конечно, должно быть предоставлено право, по их желанию, произвести погашение лежащего на них долга и в более короткое время. С выдачей бекам и кешкелевладельцам из государственного казначейства следующего им вознаграждения, дегестанские и закатальские поселяне признаются свободными от какой бы то ни было к ним зависимости и обязываются лишь ежегодными платежами казне. Так как оклады этих платежей, будучи установлены по данным 1908 года, представляют определенную для каждого селения величину, то и осуществление подобного проекта не может встретить никаких особых затруднений: оно не потребует ни учреждения новых правительственных органов, ни выработки особой техники взыскания, так как наблюдение за взысканием окладов указанных платежей в казну, ведение расчетного счетоводства и другие обязанности, связанные с взиманием с бывших зависимых поселян платежей на погашение выданного получателям повинностей вознаграждения, могут быть возложены на местные учреждения министерства финансов.

Что касается порядка раскладки годичных окладов погашения между поселянами каждого селения, то решение этого вопроса не представляет

затруднений в отношении тех зависимых селений, в которых поселяне отбывают повинности не в качестве отдельных лиц, а как члены данного сельского общества; к числу таких селений, где отбывание повинностей проникнуто общественным началом, относятся все селения Дагестана, кроме отселка Бет-Аул. Темир-Хан-Шуринского округа, и все раятские селения Закатальского округа, а также кешкельные селения того же округа Чудуло и Мосул.

В виду такого характера отбываемых поселянами этих селений повинностей раскладка причитающейся с каждого из них суммы ежегодных взносов в казну должна быть предоставлена сельским сходам, с соблюдением правил распределения между отдельными домохозяевами причитающейся с селения суммы государственного поземельного налога или оброчной подати (ст.ст. 77 и 362 уст. о прям. нал., т. V, св. зак., изд. 1903 г.).

Что касается кешкельных селений Закатальского и отселка Бет-Аул, Темир-Хан-Шуринского округов, то отбывание повинностей в них носит индивидуальный характер: обязанными отбывать повинности являются определенные лица, зарегистрированные в ведомостях обследования 1908 года.

В виду такого характера повинностей в этих селениях казалось бы последовательным, не поручая раскладки следующих с них платежей сельскому сходу, привлечь к уплате таковых непосредственно отдельных поселян. Но при ближайшем рассмотрении этого вопроса нельзя не заметить, что подобное решение его на практике приведет ко многим серьезным затруднениям; на чинов финансового ведомства в этом случае легла бы непосильная работа по составлению ежегодно нескольких тысяч окладных листов, причем трудность этой работы, если даже и допустить возможность успешного ее выполнения при наличном составе соответствующих должностных лиц, усугубляется тем, что состав лиц, обязанных производить в казну платежи, ежегодно будет изменяться вследствие продаж кешкельных участков, дач в приданое, наследования и т. п. видов перехода в другие руки кешкельной земли, с пользованием которой связывается, в виде общего явления, отбывание этой повинности.

Между тем поселяне безошибочно знают, кто именно из членов сельского общества и в каком размере обязан отбывать кешкельную повинность. При таких условиях не встречается, казалось бы, препятствий к тому, чтобы и к кешкельным селениям (и к отселку Бет-Аул) применить тот же порядок распределения между домохозяевами проектируемых денежных взносов, какой установлен в отношении этих же селений правилами раскладки сумм поземельного налога и оброчной подати (ст.ст. 77 и 362 уст. о прям. нал.).

В тех селениях Дагестана и Закатальского округа, где повинности отбывает не все общество, а часть его, раскладка ежегодных платежей и, вообще, обсуждение всех относящихся сюда вопросов, должно производиться на особых частных сходах, образуемых только бывшими зависимыми, а не свободными поселянами.

В связи с проектируемым прекращением зависимых отношений поселян к кешкелевладельцам, возникает вопрос о выкупе кешкельной повинности, право на которую принадлежит казне по денежной оценке в сумме 185 рублей 95 коп.

В виду предстоящего общего уничтожения института поселянской зависимости в Дагестане и Закатальском округе могло бы возникнуть предположение об отказе казны от ее права на получение этой суммы и об освобождении лиц, уплачивающих кешкель казне, от лежащего на них обязательства без всякого выкупа последнего.

Не усматривая, вообще, достаточных оснований к тому, чтобы казна, уже оказывающая по предположениям настоящей записки существенное материальное содействие поселянам к беспроцентному выкупу их повинностей, отказывалась бы от этого своего права, директор канцелярии полагает, что отказ этот, не принеся чувствительных выгод небольшому числу плательщиков казенных кешкелей, является в некотором отношении даже нежелательным.

Освобождение одних поселян Закатальского округа от лежащей на них повинности без всякого выкупа в то время, как на других будет возложена обязанность делать за прекращение кешкельной повинности денежные взносы в казну, может показаться непонятной для поселян несправедливостью и без сомнения вызовет среди них нежелательное неудовольствие против правительства.

В виду этого соображения директор канцелярии полагает, что и плательщики казенных кешкелей также обязаны выкупить свои обязательства путем ежегодных в течение 10 лет взносов в казну 180 руб. 95 коп. Само собой разумеется, что капитальная стоимость этой повинности (180 руб. 95 коп. × 10 = 1 809 руб. 50 коп.) не подлежит фактическому отпуску из государственного казначейства и в случае ее ассигнования в составе указанной выше суммы 587 278 руб. 05 коп., составляющей общую стоимость отменяемых повинностей по десятилетней сложности, она должна была бы быть перечислена обратно в ресурсы казны. Во избежание излишнего проведения по счетам этой суммы, ее надлежало бы вовсе исключить из общей суммы, предположенной к выдаче бекам и кешкелевладельцам.

За указанным вычитанием, пришлось бы испросить к отпуску из государственного казначейства на ликвидацию зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам Дагестана и Закатальского округа всего 585 468 руб. 55 коп. (587 278 руб. 05 коп.— 1809 руб. 50 коп).

В заключение представляется необходимым коснуться вопроса о дальнейшем действии примечания к ст. 42 инструкции по распределению государственной оброчной подати и государственного поземельного налога в Закавказском крае, утвержденной министерством финансов 5 июня 1903 года, согласно коего при исчислении окладов государственной оброчной подати с кешкельных селений Закатальского округа надлежит наблюдать, чтобы совокупное обложение земель этих селений оброчной податью и кешкельной повинностью не превышало, по возможности, обложения оброчной податью соседних земель той же приблизительно доходности.

Директор канцелярии полагает, что изложенное правило раскладки оброчной подати между кешкельными селениями должно сохранить свою силу до полного погашения поселянами уплаченной из казны кешкелевладельцам суммы, так как, с заменой кешкельной повинности денежными платежами казне, остается прежнее основание для применения правила упомянутого примечания — необходимость облегчить для кешкельных селений тяжесть двойного обложения, государственного и кешкельного.

В случае отмены этого правила, обложение бывших кешкельных селений оброчной податью будет, по необходимости, повышено. При таком условии прекращение кешкельной повинности, с заменой ее платежами в казну, явится для поселян не ожидаемым ими давно улучшением их положения, а весьма чувствительным ухудшением. Конечно, эти последние соображения отчасти теряют свое значение, если одновременно с прекращением зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам Дагестана и Закатальского округа состоится и укрепление за местным населением земель на праве собственности, с одно-

временной же заменой оброчной подати государственным поземельным налогом, каковому вопросу посвящено изложение второй части настоящей записки.

Изложенные основания прекращения зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам, в случае их принятия, должны составить содержание имеющего быть изданным в законодательном порядке особого положения.

Что же касается порядка приведения в исполнение этого положения, то выработка такового должна быть представлена соглашению наместника его императорского величества на Кавказе с министром финансов.

Представляя вышеизложенное на рассмотрение совета наместника его императорского величества на Кавказе, директор канцелярии считает долгом высказать, что давно ожидаемое местным населением прекращение зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам было бы мерой неполной, если бы не было связано с одновременным поземельным устройством местного населения, необходимость которого вызывается следующими обстоятельствами.

В зависимых селениях Дагестана и Закатальского округа издавна существуют весьма сложные отношения между поселянами и беками на чисто земельной почве. Так, например, земли как поселян, так и беков, обременены в пользу другой стороны сервитутами весьма разнообразных видов. Многие угодия составляют предмет общего владения беков и раят. В некоторых зависимых селениях (напр., сел. Кумторкале, Темир-Хан-Шуринского округа) поселяне обязаны производить полевые работы бекам на тех земельных участках, которые отводятся последним из сельской дачи, как соучастникам в пользовании землей. Само собой разумеется, что с прекращением зависимости поселян к бекам все местные земельные права и отношения, как совершенно самостоятельные и независимые от собственно раятского вопроса, должны остаться в том же виде, как они существовали раньше. Между тем, ввиду обостренных отношений между беками и поселянами и в связи с постоянным отождествлением беками некоторых районов края раятского вопроса с земельным, может случиться то, что поселяне, освободившись от личной зависимости, будут считать себя свободными и от обязательств собственно земельных. На этой почве между обеими сторонами могут возникнуть недоразумения чисто аграрного характера, предупредить которые представлялось бы совершенно необходимым. Целесообразным средством для устранения таких последствий является, по мнению директора канцелярии, окончательное разрешение местного поземельного вопроса в законодательном порядке путем укрепления за населением как за поселянами, так и за беками, принадлежащих им земельных прав.

В виду того, что вопрос этот имеет самую тесную связь с земельным вопросом всего вообще Дагестана и Закатальского округа, директор канцелярии полагает наиболее правильным рассмотреть и разрешить его одновременно и в связи с этим общим вопросом, на одних общих основаниях [1].

Заключительные предположения.

В виду изложенного директор канцелярии полагал бы:

I. Принять следующий проект положения о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам:

[1] Далее следует текст, частично повторяющий предыдущий и не вносящий ничего существенно нового, поэтому он опускается.

1) Зависимые поселяне Дагестанской области и Закатальского округа всех разрядов (раяты, уздени и кешкелеплательщики) с 1 января 1912 года признаются свободными от обязательственных отношений к бекам и кешкелевладельцам.

2) Беки и кешкелевладельцы Дагестанской области и Закатальского округа, в возмещение утрачиваемых прав на повинности поселян, получают из государственного казначейства единовременное вознаграждение в следующем размере: по Темир-Хан-Шуринскому округу — 61 148 руб., по Кайтаго-Табасаранскому округу — 186 121 руб., по Кюринскому округу — 47 250 руб. 90 коп., по Казикумухскому округу — 713 руб., по Самурскому округу — 6 356 руб. 50 коп., по Аварскому округу — 720 руб., по Закатальскому округу — 283 159 руб. 15 коп., а всего 585 468 руб. 55 коп.

Примечание. В означенную в сей статье сумму 585 468 р. 55 к. не включена сумма 1 809 руб. 50 коп., составляющая возмещение отменяемого права казны на принадлежащую ей кешкельную повинность по Закатальскому округу.

3) Означенная в предыдущей (2) статье сумма 585 468 руб. 55 коп., с причислением к ней 1 809 руб. 50 коп., составляющих возмещение утрачиваемого казной права на кешкельную повинность по Закатальскому округу (ст. 2, примечание), а всего 587 278 р. 05 коп., погашается поселянами ежегодными равными беспроцентными взносами в государственное казначейство в течение 10 лет, причем первый взнос делается в течение 1912 года.

4) Поселянам предоставляется, по их усмотрению, делать особые взносы, сверх установленных в примечании к предыдущей (3) статье размеров годичных платежей. Такие взносы зачитываются в уплату общей, следующей с селения суммы на погашение выданного бекам и кешкелевладельцам вознаграждения, и на этом основании со всего числящегося на поселянах данного селения долга казне слагается сумма, равная внесенной.

5) Относительно порядка распределения причитающихся с селения ежегодных платежей в казну или дополнительных взносов между отдельными домохозяевами, порядка и способов взимания таковых, а также ответственности общества за неисправный взнос их, соблюдаются правила, установленные на тот же предмет при взимании государственного поземельного налога в Закавказье (статья 77 устава о прямых налогах, том V, св. зак., изд. 1903 г.).

6) Введение расчетного счетоводства по уплате поселянами в государственное казначейство упомянутых в сем положении сумм и другие податные обязанности, связанные с исполнением сего положения, кроме применения принудительных мер взыскания платежей, возлагаются на местные учреждения министерства финансов.

7) Наместнику его императорского величества на Кавказе предоставляется издать по соглашению с министерством финансов особую инструкцию о порядке исполнения правил сего положения с тем, чтобы эта инструкция не касалась предметов, по свойству своему подлежащих законодательному или судебному рассмотрению. Инструкция эта представляется наместником его императорского величества на Кавказе правительствующему сенату для распубликования.

II. Установить следующие главные основания поземельного устрой-

ства старожильческого[1] населения во внегородских местностях Дагестанской области и Закатальского округа:

1) За сельскими обществами, отдельными владельцами и мусульманскими мечетями укрепляются в собственность земли, состоящие в их действительном владении.

Примечание. Настоящее правило не распространяется на вакуфные имущества.

2) Основанием укрепления земель в собственность служит бесспорное и непрерывное владение в течение десяти лет до времени издания настоящих правил.

3) На укрепленных землях сохраняется существующий порядок владения: личный, подворный или общий.

4) Существующие пользования жителей в пределах казенных лесных дач, а равно все сервитутные права, принадлежащие поселянским обществам и отдельным владельцам на поселянские или частновладельческие угодья, сохраняются на прежних основаниях, впредь до издания по этому предмету особых правил.

5) Земли, не подлежащие укреплению в порядке настоящих правил, остаются в распоряжении казны.

6) Взамен уплаты государственной оброчной подати, укрепляемые земли, обложенные таковой податью, со времени издания настоящих правил, привлекаются к обложению государственным поземельным налогом.

7) Наместнику его императорского величества на Кавказе предоставляется внести на утверждение законодательных учреждений проект правил о порядке укрепления земель в силу настоящего положения.

Об изложенном директор канцелярии, на основании п. 2, § 1, ст. 35 учрежд. упр. Кавк. края, имеет честь представить на благоусмотрение совета наместника его императорского величества на Кавказе.

Директор канцелярии, в должности гофмейстера Н. Петерсон.

---

[1] В связи с отменой повинностей и оставлением за крестьянами права землепользования возникла необходимость пересмотра прав землевладельцев на их владения. Законопроект, соблюдая интересы казны, предусматривал категорию местных землевладельцев на основании прав старожильцев (потомственных владельцев), за которыми в законодательном порядке предполагалось укрепить состоящие в их действительном владении (за вычетом земель крестьянского пользования) земли в собственность.

Волнения крестьян белгородских митрополичьих деревень в 1682 г.

Публикуемые материалы освещают один из эпизодов крестьянских волнений в конце XVII века.

В 1676 г. «Белгородского и Короченского уезду посошные волости село Заячье з деревнями отданы в вотчину в белгородскую митрополию со крестьяны и з землею и со всеми угодьи.» После вывода части служилых людей из пожалованных митрополиту деревень и устроения их «в иных местах на государевых землях» за митрополитом «осталось крестьян 156 дворов», а также часть «служащих в белгородском полку солдатскую службу».

«Служащие солдацкую службу» села Заячья и Новой слободы переходили в полную собственность церковного вотчинника — митрополита.

Дошедшие в 1682 г. до населения сел. Заячья и Новой слободы вести о том, что в Москве бунтовала надворная пехота, и что «настало время» освободиться от «крестьянской крепости» (а белгородец Озеров даже брался за 20 рублей устроить освобождение), — привели в движенце население митрополичьих деревен.

Восстание «служилых людей по прибору» было беспощадно подавлено.

Публикуемые документы извлечены из дел приказного стола Разрядного приказа, столбец № 2326. Печатаются показания главных действующих лиц.

А. Бирзе.

Отписка в Москву в Разрядный приказ курского воеводы Л. Р. Неплюева, 14 октября 7191 (1682) г.

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцем, холоп ваш Левка Неплюев челом бьет.

В нынешнем государи, во 191 году октября в 7 числе писал в Куреск из Белагорода дьяк Полуехт Истомин к дьяку к Петру Исакову: в Белогородцком де уезде, преосвещенного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского домовые крестьяне учинились ему митрополиту непослушны. И по ево де митрополитову челобитью стольник и воевода Иван Скуратов по ослушников посылал начальных людей с надворною пехотою, и крестьяне де выходили к посыльным людем с ружьем и говорили посыльным людем (л. 2) и впредь де они с посыльными людьми битца будут, да и в ыных де местех послушание немногое. И я, холоп ваш, писал ис Курска в Белгород к преосвященному Мисаилу митрополита и к стольнику и воеводе к Ивану Скуратову, чтоб они ко мне холопу вашему писали, в ево митрополитовых домовых селах крестьяне забунтовали ль и, буде забунтовали, в скольких селех и в деревнях и по какому наговору и на что на-

деясь, и хто у них в том бунту пущие, и уговорить их, чтоб они от воровства престали, мочно ли, или без страху не уймутца, и в деревнях ли они, или в острожках и в лесах укрепились, и чего от них впредь чаеть, и нет ли к ним откуды какое подсылки и не наговаривают ли с собою иных, и которые пойманы, что в распросех говорили. И октября ж, государи, в 12 (л. 3) числе против моево, холопа вашего, письма, писали ко мне из Белагорода преосвященный митрополит Мисаила белогородской и обоянской да стольник и воевода Иван Скуратов. И те, государи, их подлинные письма к вам, великим государем, царем ...(п. т.)... послал я холоп ваш под сею отпискою октября в 14 день нынешняго 191 году.

На обороте помета: Великие государи и благородная государыня царевна сей отписки в Троицком Сергиеве монастыре в комнате слушав. указали и бояря приговорили, послать свою государскую грамоту в Куреск к боярину и оружейничему и воеводам к Петру Васильевичю Шереметеву с товарыщи, велеть ему против сей отписки и против письма Мисаила митрополита белогородцкого и Ивана Скуратова, и по всему подлинному делу, каково о том в Белегороде в розрядной избе. розыскать про все подлинно. И по розыску самых на то дело пущих заводчиков дву человек велеть казнить смертью — повесить, а иным заводчиком же учинить жестокое наказанье, бить кнутом и велеть им у митрополита быть во всяком послушании. А что по розыску об'явитца и учинено будет, о том писать к великим государем в Розряд.

Письмо белгородского и обоянского митрополита Мисаила курскому воеводе Л. Р. Неплюеву.

(л. 4) Благословение преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского господину думному дворянину и воеводе Леонтью Романовичю Неплюеву. Подай тебе господь бог многолетное здравие, а о нашем смирении изволишь ведать. И милостию божиею в Белеграде в богомолии великих государей царей и в. кн. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича ...(п. т.)... в дому Пресвятые и живоначальные Троицы октября по 9 число еще з живущими обретаемся. Писал ты ко мне Леонтей Романовичь: в нынешнем де во 191 году октября в 7 числе писал в Куреск из Белагорода дьяк Полиект Истомин к дьяку ж к Петру Исакову, что домовые крестьяне Белогородцкого уезду учинились мне непослушны. И о посылке как по моему челобитью стольник и воевода Иван Петровичь Скуратов для ослушников посылал начальных людей с надворною пехотою. И как крестьяне выходили к посыльным людем с ружьем, и что же крестьяне посыльным людем говорили, и в домовых селех крестьяне забунтовали ль, и буде забунтовали, в скольких селех и в деревнях и по какому наговору и на что надеясь, и хто у них в том бунту старшина или знатных мужиков, которые к тому делу предводители, и уговорить их, чтоб они от воровства престали, — мочно ли, или без страху не унимутца. И в деревнях ли они или в острожках и в лесах укрепились, и чево от них впредь чаять, и нет ли к ним откуды какие подсылки и не наговаривают ли с собою иных. И которые пойманы, что в роспросех говорили, о том бы о всем к тебе, Леонтей Романовичь, для ведома отписать. И в нынешнем во 191 году, сентября в 30 числе, по извету домового крестьянина села Новой слободки Мартинки Черяухина, а по словесному (л. 5) челобитью стряпчево моево посылан был из Белогородцкие розрядные избы пристав з домовыми людьми

для взятья заводчиков крестьян. И как от крестьян бунт учинился, посыльного пристава и домовых людей били и вязали и на бунт в колокола били. И после того октября в 1 числе, по моему челобитью, посыланы были начальные люди с надворною пехотою, для взятья ж и поимки пущих воров крестьян завотчиков, и хто домовых людей биты и переувечены, и как крестьяне против посыльных людей на бой выходили с ружьем и которые крестьяне пойманы и что они в роспросех своих сказали, и про то про все ведомо, и челобитье мое о том в белогородцкой Разрядной избе. А крестьяне домовые после той посылки приходили и об'явливались мне многие, и в вотчину сходятца. И тем крестьянам, которые приходили, чтоб они от того престали, о том я им говорил и приказывал, чтоб и они крестьян свою братью от такова дурна уговаривали, и заводчиков бы сыскали. И те крестьяне, которые об'явливались, про пущих завотчиков сказали, что поехали к Москве, а иные в Куреск. А милость божия и пречистые богородицы и всех святых молитвы, и нашего смирения благословение с тобою да есть и будет.

Отписка белгородского и обоянского митрополита Мисаила в Москву в Разрядный приказ.

(л. 11) Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю ...(т)... богомолец ваш государев Мисаил, митрополит белоградский богомоля челом бьет.

В нынешнем государи во 191 году в сентябре месяце домовые вотчины Белогородцкого уезду села Новой слободки з деревнями крестьяне советы и умыслы в вотчине чинили бунтовские и в колокола на бунт били и в круги сходились, и про то извещал мне, богомольцу вашему, той же домовой вотчины крестьянин Мартинко Чернухин. И по тому извету, а по моему, богомольца вашего, челобитью, посылан из белогородцкие разрядные избы пристав з домовыми людьми для завотчиков, чтоб их взять в Белгород, и какие они умыслы и советы чинят, про то розыскать. И той домовой вотчины крестьянин завотчик Трошка Чепурной з детьми взять себя не дали, и кричали и в колокола на бунт били ж. И крестьяня збежався с ружьем и с кольем, того бунтовщика отбили и домовых людей и приказщика били и вязали и рубили и переувечили, и посыльного пристава били ж и вязали, и наказную память отняли, и к домовому двору скопом и с великим окриком, с ружьем и с кольем и с ослопьем приходили, и посельского старца и домовых людей побить хотели. И по моему ж, богомольца вашего, челобитью посыланы из Белагорода в домовую вотчину по тех бунтовщиков для взятья и для розыску про бунт в Белгород начальные люди с стрельцами. И того ж села Новой слободки крестьяне против тех посыльных людей с ружьем и с косами на бой выходили. И ис тех крестьян пойманы немногие люди, а в роспросех говорили, что пошли де пущие бунтовщики и завотчики к Москве и в Куреск, чтоб им во крестьянстве за домом Пресвятые Троицы не быть. И ныне, государи, те вотчинные крестъяне ни в чем непослушны, из вотчины неведомо куды от'езжают и животы свои розвозят, и в Белгород хлебных запасов и дров не возят и никакие роботы не работают. И как они советы и умыслы чинили, и в колокола на бунт били, и ково домовых людей били и рубили, о том к вам, великим государем, стольник и воевода Иван Петровичь Скуратов с товарыщем писали. И о том что вы, великие государи, цари ...(т.)... укажете.

Отписка стольника и белгородского воеводы И. П. Скуратова и дьяка П. Истомина в Москву в Разрядный приказ.

(л. 12) Государем царем ..(т.)... холопи ваши Ивашка Скуратов, Полуехтко Истомин челом бьют.

В нынешнем, во 191 году сентября в 30 числе бил челом вам, великим государем ...(т.)... преосвященный Мисаил митрополит белогородцкий и обоянский, а нам холопем вашим в Белогороде в Розрядной избе приказных ево дел подьячей Иван Ухабов сказал словесно: того ж де числа извещал преосвященному Мисаилу митрополиту домовые его вотчины крестьянин Мартынка Чернухин словесно: вотчины де ево села Новые слободки и села Заячья з деревнями крестьяня Трошка Чепурной, Матюшка Жировой, Петрушко Умного и все вотчинные крестьяне били в колокола на всполох не по одно время, и сходились в круги и чинили советы бунтовские. И чтоб вы, великие государи, преосвященного Мисаила митрополита (л. 13) пожаловали, велели тех бунтовщиков изымать и свой, великих государей, указ учинить. И того ж государи числа, против того извету и словесного челобитья в вотчину преосвященного митрополита послали мы, холопи ваши, из Белагорода белогородцкого пристава Дениску Ботракова, а велели ему, взяв с собою понятых, сколько человек пригож, и тех бунтовщиков, кого укажет подьячей Иван Ухабов, взять и привести в Белгород. И октября государи в 1 день в челобитной преосвященного ж Мисаила митрополита написано то ж, что и в словесном челобитье подьячего ево Ивана Ухабова. Да в той же, государи, ево челобитной написано: как де по его преосвященного митрополита челобитью пристав Дениска Ботраков с ево домовыми людьми приехали в домовую ево вотчину и тех завотчиков для розыску хотели взять в Белгород, и крестьянин де Трошка Чепурной з детьми взять себя ему приставу не дали, и на бунт в колокола били. И села де Новой слободки крестьяня, збежався с ружьем и с кольем, домовых ево людей били. И от того де бою ушли приказных ево дел диак Василей Андреев да подьячей Иван Ухабов, а иные де домовые ево (л. 14) люди и пристав, в живых ли или нет, про то они сказали ему не ведают. И чтоб вы, великие государи, его преосвященного митрополита пожаловали, велели в домовую ево вотчину послать из Белогорода своих государьских людей, сколько вы, великие государи, укажете, и тех бунтовщиков Трошку Чепурного с товарыщи взять в Белгород. И того ж, государи, числа послали мы, холопи ваши, из Белагорода в вотчину ж ево преосвященного митрополита ротмистров Кондратья Богданова, Ивана Корватова да капитана Гарасима Шеинкова, а с ними Белогородцкого жилого приказу стрельцов 50 человек. А велели тех бунтовщиков, крестьян Трошку Чепурного с товарыщи и иных, ково укажут домовые ево люди, взяв, привести в Белгород. И октября ж государи в 3 день ротмистры Кондратей Богданов с товарыщи в Белгород приехали, а с собою привезли 6 человек мужиков да трех баб, и сказали: не доезжая де села Новой слободки и села Заячья з деревнями, взяв они с собою понятых, и с теми понятыми и с стрельцами приехали в село Новую слободку на дворы бунтовщиков Трошки Чепурного с товарыщи, на которые дворы указали им преосвященного митрополита домовые люди диак Василей Андреев да подьячей Иван Ухабов, и их бунтовщиков в домех не застали. А против де, государи, Трошкина двора Чепурного крестьян собралось (л. 15) человек з 20 с ружьем и с косами и с рогатины и взять им себя не дали и учинили с ними бой. И они де Кондратей с товарыщи из них изымали Панку Гордеева, Гараску Михеева с косами, да и на Матюшкине дворе Жирового поймали ево Матюш-

кину жену Феколку да невестку ево Матренку, а на Афонкине дворе Умного жену ево Донку, да крестьян же изымали Ивашку Швоево да Макарку Серикова на поли, Гаврилку Воронцова да Фильку Митина в селе Новой слободке и привели в Белгород. А достальные де крестьяне с ружьем розбежались по лесам. А Заячья де села попа Петра дети Василей з братом сказывали ему Кондратью с товарыщи: села де Заячья крестьяня стоят в лесу с ружьем, и будет де посыльные люди к ним приедут, и они де будут с ними битца. Да Кондратей же Богданов сказал: села де Хохлова десятник Михайла Болотов и половина села, что за рекою Донцом, да села Сабынина 3 человека в понятых с ними не поехали. И мы, холопи ваши, приводных мужиков и женок и крестьян же, кого прислал к нам, холопем вашим, преосвященный митрополит, велели роспросить, а что в роспросе и на очных ставках сказали, и с тех роспросных речей и со всего подлинного дела выписку к вам великим государем ...(т.)... послали мы, холопи ваши, за моею, холопа (л. 16) вашего, Полуехтковою приписью октября в 15 день с сею отпискою. А по роспросным, государи, речам тех изыманых крестьян, в том же заговоре и в бунтовстве был с ними белогородец сын боярской Федька Озеров. И бежали к Москве он, Федька Озеров, да крестьяня бунтовщики и пущие на то дело заводчики Прошка Чепурной, Андрюшка Рыбин, Степка Гордеев, Ивашка Огородов, Петрушка Умного, бобыль Трошка Зарубин, Микишка Колмык, Степка Полежаев. А на нем, Федьке Озерове, с целовальники вашего великих государей недомерного хлеба в платеж не достало. И за платежем, что взято на них во 187 году, донять ржи и овса 980 четвертей без полуосмины, круп гречневых и овсяных 6 чети с четвериком и полу-четвериком. И о бунтовстве, государи, Федьки Озерова и домовых крестьян Трошки Чепурного с товарыщи, и по их роспросным речам, до кого в том же деле дойдет, велите свой, великих государей, указ учинить.

На обороте помета: Выписать к великим государем в доклад на краткой перечень и поднесть без мотчанья, а которые бежали от розыску к Москве, и тех сыскивать, а сыскав, держать их в Розряде за крепкою сторожею.

Челобитная Белгородских полков рейтар, солдат и рейтарских и солдатских детей села Новой Слободки Белгородского уезда Т. Ушакова с товарищами в Москву в Разрядный приказ.

(л. 51) Царем государем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю ...(т)... бьют челом бедные и беспомочные белогородцких полков рейтара и салдаты и салдацкие дети и братья Белогородцкого ж уезду посопной волости Новой слободки и деревень Трошка Ушаков с товарыщи, которые ныне живут во крестьянстве за белогородцким и обоянским Мисаилом митрополитом, потому что в прошлых годех, по указу отца вашего, великих государей, блаженныя памяти ...(т.)... Алексея Михайловича и по разбору Семена Силича Спешнева да боярина Семена Ивановича Заборовского да Семена Степановича Титова, написаны были в вашу великих государей службу в рейтарскую и в салдатцкую мы и отцы наши и братья и в переписных книгах написаны ж отцы наши и братья и дети, и на вашей, великих государей, службех побиты и в полон поиманы. А с которых сел и деревень мы, холопи ваши, написаны в вашу великих государей службу, и которые служивым тех же семей отцам дети и братьям братья для прокормления и для подьему написаны, и те деревни по вашему, ве-

ликих государей, указу отданы в вотчину белогородцкому и обоянскому Мисаилу митрополиту и которые мы, холопи ваши, написаны были в службу и для службы на под'ем отцам и братьям рейтарские отцы и дети и салдаты и салдацкие дети и братья, и тех он Мисаил митрополит покрестьянил насильством своим и загрозил нам, холопем вашим, вам великим государем о том бити челом, заказал взять в службу Новой слободки разбору Григорья Спешнева, у Гордюшки Долженкова в салдацкую службу взяты два сына Пименка да Афонька, да им же написаны для под'ему на вашу, великих государей, службу два брата их Артюшка да Тараска, у Трошки Ушакова взят брат в салдацкую службу Ивашка Ушаков. А я, холоп ваш, Трошка брату своему Ивашку написан на подъем и брат мой Ивашка ис крестьянства свобожен. У Кондрашки Сидякина взят брат Фомка Сидякин и убит на службе под Варвою [1]. Разбору боярина Семена Ивановича Заборовского у Федосейка Рыбина взят в салдацкую службу сын ево Асейка Рыбин, а ему Асейку написан на прокорм брат ево Андрюшка да Калинка, а он Асейка убит на службе в отводе под Конотопом [2] ис пушки. Разбору Григорья Спешнева Якушка Грузнородов взят в салдацкую службу и взят в полон под Крыловым [3], а после ево остались дети ево Максимка да Ивашка Грузнородовы. Гурка да Стенька взяты в салдацкую службу, а им написаны на прокорм два брата их Еремка да Васька Чаплины и они Гурка да Стенька померли. Федка да Ильюшка написаны в салдацкую службу Кострикины, да им же написан на прокорм брат их Митка Кострикин, а Ильюшка Кострикин убит на службе под Варвою. Стенька да Архипка Фомины дети Чаплина салдацкие дети, отец наш служил салдацкую службу и умре. У Афоньки Матвеева в салдацкую службу взяты два брата Андрюшка да Микитка, да им же написан на прокорм брат их Афонька, а они Андрюшка да Микитка ис крестьянства свобожены. Разбору Семена Степановича Титова — Яздовской сын Якушка (л. 52) меньшой Воробьев написан был в рейтарскую службу, да ему ж дан на прокорм брат ево большой Якушка Воробьев и ныне живут во крестьянстве. Деревни Мазикиной Мишка Огородов написан в салдацкую службу и взят на службе под Крыловым в полон, а ему написан был на прокорм брат ево Федотка Огородов з детьми и с племянником салдацким сыном Степкою, написаны ж в салдацкую службу Сенька да Микишка Огородовы, а дан им на прокорм брат их Сысойка с сыном своим Абашкою, и они Сенька и Микишка на службе под Крыловым взяты в полон, а после их остались дети Федотка Семенов да Ивашка Микифоров, и живут во крестьянстве; Осташка да Дронка Козловы, написаны в салдацкую службу, да им же даны на прокорм брат их Артюшка Козлов з детьми, и он Дронка взят в полон, а Артюшка з детьми живет во крестьянстве. Деревни Кореня разбору боярина Семена Ивановича Заборовского у Ларьки Смотрова взят сын ево Родька в салдацкую службу, и он Родька под Крыловым взят в полон, а ему Родьке дан был на прокорм брат ево Федотка, и он Федотка живет во крестьянстве. Фефилка Брехов взят в салдацкую службу, и он Фефилка под Крыловым взят в полон, а на прокорм ему дан был брат

---

[1] Варва — местечко б. Полтавской губ. Лохвицкого уезда при реках Удое и Варвице. После образования в 1648 году Прилуцкого полка Варва была сотенным местечком.

[2] Конотоп — б. уездный город Черниговской губ. В 1659 году Конотоп, занятый войсками Выговского, выдержал продолжительную осаду войск под командой кн. Трубецкого. В 1664 году Конотоп был разорен польскими войсками.

[3] Крылов — б. посад Грубешовского уезда Люблинской губ. при притоке р. Гучвы.

ево Калинка Брехов, и он Калинка живет во крестьянстве. Марко Неговоров взят в салдацкую службу, а ему на прокорм дан был брат ево Титка Неговоров, и он Титка живет во крестьянстве. Села Заячья Кондрашка Полежаев взят в салдацкую службу, а ему на прокорм дан брат ево Стенька Полежаев, а он Стенька живет во крестьянстве. Ивашка Матвеев взят в салдацкую службу, и он Ивашка в полон взят под Крыловым, а ему дан был на прокорм брат ево Кондрашка да Гришка, а живут во крестьянстве. Ивашка да Потапка Аникиевы взяты в салдацкую службу, а им даны на прокорм братья их Петрушка да Кузка и живут во крестьянстве. Осташка Шеенков взят в салдацкую службу, а ему на прокорм дан брат ево Ивашка, и он Осташка умре, а Ивашка живет во крестьянстве. У Дениска Негибнева в салдацкую службу взят сын ево Ивашка, и он Ивашка умре от раны, а ему Ивашку на прокорм даны были два брата Трошка да Фомка Негибневы, и живут во крестьянстве. Деревни Ломов отставной рейтар Данилка Кулюбакин живет во крестьянстве. Да города Солховца салдацкие дети Степка да Трошка Хуртовы остались после отца своего в малых летех и пришли для прокормления в Новую слободку, и ныне живут поневоле ж во крестьянстве. У Ивашка Селищева взят в салдацкую службу сын ево Данилка Селищев, и он Данилка убит на службе, а ему Данилку дан на прокорм брат ево Матюшка, и они живут во крестьянстве. Ивашка Вялого взят в салдацкую службу и он Ивашка убит на службе, и ему Ивашку дан на прокорм сын ево Федька, и он живет во крестьянстве. Микифорка Гоков взят в салдацкую службу, а на прокорм ему даны два брата Володька да Асейка и Асейка убит на службе. Фолимошка Гривцов взят в салдацкую службу, а ему на прокорм дан брат ево Мишка Гривцов, и он Фолимошка убит на службе, а они живут во крестьянстве. Да в прошлых же, государи, годех, по вашему, великих государей, указу, был в Белогороцком уезде писец Исак Исакович, переписывал и имал скаски. И он Мисаил митрополит в то число нас, холопей ваших, при том писце приставил к нам караулы и теснил нас, и к тому писцу не допускал. И написал он Мисаил митрополит в скаске своей, бутто в вотчине ево служилых людей и бобылей и захребетников нет, и тое скаску он дал без нашего (л. 53) ведома, похотя нас в вечное крестьянство з женишками и з детишками завладеть. Милосердые государи цари ...(т.)... пожалуйте нас, холопей своих, за многие наши службишка и за многие службы отцов наших и братей и детей, и за крови и за раны и за полонное терпение и за смерти родителей наших, велите, государи, нас, холопей своих, которые ныне живем служилого чину во крестьянстве за белогороцким и обоянским Мисаилом митрополитом, поверстать и написать в тое ж службу, что служили мы и отцы наши и братья, и велите, государи, из той митрополей вотчины нас вывести з женишками нашими и з детишками, и о том свой, великих государей, милостивой указ чинить. Цари государи, смилуйтеся.

Челобитная белгородца Т. Ушакова, Я. Воробьева в Москву в Разрядный приказ.

(л. 54) Царем государем ...(т.)... бьет челом холоп ваш белогородец Трошка Филипов сын Ушаков з детишками своими и з зятем Якушкою Петровым сыном Воробьевыми.

Дед мой Григорей Ушаков служил вам, великим государем, в Белегороде станичную службу в ездоках, а отец мой Якушкин Петр Воробьев служил вам, великим государем, в Белегороде тое ж станичную службу в ездоках. И в прошлых, государи, годех брат мой родной

Иван Ушаков взят в вашу, великих государей, салдацкую службу, а я, холоп ваш, дан был брату своему на прокорм на пашню. И в прошлых же, государи, годех, по указу отца вашего государева блаженные памяти великого государя ...(т.)... Алексея Михайловича... как ваша, великих государей, посопная волость отдана преосвященному Феодосию митрополиту белогороцкому и обоянскому, а служилых людей з женами и з детьми и з братьями и с племянники и з зятьями и с родственники велено вывесть в вашу, великих государей, службу по прежнему, и во крестьянстве быть не велено. И в прошлых же, государи, годех преосвященный Мисаил митрополит белогороцкий и обоянский меня, холопа вашего, и брата и зятя моего служилых поневолил за собою во крестьянство сильно. И по указу отца вашего государева блаженные памяти великого государя, и по челобитью брата моего родного Ивана Филиппова сына Ушакова с товарищи ис крестьянства от него преосвященного митрополита велено их з братьями и с племянники и з зятьями и с родственники освободить, и велено им служить ваша, великих государей, служба, и он брат мой родной Иван Ушаков свобожен, а меня, холопа вашего, з детишками и служилых держат з зятем во крестьянстве и по се число по неволе. И в прошлых же, государи, годех бил челом я, холоп ваш, брату вашему государеву блаженные памяти великому государю... (т.)... Феодору Алексеевичю на него преосвященного Мисаила митрополита белогороцкого и обоянского о взадержанье, что он держит меня з детишками и з зятем во крестьянстве за собою по неволе, и по нашему челобитью выписка ис служилых книг выписана в доклад. И по той, государи, докладной выписке велено меня ис крестьянства з детишками и з зятем свободить, и помечен я, холоп ваш, в салдацкую службу, а зятю моему — райтарская. И его преосвященного митрополита стряпчей, которой за делы ходит, сынишка моего Трошку поймал и привел его на митрополье московское подворье и сковал в железа и держал многое время, и с Москвы ево свез скована ж в Белгород, и теснили ево многое ж время, и вымучили у него повинную челобитную и к вере ево приводили по неволе, что ему, сынишку моему, и мне, холопу вашему, на него преосвященного митрополита во крестьянстве не бить челом и не отбиваться. Ис того, государи, числа держат меня з детишками и з зятем во крестьянстве по неволе, и никуды меня и детишек и зятя моего из вотчины не пускают, и налоги всякия чинят и подати великия не по мере правят, хотя нас укрепить за собою вечно, и чтоб мы вам (л. 55), великим государем, не били челом. Милосердные государи цари ...(т.)... пожалуйте меня, холопа своего, з детишками, велите, государи, по прежнему отца своего великих государей блаженные памяти великого государя и брата своего великих государей блаженные памяти великого государя, меня з детишками и з зятем из-за митрополита ис крестьянства освободить, и служить мне и детишкам моим свою великих государей салдацкую службу, а зятю моему — рейтарскую по прежнему, чтоб, нам, холопем вашим, от вашей, великих государей, службы не отбыть. Цари государи, смилуйтеся, пожалуйте.

Докладная выпись из дела Разрядного приказа царям Ивану и Петру Алексеевичам.

(л. 82) В прошлых во 179 году по указу блаженные памяти великого государя ...(т.)... Алексея Михайловича ...., и во 184-м году по указу блаженные памяти великого государя ...(т.)... Феодора Алексеевича ..., Белогородцкого и Короченского уезду их государские посоп-

ные волости село Заячье з деревнями отданы в вотчину в белогородцкую митрополию со крестьяны и з землею и со всеми угодьи.

А тех же сел крестьянские дети и братья и сродники служили и ныне служат в Белогородцком полку солдацкую службу.

И по их же, великих государей, указу те служилые люди по их челобитью ис тех митропольих деревень выведены з женами и з детьми и с сродники, которые с ними жили в одних дворех, и устроены в ыных местех на государских землях.

А за тем выводом за белогородским митрополитом в тех деревнях осталось крестьян 156 дворов [1].

И октября в 22 числе нынешнего 191 года к великим государем ...(т.)... писал ис Курска думной дворянин и воевода Левонтей Романовичь Неплюев и прислал преосвященного митрополита Белогородцкого и обоянского грамоту, какову писал к нему Левонтью митрополит, и письмо, каково писал к нему думному дворянину и воеводе в Куреск из Белогорода стольник и воевода Иван Петров сын Скуратов, а в грамоте и в письме написано:

В Белгородцком де уезде в митрополей вотчине домовые крестьяне учинились митрополиту непослушны и забунтовали и посыльным людем взять себя не дали, да и в ыных де местех послушанье немногое. И он де Иван Скуратов в Белогороде про тот бунт розыскивает.

И октября в 22 числе по указу великих государей их государева грамота послана в Куреск к боярину и оружейничему и воеводе к Петру Васильевичю Шереметеву, велено ему писать от себя в Белгород к стольнику и воеводе к Ивану Скуратову и к дьяку к Полуехту Истомину, чтоб они про тот бунт по всему подлинному делу, каково у них в Розрядной избе по челобитию Мисаила митрополита, розыскали всякими сыски накрепко, и по розыску велели самых на то (л. 83) дело пущих заводчиков дву человек казнить смертью — повесить, а иным заводчиком учинить жестокое наказанье, бить кнутом в проводку по торгом нещадно, и велели им впредь в митрополей вотчине быть во всяком послушанье.

А что по тому их розыску об'явитца, и они б то сыскное дело прислали к нему боярину и воеводе, и он бы боярин и воевода то дело прислал к великим государем в Розряд.

И по тому, великих государей, указу что учинено, о том боярин и оружейничей и воевода к великим государем не писали.

И ноября в 5 числе к великим государем ...(т.)... писал преосвященный Мисаил митрополит белогородцкий и обоянский да стольник и воевода Иван Скуратов и дьяк Полуехт Истомин.

А в отписке преосвященного Мисаила митрополита написано:

В нынешнем де во 191 году в сентябре, в вотчине ево Белогородцкого уезду села Новой слободки з деревнями крестьяне советы и умыслы в вотчине чинили бунтовские и в колокола на бунт били и в круги сходились и белогородцкого пристава, которой по ево челобитью посылан был за ними, и ево митропольих домовых людей и прикацика били и вязали и рубили и переувечили, и у пристава наказную память отняли, и к домовому двору приходили скопом с великим окриком, с ружьем и с кольем и посельского старца и домовых людей побить хотели. И которые де начальные люди с стрельцами посыланы по ево ж челобитью из Белагорода по тех бунтовщиков для взятья, и они де против тех посыльных людей с ружьем и

[1] На полях: «А кроме того за митрополитом крестьян нет, только во 189 году дано ему вновь село Грайвороны, а в нем пришлые черкасы».

с косами на бой выходили. И ныне де те вотчинные крестьяне ни в чем непослушны и из вотчины неведомо куды от'езжают и животы свои розвозят, и в Белгород хлебных запасов и дров не возят, и никакие работы не работают.

А в отписке стольника и воеводы Ивана Скуратова и дьяка написано, что они по челобитью Мисаила митрополита о том сыскивали и из сыскного дела прислали в Розряд выписку.

(л. 84) А в той выписке написано:

В той митрополей вотчине по ево митрополью челобитью пойманы крестьяня, которые вышли было с посыльными людьми дратца с косами:

Панка Гордеев, Гараска Михеев,— пойманы в слободе и на поле без ружья; Гаврилка Воронцов, Филька Микитин, Макарка Сериков, Ивашка Швоев, да вместо мужей — 3 жонки; да митрополей дьяк привел: Федоску Рыбина, Васку Кольцова, Ивашку Блинова, Куприяшку Серикова. Итого — 10 человек.

А в роспросех те крестьяня говорили, что мыслили бити челом великим государем, чтоб за митрополитом во крестьянех не быть, а иного де бунтовства за ними не было. А наговаривали де их на то челобитье Трошка Чупорной з тетьми да Матюшка Жирового з братьями да Ромашка Житкова.

И Трошка Чепурной сыскан же, а сказал: советовали де на челобитье все крестьяне. И как де белогородцкой пристав з домовыми людьми поймали было ево Трошку да детей ево, Трошку ж да Митьку и сын де ево Трошка у пристава отбился и взять себя не дал, а он де Трошка с сыном Митькою закричал разбой, и крестьяня де послышали крик, били в колокола на сполох и збежались с ружьем, и ево Трошку у пристава отбили, и пристава и домовых людей били, а сын де ево Трошка с товарыщи поехали к Москве в челобитчиках.

Крестьяне ж Федоска Огородов сказал: он де на то челобитье в совете не был, а был в совете сын ево Ивашка.

Титка Голубоцкой сказал: советовали де меж себя на то челобитье и наговоря всех крестьян, поехали к Москве Трошка Чепурной с товарыщи, а ево де Титку посылали проведывать московских вестей к белгородцу к Назару Съедину, как он приехал с Москвы. И он де Титка у него Назара спрашивал, мочно ль де им крестьяном ехать к Москве для челобитья о нуждах своих, а о чем бить челом, того он Титка ему, Назару, не сказал. И Назар де Съедин сказал ему Титке, без отписки де митрополей к Москве ехать им не мочно, а буде де митрополит укажет им дать отписку, и они де к Москве поедут.

А бить де челом на митрополита об отставке от крестьянства к Москве он Назар не посылал, и что ныне на Москве время, того не говаривал...

По тому ж розыску взяты в Белгород:

Белогородец Назар Съедин в том: крестьяня Филька Микитин с товарыщи оговорили ево, бутто он Назарей наговаривал их на митрополита бить челом и говорил такие слова, что ныне на Москве время, а посылали де они о том к нему спрашиватца Титку Голубоцкого.

И он Назарей в том во всем запирался.

И Филька Микитин на очной ставке тот оговор с нево Назара зговорил,— сказал де он то на нево, испужався.

А Титка Голубоцкой говорил прежние речи, что к Назару спрашиватца приезжал, и Назар сказал, что без митрополей отписки ехать им не мочно, а таких де слов, что на Москве ныне время, он Назар не говорил.

А Назар сказал, Титка к нему приезжал ли, про то он не упомнит и ево Титку не знает, а у него де и многие про московские вести спрашивали, и он де на дурно никово не наговаривал.

(л. 87) Короченской подьячей Мартинко Иконников в том: писал роспись имянную митропольим крестьяном, а для де какова умыслу те крестьяня имена писать ему велели, про то де ему они не сказали, а под именами де подписали, которой челобитчик поедет к Москве, и им ево в харчах и в проторях не выдавать.

Короченской же пушкарь Артюшка Микитин в том, что митропольим крестьяном на Короче указал ту роспись писать ево Мартинка.

В том же деле многие слова не в очистке, для того что пущие де на то дело наговорщики побежали к Москве.

Белогородец Федька Озеров, на нем же де Федьке казенной недоборной многой хлеб.

Да митрополи крестьяня: Трошка Чепурной, Андрюшка Рыбин, Стенька Гордеев, Ивашко Огородов, Петрушка Умного, Трошка Зарубин, Микишка Колмык, Стенка Полежаев, да Федьки Чемодурова зять Петрушка, Данилко Максимов.

А по грамоте великих государей, какова отпущена о розыску и о вершенье того дела, боярин и оружейничей и воевода ис Курска в Белгород к стольнику и воеводе к Ивану Скуратову и к дьяку писал ли, и хто по тому делу вершены смертью и кому наказанье учинено, того в том деле не написано, знатно, что та великих государей грамота в Куреск пришла после посылки того дела к Москве.

И ноября в 8 числе на Москве сысканы и в Розряд приведены оговорные люди митрополи крестьяне, и в бунтовстве роспрашиваны порознь:

Трошка Трофимов сын Чепурной: бунтовства де никаково за ним Трошкою нет и не бывало, а в прошлом де во 190 году слухом друг от друга они слышали, что на Москве великие государи крестьян, которые бывали за ними, великими государи, в тягле, указали писать в свою государеву службу по прежнему. А у него де Трошки и у иных у их братье у крестьян многие сродники служили полковую службу и побиты, а иные и ныне служат салдацкую службу, и из-за митрополита выведены, а они оставлены за митрополитом. И они де все крестьяне промеж собою советовали многое время бить челом великим государем в их государскую службу по прежнему. А в челобитчиках де послали к Москве ево Трошку с товарыщи, которые ныне с ним приведены. И тот де их совет проведали митрополи приказные люди и поставили им то в бунт и известили митрополиту. И по митрополью де челобитью прислан был из Белагорода пристав, хто имянем не знает. И тот де пристав с митропольими людьми ночью поймали было отца ево и ево Трошку. И он де Трошка вырвался у них, ушол в лес, и митрополей де дворовой человек Самошка Свиридов почал отца ево давить и просить у него денег, и отец де ево закричал розбой, и крестьяне де, послышав крик, били в колокола всполох, и отца ево у того пристава (л. 90) отнели, а пристава де били ль, про то он не ведает, был в лесу и от той де присылки он Трошка с товарыщи своими, которые ныне с ним пошли к Москве для челобитья, чтоб от митрополита от крестьянства отбыть и быть в службе. А как де ротмистры с стрельцами к ним в село приезжали, и они де Трошка с товарыщи в то время не были, уехали к Москве, а свою де братью никово он Трошка на то челобитье не наговаривал, мыслили де они о том все вопче.

... И великие государи ...(т.)... о том о всем что укажут.

Распросные речи белгородца Ф. Озерова.

(л. 112) 191 г. ноября в 16 день, по приказу боярина и оружейничего и воеводы Петра Васильевича большого Шереметева с товарыщи, белогородец Федька Озеров в воровстве и бунтовстве и в наговоре преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского вотчинных ево крестьян в застенке роспрашиван, а в роспросе и с пытки говорил:

Приехал де он Федька с Москвы в прошлом во 190 году в Успенской пост, и ездил в митрополью вотчину в село Заячье к крестьянину к Микишке Калмыку, Озеров он же, просить на семена пшеницы, и у него де Микишки на гумне ночевал он с ним Микишком вместе. И Микишка де спрашивал у него Федьки о московском поведении. И он де Федька ему Микишке сказывал, что на Москве учинили бунт московская надворная пехота. И Микишка де говорил ему Федьке, что зделают они притчю, хотят де они ехать к Москве бить челом великим государем на митрополита в налогах, а прикащика де и домовых людей побьют. Да и давно де у него Микишки такая злая мысль была, а в которое де время митрополья прикащика и домовых людей побить — они хотели, того он Микишка ему Федьке не сказывал. И опричь де ево Микишки он Федька с ыными митрополи (л. 113) крестьяны и иных чинов з белогородцы про бунт к воровству ни с кем не говаривал и никого не научал. Он же Федька з другой пытки говорил, что он ево Микишку бить челом на митрополита научал, об отставке от крестьянства, а во всем де воровстве и в бунтовстве пущей заводчик он Микишка. А что де он Федька, слыша от него Микишки то воровство, в Белегороде и в Курску не известил, и за ту ево вину, что великие государи укажут.

Сказка белгородского пристава Д. Батракова в белгородской разрядной избе.

(л. 126) И октября во 2 день в Белегороде в Розрядной избе стольнику и воеводе Ивану Петровичю Скуратову да диаку Полуехту Истомину белогороцкой пристав Дениска Ботраков об'явился, а сказал: по указу де великих государей ...(т.)... и по наказной памяти стольника и воеводы Ивана Петровича Скуратова, за приписью диака Полуехта Истомина, ездил он из Белагорода в Белогородцкой уезд в вотчину преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского в село Новые слободки, а велено ему, взяв с собою понятых, сколько человек пригож, и с теми понятыми взять бунтовщиков, кого укажет подьячей Иван Ухабов. И Иван де Ухабов велел ему Дениске в Новой слободке взять крестьянина Трошку Чепурного. И он де приехал к нему Трошке на двор и хотел ево взять, и Трошка де Чепурной з детьми своими ему Дениске взять себя не дали, и кричали и в колокола на бунт били. И села де Новой слободки крестьяня, збежався все с ружьем и с кольем и с цепами, преосвященного Мисаила митрополита домовых людей приказных дел диака (л. 127) Василья Андреева да подьячево Ивана Ухабова били, а ево де Дениску да сына боярского ж Афонасья Григорьева, бив, связали, и связанных де держали у себя до полуночи. И собрався в круг, все говорили, что они за преосвященным Мисаилом митрополитом жить не хотят, будто он преосвященный Мисаил митрополит их разоряет, и збирали деньги с человека по рублю, и с теми деньгами отпущали 30 человек к Москве в челобитчиках. А тем де челобитчиком велели бежать денно и ночно

на конях верхами с ружьем, а достальные де крестьяне человек с полтораста с ружьем и с кольем лежали всю ночь у прикащикова двора. А ждали де диака Василья Андреева да подьячего Ивана Ухабова да сына боярского Алексея Лисовского и хотели де их побить до смерти. И за три де часа до света ево Дениска ограбив, да Афонасья Григорьева отпустили. А грабежом де взяли у него Дениска 15 алтын денег, да наказную память, по которой он ездил в ту Новую слободку.

Сказка ротмистров К. Богданова, И. Корватова и капитана Г. Шеинкова в белгородской разрядной избе.

(л. 128) И октября ж в 3 день ротмистры Кондратей Богданов да Иван Корватов да надводной пехоты капитан Герасим Шеинков в Белгород приехали, а с собою привезли 6 человек мужиков да трех баб. И в Розрядной избе стольнику и воеводу Ивану Петровичю Скуратову да диаку Полуехту Истомину сказали:

Октября де во 2 день, не доезжая села Новой слободки и села Заячья з деревнями, взяв они с собою понятых села Сабынина жителей Якова Плихтина с товарыщи 10 человек да села Ольшанца Григорья Федина с товарыщи 6 человек, да с теми понятыми и с надворною пехотою, приехав в село Новую слободку, бунтовщиков Трошки Чепурного с товарыщи, на которые дворы указали им преосвященного Мисаила митрополита приказных ево дел диак Василей Андреев да подьячей Иван Ухабов, в домех не застали. А против де Трошкина двора Чепурного того села Новой слободки крестьян собрались человек з 20 с ружьем и с косами и с рогатины, взять себя не дали, и учинили с ними бой. И они де Кондратей с товарыщи из них (л. 129) изымали крестьян дву человек с косами, Панку Гордеева да Гераську Михеева, да у них же отбили две косы. А на Матюшкине дворе Жирового поимали де они его Матюшкину жену ево Феколку да невестку ево Матренку, а на Афонькином дворе Умного жену ево Донку, да того же села Новой слободки крестьян трех человек Ивашку Швоева да Фильку Митина, Гаврилку Воронцова да села Заячья одного человека Макарку Серикова изымали они, Ивашку де да Макарку на поли, а Гаврилку де да Фильку в селе Новой слободке, и привели их в Белгород. А достальные де крестьяне села Новые слободки и села Заячья розбежались все по лесам с ружьем, а села де Заячья крестьянин Тимошка Гончаров, которого они Кондратей с товарыщи посылали в село Заячье х крестьяном в лес, чтоб они не бунтовали, и пришли б к ним великих государей указ выслушать, сказал, что они де ему Тимошке сказали, мы де к ним не пойдем, а Заячья де села попа Петра дети Василей з братом сказывали им Кондратью с товарыщи, что они де села Заячья крестьяня стоят в лесу с ружьем, и будет посыльные люди к ним приедут, и они станут с ними битца.

(л. 130) Да Кондратей же Богданов сказал: заезжал де он в село Хохлово, которая половина за рекою Донцом для понятых к десятнику к Михайлу Болотову и оставил ему десятнику надворной пехоты Антошку Федорова с товарыщи трех человек, и велел им собрать того села жителей, а собрав, доезжать ево в селе Собынине. И надворные пехоты Антошка Федоров с товарищи, приехав в Собынину, сказал де ему Кондратью, что села Хохлова жители с ними в понятых не поехали. Да села де Собынина Терех Савостьянов, Сидор Пеньков, Алексей Павлов в Собынине ему об'явились, а в понятых де с ним не поехали ж, а иные де многие собынинцы и не об'явились.

Распросные речи крестьян села Новой слободки в белгородской разрядной избе.

(л. 131) И приводные мужики и бабы роспрашиваны порознь. А в роспросе Филька Митин сказал: домовые де вотчины села Новой слободки и села Заячья з деревнями крестьяня Трошка Чепурной з детьми с Трошкою ж да с Митькою, Матюшка Жировой з братьями с Матюшком да с Володьком да с Ывашком, Артюшка Гордеев с сыном Степкою, Петрушка Умного с отцом Афоньком, Федоска Рыбин з детьми с Андрюшком да с Калинком, Федька Чемодуров з зятем Петрушкою, Микишка Колмык,— Озеров он же,— взбунтовав свою братью крестьян тех сел и деревень, наговоривали, чтоб бить челом великим государем на преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского в налогах, что им стала домовая работа работать на него митрополита невмочь. И схоживались всех сел и деревень крестьяне к Матюшке Жировому з братьями, да к Трошке Чепурному з детьми и приговорили к Москве послать четырех человек, а в Куреск к боярину 10 человек, чтоб великие государи пожаловали, велели им о том свой государев указ учинить. А до присылки де из Белагорода пристава и до приезду домовых людей приказных дел (л. 132) дьяка Василья Андреева да подьячего Ивана Ухабова и иных домовых людей,в колокола на всполох не по одно время били ль, он про то не слыхал. А как де из Белагорода домовые люди с приставом, приехав в вотчину в ночи, и хотели взять Трошку Чепурного з детьми, и в то де время в колокола били на всполох. И села де Новой слободки крестьяня иные с ружьем и Трошка Чепурной з детьми и Матюшка Жировой з братьями взять себя не дали, и кричали на бунт и домовых людей прикащика Фрола Александрова да Афонасья Григорьева, Матюшка Жировой з братьями да Петрушка Кондобаров, бив, связали, он де ево Афонастья розвезал. Да они ж де били посельского старца Гаврила, а пристава де Дениску Батракова били ль и грабили ль и везали ль, он про то не ведает. А наказную де память отнел у пристава Митька Чепурной, а збирали де они крестьяня всех сел и деревень челобитчиком з двора по гривне и приказали им всем крестьяном те бунтовщики Трошка Чепурной с товарыщи, чтоб они все крестьяня до приезду их с Москвы и ис Курска, жить, бегая по лесам.

Да он же Ефимка сказал: (л. 133) а наговаривал де их крестьян бить челом великим государем на преосвященного митрополита, чтоб отбыть им от крестьянства, белогородец Назар Григорьев сын Сьедин, как приехал с Москвы, и крестьянин де Титка Голобоцкой для того наговору к нему Назару ездил в дом, а посылали де ево Титка к нему Назару все вотчинные крестьяне заодно. И по тому де ево наговору все крестьяня написали челобитную в городе Короче, а писал де им тое челобитную и составливал короченской подьячей Мартын Иконников, а хто де к той челобитной в их место руки приложил, того де он не ведает. А как де писали челобитную, в то время сторонних людей не было, только де были крестьяня Трошка Чепурной с товарыщи. И забунтовав де и домовых людей бив, поехали к Москве Трошка Чепурной, Андрюшка Рыбин, Петрушка Афонасьев да Стенька Гордеев: в Куреск поехали Фомка Смяцкой да Киприяшка Сериков с товарыщи. И на Титку де Голубоцкого он шлетца в том, что он де Титка к Назару Сьедину ездил.

(л. 134) Пашка Гордеев сказал те ж речи, что сказал села Новой слободки крестьянин Филька Митин выше сего. Да он же Пашка в речах своих прибавил: в бунтовстве де был за одно с Трошкою Чепурным с товарыщи села Заячья крестьянин Стенька Полежаев, а до-

мового де человека Афонастья Григорьева бил или нет, он того не ведает. А как де приезжали в село Новую слободку ротмистры Кондратей Богданов да Иван Корватов да капитан Герасим Шеинков с надворною пехотою, и он де Пашка в то время, послыша их, выбежал со двора своего с косою, да Петрушки Кондобарова сын Любимка з дубиною, да Ивашка Красникова пасынок Ивашка з дубиною ж, да Володька Фадеев да Исайка Голубоцкой с пищальми, и собрались ко двору Трошки Чепурного. И увидя посылных людей, он Пашка косу бросил, а товарыщи де ево убежали в лес, а ево де Пашку изымали, а косою де он ни на ково не замахивался, и с посыльными де людьми ни с кем не бились. А у пристава де у Дениска Ботракова хто отнял наказную память, того он не ведает.

(л. 135) Гераска Михеев сказал те ж речи, что сказал Пашка Гордеев, да он же сказал: в том же де заговоре был в бунтовстве отец его Михей, и гривну де денег на подмогу челобитчиком дал же.

Гаврилка Воронцов сказал те ж речи, что сказали в роспросе Филька Миткин да Пашка Гордеев, а про бой сказал: домовых де людей и пристава Дениска Ботракова и хто у него память отнял, про то он не ведает, и денег он гривны крестьяном Трошке Чепурному с товарыщи не давал, и в заговоре де в бунтовстве с ними не был. А как де приезжали в Новую слободку ротмистры Кондратей Богданов и ево де поймали на дворе и привели с собой в Белгород.

(л. 136) Макарка Сериков сказал: села де Заячья крестьяня Микишка Калмык да Митька Акинкин племянник с товарыщи в селе Заячьем били в колокола на бунт и, собрався, хотели отца ево Киприяна Серикова убить до смерти, что он де с ними в челобитье быть не похотел. И отец де ево, слыша от них тот бунт, ево Никишку с товарыщи от того бунтовства унимал, и они де ево не послушали и валились на него боем. И он де, убоясь их, дал им гривну денег тем же челобитчиком Трошке Чепурному с товарыщи на подмогу. А как де в Новой слободке был бунт, и он де в том же бунтовстве и в заговоре с ними же был по неволи, убоясь де их, чтоб ево не убили. А как де крестьяня в Новой слободке, собрався с ружьем и с косами подле двора Трошки Чепурного с посыльными людьми бой чинили, того он не ведает. А ево де Макарку посыльные люди поймали на поли, он де пошел было за теми ж челобитчиками в Куреск и воротился з дороги. А хто де у пристава память отнял, того он не ведает.

Сказка дьяка В. Андреева и крестьян села Новой слободки.

(л. 140) Да октября ж в 4 день преосвященного Мисаила митрополита белгородцкого и обоянского приказных ево дел диак Василей Андреев привел трех человек крестьян Федоску Рыбина да Ваську Кольцова да Ивашка Блинова, а сказал: сего ж де числа те крестьяне об'явились в Белгороде и преосвященному митрополиту били челом: виноваты де они в том, послушали крестьян Трошки Чепурного з детьми да Матюшки Жирового з братьями да Ромашки Житкова и товарыщей их. А говорили де они перед преосвященным митрополитом: те де заводчики Трошка Чепурной с товарыщи сказывали им и многим крестьяном, волости де государевы Комарицкая и Самовская в службы поворочены, и жить им велено во крестьянстве в посопных волостях по прежнему за великими государи, станем де бить челом о том и мы. И они де и все крестьяне в том совете были, чтоб им за преосвященным митрополитом в вотчине не быть, а быть бы им во крестьянстве в посопной волости за великими государи по прежнему, оттово де у них и смута учинилась. А что де бунт учинился, били

домовых людей в вотчине, и то де учинилось не ото всех крестьян, а учинился бунт и бой от завотчиков от Трошки Чепурного да от Матюшки Жирового (л. 141) с товарыщи. И чтоб тех крестьян принять и про бунт и про все роспросить.

И того ж числа против приводу и скаски диака Василья Андреева села Новой слободки приводные крестьяня Федоська Рыбин, Васька Кольцов, Ивашко Блинов роспрашиваны порознь, а в роспосе против скаски диака Василья Андреева сказали те ж речи. Да из них же один человек Федоська Рыбин в речах своих прибавил: как де приезжал сын боярской Афонасей Григорьев в село Новую слободку, и в то де время ево Афанасья крестьяня Трошка Чепурного да Матюшка Жирового с товарыщи били и грабили и везали и, свезав, отдали за сторожу. И он де Федоська то видел и тех крестьян унимал, и они де ево не послушали. А связан де он Афанасей был (л. 142) и за сторожу отдан был с приставом з Денискою Ботраковым вместе. А хто де ево Афонасья розвезал, и он де Федоська того не видал, а на двор де ево Афонасья впустил он Федоська. А у двора де владычьня стояли с ружьем крестьяня Матюшка Жировой с товарыщи со многими людьми, и хотели де тех домовых людей побить, а иных в Куреск отвести. А как де они поехали из села Новой слободки в Белгород, и в погоню за ними крестьяне гоняли ль или нет, и он де Федоська того не ведает.

Сказка в белгородской разрядной избе домовых людей митрополита Мисаила.

(л. 144) Да того ж числа в Белегороде в Розрядной избе преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского на домовых людех на сыне боярском на Афонасье Григорьеве да на подьячем на Гавриле Рыльцеве бой осматривали. А по осмотру на Афонасье Григорьеве бою — правая рука бита по локтю и выше локтя да по грудям и на левом боку, да на левой руке по плечю и ниже локтя бита ж, и от тово бою опухло и синево богро. А у записки он Афонасей сказал: по указу де преосвященного митрополита посылан он был в домовую вотчину в село Новую слободку з диаком с Васильем Андреевым да с подьячим с Ываном Ухабовым, для взятья крестьян Трошки Чепурного с товарыщи. И как де он Афанасей к тому селу приехал в околицу, и того де села крестьяня (л. 145) Трошка Чепурного да Матюшка Жирового с товарыщи со многими людьми бегали по селу в околице с ружьем, с пищальми и з бердыши и с копьи и с сайдаки. И взяв де ево Афонасья били и вязали и ограбили, а связанного де у владычня двора за сторожею держали з белогородцким приставом з Дениском Ботраковым вместе. А грабежем де у него Афонасья взяли сайдак да саблю, нож оправной, плеть, полотенцо шитое, с лошеди седло с войлоки, плат суконной кармазеинной, по углам шит золотом, да ис коляски коробин оправной серебром, да рукавицы теплые, да с сына де ево с Ывана сорвали шапку. А развязал де ево Афонастья крестьянин Петрушка, и пустили на владычен двор, и у ворот де и около двора поставили сторожу крестьян с ружьем, и стерегли де те крестьяня ночь и до половины дня. И как де та сторожа от двора поразошлась, и он де Афонасей с товарыщи в то время (л. 146) з двора и ис села на конях ушли, и крестьяня де за ними гонялись в погоню на конях, хотели побить.

А на подьячем на Гавриле Рыльцеве бою по осмотру — левая рука избита опухла синява и богрова. А у записки он сказал, били де ево домовые крестьяне села Новой слободки бунтовщики Трошка Чепурного с товарыщи.

Сказка в белгородской разрядной избе прикащика села Новой слободки Ф. Александрова.

(л. 152) Да октября ж в 7 день в Белгороде к Розрядной избе преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского стряпчей Ларион Протопопов привез Новой слободки прикащика Фрола Александрова бита в крови. И бил челом великим государем... (т.)..., а в Розрядной избе стольнику и воеводе Ивану Петровичю Скуратову да диаку Полуехту Истомину, в словесном своем челобитье сказал, чтоб великие государи пожаловали ево, велели на прикащике на Фроле Александрове бою осмотреть и записать.

(л. 153). И по приказу стольника и воеводы Ивана Петровича Скуратова да диака Полуехта Истомина на прикащике на Фроле Александрове бой осматриван. А по осмотру бою на нем, Фроле, голова в дву местех прорублена до мозгу, да левая рука на завити переломлена, да спина и бока и грудь избито все сплошь. А у записки он Фрол сказал: в нынешнем де во 191 году сентября с 30 числа октября против 1 числа в ночи, как приезжали в домовую святительскую вотчину в село Новую слободку приказных дел диак Василей Андреев з домовыми людьми и с приставом з Дениском Ботраковым, для взятья бунтовщиков крестьян Трошки Чепурного з детьми, и он де Петрушка взять себя не дал. (л. 154) И забунтовав, били в колокола, и диака Василья Андреева з домовыми людьми били, а ево де Фрола в то ж время, уводя на улицу, крестьянин Митька Чепурного да бобыль Трошка Зарубин да Ивашка Гузнородов с товарыщи били кольем и обухи смертным боем и, бив де, покинули замертва и шапки де вишневого сукна с соболем збив взяли. И той же де ночи все крестьяня, собрався с ружьем, ко двору преосвященного митрополита приступали и домовых людей хотели побить до смерти.

Распросные речи белгородца Н. Сьедина.

(л. 168) И того ж числа в Белогороде в Розрядной избе стольнику и воеводе Ивану Петровичю Скуратову да диаку Полуехту Истомину белогородец Назар Сьедин об'явился собою.

И по приказу стольника и воеводы Ивана Петровича Скуратова да диака Полуехта Истомина против роспросных речей преосвященного митрополита вотчинных крестьян Фильки Мытина да Пашки Гордеева с товарыщи роспрашиван.

А в роспросе сказал: на преосвященного де Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского бить челом великим государем вотчинных ево крестьян, чтоб им из-за митрополита от крестьянства отбыть, он не наговаривал, а с Москвы де он приехал октября в 1 числе. И в то де число митрополичей вотчины крестьянин Титка Голубоцкой и нихто к нему не приезжали, он де Назарей ево Титку и не знает, и случая с ним никакого не было (л. 169). И того ж де дня из двора своего поехал он Назарей на Корочю по обещанию помолитца Покрову пресвятые богородицы, и на Корочи де у подьячего у Матвея Бутикова он ночевал, а переночивав де, на другой день приехал к себе в дом. А бунт де был в митрополичей вотчине после ево Назарья, как он был на Короче, он де про тот бунт ничего не ведает...

Распросные речи в белгородской разрядной избе крестьян села Новой слободки А. Умного и Т. Чепурного.

(л. 178) И того ж числа преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского стряпчей Ларион Протопопов привел в Роз-

рядную избу домовые вотчины села Новой слободки крестьянина Афоньку Умного и бил челом великим государем, чтоб того крестьянина принять в Розрядную избу, а жену ево Донку из-за караулу свободить.

(л. 179) И по приказу стольника и воеводы Ивана Петровича Скуратова да дьяка Полуехта Истомина крестьянина Афонькина жена Умного из-за караула свобожена, а вместо ея принят в Розрядную избу муж ея Афонька и роспрашиван.

А в роспросе сказал: как де в селе Новой слободке был бунт и посыльных и домовых людей били, он того не ведает, он де в то время ездил на Корочю богу молитца. И в том бунту сын ево Петрушка был ли, он не ведает же, а в челобитье де на преосвященного митрополита были они все крестьяня заодно.

Того ж числа крестьянин Трошка Чепурной изыман и приведен в Розрядную избу, и против челобитья преосвященного Мисаила митрополита и доезду ротмистров Кондратья Богданова с товарыщи и пристава Дениски Ботракова и против роспросных речей крестьян Фильки Митина с товарыщи роспрашиван.

(л. 180) А сказал: в нынешнем де во 191 году, как приехал де с Москвы белогородец Назар Сьедин, и они де все вотчинные крестьяня, прослыша про приезд ево Назаров с Москвы, советовались меж себя со всеми вотчинными крестьяны, посылали из села Новой слободки для опроведованья московских вестей к нему Назару Сьедину крестьянина Титку Голубоцкого. И велели ему у него спроситца, мочно ль им ехать к Москве и бить челом великим государем на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства. И Титка де Голубоцкой к нему Назару ездил, и приехав он от Назара Сьедина, им всем крестьяном сказывал, Назар де Сьедин к Москве им ехать и бить челом великим государем на преосвященного митрополита (л. 181) об отставке от крестьянства велел, и говорил он Назар, великие де государи вас пожалуют, от крестьянства из-за митрополита вас отставят, и ныне де на Москве время...

(л. 182) И на Короче писали крестьяном заручную роспись с приговором, что им всем крестьяном бить челом на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства и в том челобитье и в харчах друг друга никому не выдавать. А хто тое роспись писал, он де Трошка тово не ведает, потому что в то время на Короче не был, и написав де тое роспись, хотели отпустить к Москве челобитчиков.

Память белгородского воеводы П. Скуратова в приказ митрополита Мисаила.

(л. 202) 191 г. октября в 29 день по указу великих государей окольничей и воевода Петр Дмитриевичь Скуратов приказал попа Петра отослать с памятью в приказ преосвященного Мисаила митрополита белогородского и обоянского.

И против сей пометы, поп Петр в святительской приказ послан з белогородцким подьячим с Савою Есиповым с памятью. А в памяти пишет:

(л. 232) И ноября в 14 день в Белегороде в Розрядную избу преосвященного Мисаила митрополита стряпчей Ларион Протопопов привел трех мужиков да одну бабу, и сказал окольничему и воеводе Петру Дмитреевичю Скуратову да дьяку Полуехту Истомину: тех де мужиков изымали они в вотчине преосвященного митрополита в селе Новой слободке да в селе Заячьем бунтовские крестьяня, а послал де их с ним Ларионом в Белгород надворной пехоты капитан Иван Выродов.

И по приказу окольничего и воеводы Петра Дмитреевича Скуратова да диака Полуехта Истомина, те приводные мужики и баба роспрашиваны.

В роспросе Стенька Полежаев сказал: виноват де он великим государем в том: как де они все вотчинные крестьяне советы чинили бить челом великим государем на преосвященного митрополита о своих нуждах, что де им ево митрополья домовая всякая работа работать стало не в мочь (л. 233) и чтоб они, великие государи, в том указали им дать льготы, он де Стенька в том совете был же, а совет де и договор у них было челобитье на Корочи. А для де того наговору приезжали к нему Стеньке товарыщи в село Заячье из села Новой слободки крестьяня Стенька Гордеев, Трошки Чепурного сын Трошка ж, Петрушка Умного, и сказали де им: села де Новой слободки все крестьяня здумали бить челом великим государем на преосвященного Мисаила митрополита, что им ево домовая работа работать стало не в мочь. И поехали де на Корочю писать имян крестьянских, чтоб им в челобитье друг друга, в харчах и в проторях не выдавать. И он де Стенька села Заячья с крестьяны ж с Кирюшкою Кладовым да с Ывашкою Огородовым да с Макаркою Сериковым на Корочю за ними поехали ж. И как де они на Корочю приехали, и села де Новой слободки крестьяня Андрюшка Рыбин да Филька Митин да Федька Чемодуров с товарыщи, на Корочи у подьячего у Мартынка Иконникова имяна написали по приезду их на Корочю (л. 234). И на улицы де против Мартынкина двора Иконникова те имяна им вычли, и, вычет де, короченскому площедному дьячку Ефремке Десятого, в свое место все крестьяня велели руку приложить. Да в то ж де время на Корочи все крестьяня выбрали в челобитчиках к Москве пяти человек ево Стеньку да Андрюшку Рыбина да Стеньку Гордеева да Трошкина сына Чепурного Трошку ж, да Ивашку Огородова, а белогородца де Федьки Озерова в том зговоре и совете с ним не было, и х короченскому де пушкарю к Артюшке Мишустину на двор они не приезжали ж. А как де в Новой слободке крестьяня били на всполох в колокола и собрався все крестьяня вкруг чинили советы, и посыльных и митропольих домовых людей били, он де в то время в Новой слободке не был, а был в селе Заячьем в дому своем, и про то де ничего не ведает.

(л. 235) И после де того, октября в 1 числе он Стенька с выборными товарыщи, да к ним же де собою пристали крестьяня ж Микишка Колмык, Озеров он же, Данилка Максимов, да Федьки Чемодурова зять Петрушка, Петрушка ж Умного, да бобыль Трошка Зарубин поехали было к Москве в челобитчиках. И узнав де свою вину, что дурно учинили, з дороги из-за Ливен воротились в домы свои, он Стенка да Микишка Колмык да Федки Чемодурова зять Петрушка, Данилко Максимов, а Андрюшка де Рыбин да Стенька Гордеев да Трошки Чепурного сын Трошка ж да Ивашка Огородов да Петрушка Умного да бобыль Трошка Зарубин пошли к Москве, и ныне де они на Москве ль, того он не ведает...

Отписка курского воеводы П. Шереметева белгородскому воеводе П. Скуратову.

(л. 244) И ноября в 19 день писал ис Курска боярин и оружейничей и воевода Петр большой Васильевичь Шереметев в Белгород к окольничему и воеводе к Петру Дмитриевичю Скуратову, и прислал з белогородцким подьячим з Дементием меньшим Белым белогородца

Федьку Озерова, и его Федькины роспросные и пыточные под отпискою речи. А в отписке и в роспросных и пыточных речах пишет:

(л. 245) Господину Петру Дмитреевичю Петр большой Шереметев челом бьет. В нынешнем во 191 году ноября в 14 день писал ты ко мне в Куреск против челобитья преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского в бунтовстве вотчинных ево домовых крестьян. А по роспросным де речам приводных крестьян Фильки Митина, Трошки Чепурного с товарыщи, в том воровстве и в бунтовстве пущие завотчики и наговорщики белогородец Федька Озеров да домовые крестьяне Матюшка Жировой с товарыщи. И Федька де Озеров в бегах живет, переходя в Курском и в Обоянском уездах. И Федька Озеров в Курску сыскан, и в бунтовстве и в наговоре в застенке роспрашиван и пытан накрепко, а что он в роспросе с пытки говорил, и те роспросные пыточные речи под сею отпискою. И ево Федьку з белогородцким подьячим з Деменьтьем меньшим Белова и с провожатыми ис Курска послал я к тебе в Белгород. И тебе б господине о приеме ево Федьки и о розыску про бунт чтоб доискатца подлинно, и о всем, как писано к тебе в прежних моих отписках, без мотчанья учинить по указу великих государей.

Распросные речи белогородца Ф. Озерова и крестьян села Новой слободки К. Серикова и С. Полежаева.

(л. 248) И того ж числа в Белегороде в Розрядной избе перед окольничим и воеводою перед Петром Дмитреевичем Скуратовым да перед дьяком Полуехтом Истоминым Федка Озеров против роспросных речей крестьян Кипряшки Серикова, Стеньки Полежаева, Трошки Чепурного роспрашиван.

А в роспросе сказал: в вотчину де преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского он приезжал, приехав с Москвы, на Успеньев день побиратца хлебом, и у Микишки Колмыка он был, и прикащику Фролу Александрову и иным многим крестьяном про московской бунт сказывал. А у крестьян, чтоб ему дали вотчиною все крестьяня 20 рублев на подмогу, а он Федька их из-за митрополита от крестьянства отставит, не говаривал, и Федоска Рыбин сына своего Андрюшку к нему Федьке не присылывал. А как де он Федька у Микишки Колмыка был на Успеньев день, и Микишку де Колмыка в челобитчиках с собою к Москве он не зывал, а звал де ево Федьку к Москве он Микишка.

(л. 249) И Кипряшке Серикову с Федькою Озеровым дана очная ставка.

А на очной ставке Кипряшка Сериков сказал прежние свои речи, что Федька Озеров в вотчину преосвященного митрополита приезжал, и их крестьян бить челом на преосвященного митрополита научал, и денег де 20 рублев просил и говорил, станет де вам небольшое всего по гривне з двора, ныне де время, вас от крестьянства отставят. А у него де Федьки на Москве в Патриаршем приказе дядя дьяк Анисим Озеров, и ту их челобитную донесет до великих государей, и то дело зделает, а ему де Федьке однаково ехать к Москве, и с их челобитчики поедет к Москве. И по ево де словам все вотчинные крестьяня взбунтовали, и перед побегом своим к Москве челобитчики митропольи крестьяне посылали к нему Федьке звать ево с собою, брата ево Федькина Микишку Колмыка, Озеров он же.

А Федька Озеров на очной ставке винился, а сказал: в вотчину де преосвященного митрополита он приезжал, и крестьян бить челом на преосвященного митрополита научал, и про деньги 20 рублев, и что

станет им всего (л. 250) небольшое по гривне з двора, и ныне на Москве время, вас от крестьянства отставят, а у него де Федьки на Москве в Патриаршем приказе дядя дьяк Анисим Озеров, ту их челобитную донесет до великих государей, и то дело зделает,— говорил, а к Москве де с челобитчики их ехать хотел для своего дела. И по тем де ево словам крестьяня к нему Федьке присылали брата ево Федькина Микишку Колмыка, Озеров он же, звать к Москве в челобитчиках, и он де Федька с ними не поехал.

Стеньке Полежаеву с Федькою Озеровым дана очная ставка.

На очной же ставке Стенька Полежаев сказал прежние свои речи: Федька де Озеров приехав с Москвы говорил крестьяном, он де чаял они из-за митрополита давно отстали, ажно де еще работают, ему де сказывали про то целовальник Минка Сафонов да Митька Огородов.

А Федька Озеров в том запирался, сказал, что он никому крестьяном таких речей, что он де чаял они крестьяня и давно из-за митрополита отстали, не говаривал.

Царский указ по делу о волнении крестьян в селе Новой слободке.

(л. 93) 191 г. ноября в 15 день великие государи ...(т)... и сестра их великая государыня благородная царевна и великая княжна София Алексеевна, сей докладной выписки слушав в комнате, указали и бояре приговорили: митрополичьих крестьян, которые пойманы на Москве, Трошку Чепурного с товарыщи послать для подлинного розыску в Куреск к боярину и оружейничему и воеводам Петру Васильевичю Шереметеву с товарищи с провожатыми, и с роспросных их речей, что они на Москве сказали, список, а ему боярину и оружейничему и воеводам для того ж розыску тех митрополичьих крестьян роспросные речи и все подлинное дело, и оговорных людей, которые по тому делу взяты, и ныне в Белегороде взять в Куреск ж (л. 94) и тех всех людей и иных, до ково дело дойдет, в Курску роспрашивать накрепко и давать очныя ставки порознь, а с очных ставок в спорных статьях велеть и пытать, и розыскать про все подлинно, чтоб в том доискатца самые правды, от ково и для чево тот завод учинился. А розыскав про все подлинно, велеть по прежнему их великих государей указу, пущих на то дело заводчиков дву человек казнить смертью — повесить в тех же деревнях, где они бунтовали, а достальным заводчиком же учинить жестокое наказанье: бить кнутом на козле и в проводку по торгом нещадно, и велить им впредь в тех селах и в деревнях жить за митрополитом во крестьянстве по прежнему и быть во всяком послушанье. А про недоборной хлеб, которой довелся взять на белогородце на Федьке Озерове, велеть им боярину ж и оружейничему и воеводам розыскать по тому ж подлинно, и по розыску тот недоборной хлеб на нем доправить в государеву казну сполна. А что у них о том о всем по розыску об'явитца и учинено будет, и им писать о том к великим государем, и те сыскные дела и из них перечневые выписки, за дьячими приписьми прислать в Розряд.

Отписка курского воеводы П. Шереметева белогородскому воеводе П. Скуратову.

(л. 276) И декабря в 1 день [191 г.] писал ис Курска боярин и оружейничей и воевода Петр большой Васильевичь Шереметев в Белгород к окольничему и воеводе Петру Дмитреевичю Скуратову и прислал заплечного мастера Алешка Чижа, а в отписке пишет:

(л. 278) Господину Петру Дмитриевичю Петр большой Шереметев челом бьет. В нынешнем во 191 году ноября в 25 день писал ты господине ко мне в Куреск, чтоб мне о присылке в Белгород заплечного мастера, велеть учинить по указу великих государей. И заплечной мастер Алешка Чиж ис Курска послан в Белгород того ж числа. И тебе б, господине, об отпуске в Куреск ево Алешка, как дела вершатца, учинить по указу великих государей.

Приговор белгородского воеводы П. Скуратова.

(л. 278) 191 г. декабря в 1 день, по указу великих государей окольничей и воевода Петр Дмитреевичь Скуратов, слушав сего дела, приговорил по розыску пущих к бунтовству и воровству заводчиков, белогородца Федьку Озерова да крестьянина Трошку Чепурного по их распросным и Федькиным пыточным речам сказав вины их, казнить смертью — повесить. А достальным крестьяном, которые к тому ж воровству и бунтовству пристали, Пашке Гордееву с товарыщи учинить жестокое наказанье бить кнутом по торгом на козле и в проводку нещадно, и отослать их на двор к преосвященному Мисаилу митрополиту белогородскому и обоянскому во крестьянство по прежнему.

(л. 279) И того ж числа бунтовщики и пущие к воровству заводчики кажнены смертью, повешены белогородец Федька Озеров за рекою Северским Донцом по конец большого мосту, крестьянин Трошка Чепурной — в селе Новой слободке, где он бунтовал.

Крестьяном же, которые к тому ж воровству и бунтовству с ними приставали — учинено жестокое наказание — биты кнутом по торгом на козле и в проводку. И отосланы они на двор к преосвященному Мисаилу митрополиту белогородцкому и обоянскому во крестьянство по прежнему.

Распросные речи крестьян Т. Чепурного (сына) П. Умного, А. Рыбина, И. Огородова и Т. Зарубина.

(л. 301) Декабря ж в 9 день в Белегороде в Розрядной избе перед окольничим и воеводою перед Петром Дмитреевичем Скуратовым, преосвященного ж Мисаила митрополита вотчинные крестьяне Трошки Чепурного сын Трошка ж да Петрушка Умного, Андрюшка Рыбин, Ивашко Огородов, Трошка Зарубин, против ево преосвященного митрополита челобитья, про бунт и про бой пристава и домовых людей роспрашиваны порознь.

А в роспросе Трошка Чепурного сказал: в колокола де, до приезду в село Новую слободку пристава и домовых людей, на всполох не по одно время они не били. Только де они чинили советы бунтовские, в кругу собрався, как прудили на святительской Шопинской мельнице плотину. И крестьянин де Федька Чемодуров говорил им всем крестьяном: как де они с поля отделаютца, чтоб им ехать к Москве и бить челом на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства. И как де они с поля отделались, и крестьянин де Никишка Колмык из села Заячья (л. 302) ездил к белогородцу к Федьке Озерову, и спрашивал у него, мочно ль им крестьяном ехать и бить челом вели-

ким государем на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства. И Никишка де Колмык приехал от него Федьки в село Заячье сказывал крестьяном Кирюшке Селиванову да Ивашке Чельцову, что Федька Озеров говорил ему Микишке, их де служилых людей великие государи пожалуют, из-за митрополита от крестьянства отставят. И Кирюшка Селиванов да Ивашка Чельцов приходили в село Новую слободку х крестьянину к Артюшке Гордееву, и он де Артюшка и с сыном своим Степкою приходили к нему Трошке, и те слова, что им Микишка Колмык говорил, сказывали ему Трошке, и посылали его к Москве в челобитчиках. И он де в то время им отказывал, что без заручной к Москве он не поедет. И они де крестьяня пошли домой. И после де того на другой день посылали из села Слободки все вотчинные крестьяня в село Заячье крестьянина Матюшку Жирового, чтоб все крестьяня ехали на Корочю писать заручной. Да для того ж де (л. 303) посылали и в ыные деревни, в Мазикину де ездил он Трошка Чепурной да Андрюшка Рыбин да Федька Чемодуров да Степка Гордеев, в Коренскую деревню ездил Фирсик Кольцов да Тимошка Терехов. Да в то ж де время посылали они ис кругу все крестьяня крестьянина Титку Голубоцкого к белогородцу к Назарке Сьедину, велели спроситца, мочно ль им ежать к Москве и бить челом великим государем на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства. И он де Титка к нему Назарке ездил, и приехав де от него Назарки, в кругу сказывал крестьяном он Титка: Назарка де Сьедин сказал ему, нечто де служилые поедут, и великие де государи служилых жалуют, а удастца де им и не удастца им же. И собрав де всех вотчинных крестьян, ездили на Корочю и писали заручную, что им всем крестьяном бить челом на преосвященного митрополита и друг друга никого не выдавать. А писал де тое заручную короченской подьячей Мартынка Иконников заведомо что они все хотят бить челом (л. 304) великим государем на преосвященного митрополита. И написав де роспись, сбирали они со всех крестьян на подмогу по гривне з двора. И как де приехали в село Новою слободку пристав з домовыми людьми по нево Трошку и по отца ево, и пристав де з домовыми людьми взял было ево Трошкина отца и ево Трошку, и он де Трошка у пристава из рук вырвался и ушол в лес, и был в лесу. А в колокола де он Трошка не бил и разбоя не кричал, а кричали де разбоя отец ево и брат Митька, а как де в колокола били и на бунт кричали, и збежався крестьяня с ружьем и с кольем домовых людей и пристава Дениску Ботрокова били и вязали, и связанного держали, и хто у него Дениска наказную память отбил и оборвали денег 15 алтын, он де Трошка того ничего не ведает, в то де время он был в лесу. Только де слышал от крестьян, что бил прикащика Фрола (л. 305) Александрова брат ево Трошкин Митька Чепурной да Трошка Зарубин. А как де крестьяня собрались все вкруг, и говорили, чтоб им за преосвященным митрополитом во крестьянстве не жить, и он де Трошка в том кругу с крестьяны был за одно и такие слова говорил же. А с крестьян де собрали на подмогу и дали ему Трошке с товарыщи, как они поехали к Москве 7 рублев, и те де деньги на Москве они исхарчили. А челобитную де им писал и составливал на преосвященного митрополита об отставке от крестьянства на Москве площедной подьячей Кирила, а чей де он сын и по прозвищу, того он не ведает. А что де Титка Голубоцкой говорил на него Трошку, бутто их всех крестьян наговаривал он Трошка с товарыщи, которые были с ним на Москве, и тем де он поклепал ево напрасно, в том де заговоре они крестьяня были все заодно. А к домовому де двору с ружьем он не приступал же.

Челобитная митрополичьего стряпчего Л. Протопопова в Москву в Разрядный приказ.

(л. 321) Царем государем ...(т.)... бьет челом холоп ваш, богомольца вашего преосвященного Мисаила митрополита белоградцкого и обоянского стряпчей Ларко Протопопов. В нынешнем, государи, во 191 году, учиня бунт домовые вотчины села Новой слободки з деревнями крестьянина Трошки Чепурного сын ево Трошка ж с товарыщи, и бив и перевязав домовых людей и прикащика изрубя, ушли к Москве те бунтовщики Трошка Чепурной с товарыщи. И били челом вам великим государем, а в Розряде подали челобитную на вашего государева богомольца на преосвященного Мисаила митрополита белоградцкого и обоянского. И писал в челобитье своем воровски белогородцких полков рейтарами и салдатами и салдацкими детьми и братьями, будто их преосвященный митрополит, покрестьянил насильством своим и загрозил им о том вам, великим государем, бить челом. И как де в прошлых годех в Белогородцком уезде для переписки крестьянских дворов был перепищик Исак Бунаков и имал скаски, и он де преосвященный митрополит бутто в то число при том перепищике приставливал караулы и теснил и к писцу не допущал, похотя будто себе их во крестьянстве з женами и з детьми вечно завладеть. А та, государи, посопная волость село Новая слободка отдана во крестьянство прежнему Феодосию митрополиту, а село Заячье з деревнями отдано для вечного помяновения отца вашего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича ...(т.)... во крестьянство ж. И тем они воры и бунтовщики челобитьем своим, хотя от крестьянства отбыть, вашего государева богомольца преосвященного митрополита поклепали и оболгали напрасно, и всею вотчиною взмутили и взбунговали те челобитчики, которые пойманы и присланы с Москвы Трошка Чепурной с отцом своим Трошкою ж и с товарыщи. Да он же Трошка, как с отцом своим и з братом взбунтовали и пристава и домовых людей и прикащика били, а которые домовые ушли на домовой двор, и он Трошка с отцом и з братом и с ыными товарищи к домовому двору приступали и домовых людей побить хотели до смерти. Милосердые государи цари ...(т.)..., пожалуйте меня, холопа своего, велите государи тех воров бунтовщиков Трошку Чепурного с товарыщи, которые с Москвы присланы, хто им на то челобитье вспомогатель, и челобитную на вашего государева богомольца, на преосвященного митрополита, какова в Розряде подана, писал и составливал, и каким насильством их преосвященный митрополит покрестьянил, и как писец Исак Бунаков был, какая им от преосвященного митрополита теснота была, и хто имяны караулы у них в то время поставлены были, и как оне домовых людей на домовом дворе побить до смерти всех хотели,— про то, про все роспросить накрепко и розыскать им пущим заводчиком Трошкой. И по розыску свой великих государей указ учинить. Цари государи, смилуйтеся.

Распросные речи крестьян Т. Чепурного (сына), А. Рыбина, И. Огородова, П. Умного и Т. Зарубина.

(л. 322) И против сей челобитной крестьяня бунтовщики, которые присланы с Москвы в Белгород, Трошка Чепурной, Андрюшка Рыбин, Ивашка Огородов, Петрушка Умного, Трошка Зарубин в застенке роспрашиваны и пытаны

А в роспросе и с пытки говорили: челобитную де им писал и составливал черную и белую на преосвященного митрополита, какову

подали они в Розряде на Москве, площадной подьячей Кирила, а чей сын и по прозвищу, того они не ведают. И на то де челобитье в спомогательстве, опричь их крестьян, никого не было, и насильством де преосвященный митрополит во крестьянстве их не держит. А как де был в Белегороде перепищик Исак Бунаков, и в то де время им крестьяном от преосвященного митрополита тесноты и караулов не было, а домовых де людей до смерти побить они не хотели. А что де в челобитной их написано, и то де составливал и сказывал подьячему писать Трошка Чепурной, а они де Андрюшка Рыбин с товарищи 4 человека того не ведают.

Было им Трошке Чепурному 17, Андрюшке Рыбину 11, Ивашке Огородову 10, Трошке Зарубину 11 ударов. А Петрушка Умного и не пытан, сказал те ж речи.

Приговор белгородского воеводы П. Скуратова.

(л. 324) 191 г. декабря в 13 день, по указу великих государей, окольничей и воевода Петр Дмитриевичь Скуратов, слушав сего дела, приговорил: крестьяном бунтовщиком Трошкину сыну Чепурного Трошке ж с товарыщи, которые присланы (л. 325) с Москвы, да Титке Голубоцкому да Титке Найденову, за их вины и за воровство и за бунт, да короченцом подьячему Мартынке Иконникову, пушкарю Артюшке Мишустину, подьячему, что он писал бунтовщиком роспись, пушкарю — за приезд к нему тех же бунтовщиков Митьки Чепурного с товарыщи,— учинить жестокое наказанье, бить кнутом на козле по торгом нещадно, и отослать крестьян на двор к преосвященному Мисаилу митрополиту белогородцкому и обоянскому во крестьянство по прежнему. А курского ямщика Ивашку Токорева, белогородцов Емельку Черкашенина, Назарку Сьедина свободить без наказанья.

Того ж числа бунтовщиком Трошке Чепурному да Трошке Зарубину, Андрюшке Рыбину, Ивашке Огородову, Петрушке Умному, Титке Голубоцкому, Титке ж Найденову и короченцом,— подьячему Мартынке да пушкарю Артюшке Мишустину — учинено жестокое наказанье, биты кнутом на козле по торгом. И крестьяня — Трошкин сын Чепурного Трошка ж с товарыщи отосланы на двор преосвященного Мисаила митрополита белогородцкого и обоянского по прежнему во крестьянство, а короченцы Мартынка Иконников и Артюшка Мишустин свобождены. Крестьянин же Афонька Умного свобожен без наказанья, для того, что одержим падучею болезнью. Белогородцы Назарка Сьедин да Емелька Черкашенин да курской ямщик Ивашка Токарев свобожены без наказанья.

Из записной книжки архивиста

Лицейские письма Горчакова А. М. 1814—1818 гг.

В архиве известного русского дипломата А. М. Горчакова, бывшего лицейского товарища А. С. Пушкина, сохранилось 54 письма Горчакова, относящихся к периоду пребывания Горчакова и Пушкина в лицее. В этих письмах мы не находим более или менее полной картины лицейского быта, характеристик товарищей и учителей. Но при скудости имеющихся у нас подобных этим письмам материалов, сообщения Горчакова, при всей их отрывочности, очень любопытны. Судя по этим письмам, Горчаков не принадлежал к кругу ближайших товарищей Пушкина, но из лицеистов вне этого круга он был к поэту, пожалуй, ближе, чем кто-либо другой. Незаурядные способности, неизменная удачливость, уменье нравиться, чувство собственного достоинства Горчакова не могли не импонировать Пушкину, не случайно, конечно посвятившему автору писем в лицее два послания и по выходе из него — третье.

М. Ц.

Публикуемые письма не все датированы самим Горчаковым. Часть писем датирована, видимо, позднее карандашом и другою рукою *.

Часть писем датирована при подготовке их к печати в настоящее время:

№ 19 — год письма определяется содержанием — организация показательной канцелярии при лицее для лицеистов, избирающих дипломатическую карьеру.

№ 21 — письма датируются 1816 г. по непосредственной связи их содержания с предыдущими письмами, помеченными Горчаковым 1816-м годом.

№ 22 — Письмо датируется 1816 г. как по тесной связи его с предыдущими письмами 1816 г., так и на основании указания Горчакова, что вторая часть Жуковского вышла уже более «1½ месяца». Как известно, 2-я часть полного собрания сочинений В. А. Жуковского вышла из печати в 1816 году.

№ 23 — Письмо датируется 1816 г. как по тесной связи с предыдущими письмами 1816 г., так и на основании сообщения Горчакова об отставке А. К. Разумовского, последовавшей 10.VIII 1816 г.

№ 25 — Письмо датируется 1816 г. как по тесной связи с предыдущими письмами 1816 г., так и на основании сообщения Горчакова о получении им только что вышедшей 2-й части сочинений Жуковского.

№ 26 — Письмо датируется 1816 г. на основании сообщения Горчакова о предстоящем через 8 месяцев выходе лицеистов 1-го курса из Лицея, указания, что лицейский праздник 14.X был последним перед их выпуском и описания этого праздника в Пет. газ. «Conservateur Impartial» от 20.X 1816 года, № 84.

№ 27 — Письмо датируется 1816 г. на основании сообщения Горчакова о предстоящем, через 5 месяцев выходе лицеистов 1-го курса из Лицея.

№ 28 — Письмо датируется 1816 г. на основании тесной связи содержания с предыдущими письмами 1816 года.

№ 29 — Письмо датируется 25.XII (1816 г.) как на основании тесной связи его содержания с предыдущими письмами 1816 г., так и на основании сообщения Горчакова о разрешении лицеистам выехать на праздники в Петербург, где они стараются «повеселиться в одну неделю за все 6 лет и еще привести с собою довольно веселья на остальные 5 месяцев», а также указания о производстве Е. А. Энгельгардта в действ. статск. советн., что произошло в 1816 году.

№ 30 — Письмо датируется 1816 г., как по тесной связи его содержания с предыдущими письмами 1816 г., так и на основании сообщения Горчакова о времени выпускных экзаменов.

№ 31 — Письмо датируется (18.III 1817 г.) на основании непосредственной связи его содержания с письмом, датированным нами 15.III. 1817, и пометы Горчакова, что письмо

---

* В печатаемых письмах эти даты взяты в квадратные скобки.

было написано в воскресенье, приходящееся в 1817 году, после четверга 15.III на 18-ое число того же месяца.

№ 33 — Письмо датируется (13.V 1817) на основании сообщения Горчакова о начале выпускных экзаменов во вторник, т. е. 15.V (см. письмо князя Горчакова № 46) и косвенного указания последнего о времени написания настоящего письма в воскресенье перед экзаменами, т. е. 13.V 1817 г.

В дальнейшем недатированные письма Горчакова к Пещуровым, за период экзаменов до выпуска из лицея, датируются на основании помет Горчаковым дней, когда то или другое письмо было написано, причем, за исходный пункт берется дата письма от 13.V 1817 года.

Публикуемые ниже документы хранятся в Госуд. архиве феодально-крепостнической эпохи, фонд А. М. Горчакова. Часть из них, а именно, № 1, 2, 4, 9, 10, 11, 14, 15, 18, 20, 23, 25, 26, 28, 30, 34, 36, 38 даны в переводе с французского.

Текст писем подготовила к печати и снабдила примечаниями М. К. Светлова.

1. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову[1].

Царское Село, 22 декабря 1811 г.

Дорогой дядюшка!

Пользуясь снисхождением, которое вы имели ко мне, дорогой дядюшка, когда разрешили мне изредка писать вам, решаюсь еще раз потревожить вас своим мараньем. Здесь почти не происходит никаких перемен. Словно хорошо налаженная машина, которая всегда идет своим ходом, не останавливаясь. Исключением является новая милость, оказанная его величеством своим детям, как он нас называет. Он отдал нам в подарок библиотеку, которая была у него в молодости. Говорят, что она хорошо обставлена. У нас отняли все бывшие у нас книги с тем, чтобы вернуть их нам, когда мы будем старше, и во время праздников и воскресений, не имея чем заняться, мы чрезвычайно скучали. Эта милость доставила мне весьма большое удовольствие: вы знаете мой вкус к чтению. Впрочем, я много нахожусь в движении, это укрепляет мое здоровье. Я очень опечален, не имея от вас известий, и зная, что ваше здоровье и тетушкино очень слабы. Пора кончать, звонок призывает нас к обеду. Прощайте, дорогой дядюшка. Прошу вас засвидетельствовать мое почтение дедушке[2], тетушкам[3] и Пелагее Алексеевне[4]. Я им тысячу и тысячу раз целую ручки и имею честь быть

Ваш почтительный племянник

А. Горчаков.

2. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Воскресенье 4 ноября [1812 г.], Царское Село.

Дорогой дядюшка!

Наконец, мне представляется случай, дорогой дядюшка, переслать вам письма. Г. Николай Ушаков[1] был здесь, чтобы навестить одного из моих товарищей, и согласился передать вам письмо, так как по почте это не верно. Я чрезвычайно обеспокоен, не получая известий от маменьки[2]; я уже написал ей три письма и не имею ответа. Впрочем, сестра моя Лиза[3] пишет мне, что саксонский посланник, посетивший институт, сказал ей, что маменька уехала в Москву. Я начинаю свыкаться с образом жизни, который мы ведем. Он укрепляет мое здоровье; мы гуляем два раза в день пешком, встаем мы в шесть часов. Простите, дорогой дядюшка, мое маранье. Прошу вас засвидетельствовать мое почтение дедушке, тетушкам и Пелагее Алексеевне. Не будете ли столь добры переслать прилагаемое письмо маменьке. Прощайте, дорогой дядюшка. Остаюсь навсегда вашим совершенно преданным племянником.

Александр.

3. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[Декабрь 1812 г.]

Любезный дядюшка!

Извините, любезный дядюшка, что я так долго не писал вам; быстролетящее [время], множество уроков, приготовления к вторичному экзамену, грудная болезнь — все сие вместе взято[е] делало мне великую препону и воспрепятствовало исполнить сию приятную для меня обязанность. Теперь же, нашед минуту свободы, спешу воспользоваться ею. Здоровье мое поправляется мало-по-малу, однако все еще принимаю лекарство; старинная болезнь опять

овладела мною. Большая часть моих товарищей так же нездоровы; словом, все единодушно желаем возвращения весны и с нею возвращения нашего здоровья. У меня есть просьба до вас, любезный дядюшка, в рассуждении двух книг, которые будут нам теперь весьма полезны, ибо мы вступили уже в риторику. Одна: «Разговоры о словесности между А и Б»[1], а другая: «О старом и новом слоге»[2], обе сочинения г. Шишкова, каждая в одну часть; последняя однако довольно редка. Я бы очень вам был одолжен, если вы могли бы достать оные. Благорасположение ваше ко мне побудило меня сделать сию просьбу. Прошу засвидетельствовать мое почтение дедушке и тетенькам, поцеловать Вариньку[3] и не забывать вам совершенно преданного и почитающего вас племянника.

Александр Горчаков.

4. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

[Нач. ноября 1814 г.]

Сколь я вам обязан признательностью, дорогая тетенька, за точность и доброту, с которой вы наполняете мою маленькую сокровищницу (так я называю маленькое собрание писем, полученных мною от тех, кто мне дорог). Если я не ответил вам немедленно на ваше первое письмо, то только вследствие того, что вы благоволили предупредить меня вторым письмом. Итак, дорогая тетенька, не думайте никогда, чтобы минута плохого настроения могла бы побудить меня лишить себя удовольствия вам писать. Но теперь, когда у вас больше чем одно основание требовать от меня письма, хорошо задуманного и выполненного, а вы вдруг окажетесь обмануты в своем ожидании, на что должен я ссылаться в свое оправдание? Укажу ли я недостаток времени, болезнь и т. д. и т. д.? Обветшалые извинения, которые употребляют лишь в отношении тех, от кого хотели бы избавиться. Нет, дорогая тетенька, вы имели бы право обидеться, если бы я пытался прикрыть правду в письме к вам. Но вот как было дело: не имея вчера времени взяться за перо (нам был задан большой урок по праву), и зная, что сегодня почта уйдет рано, я решил встать ранним утром. И вот я за своим столом, церковный колокол пробил 5 часов, а вчера вечером я лег очень поздно. Полуоткрытые глаза, голова, еще наполненная сном, мысли, плохо связанные — вот, дорогая тетенька, отпечаток чего вы найдете в моем письме. Но благоволите одобрить мое усердие, ибо я ни за что на свете не хотел пропустить эту почту.— Со всем тем, дорогая тетенька, я не могу не поблагодарить вас за доброту, с которой вы исправляете ошибки, которыми кишит мой стиль. Не взирая на вашу крайнюю снисходительность, не могу не сознавать, что вы нашли их в гораздо большем количестве, чем хотите мне сразу сообщить, чтобы не удручать вашего весьма преданного, тем более уязвленного своей неопытностью, что он имеет перед глазами столь совершенный образец. Вместе с тем вы доставили мне чувствительное удовольствие куплетами[1]. У меня также имеется маленький сборник разных пьес, для которого это ценный дар. На этот раз отвечаю вам дурной пьесой, списанной наспех. Это одно из стихотворений, известных под названием: стихи на взятие Парижа[2]. Да не испугает вас этот заголовок, так как вы в них не найдете никаких: Ура! Слава! Геена! Миротворец и т. д. и т. д.

Это стихи, которые, хоть и являются подогретым супом, до сих пор сохранили некоторое достоинство, они кажутся написанными в порыве радости; кажется, что поэт, восхищенный славой своей страны, набросал на бумагу эти куплеты, первые мысли, пришедшие ему в голову. Будьте добры сообщить мне в дальнейшем некоторые пьесы из вашего сборника, и будьте уверены, моя добрая тетенька, что я всегда что-нибудь найду, чтобы послать вам в ответ. Но вот, я и прерван на полпути, так как я расположился писать вам... * Будьте добры, сообщить мне, доходят ли мои письма по этому адресу?

Couplets sur la prise de Paris 1814.

Messieurs! nous sommes à Paris,
Les russes sont honnêtes;
Vous avez vu notre pays,
Nous allons voir vos fêtes.
La Tragédie et les ballets,
Brunet, le Vaudeville
Et nous vous ferons des couplets,
Sans brûler votre ville.

Au Cro-Caillou**, mes chers amis,
Nous nous rendrons sans faute;
Boire à longs traits du bon Chablis,
Manger la matelotte.
Qu' ils sont jolis vos boulevards

* Так в подлиннике.

** Fameuse auberge à Paris. (Прим. подлинника).

Et vos Champs-Elysées;
Nous aimons aussi les beaux-arts,
Montrez nous vos Musées.

Livrez nous tous vos arsenaux,
Sans crainte de surprises;
Vous ne verrez pas nos chevaux,
Messieurs, dans vos églises.
Soyez bien sûrs que de Paris
Nous connaissons la carte.
Allons, la paix! Vive Louis!
Et point de Bonaparte.

Basile Pouchkine.

(Перевод)

Куплеты на взятие Парижа 1814.

Господа, мы в Париже;
Русские учтивы,
Вы видели нашу страну,
Мы пришли на ваши празднества,
Трагедию и балет
Брюне и водевиль;
И мы пишем вам куплеты,
Не предавая ваш город огню.

В Cro Caillou, дорогие друзья,
Мы пойдем непременно —
Долгими глотками тянуть хорошее Шабли
И угощаться мателотом.
Как прекрасны ваши бульвары
И Елисейские поля;
Мы любим изящные искусства,
Покажите нам ваши музеи.

Откройте нам все арсеналы,
Не боясь ничего,
Наших лошадей вы не увидите,
Господа, в ваших церквах.
Будьте уверены, что мы
Знаем карту Парижа.
Ну так мир! Да здравствует Людовик!
И долой Бонапарта!

Василий Пушкин.

5. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[Декабрь 1814 г.].

Дражайший дядюшка!

Я тоже виноват перед вами, дорогой дядюшка, что дал вам моим молчанием основание думать, что я забыл о человеке, которому я стольким обязан. Тем не менее, я могу вас уверить, что дело обстоит совсем иначе. Чувства уважения и почтения, которые я вам посвятил, суть и останутся всегда неизменными. И я утешаюсь тем, что я надеюсь, что вы в том убедитесь. Но, дорогой дядюшка, не могу ли и я на вас несколько жаловаться. Не прошло ли уже свыше 9 месяцев с тех пор, что я был обрадован маленьким письмом, наполненным добрым советом. Я неправ, я в этом сознаюсь, что не писал вам, но, дорогой дядюшка, нет ли и за вами немного вины? — Что скажу я вам о себе? Доброе здоровье, довольно хорошее настроение (оно покидает меня, когда я думаю о моем отдалении от всего, что у меня есть самого дорогого). Маленькие занятия, большие прогулки — все это идет сносно. Впрочем я не могу жаловаться, тем более что у нас новый инспектор, Степан Степанович Фролов[1], подполковник, кавалер ордена св. Анны 2 степени и св. Владимира 4 степени, почтенный человек, очень ко мне благосклонный. Я не говорю вам о большой потере[2], которую мы понесли, она вам без сомнения известна. Вы можете себе представить, сколь мы были опечалены. Но оставим это, не надо будить скорбных чувств, я чувствую, что слезы навертываются у меня на глазах, помимо моей воли. Прошу вас, дорогой дядюшка, сообщить мне о маменьке несколько строк всего; большего я не требую. Да, чуть-было не забыл сказать вам, что г. Станищев[3] был у меня. Я был очень рад с ним познакомиться, он был чрезвычайно добр со мной. Через него я посылаю это письмо. Не забудьте засвидетельствовать мое почтение дедушке и тетушкам и будьте уверены в живейшем уважении и привязанности всецело вам преданного племянника

Александра.

Получила ли тетенька через Антона[4] мое последнее письмо с двумя вложениями для Елены[5] и моих тетушек княжен Горчаковых[6]?

Не забудьте известить меня о маменьке, я вас об этом умоляю.

6. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

14 августа 1815 г.

Вижу, любезный Алексей Никитич, вижу, что вы мастер чужими руками жар загребать, как говорит пословица; две маленьких странички [написали], а уже хвалитесь прилежанием; меж тем как похвалу эту заслуживает единственно

Елисавета Никитишна. Без сомнения, каждая строчка от любезных мне драгоценна, но, кажется, что из-за 300 верст можно бы и не довольствоваться записочкой. Вы видите, что снисхождение ваше сделало меня взыскательным. Приятно мне очень видеть из вашего письма, любезный дядюшка, что вы хотите из французолюбца (за которого вы меня почитаете) сделать русского; но позвольте заметить, что тут вы немного ошибаетесь; люблю французский язык, потому что он теперь в обществе необходим, что он,— конечно, по злоупотреблению — сделался волшебною палочкою, по мановению которой каждый толстый швейцар с почтением отворяет двери и милости просит, что без него нигде показаться нельзя и что, словом, он сделался вернейшим признаком хорошего воспитания. Но я к нему не пристрастен до той степени, чтобы пренебречь отечественною словесностью. Нет, я не столь ослеплен, чтоб не чувствовать всех достоинств языка, обильнейшего, благозвучнейшего, богатейшего; люблю под-час заняться нашими писателями, восхищаться их вымыслами, научаться их наставлениями, и нередко французская книга принуждена уступить в руках моих место русской. Иногда и сам мараю бумагу, но это лишь слабо, так слабо, так слабо, что и сам видеть не хочу [1]. Вы, может быть, возразите, что об этом ничего нет в письме вашем. Но, любезный дядюшка, вижу сквозь туманы, которыми покрыта мысль ваша, что вы на это намекаете; и так, извините, меня, я должен был единожды навсегда оправдаться.

Вы хотите знать нечто о нашем лицее. Вот мой ответ: вы знаете басню о мужиках, просящих царя; после тихого, смирного... * коим они не были довольны, в наказание дана была им голодная водяная змея [2].— Доброго почтенного Малиновского, которого не постыжусь назвать пред целым светом благодетелем моим, не стало, и теперь увы... *.

Однако блестит для нас в отдалении луч надежды; говорят, что будет у нас новый директор, и отгадайте кто? ...Князь Дмитрий Горчаков [3]; я его очень мало знаю, или, лучше сказать, почти совсем не знаю; но, признаюсь вам откровенно, что я этому не совсем рад; вы знаете сами, что, коль скоро родственник — начальник, почти всегда говорят, что он покровительствует, делает отличия по пристрастию и пр. и пр., хотя это очень часто бывает несправедливо. Это — между нами; надеюсь, что не выдадите меня. Пожалуйста, сообщите мне некоторые о нем сведения.— Но уж я слишком заболтался, вот уж и конец листа; но не надейтесь, что вы уже отделались от меня, у меня еще целый арьергард писем, которые вскоре нахлынут на вас, так что Елисавете Христофоровне, которой целую усердно ручки, на круглый год на папильотки станет.

Этот раз посылаю вам только Бурцова [4], по недостатку времени; продолжение впредь.— К 7 ном. «Музеума» увидите вы «chef d'oeuvre» нашего Пушкина — Городок [5].

К Бурцову

Бурцов, пера, забияка,
Собутыльник дорогой,
Ради дома и арака,
Посети домишка мой.
В нем нет нищих у порога,
Нет ни зеркал, ни картин,
И хозяин, слава богу,
Не великой господин.
Он гусар — и не пускает
Мишурою пыль в глаза,
У него, брат, заменяет
Все диваны куль овса.
Вместо зеркала сияет
Яркой сабли полоса,
У которой поправляет
Два любезные уса.
Нет курильниц, может статься,
За то трубка с табаком.
Нет картин, да заменится,
Ташка с царским вензелем.
Вместо ваз больших, прекрасных,
Беломраморных, пустых,
На столе стоит ужасных
Шесть стаканов пуншевых.
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар,
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

Д[авыдов.]

7. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

23 октября 1815 г. Царское Село, императорский лицей.

Благодарю, любезный Алексей Никитич, чувствительно благодарю за то, что вы не поскупились уделить из множества ваших занятий несколько минут мне; и что посреди беспрестанных забот вспомнили обо мне. Признаюсь, что с каждой почтой

* Многоточие в оригинале.

ожидал с нетерпением писем ваших; и не получая оных довольно долго, сомневался, не ошибся ли в адресе, или не залежалось ли письмо мое на почте; наконец, приходит витебская почта, приносит письма, распечатываю, читаю и мысленно прошу у вас тысяча раз извинения, что мог сомневаться. Да, любезный Алексей Никитич, и я принимаю искреннее участие в потере, которую вы сделали. Могу льститься, что и я пользовался благорасположением Христофора Марковича [1], и я никогда не забуду, как почтенный старец сей снисходил ко мне. Ломоносов [2], который знал его у Вязмитинова [3], не может нахвалиться им; мы часто и теперь сходимся с ним, говорим с искренним сожалением о Христофоре Марковиче. Вы спрашиваете меня о маменьке, Charle [4] и пр. Очень рад, что могу удовлетворить вас, ибо только-что получил письма от своих и сообщу вам все, что знаю, не боясь наскучить вам, ибо не сомневаюсь, что вы принимаете участие в моих. Маменька пишет мне из Ревеля, что она намерена предпринять маленькое путешествие в Горки к Анете [5], дабы взять Лизу и увидеться, если можно, с Еленой. Дела Шарля занимают у нее все время: она пишет, что мало-по-малу уплачивает долги его, и что надеется удержать Кирну, за которую дают уже ей 24.000 аренды. Шарлю опять хуже, маменька ожидает каждый день паспортов из Петербурга, чтоб отправить его в Англию. Кантакузен пишет ко мне от 30 сент., что он был в Горках и крестил с Софьей сына у Анеты, которого они назвали Георгием [6].

Пробывши несколько времени в Горках, они отправятся в Молдавию, и возвратятся к апрелю месяцу, ибо отпуск Жоржа кончится в апреле. Маменька очень довольна Соллогубом [7], который в каждом письме убедительно просит ее приехать в Горки и пожить у них. Скажите, далека ваша деревня от Горок?

Спешу, любезный дядюшка, первый обрадовать вас вестью, что выходят полные сочинения Жуковского [8], столь долго ожидаемые публикой. Издатели оных — люди известные, достойные: Тургенев [9], Данков [10] и Кавелин [11]. Они выходят в двух частях, 4°—, и цена 20 руб. Как я жалею, что состояние мое не позволяет мне подписаться на оные; но вы, я думаю, не помедлите украсить Жуковским вашу библиотеку. Думаю, что скоро будет об этом напечатано в газетах. Препровождаю вам Клятву гусаров [12] и прошу извинить некоторые неисправности; я писал наизусть. Прощайте, любезный дядюшка, не оставляйте меня вашими письмами и любите искренно преданного вам Алекс. Горчак.

Мое почтение Елисавете Христофоровне.

Клятва гусаров

В дымном поле, на биваках,
Средь пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасение людей.
Подвигайся в круговую,

Православный весь причот;
Подавай лахань златую,
Где веселие живет.
Наливай обширны чаши,

В шуме радостных речей;
Так пивали деды наши
Среди копей и мечей.

Бурцов, ты гусар гусаров,
Ты на ухарском коне,

Величайший из нахалов
И рубаков на войне,
Стукнем чашу с чашей дружно
Ныне пить еще досужно,
Завтра к бою затрубят,

Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг отступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь,

Иль в нещастьи оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на флангировке
Или лошадь осадим,
Или маленькой плутовке
Сердце даром подарим;
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя,
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я,
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
Но в собрании героев
Остр, отважен, говорлив;
Пусть мой ус, краса природы
Черно-бурый в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах.
Пусть фортуна для досады
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
А Георгья за совет.
Пусть я буду век в заботах
Членом в Мемельских ращотах
Иль пожарный капитан,
Пусть... но пуншевой стакан

Свое действие имеет;
Лоб твой жмется, нос багреет,
Моя речь тебе не в мочь.
Так прикрой же, добра ночь *.

Вот еще несколько разрозненных мыслей, которые мне понравились и которые я высказал. Может быть, они вам тоже доставят удовольствие, дорогая тетенька.

«Не кажитесь никогда ни более мудры, ни более учены, нежели те, с кем вы находитесь. Носите ваше знание, как ваши часы, в особом кармане и не навлекайте их, и не заставляйте их звонить лишь для того, чтобы показать, что вы их имеете».

(Письмо Честерфильда[13] к своему сыну.)

«Угрызения совести — привратники божества. Они нас ставят в известность о наших заблуждениях, они нас обличают беспрестанно перед судом того, кого мы обидели; мы бежим, мы думаем, что угрызения совести — для того, чтобы мы были судимы и приговорены... увы! это лишь для того, чтобы признать нашу вину, чтобы испытать проявление милосердия нашего общего отца и заставить нас вернуться на стезю, по которой он хочет, чтобы мы ходили». (Неправда ли эта мысль очень хорошо высказана и выражает поразительную истину. Однако она извлечена из плохой книги).

Epigramme

contre trois membres de la Convention nationale

Vit — on jamais rien de si sot
Que Merlin, Basire et Chabot?
A t' on jamais rien vu de pire
Que Chabot, Merlin et Basire?
Et vit-on rien de plus coquin
Que Chabot, Basire et Merlin?

Beaumarchais[14].

Перевод

Эпиграмма

против трех членов Национального конвента

Видели ли глупцов, подобных
Мерлину, Базиру и Шабо?
Видели ли когда-нибудь кого-нибудь хуже,
Чем Шабо, Мерлин и Базир?
Видели ли бо́льших шутов,
Чем Шабо, Базир и Мерлин?

Бомарше.[14]

Эпиграмма Кантемира[15]

В великом числе вельмож Сильван всех глупее,
Не богатей, не старей, делом не славнее;
Для чего же, когда им кланяются люди,
Кланяются и они, Сильван один, груди
Напялив, даже кивнуть головой; ленится:
Кувшин с молоком сронить еще он боится **.

Не узнаете ли вы здесь этого вновь испеченного благородного, который опасался, что малейшее снисхождение его деградирует. Последний стих мог бы перейти в поговорку.

8. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

5 декабря 1815 г.

Письмо ваше, любезный дядюшка, от 18 ноября получил я очень поздно; и вижу из ваших писем, что и мои вы получаете не скоро. Расстояние, кажется, не так, чтоб чересчур велико, а всякое письмо две, три недели остается в дороге; не знаю, как растолковать это; верно письма долго остаются на почтовых конторах. Удивительно мне также, что вы от маменьки не получаете никакого известия, она, кажется, прежде к вам писала очень часто и исправно. Я получаю от нее очень часто письма, и не могу довольно нахва-

* Дальнейший текст до эпиграммы А. Кантемира — по-французски.

** Дальше текст до конца по-французски.

литься ее ко мне милостию. На этой неделе она писала ко мне; по письму она все остается в намерении ехать в Польшу, быть у Анете, взять к себе Лизу, потом завернуть ко мне и опять назад в Ревель. Все это она хочет окончить к марту месяцу. Шарль опять в прежнем состоянии. Маменька нашла доктора, который хочет начать лечить его иначе, снова, и надеется вылечить его. Также маменька очень довольна, что нашла хорошего человека, который взялся ходить за ним и исполнять предписания доктора. Сообщаю вам эти подробности, зная, что вы принимаете участие в моих. Не знаю, любезный дядюшка, как поблагодарить вас за Жуковского, которого вы мне так неожиданно предлагаете. Жаль мне, что вы беспрестанными милостями меня поставляете в невозможности когда-нибудь изъявить вам достойно благодарность мою. Ваше дружеское расположение останется всегда в памяти у меня. Адресую вам это письмо в Люцен, не зная, застанет ли оно вас еще там; дорога зимняя уже установилась; и каждый день я в приятном ожидании обнять вас в Царском Селе. Не знаю, слышали ли вы про пиесу [1], которая теперь любимица нашего театра петербургского, про которую все говорят, из которой всякой наизусть знает тирады, которая навлекла множество неприязней и обожателей автору, о которой так и сяк судят, пиеса, в которой осмеян Жуковский,— я хочу говорить про «Липецкие воды». Может быть, она доставит вам некоторое удовольствие при чтении и для того я взял смелость переслать вам оную. Должно признаться, что есть сцены прекрасные, характеры разительные. Примечательно в ней то, что Шаховской очень искусно попал на нынешний тон большого света. Лица графа Ольгина, княжны Холмской и кокетки прекрасны. Впрочем, что говорить; вы сами будете читать. Может быть, вы читали в «Сыне отечества» несколько эпиграмм против и за Шаховского, — эпиграммы, где его называют Шутовским; также, может быть, помните там же письмо Дашкова к новейшему Аристарху, где он сильно нападает на Шаховского и укоряет его в том, что он с ума свел прекрасного единственного трагика нашего Озерова [2]. Жуковский очень благородно поступил в этом случае; не показал ни малейшего неудовольствия, он сам был при первом представлении этой пиесы. По окончании Шаховского вызвали на сцену, и в то же время как он откланивался, купец, которому случилось сидеть подле Жуковского, спросил его: что это значит, благодарит он, что ли? — «Нет извиняется», — отвечал Жуковский; вот маленькое мщение, которое он себе позволил и с того времени ни слова о Шаховском. — Жалею, что вы так неисправно получаете журналы; «Музея» [3] уже 9 номер вышло, также и «Амфиона» [4]; в «Музеуме» много пиес Пушкина и других моих товарищей. — Пиесы, подписанные цифрами 1.14... 17—все Пушкина. В 9 нум. хороша пиеса его «Мечтатель». Он написал «Послание государю» [5]; где есть прекрасные места; он надеется, что оно будет представлено государю; я не успел переписать его на этот раз, потому что оно довольно длинно, но в другой раз постараюсь.

Прощайте, любезный дядюшка. Вечно ваш.

10. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

10 января 1816 г., Царское Село.

Только 6-го этого месяца я получил ваше письмо от 23-го, и вот почему на этот раз я должен лишить себя удовольствия писать моему дядюшке; ибо я уверен, что мое письмо уже не застанет его в деревне, так как он должен покинуть ее через три недели. Как я благодарен дорогому дядюшке за подробности, которые он мне сообщает о своем образе жизни. Сколь все эти частности меня интересуют. Особенно я в восторге от ваших маленьких чтений по вечерам, и я желал бы от всего сердца быть к ним допущенным; но я не теряю надежды, что это время придет и что, может быть, через маленькое число лет вы увидете меня, стучащимся в вашу дверь и очень почтительно просящего гостеприимства в вашем мирном Эрмитаже. Но оставим эти мечты и возвратимся к действительности. Я вам чрезвычайно признателен за участие, которое вы с такой добротой принимаете в моем здоровье. Я почти совсем уже поправился. Вот уже несколько недель, как я опять посещаю уроки, но я все еще ношу на себе то здесь, то там остатки моей болезни — большие красные пятна; простите мне эти подробности. Вы просите известий о Софи. Я очень смущен, не имея возможности вас удовлетворить, но я сам нахожусь в полнейшем неведении относительно ее. После последнего письма Жоржа я уже не получал о ней известий, и я не знаю, куда ему адресовать письма, так как он порхает с одного места на другое.

Я очень искренно разделяю ваши сожаления о недостаточно тщательном образовании Софи, но что делать; маменька — не при чем. Это, конечно, последствие тяжелой необходимости. Впрочем позвольте мне решиться высказать свое мнение. Я думаю, что женщины с природным умом, с хорошими качествами и знанием обычаев света могут часто обойтись без глубоких знаний. Я не гово-

А. С. ПУШКИН

С гравюры Гейтмана, приложенной к изд. „Кавказского пленника“ 1822 г.

рю, что та, которая будет иметь изощренный ум, не будет всегда в неоценимом преимуществе перед другими. Но качества сердца могут иногда возместить недостаток познаний. По последним полученным мной известиям, Елена после свидания в Киеве с Уваровыми [1] уехала в Каменец, где она провела некоторое время с князем Андреем Горчаковым [2], который находится теперь в Петербурге. Дорогая тетенька, не осудите, если я, не взирая на ваше маленькое сомнение, буду умолять вас написать маменьке. Не мое дело рассматривать ошибки, которые у нее могли быть; но я знаю, что теперь она так несчастна, что ваши письма доставили бы ей большое удовольствие. Ваше снисхождение в этом вопросе я оценю, как особую милость по отношению ко мне. Вы не можете сомневаться в привязанности и дружбе, которые маменька не переставала к вам питать, и я уверен, что при первом письме, которое вы ей напишете, она не преминет вам ответить; не знаю даже, не предупредит ли она вас. Папенька [3] все еще в Петербурге; я его почти не вижу. Я думаю, что он покинет столицу скоро, как только он получит место, которого он желает и на которое ему подали вполне основательные надежды. На этих днях я получил письмо от Льва с поздравлениями к новому году, что меня очень удивило, так как это в первый раз он пишет мне из деревни. Простите мне эти мелочи; я забываю, что они не могут вам доставить столько неудовольствия, сколько мне. По поводу «Французского аббата» скажу вам, дорогая тетенька, что 27 прошлого месяца играли «Аббата де л'Эпе» [4], — драму, которая, мне кажется, имеется у дядюшки; я помню, что я плакал, читая ее в его библиотеке. Но это было в доброе старое время. Роль Клевана была опущена, а другие женские роли переделаны в мужские. Прощайте, дорогая тетенька. Извините мое маранье. Почта отправляется сегодня, а я несколько поздно взялся вам писать. Жду с нетерпением ваших писем и беру на себя передать от вашего имени привет дядюшке в Царское.

10. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

21 февраля 1816 г.

Мое последнее письмо, дорогая тетенька, осталось без ответа. Вот уже более месяца я лишен удовольствия получать ваши письма, удовольствия, которое является почти единственным для меня в лицее. Я лелеял надежду, что, оставшись одна в деревне, вы согласитесь пожертвовать мне немножко времени. С тех пор, как дядюшка приехал в Петербург, я его не видал; посему, дорогая тетенька, ничего не могу вам о нем сообщить. Предполагаю, что он вам довольно часто пишет; что до меня, то я все надеюсь повидать его до его отъезда, как он мне то обещал. Пишу вам это из лазарета; мною овладела ужасная мигрень; поэтому вы извините меня, если вы не очень мною будете довольны на этот раз. Не знаю, дошло ли до вас, что у нас новый директор — г. Энгельгардт [1]. Это, как говорят, очень образованный человек, который знает французский, русский, немецкий, итальянский, английский и, что лучше всего, немного латыни. Он в течение некоторого времени служил при дворе, а потом был директором Педагогического института. Ожидаем его со дня на день. Дорогая тетенька, если у вас есть известия от моих сестер, будьте любезны мне их сообщить. Что до меня, то я нахожусь в полном неведении относительно их. Прощайте, целую вам ручки и ставлю преграды этому письму, которое без этого, боюсь, вам наскучит. Поручаю себя вашей дорогой и снисходительной памяти.

Весь ваш.

11. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

11 года нашей 11 олимпиады или в гражданском стиле 19 марта 1816 г., лицей.

Вчера, любезная тетенька, я получил ваше письмо от 3 марта. Таким образом, оно потратило свыше двух недель, чтобы добраться до Царского. Начну с того, что успокою вас о судьбе вашего письма от 4 февраля: я его получил, хотя и несколько поздно, как обычно. Не преминул переслать в Ревель ваше письмо, вложенное в мое. Скоро, я думаю, вам ответят, но письмо маменьки не так скоро до вас дойдет, ибо надо, чтобы оно совершило двойной путь: сначала прибыло бы в Царское, где я им завладею, чтобы вам переслать. Чуть было не забыл, моя добрая тетенька, поздравить вас с приездом дядюшки; я всем сердцем и всей душой разделяю радость, которую вам этот приезд, без сомнения, доставил. Хоть ваше общество и уменьшилось теперь на одного человека, я тем не менее не сомневаюсь, что вы в нем находите еще много прелестей, и что вы не сменяли бы вашей тишины на шумные собрания столицы. Я вспоминаю, сколько раз вы, ког-

да еще были обитательницей Петербурга, удалялись от блестящих собраний, конечно, если приличия это позволяли, чтобы уединиться в ваш кабинет, раздумывать, читать или с пером в руках переписывать замечательные отрывки в сборник, который я с таким удовольствием читал и перечитывал. Иногда даже вы позволяли мне помогать вам в этой маленькой работе.

Не то, что вы меня допускали самого списывать: мое старанье изуродовало бы весь ваш сборник, но не раз вы находили удовольствие писать под мою диктовку. Всего этого нет и мне приходится невольно возвращаться к доброму старому времени, моему обычному приему. Я вам признателен, добрая тетенька, что вы сообщаете мне, что теперь составляет предмет вашего чтения. Я действительно хотел бы прочесть «Французского зрителя»; не теряю надежды, что когда-нибудь я его пробегу, сидя в вашей маленькой библиотеке в Люцене у камина между вами и дядюшкой. И этот испанский замок очень легко осуществить. Если вас интересует, дорогая тетенька, знать, что я читаю, скажу вам, что несмотря на мой решительный вкус к чтению, который довольно старого происхождения, я могу похитить лишь очень мало минут для своего любимого занятия; но эти похищенные минуты мне тем приятнее; теперь я только что окончил «Эмиля»[1] Руссо, которого, повидимому, дядюшка имеет в своей библиотеке, или, по крайней мере, мне кажется, читали вы, и я начал посмертные сочинения Фридриха[2], т. е. «Историю моего времени и семилетней войны». Прощайте, дорогая тетенька, надеюсь скоро сообщить вам что-нибудь о нашем новом директоре. Еще раз прощайте. Видя начало моего письма, не вспоминайте о педанте Ньютоне.

12. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

19 марта 1816 г. Царское Село.

Я обещал вам, любезный дядюшка, что с приездом своим найдете на столе письмо от меня; хотя я и несовершенно исполнил свое обещание, но крайней мере, уверен, что первый поздравляю вас с приездом. Сужу по радости, которую я чувствую при свидании с вами, об той, которую, верно, наполнило возвращение ваше Елисавету Никитичну, и признаюсь вам, — мне теперь гораздо приятнее знать вас в далекой отсюда деревне, нежели за двадцать две версты — но в столице. Теперь, по крайней мере, надеюсь опять получать приятнейшие для меня письма от любезного деревенского жителя, и надеюсь что он меня вознаградит за то время, когда я напрасно ожидал нескольких строк от развлеченного горожанина. И на этот раз надежда меня, верно, не обманет. Не могу утерпеть, чтобы не написать вам, если вам это еще неизвестно, что наш любезный прозаик, наш Карамзин, во зло всем славянофилам, удостоился самого лестного внимания государя императора. Вчера он сделан был статским советником и получил Анны первой степени через плечо, что кажется еще никакому статскому советнику не давали. Кроме того, он получил на напечатание своей истории 60 000 рублей. Впрочем это может несколько заставить замолчать зоилов его, но в глазах обожателей его таланта и в собственных глазах его он тем не менее будет Карамзин, просто Карамзин, которому ни лента, ни чин ничего прибавить не могут. При случае вспомнил я, что Corneille[1], когда ему говорили, что он собой не хорош, что его обращение сурово и вообще в обществе он совсем неприятный человек, хладнокровно отвечал: je n'en suis pas moins Pierre Corneille*. Вчера же еще сенатор Петр Алексеевич Шепелев, — может быть, это вас интересует, — получил Александровскую за 62-летнюю службу. Сегодня я надеялся видеть у себя папеньку, он хотел еще вчера уехать из Петербурга, но вероятно большой парад задержал его и заманил остаться, потому что вот уже вечер, а его еще нет. Теперь уже я совершенно буду отрезан, так сказать, от любезных сердцу: Петербург не будет для меня иметь ничего привлекательного, жить только надеждами и воспоминаниями не совсем приятно. Впрочем станем ждать у моря погоды, как говорит Саша в «Липецких водах», авось благоприятствующий какой-нибудь гений шепнет либо Кантакузену либо Анете иль маменьке, что пора обрадовать заключенного, а до такого счастливого для меня события письма друзей моих будут единственными моими радостями; в них приятно мне будет видеть, что отсутствие не совершенно изгладило меня из памяти и сердца тех, коих любовь и дружба суть единственные богатства вечно вам преданного

Александра Горчакова.

Позвольте, любезный дядюшка, напомнить вам об обещании прислать мне переписать «Старушку»[2] Жуковского и Критику Блудова[3].

---

* Тем не менее я остаюсь П. Корнелем.

13. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

22 апреля 1816 г., Царское Село.

Не получая долгое время ни строчки в ответ на последнее письмо мое, любезный Алексей Никитич, я не желал бы предположить, чтоб оно было потеряно; ибо тогда длинный промежуток в переписке нашей, столь для меня приятной, мог бы ввести вас в заблуждение, что прежняя ревность моя ослабела. Впрочем мне во всяком случае приятнее сделать сие предположение, нежели подумать, что, любезный дядюшка, вы не могли найти несколько свободных минут, дабы обрадовать меня ответом. С надеждой буду ожидать каждую почту, авось, либо что-нибудь получу от любезного Люценского жителя. Последнее посещение ваше в Царском сделало на меня глубокое впечатление. Вы позволили мне говорить вам о себе; я воспользуюсь сим позволением. Долго колебался я между родом службы, который бы мне избрать. Военная, хотя не представляла мне почти ничего привлекательного в мирное время, кроме мундира, которым отныне прельщаться представляю молодым вертопрахам, однако я все же имел предрассудок думать, что молодому человеку необходимо начать службу с военной. Ваши советы решили сомнения мои, и я предоставляю другим срывать лавры на ратном [поприще] и решительно избираю статскую, как более сходную с моими способностями, образом мыслей, здоровьем и состоянием; и надеюсь, что так могу быть более полезным. Без сомнения, если бы встретились обстоятельства, подобные тем, кои ознаменовали 12-й год, тогда, по крайней мере, по моему мнению, каждый чувствующий в себе хотя малую наклонность к военной, должен бы посвятить себя оной, и тогда бы и я, хотя не без сожаления, променял перо на шпагу. Но так как, надеюсь, сего не будет, то я избрал себе статскую и из статской, по вашему совету, благороднейшую часть — дипломатику. Заблаговременно теперь стараюсь запастись языками, что, кажется, составляет нужнейшее по этой части. Русский, французский и немецкий я довольно хорошо знаю; в английском сделал хорошие начала, и надеюсь, нынешнее лето усовершенствоваться в оном. Кроме того, может быть займусь еще итальянским, потому что открылся случай. Латинский только никак в голову не идет. Главное дело было бы приобресть практические знания, чего в лицее сделать нельзя. Я ожидаю от вашей дружбы и вашего расположения, и вашей опытности, что, любезный дядюшка, не откажите мне написать об этом ваше мнение и не оставите меня вашими советами. Также должен прибегнуть я к снисходительности вашей, заняв вас в течение целого письма, а может быть, и наскучив собою. Впрочем тем не менее остаюсь вечно любящий вас

Горчаков.

Позвольте напомнить об «Старушке» и Блудове.

14. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

23 апреля 1816 г., лицей.

Не буду повторять, дорогая тетенька, того, что я пишу дядюшке об огорчении, которое я имел, не получая столь долго дорогих известий о вас и ответа на мое последнее письмо, которое я вам написал вместе с письмом к дядюшке. Но не могу отказаться повторить, что я имею живейшее желание получить скоро известия от вас, так как вы знаете, что небольшое утешение, которое я имею в лицее, кончилось бы почти совсем, если бы наша переписка прервалась. Спешу сообщить вам нечто, доставившее мне большое удовольствие. Письмо ваше достигло Ревеля; маменька просит меня сказать вам, что она не перестанет любить вас, пока она жива и что она постарается быть достойной вашей дружбы теми ответными чувствами, которые она к вам питает. Это ее подлинные слова, которые я выписываю из ее письма, находящегося у меня перед глазами. Она кончает, прося меня извинить ее перед вами в том, что она не отвечает вам с этой почтой, но что она не преминет сделать это незамедлительно. Вы не будете на нее в обиде, моя милая тетенька, если медлительность почты задержала бы ее письмо, тем более, что ему придется проделать два путешествия — одно из Ревеля до Царского, и затем от Царского до Люцена.

Наш образ жизни в Царском потеряет теперь несколько свою монотонность. Лето обещает новые и разнообразные удовольствия; кроме того, наш городок будет довольно оживлен, так как императрица Елисавета проведет здесь лето со своим двором и затем разные частные лица сняли здесь дома. Что лучше всего — это то, что мы будем иметь Карамзина, дом которого, находящийся в двух шагах от лицея, уже приготовляют. Я имел удовольствие видеть впервые этого выдающегося человека [1]. Проезжая через Царское, чтобы ехать в Москву, он остановился в лицее с Пушкиным (Василий Львович) и Вяземским [2], которые уехали с ним. Не знаю, дошло ли до дядюшки, что

Вяземский будет печатать свои стихи в Москве, что составит прекрасное маленькое произведение. Дорогая тетенька, будьте добры замолвите обо мне словечко дядюшке, чтобы он не забыл прислать балладу Жуковского и критику Блудова, которые он мне обещал. Списав их, я их ему перешлю обратно незамедлительно и в хорошем порядке. Каждый день поджидаю в Царское тетушку Елисавету Христофоровну, так как я надеюсь, что она не лишит меня удовольствия пожелать ей доброго пути. А вы, дорогая тетенька, не лишите меня известий о себе, чего я ожидаю от вашей дружбы.

Ваш всецело преданный Александр.

15. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

7 мая 1816 г., лицей.

Лицейский Катон, который, между нами, стал им очень дешево, спешит поблагодарить свою добрую тетеньку за любезную записочку, которую она ему написала. Я очень признателен также милосердному человеку, который доставил мне удовольствие получить ваши письма. Праздники мы провели довольно плохо; за исключением двух или трех прогулок в Павловск и в другие прекрасные места по соседству, которые несколько рассеяли однообразие нашего пребывания, мы довольно скучали. К сожалению, у нас существует предрассудок, что Олимпийские игры были бы не по сезону в семнадцать и восемнадцать лет. Я этого не думаю и, признаюсь вам, что немного ребячества время от времени мне бы гораздо больше подошло. Этим летом свобода наших прогулок будет тоже несколько ограничена, так как, если двор будет в Царском, — о чем не перестают говорить, — нам нельзя будет быть столь же шумными в саду, как обычно. Я сильно опасаюсь, что прелести деревни летом отвлекут окончательно ваше внимание от бедного царскосельского отшельника, и что письма ваши будут приходить не столь часто. Что до меня, то я ручаюсь за свою аккуратность, с которой я буду вас беспокоить своими длинными посланиями. Мне кажется, что дядюшка привез с собой новое средство против скуки, — я говорю о маленьком подборе новых книг, которыми, я предполагаю, он обогатил свою библиотеку. Я, кажется, ему об этом не говорил во время его приезда. Это единственное убежище, которое мы имеем в праздничные дни: у нас нет собственных библиотек, за исключением Ломоносова, у которого есть шкаф с 200—300 томов избранных книг; но мы стараемся получать книги из города. Тетушка еще не проезжала через Царское, и я думаю, что она этого не сделает так скоро, ввиду погоды, которая у нас стоит. Княгиня Лиза Кантакузен[1], которая со дня на день собирается уезжать, тоже обещала мне побывать у меня. Сообщите мне, пожалуйста, если вы имеете известия о моих четырех сестрах, относительно их я в полном неведении. Извините, дорогая тетенька, беспорядок, который вы найдете в моем письме; в соседней со мной комнате читают вслух Хвастуна[2]; а в четырех шагах находится все семейство Малиновских[3]; все это не позволяет мне вполне отдаться моему письму, как я бы того хотел. Я однако не хотел пропустить почту без того, чтобы вам повторить, сколь вам предан ваш Александр.

16. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Царское Село, 7 мая 1816 г.

Письмо ваше от 7-го, любезный Алексей Никитич, получил я очень поздно и только тогда, когда пошло мое второе письмо, в котором жаловался вам на молчание. Вероятно, разлитие вод причиною сего замедления. Боюсь, что последнее мое письмо показалось вам очень неудовлетворительным, ибо я был эгоистом в полном смысле сего слова, говорил только о себе, меж тем как вы меня обрадовали добрыми четырьмя страницами и в прибавок балладой. Благодарю вас, любезный дядюшка, что позволили мне оставить ее у себя, потому что — признаюсь — временем теперь нам очень должно дорожить, и я едва ли нашел бы случай переписать ее сам. За то я почитаю себя вашим должником, я намерен прислать вам «Дом сумасшедших[1] Воейкова, если у вас его еще нет. Как-нибудь улучу время переписать его, только вы мне это позволите сделать на скорую руку. Напишите мне, есть ли у вас эта пиеса. Это род критики на большую часть наших живых поэтов, местами очень колкая; Жуковскому, Батюшкову, Хвостову, Каченовскому и пр. и пр. всякому досталось частичку. Например, эта строфа на Жуковского кажется мне очень впопад, особенно по последней его балладе, где Жуковский слишком много дал игры воображению, Воейков представляет, что входит в желтый дом и, увидя Жуковского, говорит:

Вот Жуковский в саван длинный
Скутан — лапочки крестом,
Ноги вытянуты длинны,
Чорта дразнит языком;
Ведьму видеть воображает,
И глазком ей подмигает,
И кадит, и отпевает,
И трезвонит, и ревет.

Ожидаю от вас в рассуждении этого и много кой-чего еще ответа. Вторая часть Жуковского вышла; не знаю, получили ли вы ее, я еще не получал. — Вы очень правы, любезный дядюшка, в рассуждении галлицизмов Карамзина. Удивляюсь, как после столь лестного внимания государя его не приняли в Академию[2], еще более удивляюсь тем людям, которые по сие время не могут простить ему, что он говорил публике не языком Стоглава[3] или Уложением[4] царя Алексея Михайловича. Мы ожидаем его в Царское в первых числах сего месяца, уж дом его приготовляют; вчера приехал Тургенев осматривать его. Вы, может, удивитесь, что я так вдруг стал жаловаться на недостаток времени, это происходит от того, что граф Разумовский[5] приблизил время нашего выпуска 4 месяцами. В конце июня 1817 нас уже не будет в лицее. — Вы пишете, что будущее представляет мне много приятного, и подлинно — в нем вижу скорое свидание с вами, любезный дядюшка, и, если верить предчувствию, свидание, чтоб не скоро разлучиться. Ах если бы вы были в Петербурге при нашем выпуске! Сколь счастливым почел бы себя, если бы вы руководили первыми шагами моими при вступлении в общество. Если я ошибаюсь, то не лишайте меня сего приятного заблуждения и позвольте навсегда остаться вашим А. Г.

17. А. М. Горчаков — А. Н. и Е. Н. Пещуровым.

14 мая 1816 г. Царское Село

Вы верно удивитесь, любезный Алексей Никитич, получивши от меня в столь короткое время два письма сряду, но я обещал вам наскучить и, как видите, держу свое слово. Писем от вас ожидаю по каждой почте с великим нетерпением; надеюсь, что не откажете в вашем мнении в рассуждении рода службы, мною избираемой. В последний раз вы мне слова два сказали о графе Каподистрии[1]; все, что я об нем слышал, подтверждает ваше об нем мнение, но говорят, что он вероятно долго не останется в этом месте; прямой характер его не способен к придворным интригам. А желал бы я служить под его начальством. Директор наш г. Энгельгард, который долго служил в дипломатическом корпусе, взял на себя несколько приготовить нас к должности. Он выпросил через Нессельрода[2] у государя переписку берлинского двора с нашим, в течение одного года или двух, и выбрал из нас тех, которые желают итти по сей части. По сие время нас четыре — он будет задавать нам писать депеши, держать журнал, делать конверты без ножниц, различные формы пакетов и пр. и пр. словом, точно будто мы в настоящей службе; приятно знать даже эти мелочи, как конверты и пр. прежде, нежели вступить в должность. Это мы начнем через две недели, когда нижний этаж дома его будет отделан. Я должен вам еще извинения, что худо исполнил ваше препоручение в рассуждении кормилицы. Она сама не имела благоразумия притти ко мне, а я не знал ни жительства ее, ни даже имени. Наконец, вчера после продолжительных поисков нашли кормилицу генерала Пещурова, как говорит мой дядька. — Многие из царскосельских старушек хотели воспользоваться сим именем. И мне трудно было узнать истинную. Но вчерашняя бодрая, даже любезная старушка говорила мне о таких подробностях, что и не помедлил вручить ей ваши милости. Ее зовут Авдотья Кондратьевна Кондрашова. Не ошибся ли я? Так ли имя вашей кормилицы? Вы найдете при сем «Дом сумасшедших», который я вам переписал, улучив праздник, полагая, что у вас его нет. Взгляните в письмо к тетеньке, если, любезный дядюшка, хотите узнать, отчего я должен здесь назваться вашим преданным.

А. Горчаков*.

На этот раз вы получите от меня, дорогая тетенька, лишь очень малое количество строк. Ибо я не могу отложить до следующей почты письма к папеньке и другого к маменьке, которые я должен написать за счет итальянского языка, который я буду изучать. Вы знаете, дорогая тетенька, чтобы не начинать с яиц Леды, что маменька давно уже имела желание обучить меня возможно большему количеству языков, и она пишет мне, чтобы я не упускал случая учиться итальянскому. По странной случайности оказывается, что учиться итальянскому я буду у старого аббата Чезари, который обучал итальянскому маменьку приблизительно 30 лет тому назад. Чтобы быть более уверенным, что это удастся, я бросаю два якоря — и вот почему эта почта позволяет мне почти только пожелать вам доброго утра или доброго вечера, смотря по времени, когда мое письмо дойдет, и пожелать вам всех удовольствий, какие только можно вообразить. Мое последнее письмо оставило вас,

* Далее до конца письмо написано по-французски.

вероятно, очень недовольной мной. Не знаю, знаете ли вы, что Елена родила 25 марта в Оттоках близ Могилева на Днестре близнецов — сына и дочь — Константина и Елену[3]. Она очень страдала, и я дрожу, когда думаю, какую сильную встряску должно было выдержать ее слабое и хилое здоровье. Она приедет провести лето в имении, которое у Кантакузена в нескольких верстах от Соллогуба. — Таким образом я теряю надежду видеть кого бы то ни было из моих в Петербурге. Шарль, судя по тому, что мне пишет маменька, не подает больше никакой надежды. Он не хочет ложиться в постель из опасения, что простыня отравлена.

Если, тетенька, сможете сообщить мне известия о папа вы, как нельзя более, обяжете Вашего преданного

Александра.

18. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

25 мая [1816 г., Царское село.]

Вы извините меня, моя добрая тетенька, что я пропустил две почты, не написав вам. Мне было трудно найти длительную минутку досуга, и я был бы вынужден удовольствоваться несколькими строками. Но я предпочитаю следовать вашему изречению: «Я люблю быть пространной с моими друзьями», и писать вам более подробно. Прелестный маленький томик получил я с большим удовольствием. Мое первое желание иметь маленькую библиотеку из этих томиков. Вы спрашиваете мое мнение об «Эмиле» Руссо. Если бы я не был уверен, что это лишь для того, чтобы меня испытать и видеть приблизительно, как я сужу об авторах, я бы никогда не решился на это отвечать: но вы этого хотите, моя добрая тетенька, и мой первый долг и удовольствие вас слушаться.

Вы вполне правы, дорогая тетенька, говоря, что Руссо пытается провести свои софизмы с помощью очарования своего стиля. Стиль Руссо, мне кажется, совершеннейшее, что мы имеем на французском языке, и наиболее способное найти путь прямо к сердцу. Никогда человек не обладал лучше искусством овладевать чувством других и не пользовался им более опасно. Его «Эмиль», которого некоторые унижают, говоря что Руссо хотел заставить человека ходить на четвереньках, как медведя, а другие возносят до облаков до такой степени, что, говорят, в Индии был один француз, который обходил восток, всюду проповедуя, что существовал лишь один апостол, один пророк истины, и что это был Руссо. Его «Эмиль», по моему мнению, — произведение, которое без опасения можно давать лишь маленьким детям и законченным людям; первым — потому что они его не поймут, а вторым — потому что они уже достаточно рассудительны, чтобы иметь твердые и неизменные принципы. Система воспитания Руссо содержит прекрасные вещи, достойные того, чтобы им следовали, но его главный недостаток, как кажется, в том, что он не заложил основ своего строения там, где сам бог имеет свой престол. Его Эмиль ничего не знает о религии до возраста в тринадцать или четырнадцать лет. Исповедь савойского викария, без сомнения, самое опасное место в его книге; многие из наших не имели смелости ее прочесть, и отнестись к ней, как к неисписанным листам; после прочтения ее нуждаешься в хорошем противоядии. В течение всей своей книги он показывает себя вполне превосходным человеком; первая часть исповеди так хорошо трактует о натуралистической религии и так во всем соответствует нашим догматам, что трудно ей противостоять; и вдруг, когда он установил основы натуралистической религии, он с удвоенной силой нападает на христианство, и вы удивлены и даже раздосадованы видеть порядочного человека, впавшего в столь пагубное заблуждение. Фридрих и Руссо были, по моему мнению, более опасными врагами религии, чем Вольтер: он пользовался лишь оружием ума, тогда как они все основывают на чувствах; лишь красноречие страстей оставляет неизгладимые следы. Я уже вижу, что вы досадуете, что разбудили меня из моего дремотного состояния, чтобы заставить меня так разглагольствовать, и что вы уже говорите с улыбкой:

Сей суд довольно здрав, довольно и умерен
Для мудреца в семнадцать лет.

Слагая мантию мудреца, прошу вас разрешить мне поцеловать вам ручки и извинить пространность вашего педантичного, но преданного Александра.

Быть может вы не знакомы с сонетом де Барро[4], посылаю его вам.

19. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

25 мая 1816 г.

Благодарю вас, любезный Алексей Никитич, за дружеское письмо ваше и советы. Прискорбно было мне, получив при письме от Елисаветы Никитичны только несколько строк от вас; но теперь мне только остается благодарить вас. Кормилица ваша получила свои 20 рублей, прежде нежели вы отправили их из Лямо-

ново, так как я вас уже и уведомил в прошедшем письме. В рассуждении этого будьте без заботы.

И мне, любезный дядюшка, служит приятным отдохновением переписка с вами, говорю — отдохновением в полном смысле сего слова, потому что теперь много накопилось занятий, ибо граф Разумовский приблизил время нашего выпуска тремя месяцами; в конце июня 1817 нас уже не будет в лицее; но с сокращением времени не уменьшились занятия, и мы должны как-нибудь прилежанием выиграть эти три месяца. Причина этого, как мне кажется, почтенный и любезный директор наш, который старается нас поскорее из лицея выжить, так как он не может приписать себе чести нашего выпуска, если он будет удачен. Впрочем он нам этим большую услугу и удовольствие сделает, если только, как я надеюсь, это не обратится во вред занятиям нашим. Я в особенности имею лишнее противу товарищей упражнение итальянским языком. Два, а иногда три раза хожу брать уроки у аббата Чезари, иногда сижу у него три часа слишком. Кроме того, директор обещал мне заняться со мной по-английски, коль скоро дом его будет отстроен. Я уже вам писал о канцелярии, которую он намерен завести для предуготовления к службе тех, кои изберут дипломатическую. Если вам угодно знать, кто это такие, то вот они: Ломоносов, Корсаков[1], барон Гревениц, Юдин[2] и ваш покорнейший. Напишу вам об этой канцелярии подробнее, когда она приведена будет в детство, что случится через две, три недели, по крайней мере. — Все, что вы ни говорили мне о службе, перечитывал и перечитываю еще несколько раз. Сколь бы вы меня обрадовали, любезный дядюшка, если бы захотели быть моим путеводителем. В неложной привязанности моей давно вы уверены; взаимная доверенность еще более укрепит ее. Зачем хотите давать мне новые знаки вашего расположения; советы искренние, внушенные дружбою недостаточны разве исполнить меня благодарности. В последний раз как у меня был папенька, я его распрашивал о службе, к которой он меня назначает, и он мне сказал, что он это совершенно оставляет на мой произвол; маменька всегда говорила то же; следовательно вы видите, что согласие родителей моих имею. Я называю службу эту благороднейшею перед прочими не от того, чтобы действительно какой-нибудь род службы был унизителен, но свет имеет какие-то предрассудки в рассуждении сего; на вас самих ссылаюсь, скажите кому-нибудь, что такой-то служит в сенате; не ответят ли вам тотчас с усмешкой: верно у него пушок на рыльце, как говорит Крылов. Хотя я с молодости никогда в родительском доме не знал, что такое нужда, однако и к роскоши не привык; так как мне придется жить жалованьем, ибо не хочу ни за что обременить родителей, то вот одно из затруднений дипломатической службы — жалованья почти нет. Много кой-чего желал бы вам сказать о Каподистрии, товарищах-поэтах и пр., но принужден оставить продолжение до следующей почты. Очень, очень обрадовали меня письмом своим, присылайте, пожалуйста, такого гостинца почаще.

20. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

1 июля 1816 г.

Я думаю, дорогая тетенька, что вы можете себе представить, сколь я воевал против мух и комаров*, получив ваше письмо, и что скорее желал бы получить в Царское всю эту пачку родственников, чем оказаться лишенным ваших милых писем. Но так как вся моя риторика и все мои мольбы остались без последствий, я был вынужден прибегнуть к чему-то более могущественному, т. е. к старцу с острой косой и к чему-то, что имеет еще больше цены для меня, — к доброте и к дружбе, которые вы мне всегда проявляли. Вот союзники, которых я противоставлю комарам, раз эти комары имеют смелость помещаться между бумагой и моей тетенькой, когда она согласна мне писать. Я надеюсь, что я исправил вину, которую могло за мной оставить мое письмо наполовину, последним письмом, в котором мое перо себя не жалело. Я боюсь и вместе желаю получить от вас письмо теперь, ибо ожидаю хорошей маленькой пачки критических замечаний на мои мысли об «Эмиле» Жан-Жака, а с другой стороны, без ваших писем у меня нет удовольствия в лицее. Однако, в этом случае описание не может перевесить желание иметь от вас известия, и я надеюсь, что комары уступят вашей дружбе и благожелательности. Я не стану вам говорить, что народонаселение нашего Царского возрастает день ото дня. Место достаточно красиво, чтобы привлекать общество из Петербурга; государь и государыня приезжают сюда почти каждую неделю и остаются два, три дня и больше. В смысле постоянных жителей на все лето вы имеете цветок Царского — Карамзина и его семейство[1], кроме того, княгиню Волконскую[2], Резановых[3] (которые вам, мне кажется, знакомы) с невестой m-lle Сушковой, Бакуниных[4] и т. д. и т. д. Но что мне больше всего нравится — это то, что я нашел здесь знакомого — графа Комаровского[5] с семьей. Я каждое воскресенье провожу весь день у них; это прелестная семья. Графиня — в особенности прелест-

* Во французском тексте игра слов: «кузен» — родственник и «кузен» — комар.

ный человек, полный доброты. Вы можете себе вообразить, что после того, как я столь долго был лишен радости видеть кого-нибудь, кто бы мной интересовался, я наслаждаюсь удовольствием быть в семье, чрезвычайно предупредительной по отношению ко мне. Если вас это интересует, скажу вам, что наш поэт Пушкин получил от императрицы матери золотые часы за куплеты[6], которые он сочинил к празднеству, бывшему в Павловске. Вы прочтете описание его в «Северной почте»; мы там были; я не решаюсь соперничать с г. газетчиком, давая его описания. Чувство, которое вы выражаете в пользу своей прекрасной и доброй Елены, доставило мне бесконечное удовольствие. Сколь я очарован, что два человека, столь друг друга достойных и которых я так люблю, не остаются в своих чувствах чуждыми; признаюсь вам, между нами, что моя дружба к Елене доходит до обожания. Она в моих глазах, пристрастных, быть может, — образец доброты и мягкости, делающей счастливым всех, кто к нему подходит. Весь ваш.

21. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

1816. Лицей 10 июля.

Записочку вашу, любезный дядюшка, получил вместе с письмом от Елисаветы Никитичны, и с прискорбием видел, что кажется вся природа соединилась против меня; то комары, то жар лишают меня удовольствия и наслаждения получать письма от любезных мне отшельников люценских. 1 июля я писал к вам довольно пространно, но сомневаюсь, получите ли вы сие письмо, ибо в незнании моем я адресовал его в Люцен. Позвольте, любезный дядюшка, надеяться твердо на ваше обещание обрадовать меня на следующей почте; я и записал уже в книжечке, такого-то числа письмо из Порхова — пространное в вознаграждение. — Благодарю вас также за прозу и стихи, которые так милостиво предлагаете: все, что приходит от вас, вожделенно для меня. Если вы имеете это благое намерение, то пусть не остановит вас мысль, что я все это знаю, или, по крайней мере, знать должен; много, много прекрасного в русской поэзии, чего я не знаю, разве только по-наслышке. Так как мы уже заговорили о поэзии, то скажу вам, что ваши знакомцы по журналам, т. е. наши домашние поэты, что-то умолкли; сам Пушкин заленился, верно, и на него действует погода. Очень часто ходит он к Карамзину, к нему очень хорошо расположен; не худо было бы, если бы там, в храме вкуса и познаний, он бы почерпнул что-нибудь новое и прекрасное, и ознакомил бы на досуге в прекрасных стихах; но нынешнее лето, кажется, надежды мало, да и вообще оно не очень плодородно в лицее. Все поэты наши дремлют до радостного утра. Пушкина пиесы с три[1] должны быть на этих днях напечатаны в «Вестнике Европы»; он уже давно их отправил. В числе трех «Гроб Анакреона»[2], который я думаю вам понравится. Недавно составилось у нас из наших поэтов и нескольких рифмачей род маленького общества, которое собирается раз в неделю, обыкновенно в субботу[3] и, садясь в кружок, при чашке кофе, каждый читает маленькие стишки на предмет или, лучше, на слово, заданное в прежнем заседании, т. е. каждому дают какое-нибудь слово, на которое он должен изготовить к будущей субботе водевиль, на который наш виртуоз Корсаков сочиняет обыкновенно голос; голоса эти ему довольно часто удаются. Для смеху, забавы и куриозу присылаю вам два из этих маленьких соводевилей, но попрошу вас, чтоб это осталось между нами и вашими, ибо поступаю противу правила не выносить сора из избы, и подлинно — сор. В прошедшем письме забыл сказать вам, любезный дядюшка, что с некоторого времени беру английские уроки у гувернера детей Комаровского; эти уроки будут продолжаться только во время летних месяцев, месяца с три, но этого достаточно; я сделал порядочное начало в этом языке, и мне надобно только remettre sur la voie. Извините, не вспомнил русского выражения. К папеньке я об этом писал, так как он мне приказал при отъезде, но боюсь и сомневаюсь не получить от него в скором времени ответа и денег, ибо срок мой с англ. кончится в августе в конце; на 6 или 7 писем, которые писал к папеньке, не получил ни одного ответа. Правда, англ. берет не дешево, за 3 месяца надобно будет дать ему слишком 100 р., но так как папенька приказывал и позволил мне сыскать случай продолжать сей язык, который я очень люблю, я решился. — Простите — разболтался.

Вечно ваш.

На слова
*Никак нельзя — ну так и быть**
Отрывок из куплетов.

Я прав, он виноват; решите,
Почтенный господин судья. —
Петра вот первого указ,
— Никак нельзя.
Экстракт и опись и приказ,
В мою вы пользу рассудите,

* См. А. С. Пушкин, Собр. сочинений, Академия, 1935 г., т. I, стр. 358.

Прикажете ль лошадок вятских
Четверку вам в конюшню свесть?
— Постойте... кажется мне... есть
Статья... да, нет ведь то в Сенатских,
Но чтобы вас не погубить,
— Ну, так и быть.
Клит малой доброй, не деритесь,
Он вас обидеть не хотел,
И сделать этого б не смел,
За что вам драться, помиритесь —
Дамому говорят друзья.
— Никак нельзя.
Но Клит идет, идет не струся,
Дугой согнулся страшный ус,
Он с саблей — тут притих мой трус.
По вашей просьбе помирюся
И впрямь, за что его убить. —
— Ну так и быть.

На слова:

С позволения сказать *.

Отрывок

С позволения сказать,
Я сердит на все ужасно.
Нет. — Вы просите напрасно;
Не хочу пера марать;
Можно ль честному поэту
Ставить к каждому куплету
С позволения сказать.
С позволения сказать,
Престарелые красотки,
Перещитывая четки,
Станут в запуски кричать.
Это что? — Да это скверно! —
Сочинитель песни верно
С позволения сказать....

С позволения сказать,
Есть над чем и посмеяться,
Надо всем, друзья, признаться,
Глупых можно тьму сыскать
Между дам и между нами
Даже, даже... меж царями
С позволения сказать.
С позволения сказать,
Доктор мой кнута достоин,
Хоть он трус, хоть он не воин,
Но уж может воевать,
Лечит делом и словами
Да потом и в гроб пинками
С позволения сказать.

22. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Лицей, 3 августа [1816 г.]

Наконец, любезный дядюшка, получил я письмо ваше от 18 июля; на сей раз переписка наша потерпела большой промежуток; только вина не моя; получив последнее письмо ваше, уже не имею никакого права жаловаться, ибо оно совершенно вознаградило меня за долговременное терпение. Такие письма напоминают мне уже любезного сельского жителя, которому городская рассеянность не препятствует обрадовать лицейского пустынника известиями о любезных ему, обстоятельно и удовлетворительно. По числу этого письма вы увидите, что наш свободный месяц уже кончился, и что мы опять за книги; число занятий наших беспрестанно накопляется по мере приближения срока нашего выпуска; чтоб не отстать об других при занятиях моих в итальянском и английском языках, я часто нахожусь принужденным отказываться от гулянья, которое скоро перестанет быть приятным, и даже иногда вставать по утрам ранее. Впрочем, не взирая на занятия, вы всегда найдете меня исправным в переписке: я слишком люблю собственное свое удовольствие, чтоб добровольно отказаться от столь приятного и полезного для меня препровождения времени. Извините, любезный дядюшка, что нынешний раз при письме ничего не прилагаю: нового ничего мне в руки не попадалось; за вашу же оду очень, очень вас благодарю: хотя я ее прежде и знал, но не имел у себя и не мог достать. Также очень меня вы обрадовали обещанием впредь не оставлять писаньем; я твердую надежду полагаю на книгу, о которой говорите, и, пользуясь вашим расположением ожидаю, по первой почте открытий в любви военного и под'ячего, с которыми нетерпеливо желаю познакомиться. Сердечное участие принимаю в удовольствии, которое вам доставило посещение Марьи Александровны и соседство петербургских гостей, без сомнения, любезных; желал бы очень быть на их месте; и сделать себе хорошенький букет из корневицких цветов; побывать у вас составляет одно из приятнейших моих мечтаний для будущности. Впрочем это еще не ушло; и если не откажете в гостеприимстве, то верно увидите меня у

* См. А. С. Пушкин, Собр. сочинений, Академия, 1935 г., т. I, стр. 359.

себя. Жуковского 2-я часть давно вышла, т. е. слишком 1½ месяца я уже видел ее у многих в лицее, но сам не получил; удивляюсь сему замедлению, тем более, что вы разделяете оное со мной. Карамзин все еще торгуется с типографщиками и не может условиться; вот все, что могу вам сообщить о его истории. Некоторые из наших, читавшие из нее отрывки, в восхищении. Жалею о несчастии, приключившемся вашему Капнисту[1], текст у меня перед глазами, точно такое же падание Капниста; сын его подарил оным одного из наших. Если бы оно было мое, то давно б уже имело место в вашей библиотеке; но как говорит пословица: о к о в и д и т.

Как мне благодарить вас, любезный дядюшка, за готовность, которую вы всегда показываете помогать мне; от папеньки по сие время ни строчки; беспокойства мои увеличиваются; впрочем еще у меня 4 недели сроку, авось либо в крайней нужде з а й м у у директора*, который наш лучший друг в полном смысле.

Вечно ваш.

23. А. М. Горчаков—Е. Н. Пещуровой.

Лицей. 15 августа. [1816 г.]

Я нарочно беру лист большого формата, дорогая тетенька, чтобы вознаградить себя за то, что я так долго был лишен удовольствия вам писать; моя последняя записка должна была оставить вас очень недовольной, но мне тогда было невозможно написать что-либо стоющее. Начинаю с того, чтобы поблагодарить вас за ваше последнее письмо, которое, хоть не обещало, казалось, ничего хорошего, так как состояло всего из двух маленьких листов, не преминуло однако, как вы сами говорите, доставить мне большое удовольствие, как все, что приходит от вас. Как мне не терпится знать, что вы прибыли в Люцен. У меня перед глазами письмо моей доброй тетушки, в котором я нахожу сии утешительные слова: «Мы скоро покинем это именье, что вернет нашей переписке ее аккуратность», что меня, конечно, очень радует. Так как вы столь добры, что справляетесь о моей семье, я вам сообщу о ней сведения, тем более, что они у меня совсем недавние. Я получил письмо от маменьки, и что удивительнее, от папеньки. Маменька пишет, что она все еще находится в Ревеле для ухода за несчастным Шарлем, что, не уклоняясь от предписаний врача, она имеет некоторые слабые проблески надежды; по крайней мере, у ней есть удовлетворение видеть его возвращенным к чувствам, которые, казалось, навсегда его покинули; с некоторого времени он узнает маменьку, и она больше не мучается зрелищем, когда он не может вынести вида матери, которая себя всецело приносит ему в жертву. Бедная маменька, когда найдет она покой, коего она так заслужила. Сердце мое истекает кровью, дорогая тетенька, когда я думаю, что воспоминание о Шарле отравило остаток дней маменьки, маменьки, которая всегда имела ввиду лишь счастье своих детей, которая жила лишь для них, которая всю свою любовь вложила лишь в них. — Нет, я слишком знаю ваше чувствительное сердце и боюсь занимать вас этими грустными мыслями. Но признаюсь вам, что я не раз об этом думал и что это мне не одну минуту отравило. — Маменька предполагает устроить Шарлю по предписанию врача маленькое морское путешествие до Або в Финляндии. Так как вы ближе, нежели я, к Анете, то не буду о ней говорить и притом я сам о ней непосредственно ничего не знаю. — Я знаю лишь, что мои четыре сестры и маленькое потомство здоровы. Маменька хочет ехать в Горки за Софи и Лизой, «потому что, — пишет она — обе пренебрегают своими занятиями, и я стану им чужой». Простите, дорогая тетенька, что я занимаю вас своей семьей, это мой конек, и когда я до него доберусь, трудно меня остановить. — Вы скоро получите известия о кн. Черкасской, я сегодня обедаю у гр. Комаровского и о ней распрошу. Ваши поиски грибов с лорнетом доставили мне большое удовольствие. Мне не терпится присоединиться к вам со своими очками на носу; нужно, чтобы нам очень не повезло и не найти их столько, чтобы устроить роскошный обед соседним провинциалам и уморить всех окрестных мух. Мы могли бы взять еще третьего компаньона, по его словам, тоже большого любителя грибов, общество которого не было бы лишним. Это (ни за что не угадаете) Карамзин. Каждое утро я вижу его проезжающим верхом по грибы. Так, по крайней мере, он говорит. Это еще хуже, чем их искать с лорнетом. Если вам не хватает дождей, чтобы заставить ваши грибы появиться, мы могли бы вам их одолжить в большой дозе, ибо они нам изгоняют нашу публику из Царского, и скоро мы увидим, что все прекрасное общество мало-по-малу дезертирует, и блестящее Царское Село снова превратится в бедный маленький городок, который будет иметь значение только благодаря тому, что императорский лицей соглашается в нем пребывать. Так проходит слава мира. — Сколько я мог бы вам еще сказать, но не бумага говорит: а м и н ь (хотя ни одна бумага не выдержит, когда я пишу моим друзьям в Люцен), но очень ничтожное обстоятельство: мои часы показывают 2½, что значит: приведи себя в порядок и отправляйся к г-же Комаровской, которая

* Дальнейшие слова в подлиннике по-французски.

устроит тебе головомойку за то, что ты у нее не был полторы недели. — Мой дорогой дядюшка не взыщет, если на этот раз он не получит мою мазню; по отношению к тетеньке у меня был долг чести. Я еще столько имею вам сказать, но я должен запечатать свое письмо, не рассказав вам о маленьких прогулках, которые мы совершали во время каникул, о наших кавалькадах на финских лошадях, об обеде, который мы давали директору, о празднестве, которое он нам устроил 12 в день своего рождения, о маленьком сюрпризе, который мы ему сделали; я не сказал вам о маленькой пьесе ad hoc, которую мы в этот день играли, и в которой ваш весьма почтительный в первый раз фигурировал на сцене и т. д. и т. д.; если мои друзья из Люцена меня разохотят, я обещаю им хорошенький пакетец. — В скобках скажу, что наш верный друг граф Разумовский[1] получил отставку, и что в данную минуту мы находимся под властью маленького князя Голицына[2] из министерства вероисповеданий. — Лучшие пожелания, тетенька. Наспех весь ваш.

24. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

20 сентября 1816 г.

Увидев на письме вашем число 31 августа, я удивился медленности почты, ибо оное получил только вчера, то-есть 19 сентября; теперь уже, любезный дядюшка, могу из'яснить себе тот промежуток, который, к крайнему моему сожалению, сделался в столь для меня приятной с вами переписке.

Прежде всего должно мне благодарить за все подробности, которые мне сообщаете, в рассуждении ваших сельских удовольствий (находить в е з д е средство приятным образом проводить время не есть последнее искусство) и за стихи, которые вы имели снисхождение переслать мне. Из'яснения любви военного, а особенно под'ячего очень позабавили меня, тем более стыжусь, что нечем поподчивать за такой приятный подарок; на наших поэтов нашла черная година; совершенный неурожай; Пушкин свободное время свое во все лето проводил у Карамзина, так что ему стихи на ум не приходили; но так как Карамзин сегодня уезжает совсем, то есть надежда, что в скором времени мы услышим приятный и знакомый голос домашней лиры. Если будет что-нибудь хорошего, достойного вашего внимания, то полагайтесь на усердие и прилежание мое. Я не знаю, подписались ли вы на собрание образцовых сочинений в стихах и прозе, выходящее в 12 частях, которого уже частей с 7 напечатано; если оно у вас есть, то раскройте 4 часть стихов, найдете пиесу «Иринь»[1] нашего поэта И л л и ч е в с к о г о. Надежду некоторую вы мне подаете видеть вас нынешнею зимой в Царском Селе, есть самый лучший подарок, который, любезный дядюшка, мог мне сделать. Если вы будете, то непременно д о л ж н о будет познакомиться с нашим директором. Извините не д о л ж н о: я твердо уверен, что знакомство его будет вам несказанно приятно; чем более я с ним знакомлюсь, тем более утверждаюсь в мнении, что такого другого человека сыскать нельзя; я говорю без увеличения и по истинной моей уверенности; он дал нам позволение ходить к нашим родственникам и знакомым; но, так как он также позволил нам быть у себя, то вы чувствуете, что другим его позволением мы не много пользовались; особливо я, который не имел здесь родственников или кого-нибудь из тех, к коим любовь сделалась для меня приятною привычкою с детства. Гр. Комаровский просил меня к себе в дом, будучи очень знаком с папенькою и дружен с дядюшкой кн. Алекс. Ив.[2]. Он уже с неделю что уехал. Когда пишешь к любезным, не чувствуешь, как время проходит; вот я уже в конце листа. Если имеете еще терпенье послушать моего болтания, взгляните в письмо к тетеньке.

Вечно ваш А л е к с а н д р.

25. А. М. Горчакова — Е. Н. Пещуровой.

1816 г. 20 сентября.

Едва успел я окончить письмо к дядюшке, как позвонили к уроку математики. Вернувшись с него, сел за столом с пером в руке, чтобы поблагодарить вас за ваше милое письмо. Я вспоминаю теперь, что я забыл упомянуть дядюшке о получении 20 р. для его кормилицы; я в тот же день повидал эту добрую старушку: мы с ней побеседовали полчаса, и она ушла, проникнутая добротой дядюшки. Вы простите меня, дорогая тетенька, что я так начинаю: роман с хвоста. — Мне кажется по некоторым признакам, рассеянным в вашем письме, что моя дорогая тетенька не придала большой веры нездоровью, которое помешало мне написать ей несколько недель тому назад, но я вас уверяю, что на этот раз вы неправы в отношении меня; случай должен быть очень важным, чтобы я отказал себе в удовольствии вам писать. Теперь, например, я вам пишу из лазарета, где нахожусь вследствие простуды, схваченной мною две недели тому назад во время прогулки на воде с семьей Комаровских. Это впрочем не мешает мне посещать уроки. Но я всегда на себе чувствую приближение плохого сезона и вынужден принимать какое-нибудь груд-

ное средство. На этот раз это пилюли, прописанные Штофрегеном [1]. Простите, что я так много говорю вам о средствах и болезнях и о вашем весьма почтительном (что является педантизмом другого рода). Коснемся лучше предмета более дорогого для нас обоих и во всяком случае более достойного вашего внимания — поговорим о мамочьке. Я только-что получил от нее письмо, датированное 11 сентября; она пишет, что Шарль уже отправился в недалекое морское путешествие, предписанное ему врачем, и что маменька непременно расчитывает через 3 дня, считая с 11-го выехать в Горки, где она заберет моих сестер. Жорж болен и хочет уехать с Еленой за-границу на два года; Софи вернулась к маменьке. Дети Елены останутся у матери Жоржа. Я в восторге от этого путешествия маменьки, хоть оно меня от нее удаляет, но я уверен, что оно развлечет маменьку, в чем она очень нуждается, и что она будет довольна в своей семье.— Если время позволит, я не сомневаюсь, что маменька сделает визит своим настоящим друзьям в Люцене. Если это случится, вы не откажетесь нежно обнять от меня эту добрую мать и сказать ей, что, хотя ничто не было бы для меня более приятно, чем видеть ее самому, я однако охотно жертвую этой радостью, если это необходимо для нее. От сделанного мне дядюшкой маленького описания празднества, которое он предполагал дать на св. Елисавету, у меня слюнки потекли. Весь этот день я провел у директора; за столом мы пили за здоровье наших Елисавет; думаю, что излишне вам говорить, что мои пожелания не были менее искренни, хотя впрочем я предпочел бы выразить их вам лично, мои дорогие тетушки. Незаметно дойдя до конца моего листа без того, чтобы многое вам сказать, беру новый лист в надежде, что толстый том вас не испугает и не утомит вашего терпения. Я забыл сказать дядюшке, что я получил второй том Жуковского, без всякого труда со своей стороны, и надеюсь, что теперь и он его получил. Почти все наши милые и не милые столичные гости скрылись один за другим. Граф Комаровский уехал вот уже с неделю слишним, Семьи Голубцовых и Сосновских, Севериных, Рихтер, Резановых, Новосильцова, Огаревых [2] и т. д. и т. д. нас покинули. Карамзин уезжает сегодня, чтоб вернуться на будущее лето. Остаются у нас однако еще г-жа Вельо [3], Бакунина, граф Толстой [4], и еще кое-какие добрые люди; я имел случай за это лето сделать не одно знакомство. Из них самое приятное было знакомство с генеральшей Рихтер, рожденной Герман, которая полна остроумия и любезности. Мы проводим прелестные вечера у директора. Я всегда стараюсь кончать свои занятия к 7 или 8 часам вечера, а два оставшихся часа провожу у директора; он один из счастливейших людей в своей семье [5]. Его жена очень хорошая особа, чрезвычайно добро относящаяся ко мне. Она помнит, что танцовала с дядюшкой в музыкальном или танцовальном клубе, уж не помню в котором; это было 18 лет тому назад. Она также помнит моего дядюшку Николая Никитича [6]. Ее дети очаровательны. Вечером беседуют, занимаются музыкой и очень часто директор угощает нас чтением вслух, что он делает превосходно. Обычно это какая-нибудь театральная пьеса. Вчера это были «Испанские замки» [7]. Я вспомнил театральный сборник, который дядюшка сам сделал (и который поистине драгоценен), общество выражало сожаление, что не имеет этого труда под рукой. Я не мог устоять против того, чтоб во время чтений строить собственные испанские замки. Если бы вы могли провести будущее лето здесь, как я был бы счастлив; я бы имел тогда подле себя обе семьи, наиболее мне дорогие. Как время быстро бы потекло, и я чувствую, что тогда не желал бы больше кончать лицей. — Снисхождение моей болтовне.— Прошу вас о единственной милости — последуйте моему примеру, любите немного вашего всецело преданного

Александра.

Привет дорогой тетушке.

26. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

1816 г. 1 ноября.

Начинаю с того, что благодарю вас, моя добрая тетенька, за все хорошие слова, которые вы мне говорите в вашем письме, и в особенности за то, что вы рассудили, что если дядюшка не мог мне писать,— это не основание лишить меня ваших писем. В то же время приношу вам повинную голову. Я не хотел пропустить сегодняшнюю почту, чтобы, если произойдет перерыв в переписке, доставляющей мне столько удовольствия, вина была бы не за мной. Только-что я окончил спешное письмо маменьке, а передо мной еще хорошенькая кучка бумаги, которую я должен непременно исписать, так что у меня приятная перспектива оставаться, по крайней мере, 5 часов пригвожденным к скамье. Да, дорогая тетенька, это не фраза, и я вынужден отказать себе сегодня сообщить моим добрым (надеюсь, на этот раз, снисходительным) люценским друзьям все маленькие подробности, которые, я думаю, доставили бы им удовольствие. Вы очень добры, принимая участие в здоровье царскосельского отшельника, чья грудь не стоит большего, нежели он сам. В данное время впрочем я чувствую себя, как Pont-

neuf* и не имею другой печали, как только той, что я вынужден наспех набросать несколько строк (вместо страниц) на бумагу. Излишне, я думаю, говорить вам, что 14 прошлого месяца у нас было празднество[1]. Вы, конечно, узнали об этом из газет, где какой-то аноним поместил соответствующую статью. Беспристрастно, наш праздник был прелестен. Директор взял на себя его устройство; после театра у нас был бал, длившийся до полуночи, потом мы угостили публику прекрасным ужином, а после ужина снова танцевали. На другой день государь был у директора и сказал ему, что ему досадно, что его не пригласили, так как он непременно бы пришел, и что в первый же раз, когда у нас что-нибудь будет, он уже заранее сам себя приглашает.

Так как 14-го было последнее празднество, даваемое нами, мы щедро сложились: праздник стоил нам около 500 р. и почти столько же директору. Я тоже должен был раскошелиться и выложить 25 рублей. В этих случаях не годится наводить экономию: к счастию, я получил деньги от маменьки. Мое письмо должно быть столь бессвязно и плохо написано, что мне стыдно его перечитывать, и я прибегаю ко всей снисходительности, которой может располагать моя добрая тетенька в данный момент. Целую ручки тетушке Елисавете Христофоровне.

Любезный дядюшка, вы меня верно не простите, получая от меня вместо обыкновенных четырех страниц несколько строк худо и нескладно написанных. Но я непременно не хотел пропустить почты сегодняшней, не писав к вам.— Много было бы чего сказать вам: поэты наши пробудились; прозаики пишут; но все это я должен оставить до будущего разу, а теперь только могу просить помилования для себя и письма своего.

Тетенька подает мне надежду видеть вас здесь зимою; если бы надежда могла сделаться известностью! Через 8 месяцев мы выходим.

Вечно ваш.

27. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Лицей, 21 ноября [1816 г.].

Последнее письмо мое, любезный дядюшка, верно оставило вас недовольным; и так как оно не удовлетворило и меня, то, улучив свободный час, что теперь редко случается, спешу убедить вас, что не лень, а совершенная невозможность может меня иногда заставить добровольно отказать себе в удовольствии писать к вам подробно и обстоятельно. Жаловаться на недостаток времени так стало обыкновенно и столь часто было во зло употребляемо, что уже не может быть принято за извинение, но у нас действительно теперь свободный вечер на редкость. Кажется, делают, все возможное, чтоб нас скорее выпустить, и время нашего пребывания в лицее беспрестанно сокращается. Весьма вероятно, что мы выйдем в первых числах июня и что следовательно только 5 месяцев остается до великого дня. Перед выпуском будет самый строжайший частный экзамен, который будет продолжаться целый месяц, а после оного публичный в присутствии государя. Я не извиняюсь перед любезным дядюшкой за все эти подробности: дружба и расположение его позволили мне говорить о себе не боясь наскучить. Признаюсь, что вижу приближение нашего выпуска с некоторым чувством боязни и беспокойства. Время для меня самое неудачное. Родители мои и те из родных, к коим я чувствую доверенность, удалены из Петербурга. Так что при выходе подлинно не буду знать, куда голову преклонить. Притом же, если бы маменька здесь была, то бы, живя с нею, я бы не принужден был сделать многих невеликих издержек, которые, соединясь, превзойдут многим мой неважный доход. Я всегда был уверен, что молодой человек, который чему-нибудь учился и имеет желание служить, как должно, может, ограничивая и отказывая себе во многом, жить собственными своими трудами; мысль — быть в тягость бедным и добрым моим родителям — была для меня всегда нестерпима. Но сначала весьма трудно, особливо малым жалованьем, получаемым в иностранной коллегии, обзавестись пристойным образом. Все это заставляет меня не с величайшим нетерпением ожидать выпуска. Я уже не говорю о том, сколь важно и необходимо для молодого человека иметь опытного, снисходительного и доброго руководителя при вступлении в свет, где часто первый шаг решает судьбу и определяет общественное мнение. Вы, верно, любезный дядюшка, найдете меня сегодня великим эгоистом: в продолжении всего письма занимал вас, а может быть, и наскучил собою. Люценские друзья мои снисходительны; говоря о себе, я бываю говорлив только с ними. Прощайте, любезный дядюшка, не оставьте меня без ваших советов и утешьте дружеским письмом, которого ожидаю с столь же великим нетерпением, как и скорого с вами свидания в Царском.

* Так в подлиннике.

28. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

22 ноября [1816 г. Царское Село].

Не получив ответа на мое последнее письмо, я предположил, что моя дорогая тетенька не захотела на этот раз проявить свое обычное снисхождение, отвечая на несколько строк, наспех набросанных. Вот почему я спешу написать второе письмо, которое, если не обманываюсь в своих надеждах, доставит мне очень пространный ответ и утешит меня в моем долгом и бесплодном ожидании. Что до надежд, то, признаюсь, они у меня в данный момент весьма хороши и с основанием. Вы не поверите, какое удовольствие доставляет мне каждый падающий хлопок снега и как я радуюсь, что установился такой прекрасный зимний путь. Вы не будете спрашивать о причине этого, так как это значило бы, что план маленького зимнего путешествия в Петербург оставлен и что больше о нем не беспокоятся. Во всяком случае, маленькое подтверждение моих надежд мне бы не повредило. Я не стану спрашивать вас, находите ли вы теперь, что время долго тянется, так как знаю, что скука — жилец, с которым вы никогда не живете. Не знаю, помните ли вы, сколько раз вы удивлялись, когда я жаловался на скуку. Слава богу, я предоставил теперь бессрочный отпуск этому милому товарищу. Тем не менее я думаю, что время года лишило вас не только одного приятного времяпрепровождения, а и того, что составляло родство душ между вами и великим человеком из Царского. Думаю, что теперь, не взирая на ваш лорнет, вам было бы трудно разыскать малейший грибок. Я бы очень хотел знать (если, конечно, моей доброй тетеньке угодно, чтобы я это знал), какое времяпрепровождение можно теперь подыскать в Люцене, кроме книг и выдержек, которые я, между нами сказать, попрошу разрешения перелистать, как только поставлю свой посох паломника перед дверью вашего Эрмитажа и буду просить у вас гостеприимства, для безрассудного, не имеющего других заслуг, кроме того, что он может назваться вашим всецело преданным племянником. Если вы благоволите поинтересоваться нашим братом, я вам скажу, что мы нашли на эту зиму новый вид развлечения — кататься на коньках. Вы не сказали бы, что ваш племянник неженка и трус, если бы видели, как он, «окрылив ноги железом», как говорит Пушкин, скользит со скоростью ветра без внимания к холоду и опасности падений. Правда, всегда имеешь приятную перспективу вернуться к себе окоченевшим и украшенным премиленьким маленьким растяжением связок, как результат чистой прибыли этого приятного упражнения. Но все это не производит ни малейшего впечатления на нашего брата, который находит удовольствие во всем, в чем есть тень опасности. Я уже вижу мою дорогую тетеньку, которая смеется над этими героями нового покроя, но я этому охотно подчиняюсь, лишь бы хорошо написанное письмо приятно развлекло вашего всецело преданного.

Лучшие чувства дорогой тетушке.

29. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Лицей, 25 декабря. [1816 г.].

Пишу к вам, любезный дядюшка, не будучи уверен, застанет ли мое письмо вас еще в деревне. Генварь не далек, и скоро буду ожидать милых люценских гостей со дня на день. Последнее письмо ваше крайне огорчило меня; в деревне худое расположение духа — не самый лучший товарищ, и мне очень прискорбно было, что не мог ранее к вам писать. Последнее письмо мое со вложением стихов Давыдова[1] теперь вы, вероятно, получили. Немногого недоставало чтоб я не надписал на письме Санктпетербург вместо лицея. Мы получили позволенье ехать в город на все праздники, и теперь град святого Петра полон синими мундирами с красными воротниками, которые стараются повеселиться в одну неделю за все 6 лет и еще привести с собою довольно веселья на остальные 5 месяцев. А я — живу теперь здесь на просторе, хожу к директору, читаю, пишу к вам письма и не скучаю, и даже ни разу не жалел еще о том, что остался здесь. Однако и я едва не поехал. Отец Юдина[2] (одного из наших), который ко мне очень расположен, хотел меня взять с собою непременно, я его поблагодарил от души и остался. Никогда так время скоро не проходило; грозные пять месяцев быстро шагают. Вы уже, я думаю, узнали чрез газеты, что наш директор сделан действительным статским. Без него и его фамилии разлука с родными была бы нестерпима. Хотя я у него почти как дома, однако все иногда случается вспомнить, что везде хорошо, а дома лучше. Уже несколько месяцев я ничего не слышал от папеньки, маменьки и сестер. Письма мои остаются без ответов. Одна приезжая из города говорила мне, что маленькая сестрица (не знаю которая) в Москве очень страдает глазами и в опасности лишиться одного глаза. Видите, что все, что про моих знаю, не очень утешительно, если перед от'ездом [не] успеете успокоить меня несколькими строками в рассуждении родных. Впрочем

при радостном свидании надеюсь поговорить с вами обстоятельнее о сем предмете и многих других. Не знаю, заезжала ли к вам маменька из Горок? Я к ней несколько раз туда писал и, не получая ответа, предполагаю, что она уже оттуда уехала, но куда?—не знаю. Эта мучительная неизвестность заставляет меня с нетерпением ожидать несколько строк от любезного дядюшки, дружбе и расположению которого препоручаю преданного ему Александра

Горчакова.

Любезной тетеньке целую ручки*.

30. А. М. Горчаков — Е. Н. Пещуровой.

Лицей, 26 декабря. [1816 г.].

Я только вернулся с прогулки, совершенной в очень милом обществе, и, отведя дам до дому, не нашел ничего более спешного и более приятного, как степенно сесть за стол, очистить довольно плохо свое перо и писать вам, дорогая и добрая тетенька. Погода прекрасная, и мы веселились настолько, насколько это возможно, когда имеешь еще вкус к удовольствиям, тщетный, мишурный, блеск коих не является их единственным достоинством. Мы бегали, играли, смеялись, делали безумства, как будто нам было не 20 и 18 лет, а лишь 10 и 8. Когда я говорю «мы», надо понимать 3 или 4 лицеистов, которые в данное время являются представителями императорского лицея в добром городке Царском; что до остальных, то они разошлись на все четыре стороны. Я вам признаюсь, что молчание и тишина, внезапно сменившие вечное жужжание, которое мы обычно слышали, в первую минуту поражает, и к ней труднее привыкнуть, нежели к радующему шуму, всегда напоминающему, что вы окружены живыми чувствующими людьми. Теперь же редко услышишь в наших длинных корридорах шаги человека, и в момент, когда я вам пишу, я опять слышу звук колокольчика, который, вероятно, у нас еще кого-нибудь отнимает. Я угадал верно: Бакунин[1], весь запыхавшись, только-что выбежал из моей комнаты, чтобы броситься в материнские об'ятия. Я вам, кажется, уже говорил, что летом у нас последний публичный экзамен; по всем видимостям, он будет блестящ, так как сюда ожидают австрийского императора[2], короля прусского[3] и некоторых других князей из Германии. Государь уже отдал распоряжение, чтобы приготовить несколько домов в Царском, между прочим и Александровский дворец, который, вероятно, будет занимать король прусский. Государь сам должен совершить поездку на юг России в марте месяце, чтобы вернуться в мае или в июне месяце. В последнем письме, которое вы были так добры мне написать, вы мне не говорите, рассчитываете ли вы остаться в деревне или быть в числе тех, кто приедет в Петербург. Излишне вам говорить, что первый случай не всем будет удобен, а в особенности кому-то из ваших знакомых, имеющему большие надежды. Если мое письмо вас еще застанет в Люцене, маленький ответ не повредил бы мне, в особенности, если моя добрая тетенька могла бы сообщить мне что-нибудь о моей семье, судьба которой мне совершенно неизвестна.

Весь ваш Александр.

31. А. М. Горчаков — А. Н. и Е. Н. Пещуровым.

7 марта 1817 г. [Царское Село].

Третьего дни получил я от эконома нашего сахар, который угодно вам было взять на себя доставить мне, и узнал от него, что вы были столь милостивы, что сами завезли посылку. Спешу отблагодарить вас от всего сердца. Из письма вашего вижу, что я должен оставить надежду видеть вас у себя до святой; утешаюсь тем, что, может быть, сам через две недели представлюсь к вам. Я говорил с директором, и он мне сказал, что он ни за, ни против. И что если князь Александр Николаевич возложит на него давать позволения, то верно, отпуская других, не удержит меня. Как он, так и супруга его препоручили мне с первым письмом свидетельствовать вам их почтение. От маменьки по сие время не получаю никаких известий; признаюсь, что это молчание, к которому я не привык, беспокоит меня. Если Хвостов[1] знает что-нибудь о маменьке, сообщите, мне пожалуйста. Если бы я по крайней мере знал, где она теперь! Все письма мои остаются без ответа. Жуковский прислал Пушкину своего «Певца на Кремле»[2] (которого вы теперь, вероятно, уже имеете или читали) с надписью: «Поэту товарищу Ал. Серг. Пушкину от сочинителя». Любезный дядюшка, надеюсь, не оставит по старой доброй привычке обрадовать меня при случае несколькими строками с известием о своих, следовательно, и о моих. Преданный вам.

Александр Горчаков**

---

* Два последних слова по-французски.

** Дальше текст до конца написан по-французски.

Получив строки, которые вы пожелали мне направить, дорогая и добрая тетенька, я задрожал, как узник, которому приходят об'явить приговор. Да, я твердо уверен, что знаменитое вступление: «Доколе Катилина» и т. д. не произвело большего впечатления, чем ваше письмо. Я сам испугался, когда подумал, что в течение трех недель я лишал себя удовольствия вам писать, и скорее, скорее я велел подать мне свечу, печать, сургуч, бумагу и перо, чтобы поблагодарить вас за чувства, которые вы имеете доброту постоянно мне выражать в ваших письмах.

Я уверен, что если бы я предложил вам на пари, угадать, кто только-что от меня вышел, вы бы не угадали. Если я вам скажу, что это — портной, вы воскликнете: вот новость; но если я прибавлю, что он только-что снял с меня мерку для корсета, вы подумаете, конечно, что я унаследовал по прямой линии, в честь соседства, кокетство какого-нибудь хорошо завитого и напомаженного гусара. Впрочем, чтобы у вас не составилось обо мне слишком плохого мнения, тороплюсь сообщить вам решение загадки, сказав вам, что так как я всегда довольно плохо держался (что вы, без сомнения, замечали) и всегда имел сгорбленную спину, что оказывает очень губительное влияние на мои легкие, от которых я в данное время очень страдаю, я, наконец, решился подвергнуть себя нескольким неделям стеснения, и через месяц, без розог и ударов палки, я надеюсь иметь столь же прекрасную выправку, как первый гренадер батальона. Государь в Царском со вчерашнего дня (среда) с вечера. Он навестил генерала Левашева[3], который болен. Простите вечное ego и благоволите, поручив меня доброте дорогой тетушки, вспоминать иногда письменно вашего всецело преданного Александра*.

Распечатываю свое письмо, дорогой дядюшка, чтобы послать вам пиесу Давыдова[4], которой вы, может быть, не имеете. Она посвящена одной московской актрисе, по имени Ивановой, которая покорила молодца. В ней есть красивые места[5].

32. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

Лицей, 1817 г., апреля 3—4.

Два раза принимался писать к вам, любезный дядюшка, и два раза должен был оставить перо; в мое отсутствие накопилось дела так, что, будучи беспрестанно отрываем от письма, я должен был с понедельника мало-по-малу отлагать писать к вам до четверга. Немедленно по приезде сел я писать к маменьке и папеньке; оба письма уже отправлены; я просил маменьку не приезжать сюда единственно для меня и не входить ни в какие издержки для моего устроения. Просил ее также написать мне, позволяют ли ей обстоятельства снабдить меня бельем, дабы я знал, на что надеяться. Ожидаю ответа с нетерпением. Здесь встретили меня известием о близком экзамене; конференция положила продолжаться ему 15 мая по 31 мая. О 31 м[ая] по 15 июня будет промежуток свободного или, по крайней мере, бесклассного времени: будут в течение двух недель поправлять все то, что мы в шесть лет испортили, сломали, разбили и пр. А с 15 по конец июня предложат государю выбрать два дня для публичного экзамена. Посылаю к вам на первый раз все, что мог найти у себя лицейского литературного сора; не имею времени переписать его и прошу вас принять, в каком состоянии находится. Посылаю тетеньке обещанную пиесу; автор писал ее четырнадцать лет; перечитывая ее, я нашел великие недостатки, которые бы он сам наверно переправил, я выпустил некоторые стихи, которые не мог пропустить сквозь цензуру. В Петербурге печатаются сочинения Батюшкова[1]. Гнедич[2] издает его стихотворения, и Федор Глинка[3] прозу. Они скоро выйдут в 2-х частях. Оканчиваю письмо в классе Будри[4], большие глаза его, беспрестанно обращенные на меня, рассеевают несвязные мысли мои, и я, к крайнему моему сожалению, должен отправить к вам сии строки, в коих нет ни порядка, ни связи. Прощайте, любезный дядюшка, вспоминайте иногда меня в маленьком кругу ваших и любите преданного вам.

Александра Горчакова.

Рекомендую вам: Тихую жизнь[5] Дельвига.

33. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[13 мая] 1817 г. [Царское Село].

Ожидав вас целый день, любезный дядюшка, не могу не сердиться на каретника, который и на этот раз лишает меня удовольствия видеть вас. Благодарю от всего сердца за дружеские попечения об отсутствующем. Об квитанции вашей дано знать в два места царскосельским и павловским крестьянам: они, кажется, желают иметь ее; но не могу теперь ничего сказать решительного, потому что сегодня вечером получу ответ, а газетчик спешит в город, ибо его спешили.

Во всяком случае есть надежда, что дано будет более 1600; может быть, и до

---

* Дальнейший текст написан на отдельной записке.

2000. Экзамен наш начинается во вторник; если б, любезный дядюшка, вам возможно было приехать завтра в понедельник. Папенька пишет, что К. А. Ив. приедет сюда к концу мая и что он, может быть, с ним приедет. Прощайте, я спешу, не забывайте меня в кругу вашем, который скоро надеюсь назвать своим.

Преданный вам А. Горчаков.

Я бы очень желал, любезный дядюшка, увидеть вас еще раз перед выпуском.

34. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[21 мая 1817 г., Царское Село].

Два часа спустя после вашего от'езда, дорогой дядюшка, я получил досадное известие, что павловские крестьяне не могли взять квитанции до осени. Что самое неприятное, так это то, что меня в течение недели баюкали надеждами и что мы потеряли время, которое как нельзя более драгоценно в данный момент. Захаржевский[1] тоже говорит, что он послал повестку крестьянам, но что ответа нет, и что, обычно, мирские сходки затягиваются. Итак, с этой стороны больше надежды нет. Единственное, что может несколько восстановить мои финансы — это предложить графу Хвостову быть любезным: дать мне вперед те 1 100 р., которые я должен получить 3 июля. Без этого у меня к выпуску только 300 р. Вы были добры предпринять эти переговоры, ожидаю результатов с нетерпением. Вот я снова ввергнут в неопределенность. Не будь вас в Петербурге, я бы не знал, что делать. Не знаю еще, как вам препроводить письмо до субботы. У нас здесь сегодня экзамен по-латыни; князь Голицын здесь. Завтра он у нас будет на богословии, со всей академией Невского и со всеми почтенными бородами Петербурга. Наш частный экзамен превращается в публичный, так как князь велел опубликовать в газетах приглашение. На завтра поручаю себя молитвам тетушек, день будет опасный: то, что хорошо чувствуешь, не всегда то, что лучше всего выражаешь.

Прощайте, дорогой дядюшка, теперь я вполне могу сказать, как Филоктет[2] Пирру: «Только лишь в вас одних, теперь покоятся мои надежды». Наспех, но всегда ваш всецело преданный Александр.

Понедельник. Чтобы перейти от серьезного к приятному, скажите князю Жоржу, что все мои словари и вся моя итальянская библиотека перешла в руки m-lle Бакуниной[3] и что следовательно мы в милости. Князь Николай помнит обо мне *.

35. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[23—31 мая] 1817 г.

Письмо ваше, любезный дядюшка, решило недоумение мое; деньги графини пришли очень кстати; впрочем это составляет не 1 500, но 1 200, ибо 300 р. должно вычесть. Если найду удобный случай, то перешлю вам с сим же письмом 4 аршина пике по 10 р. аршин и по 2¼ арш. черного и белого казимира; белый по 11 р., черный — по 10 р. 50 к., а взял я его у Егора Антоновича; так как Штикер снял уже мерку с меня, то вы не откажетесь, любезный дядюшка, сделать милость отослать к нему; из пике он сделает 5 жилеток, а из казимира 1 пару белых штанов для мундира и 1 пару черных штанов. Будет с него работы пока; если, любезный дядюшка, вы не заказали ему еще фрака и пр., то сделайте милость, прикажите ему подождать: времени еще довольно; а между тем пришлю к вам хорошего сукна, которое Егор Антонович купит дешевле, нежели можно купить в городе. Нам должно быть очень экономными; денег не много, а на оные должен я и одеться, и поехать, и долги заплатить, и жить до сентября. За графом однако еще до сентября — 200 р. Благодарю вас, любезный дядюшка, за покупку шпаги; не могу довольно нарадоваться пребыванием вашим в Петербурге; сколь многим оно меня облегчает. Возьмите, пожалуйста, у Рено пряжки башмачные и шлифные и клак. Воротник мундирный вышивается. Благодарю за белье, которое вы взяли на себя труд приготовить. Мне нужно его очень мало, только что надобно для проезда к маменьке, потому что у нее, надеюсь, найти все готовое, а деньги меж тем поберегу. Если найдете верный случай, перешлите, сделайте милость, 1 000 р. из денег моих; Егору Антоновичу отдам 700 для покупок, а 300 отложу в сторону для лицейских долгов и награждений. Если не найдете случаю, то постараюсь вам доставить его. Пять дней экзамена уже отжили; князь был на богословском. Остался очень доволен и хвалил царю, который еще сегодня говорил об этом Егору Антоновичу. Завтра князь опять будет на историческом. Я только-что теперь от Комаровского. Он хотел также быть завтра. Кроме того, бывают посторонние. Вокатр был у меня. Извините, маранье мое; я очень спешу. Если не первого, то наверное 2-го июня буду у вас; может быть, удастся поехать с Егором Антоновичем,

---

* Последняя фраза в подлиннике по-итальянски.

тогда окончательно сделаем распоряжение с вашею помощью. Прощайте, любезным тетенькам всего лучшего*. Я не приветствую кузины[1], так как ее еще нет.

Письма вашего не получил. Надеюсь, что Штикерт хорошо сошьет. Ваш

Александр Горчаков.

Не будете ли вы добры сделать министерский визит, дорогой дядюшка? Не устроит ли мне граф что-нибудь перед своим от'ездом? Не будет ли он так добр записать меня в свою канцелярию сразу после моего выпуска?

36. А. М. Горчаков — А Н. Пещурову.

[Конец мая — нач. июня 1917 г.].

Мой кузен Хвостов[1] у меня, я имею время написать вам лишь два слова, дорогой дядюшка, прося вас быть столь добрым передать подателю сего 1 000 р., о которых я вам говорил в последнем письме, если, конечно, такое распоряжение вам удобно. Поручаю себя вашей дружбе и с нетерпением ожидаю ваших писем. Я еще последнего не получал. Карамзин был вчера на нашем экзамене. Весь ваш.

37. А. М. Горчаков — А. Н. Пещурову.

[3 июня 1817 г. Царское Село].

Егор Антонович хочет завтра ехать в город для закупки нам сукна и пр. и потому он уже после нашего экзамена не поедет. Я вам писал, что надеялся с ним отправиться в город, но теперь уже этого нельзя будет сделать, да и другого случая не предвижу. Если бы, любезный дядюшка, вы могли послать за мной в четверг, то б мы и для портного выиграли времени. В четверг во втором часу кончится наш экзамен, и мы будем свободны ехать. Если б вы отправили лошадей пораньше из города, то они могли бы отдохнуть в Царском ко второму часу, и я бы тотчас поехал, пообедав. Мне должно спешить, потому что легко случиться может, что акт будет три дня после экзамена. Я вам писал о деньгах, думая, что мы уже согласились, чтоб Егору Антоновичу купить сукно и что эти деньги для сего назначены.— Прощайте, любезный дядюшка, благовестят к обедне. До приятного свидания. Целую ручки тетенькам.

Ваш Александр Горчаков.

Дайте мне, любезный дядюшка, в нескольких строках ответ, могу ли ожидать лошадей в четверг по утру. Если пошлете, любезный дядюшка, то не нужно при дрожках человека, я думаю, потому что тесно будет.

38. А. М. Горчаков — А Н. Пещурову.

[4 июня 1817 г. Царское Село].

Так как Егор Антонович уезжает в город, пишу вам через него, дорогой дядюшка. Вчера мне было невозможно сделать это более подробно и потом у меня не было ничего определенного, о чем вас просить. Сегодня утром государь подписал наши бумаги, касающиеся производства, окладов и т. д. и т. д. и назначил наш акт на субботу, что при существующих обстоятельствах, как вы знаете, меня очень устраивает. Я вам еще напишу до этого дня. Вчера я три раза являлся к графу Каподистрия. Сначала он был в Павловске, потом он работал с Голицыным, а в третий раз он был у государя. Таким образом я не мог его повидать; я однако не преминул сказать лакею, чтобы он поставил графа в известность о моем тройном визите. Сегодня утром я написал папеньке письмо на четырех страницах, в котором я ему обещал письмо от вас с финансовыми подробностями. Егор Антонович открывает мне кредит до будущего вторника; я ничего не занимал у Ломоносова. 150 рублей, которые он мне выплатил, я дал Егору Антоновичу в счет уплаты. Посылаю вам итог того, что я должен директору с подробностями. Если случайно вы увидите графа Ферзена[1], будьте добры сообщить ему, что наш выпуск будет в субботу и что вероятно в воскресенье я буду в Петербурге. Я обещал ему написать, но не могу этого пока сделать, будучи приглашен на вечер к г-же Велье, я очень тороплюсь. Надеюсь, что ** будет готов в пятницу вечером или в субботу. Прощайте, дорогой дядюшка, очень вам признателен за вашу доброту. Весь ваш.

Надеюсь, непременно видеть моих дорогих тетушек в будущее воскресенье. Пока поручаю себя их памяти.

Понедельник вечером.

---

* Со слов: «всего лучшего...» следует французский текст.

* Дальше слово не разобрано.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

1) Сенатор А. Н. Пещуров, двоюродный дядя А. М. Горчакова (29 апреля 1779—2 сентября 1849); принимал деятельное участие в судьбе своего племянника. Пещурову Горчаков был обязан своими первыми успехами на дипломатическом поприще. В 1817 году Пещуров, будучи родственником И. А. Каподистрия, хлопотал перед ним за своего оканчивающего лицей племянника.

Пушкина Пещуров видел на выпускном лицейском акте 9-го июня 1817 года. Когда (с 10 декабря 1822 года) А. Н. Пещуров был избран опочецким уездным предводителем дворянства, он в 1824—1825 гг. вместе с псковским губернатором Б. А. фон Адеркасом, должен был иметь надзор за А. С. Пушкиным, сосланным в село Михайловское.

К поэту по приезде его в Псковскую губ. был приставлен полицейский чиновник со специальной целью наблюдать, «чтобы Пушкин не писал ничего предосудительного». Благодаря ходатайству Пещурова надзор был снят, а Пушкин отдан ему на поруки («Русский архив» 1883 год, кн. 2-я, стр. 205—206).

В августе 1825 года Пушкин был у Пещурова в его имении Лямоново, где встретился и с А. М. Горчаковым, возвращавшимся в это время из-за границы, о чем вспоминает и Пушкин в своем стихотворении того же года «19 октября»:

«Ты, Горчаков, счастливец с первых дней...

. . . . . .

«Вступая в жизнь, мы быстро разошлись;

«Но невзначай, проселочной дорогой,

«Мы встретились и братски обнялись».

В 1837 году Пещуров, уже в должности псковского губернатора, принимал участие в хлопотах при погребении поэта в Святогорском монастыре. Письма Горчакова к Пещурову за годы 1847—1849 с данными о Пещурове частично напечатаны в «Летописи историко-родословного общества» Москва 1906 год, вып. IV.

2) Пещуров, Никита Ив. (1724—1814), тайный советник, брат Анны Ив. Горчаковой, жены Алекс. Ив. Горчакова (1737—1805). родного деда автора писем. Н. И. Пещуров был женат на Вар. Алекс. Сибиревой (1746—1811).

3) Пещурова Елизавета Никитична, родная сестра Алекс. Никит., нежно любившая и любимая А. М. Горчаковым, известная впоследствии в его семье под именем «бабиньки», с которой Горчаков поддерживал отношения и переписку до самой ее смерти.

Пещурова Елиз. Христоф., рожд. Комнено, жена Алексея Никитича Пещурова.

4) Пелагея Алексеевна, вероятно, Сибирева, сестра матери Алекс. Никит. Пещурова — Варвары Алексеевны.

2

1) Может быть, Ник. Ив. Ушаков, впоследствии автор книги: «История военных действий в Азиатской Турции в 1828—1829 гг.».

2) Горчакова Елена Вас., кн. (Елена-Доротея, рожд. бар. Ферзен), находившаяся в первом браке за саксонским ген.-лейт. бар. И. Остен-Сакеном; за Мих. Алекс. Горчакова, отца автора публикуемых писем, она вышла после 1792 г.

3) Горчакова Елиз. Мих., кн. (6.VIII. 1800—3.V.1840), вышедшая впоследствии замуж за полковника Преображенского полка М. М. Оболянинова.

3

1) Книги, просимые Горчаковым: «Разговоры о словесности», соч. Александра Шишкова, СПБ 1811 г.;

2) «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», соч. Александра Шишкова, СПБ. 1803.

3) Варв. Алекс. Пещурова, дочь Алекс. Никит. Пещурова (передавшая впоследствии имевшуюся у нее часть «Переписки кн. Горчаковых с Пещуровым» в Генеалогическое общ-во в Москве, опубликованную в летописи «Ист.-род. общ-ва в Москве, 1906 г.», вып. 4).

4

1) В архиве А. Горчакова сохранилось довольно много стихотворений, переписанных рукою Елизаветы Никитичны Пещуровой. Она и Горчаков очень любили обмениваться, как он выражается, «куплетами» и мнениями по поводу их содержания.

2) Стихотворение В. Л. Пушкина (1770—1830 гг.), дяди поэта, на французском языке, озаглавленного им «Couplets sur la prise de Paris 19 Mars 1814», список которого сохранился в литературном архиве Горчакова.

5

1) Фролов, Степ. Степ. — подполковник «надзиратель по учебной части» (1814—1816), инспектор лицея, временно исполнявший должность директора.

2) Малиновский Вас. Фед. (1765—23.III. 1814) — первый директор Царскосельского лицея, с которым Алексей Никитич Пещуров познакомился, очевидно, при поступлении А. М. Горчакова, когда привозил последнего в лицей. (О Малиновском см. Кобеко: «Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811—1843»).

3) Станищев — вероятно, один из соседей Алекс. Никит. Пещурова по имению в Псковской губ., псковский помещик.

4) Антон — слуга Горчаковых.

5) Горчакова, Елена Мих., кн. (1794—1855), родная сестра автора переписки, вышедшая замуж за полковника кн. Георг. Матв. Кантакузен (ум. в 1857 г.).

6) Анна Алекс. (1765—1831) и Алдра Алекс. (1767—1830) Горчаковы, кн., родные сестры отца автора писем, оставшиеся девицами.

6

1) Литературные опыты самого А. М. Горчакова до нас не дошли. Единственное исключение составляет отрывок прозаического перевода с английского (неизвестного автора) на французский язык: «Oh Rome, mon Pays! Cité de l'âme» приложенный кн. Горчаковым к письму к Пещуровым от 18/30.V.1823.

2) После смерти Малиновского (23.III. 1814) до назначения директором Энгельгардта (27.I.1816) в лицее было время «междуцарствия», за период которого сменилось несколько исполнявших должность директора, лиц: Н. Ф. Кошанский, Гауэншильд, Фролов. — «Голодная водяная змея» — Фед. Матв. фон Гауэншильд, профессор немецкой словесности. Лицеисты его ненавидели.

3) Горчаков, Дмитр. Петр. (1753—1824), автор сатирических произведений, двоюродный дядя автора писем.

4) Стихотвор. 1804 г. Давыдова Д. В. (1784—1839 гг.), озаглавленное «К Бурцову», два списка с которого сохранились в архиве Горчакова. Напечатано в ряде изданий.

5) «Городок» — стихотворение 1814 г. А. С. Пушкина — впервые появился (с пропусками) в «Российском Музеуме» 1815 г. № 7, с подписью: I... 17—14.

7

1) Комнено, Христофор Маркович, отец Е. Хр. Пещуровой (умер в 1815 г.).

2) Ломоносов, Серг. Григ. (1799—10.X. 1857), лицейский товарищ А. М. Горчакова, начавший службу одновременно с ним в Коллегии иностранных дел.

3) Вязмитинов, Серг. Козм. (1744—1819), министр полиции и петербургский генерал-губернатор.

4) Остен-Сакен, Карл Ив., бар. (1787—1855), сын Елены Вас. Горчаковой от первого брака, женатый (с 1813 г.) на гр. Алдре. Ильин. Толстой (1797—1841), родной тетке Льва Ник. Толстого; был болен тяжелою формою психического расстройства.

5) Горчакова, Анна Мих. кн. (1792), родная сестра Горчакова, вышедшая замуж за полковника гр. Льва Ив. Соллогуба.

6) Соллогуб, Георг. Льв., гр., сын Л. И. и А. М. Соллогуб, родившийся в 1815 г. и скончавшийся в раннем детстве.

7) Соллогуб, Л. И., гр.

8) Полное собрание сочинений В. А. Жуковского вышло в 1815 г. в двух частях под заглавием: «Стихотворения Василия Жуковского».

9) Тургенев, Алдр. Ив. (1784—5.XII. 1845), директор департамента духовных дел.

10) Дашков Дмитр. Вас. (1788—1839), министр юстиции, член лит. о-ва «Арзамас».

11) Кавелин, Дмитр. Алдр. (1788—1851), директор С.-Петербургского университета.

12) Стихотворение Д. В. Давыдова «Клятва гусаров», написанное им в 1804 г., напечатанное в 1828 г.

13) Филипп-Дормер-Стен гр. Честерфильд (1694—1773), известный английский деятель и писатель.

14) Бомарше, Пьер-Огюст-Карон (1732—1799 гг.) известный французский драматург и публицист.

15) Кантемир Антиох Дмитр., кн. (1708—1744 гг.), известный русский сатирик.

8

1) «Урок кокеткам или Липецкие воды» — комедия в 5 ч. кн. А. А. Шаховского (1777—1846) была поставлена в Петербурге на сцене 23.IX.1815. «Липецкие воды», направленные против романтизма Жуковского, вызвали в литературных кругах целую бурю. Еще ранее Шаховской за свою комедию «Новый Стерн» получил от П. А. Вяземского (1792—1878) кличку «Шутовского». Д. В. Дашков, один из самых ярых и злых противников кн. Шаховского («Сын отечества», 1815 г., ч. 25, № 2), где Шаховской рисовался в самом невыгодном освещении.

2) Озеров, Владислав Алдр. (1769—1816), писатель-драматург, умерший от психического расстройства.

3) «Музей»—«Музеум» — «Российский музеум или журнал европейских новостей» издавал В. В. Измайлов. В этом журнале за 1815 г. было напечатано восемнадцать стихотворений А. С. Пушкина.

4) «Амфион» — ежемесячный журнал, издававшийся в 1815 г. в Москве А. Ф. Мерзляковым.

5) Горчаков имеет в виду стихотворение А. С. Пушкина: «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.». Александр I возвратился в Петербург в ночь на 2 декабря. Дата письма Горчакова впервые указывает точно, что послание было написано Пушкиным 2—5 декабря.

9

1) Каких именно Уваровых называет здесь Горчаков, сказать трудно; возможно, что это семейство гр. Серг. Сем. Уварова (1786—1855).

2) Горчаков, Андр. Ив., кн. (1776—1855), генерал-от-инфантерии, троюродный дядя автора письма.

3) Горчаков, Мих. Алекс., кн. (29.X.1768—30.XII.1831), ген.-майор, отец автора писем.

4) «Аббат де л'Эпе» («Abbé de l'Epée»), — пьеса француза Bouily, Jean-Nicolas (1763—1842). О представлении этой пьесы в лицее рассказывает гр. М. А. Корф в своей «записке» («Труды» Я. К. Грота, III. «Записка», стр. 232).

10

1) Энгельгардт, Егор Антон. (12.VIII.1775—15.V.1862) был назначен директором лицея 27.I.1816, вступил в должность 4.III того же года и оставался в этой должности до 31.I.1823.

11

1) «Эмиль» — сочинение Жан-Жак Руссо (1712—1778), носящее название: «Эмиль или о воспитании».

2) Фридрих II (1712—1786), прусский король, автор работы «История семилетней войны».

12

1) Корнель, Пьер (1606—1684) — известн. французский драматург.

2) «Старушка» — баллада В. А. Жуковского (1788—1852).

3) Произведение Д. Н. Блудова (1785—1864): «Видение в какой-то ограде, изданное обществом ученых людей», бывшее ответом Шаховскому на его «Липецкие воды» и послужившее поводом к основанию литературного общества «Арзамас».

14

1) Н. М. Карамзин (1766—1826) посетил лицей в марте 1816 г.

2) Вяземский Петр Андр. (1792—1878), поэт и критик, впоследствии друг Пушкина.

15

1) Кантакузен, Елиз. Мих., кн., рожд. Дараган, жена кн. Алдра Матв. Кантакузен (ум. в 1841 г.), родного брата кн. Георг. Матв. Кантакузен.

2) Комедия Я. Б. Княжнина. Читали ее в «соседней комнате» у К. К. Данзаса (1801—1870), совместно с Дельвигом, издававшим «Лицейского мудреца», впоследствии секунданта Пушкина.

3) Семейство Малиновских, состояло из матери лицеиста Соф. Андр., рожд. Самборской, двух братьев и трех сестер его; Анна впоследствии была женою декабриста бар. А. Е. Розена; Мария вышла замуж за В. Д. Вольховского.

16

1) Известное стихотворение А. Ф. Воейкова (1773—1839); написанное им в 1814 году, список с которого сохранился в архиве Горчакова.

2) Н. М. Каразмин был избран почетным членом Академии только в 1816 г.

3) Сборник, содержащий описание деяний и постановления обора 1551 г. известный под названием «Стоглава».

4) Соборное уложение царя Алексея Михайловича, 1649 г.

5) Разумовский Алекс. Кирилл. (1748—1822), министр народного просвещения с 1810 г.

17

1) Каподистрия, Иоанн, гр. (1776—1831), ближайший помощник в 1816—1822 гг. Нессельроде, министра иностранных дел.

2) Нессельроде, Карл Вас., гр. (1780—1862), министр иностранных дел в 1816—1856 гг.

3) Константин и Елена — дети Георг. Матв. и Елены Мих. кн. Кантакузен, умерли в раннем детстве.

18

1) Жак-Валле де Барро (1602—1673), французский писатель. «Сонет де Барро»— возможно, сохранившийся в архиве Горчакова сонет. (Grand Dieu! Tes jugements sont replis d'équité».

(«Великий боже! Правосудеи твой приговор»).

19

1) Корсаков, Ник. Алдр. (1800—1820 гг), лицейский товарищ Горчакова, одновременно начавший с ним службу в коллегии иностранных дел.

2) Юдин Пав. Мих. (1798—1852), лицейский товарищ Горчакова, одновременно с ним начавший службу в коллегии иностранных дел. (О них см. Гастфрейнд «Товарищи о Пушкине», т. I, стр. 399—454; т. II, стр. 269—279).

20

1) Семья Н. М. Карамзина в это время состояла из его жены Екатерины Андреевны (1780—1851), дочери от первого брака Софьи (1802—1856) и детей от второго брака: Екатерины (1809—1857), Андрея (1814—1854) и Александра (1815—1888).

2) Вероятно, Волконская, Варв. Мих., кн. (1781—1865), камер-фрейлина, с именем которой связывается известный эпизод о поцелуе Пушкина и против которой направлена его эпиграмма 1816 г. «On peut très bien, mademoiselle». Но возможно, что Горчаков говорит здесь и о другой Волконской — Соф. Григор. (1786—1868), жене министра двора кн. П. М. Волконского.

3) Резановы и Сушковы были связаны между собой родственными узами. Андр. Вас. Сушков (1785—1846) был женат на Анне Дмитриевне Резановой (1792—1823). Кого именно из Резановых и Сушковых имеет здесь в виду Горчаков, сказать трудно. Возможно, что «невеста» «m-lle Сушкова» — Соф. Ник., Сушкова (р. 1800 г.), дочь Ник. Мих. и Евд. Ив. Сушковых

вышедшая замуж за Алдр. Алекс. Панчулидзева, пензенского губернатора, а Резановы — семья умершего в 1807 г. Ник. Петр. Резанова, посланника в Японии, одного из учредителей Росс. Американской кампании, деда Н. А. Корсакова.

4) Екат. Алдр. Бакунина (1779—18...), рожд. Саблукова, мать товарища кн. Горчакова Алдра Павл. Бакунина (1799—1862), вдова Пав. Петр. Бакунина (1776—1805), с дочерью Екат. Павл., впоследствии Полторацкой, переехавшая в Царское Село на постоянное жительство, чтобы быть вблизи места воспитания своего сына. Екат. Павл. была предметом общего увлечения лицеистов и первою платоническою любовью Пушкина.

5) Семья гр. Комаровского Евграфа Фед. (1769—1849), друга Александра I, женатого на Елиз. Егор., рожд. Цуриковой. У них было пять сыновей и три дочери.

6) Празднество в Павловске — праздник, данный имп. Марией Федоровною 6.VI. 1816 г. в Павловске, в честь новобрачных: принца Оранского Вильгельма и в. кн. Анны Павловны. «Куплеты», о которых упоминает Горчаков,— стихотворение Пушкина: «К принцу Оранскому». Описание праздника было напечатано в журн. «Северная почта», 1816 г., №№ 47 и 50.

21

1—2) О каких именно «трех пьесах» Пушкина говорит здесь Горчаков, сказать трудно. В «Вестнике Европы» за 1816 г. не было напечатано ни одного стихотворения Пушкина. Стихотворение же «Гроб Анакреона», датируемое обычно 1815 г., было впервые напечатано в «Трудах общества любителей российской словесности» лишь в 1818 г. («Труды», 1818 г., ч. X, стр. 78—80).

3) Сообщение А. М. Горчакова «О литературных субботах» в лицее является чрезвычайно ценным. Опираясь на свидетельство Горчакова, можно с большею уверенностью сказать, что стихотворения, подобные: «С позволения сказать», «Никак нельзя — ну так и быть» принадлежат коллективному творчеству лицеистов, могли содержать отдельные строчки и даже строфы, принадлежащие Пушкину, Илличевскому, Дельвигу «как результат нескольких минут веселья и досуга».

23

1) Разумовский, А. К., гр., был уволен от должности министра народного просвещения 10.VIII.1816 г.

2) Голицын Алдр Ник., кн. (1773—1844).

24

1) «Ирин» — стихотворение лицейского товарища Горчакова А. Д. Илличевского (1798—1837), названное им также: «Идиллия, подражание Клейсту», напечатанное впервые в «Вестнике Европы» за 1814 г.) № 21, ноябрь.

2) Горчаков, Алекс. Ив., кн. (1769—1817), военный министр, троюродный дядя Горчакова.

25

1) Штофреген Кондр. Кондр., лейб-медик.

2) Голубцовы, Сосновские, Огаревы и Новосильцовы — семьи, родственно связанные между собой. Возможно, что это были: Мария Богдановна Огарева, бывшая дважды замужем: за Ив. Алдр. Голубцовым (1768—1802) и во втором браке за Эдуард. Мих. Сосновским, имевшая от первого брака детей — Платона, Варвару и Екатерину; двоюродный брат Марии Богдановны, Николай Ив. Огарев (1778—1852), сенатор, женатый на Елиз. Серг. Новосильцовой (1786—1870) с детьми: Александрою и Ириною, и брат Елиз. Серг. Новосильцовой, сенатор Вас. Серг. Новосильцов (1784—1853).

3) Теппер-де-Фергюсон, преподаватель лицея, был женат на дочери банкира Северина, на второй дочери которого — Софье (1770—1839) был женат банкир Иосиф Велио (1755—1802).

4) Толстой, Варф. Вас., гр.

5) Семейство директора Царскосельского лицея состояло из жены его (с 11.XI.1800 г.) Августы-Марии Цитэкер (1778—1852), по первому браку Ган, и семи человек детей.

6) Пещуров, Ник. Никит., родной брат Алекс. Никит. Пещурова, капитан лейб-гвардии Семеновского полка, убитый в сражении под Фридландом в 1807 г.

7) «Испанские замки» — комедия в стихах Collin d'Hazleville (1755—1806).

26

1) Описание лицейского праздника 14.X.1816 г. было помещено в Петербургской газете «Conservateur Impartial» от 20.X (1.XI) 1816, № 84. После торжественного богослужения и обеда, вечером лицеистами были разыграны две пьесы: французская «Le Juge bienfaisant» и немецкая «Der Edelknabe» («Паж»). Как обычно, празднество закончилось балом.

29

1) Очевидно, среди предыдущих писем А. М. Горчакова к А. Н. Пещурову были и такие, которые до нас не дошли, так как в письме от 21.XI ни о какой посылке стихов Давыдова не упоминается.

2) Юдин, Мих. Фед., отец товарища Горчакова — Павл. Мих., служивший в это время в коллегии министерства иностранных дел.

30

1) Бакунин, Алдр Павл. (1799—1862), лицейский товарищ Горчакова, избравший себе, по окончании лицея, сначала военную службу, затем перешедший в гражданское ведомство, впоследствии тверской губернатор (Гастфрейд, товарищ Пушкина, т. III, стр. 179—207).

2) Франц I (1768—1835).

3) Фридрих-Вильгельм II (1770—1840).

31

1) Хвостов Дм. Ив., гр. (1757—1835) был женат на троюродной тетке Горчакова.

2) «Певец в Кремле» В. А. Жуковского был напечатан отдельною брошюрою в 1816 г. в Петербурге.

3) Левашев Вас. Вас. (1783—1848), командир л.-гв. гусарского полка, стоявшего в Царском Селе.

4) Стихотворение Д. В. Давыдова: «О, милый друг, оставь угадывать других», опубликов. впервые в «Полярной звезде» за 1823 г., или другое стих. Давыдова «Оставьте меч — он недостоин брани», написанное в 1814 г., запись которого рукою А. С. Пушкина сохранилась в архиве Горчакова.

Александра Ив. Иванова (ум. в 1830 г.). «Российская Терпсихора» — танцовщица, а потом водевильная и оперная артистка, по мужу Глушковская.

5) Приложения при письме Горчакова не сохранилось.

32

1) «Опыты в стихах и прозе» К. Батюшкова в двух частях (1-я часть — проза, 2-я — стихи), изданы в 1817 г.

2) Гнедич Ник. Ив. (1784—1833), известный переводчик «Илиады» Гомера.

3) Глинка Фед. Ник. (1786—1880), поэт и публицист.

4) Де Будри, Дав. Ив. (р. 1756 г.), профессор французского языка в лицее.

5) Стих. бар. А. А. Дельвига (1798—1831), лицейского товарища Горчакова и поэта «Тихая жизнь», впервые напечатанное в «Трудах общества любителей российской словесности», т. X, стр. 17, отнесенное Гастфрейндом к 1820 г., список с которого сохранился в архиве А. М. Горчакова.

34

1) Захаржевский, Як. Вас., в 1817—1860 управляющий царскосельским дворцовым управлением.

2) «Филоктет» — трагедия Софокла, переведенная на французский язык Лагарпом.

3) Бакуниной, Екатерины Павловны, сестры лицеиста.

35

1) Софья Алексеевна Пещурова, дочь Алекс. Никит. Пещурова, вышедшая (в конце 1835 или в начале 1836 г.) за Влад. Петр. Пальчикова (1804—1842), лицеиста 2-го выпуска.

36

1) Хвостов Алдр Дмитр., гр. (1796—1870), сын гр. Дм. Ив. Хвостова.

38

1) Ферзен Карл-Густав, гр. (1779—1825).

НЕИЗДАННЫЙ АВТОГРАФ А. С. ПУШКИНА [1]

Князю А. М. Горчакову.

Пускай не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному, съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ,
Но я, любезной Горчаковъ,
Не прибѣгаю съ пустяками,
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ
Я пѣть пустаго не умѣю
Высоко, тонко и хитро,
И въ лиру превращать не смѣю
Мое-гусиное перо!
Нѣтъ, нѣтъ любезной Князь, не оду.
Тебѣ намѣренъ посвятить,
Что прибыли бросаться въ воду
Сначала не спросившись броду
И вслѣдъ Державину парить?

---

[1] Автограф стихотворения А. С. Пушкина, озаглавленного в собраниях сочинений «Горчакову» извлечен нами из числа автографов А. С. Пушкина, обнаруженных в архиве А. М. Горчакова (ГАФКЭ, ф. 159).

Пишу своимъ я младымъ пылъ,
Кой-какъ, стихомъ не изящнымъ.
Что дерзнулъ я лирой въ сей часъ
Желать отъ юнаго друга, другу?
Подобострастно стараясь, милой Князь,
Достойнѣй, любезную утрату
Или богатства, храненіе дней
Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, шпагъ?
Не пожелать-ли чтобы славой
Ты былъ увѣнчанъ въ пути кровавой?
Чтобъ въ лаврахъ цвѣтущихъ сіялъ,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ твоихъ!
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому Герою,
Всегда вездѣ летѣла вслѣдъ?
Не сладострастный нашъ
Такою пылкой поздравитъ,
Онъ лучшій миръ на вѣкъ отправитъ!

Дай богъ любви, чтобъ ты мой Шаль,
Питомецъ нѣжный Эпикура,
Провелъ міръ Вакха и Амура!
А тамъ — когда Стигійской брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленьи,
Дай богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньи,
Ты съ томной младостью въ очахъ,
Изъ рукъ младаго Купидона
Вступая въ мрачной челнъ Харона
Уснулъ.... С—ой на грудяхъ!

Пушкинъ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Постановление Чрезвычайного VIII С'езда Советов Союза Советских Социалистических Республик об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик . . . . . — 3

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 4

Самодержавие и избирательные права в национальных областях царской России. С предисловием *И. Ковалева* . . . 19

Самодержавие и избирательные права женщин 26

Тверская забастовка 1885 г. С предисловием *Н. Журавлева* 34

Казанские суконщики в 1836 г. С предисловием *Э. Кацман* 52

Волнения рабочих на Шуйской фабрике купца Носова в 1822—1824 гг. С предисловием *И. Соколова* 67

Земельные отношения в дореволюционном Дагестане. С предисловием *А. Бирзе* 101

Волнения крестьян белгородских митрополичьих деревень в 1682 г. С предисловием *А. Бирзе* 150

Из записной книжки архивиста

Лицейские письма Горчакова А. М. 1814—1818 гг. С предисловием *М. Ц.* 175

Неизданный автограф А. С. Пушкина 207

Ответственный редактор **Я. Берзин.**
Редакционная коллегия: **В. Максаков.** (зам. ред.). **С. Пашуканис, Ф. Ротштейн.**

Сдано в производство 2/XII 1936 г. Подписано к печати 23/XII 1936 г. Статформ. Б. 176 × 250. 13¼ п. л. 60 480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 52 Зак. 1618. Уполномоченный Главлита Б — 31106. Техред-выпускающий А. Налимов. Тираж 3 630.

18-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., 10.

КОГИЗ — СОЦЭКГИЗ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1937 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР. 6 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на научных работников, преподавателей, вузовцев, партийный актив, работников хозяйственных организаций и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—15 р., на 6 мес.—7 р. 50 к.

Цена отдельного номера — 2 р. 50 к.

КНИГА и ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан на парткабинеты, библиотеки, научных сотрудников, писателей, преподавателей и учащихся литературных вузов и техникумов, литературные кружки и на широкие слои партийно-советского читательского актива.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—24 руб., на 6 мес.—12 руб.
на 3 мес.—6 руб.

Цена отдельного номера — 2 руб.

ТИХИЙ ОКЕАН

ОРГАН ТИХООКЕАНСКОГО КАБИНЕТА ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

4 НОМЕРА В ГОД

Журнал рассчитан на научных работников, журналистов, вузовцев восточных факультетов, руководителей кружков, пропагандистов и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—14 руб., на 6 мес.—7 руб., на 3 мес.—3 р. 50 к. Цена отдельного номера—3 р. 50 к.

МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

12 НОМЕРОВ В ГОД.

Журнал рассчитан: прежде всего на партийный актив, пропагандистов, работников печати, научных работников, преподавателей и студентов вузов и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.—30 р., на 6 мес.—15 р., на 3 мес. 7 р. 50 к.
Цена отдельного номера — 2 р. 50 к.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА СССР И РСФСР
6 КНИГ В ГОД.

Журнал рассчитан на вузы, библиотеки, научных работников, исторические и краеведческие общества, пропагандистов, педагогов, газетных работников и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес.— 18 руб., на 6 мес.— 9 руб.
Цена отдельного номера — 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

всеми отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными Когиза, всюду на почте и в Главной конторе подписных и периодических изданий Когиза, Москва, Маросейка, 7.

Цена 2 р. 50 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Всесоюзная Библиотека имени В. И. Ленина
БЮРО КНИГООБМЕНА с заграницей

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1937 г.

на журнал

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА СССР и РСФСР

Год издания 16

6 книг в год

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Великой пролетарской революции и гражданской войны, истории фабрик и заводов, материалов по истории литературы, искусства, быта, общественной мысли.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам Истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—18 руб., на 6 мес.—9 руб.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

всеми отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными Когиза, всюду на почте и в Главной конторе подписных и периодических изданий Когиза, Москва, Маросейка, 7.

ЛЕДЯНОЕ: МОРЕ:
МЕДВЕЖЬИ ОСТРОВА
ЛНАДЫРСКОЕ: МОРЕ:
ЮКА
ЛАМУТКИ
МОРЕ
КАМЧАЦКОЕ:
МОРЕ:
ШХОЦКОЕ:
САХАЛИНЪ:
АМЕРИКА СЫСКАНА
КАРТА:
ГДЕ ГОРОДА
ЯКУЦКА
ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ
СЪ
ОКОЛО ЛЕЖАЩИМИ
МЕСТАМИ
И ЧАСТЬ АМЕРИКИ:
МАШТАБЪ

0 5 10 20 30 40 50 100

Масштаб 100 верст,

Чертеж части белого моря с лежащим на нем Медвежьим островом [illegible] на котором находилось [illegible]
[illegible] серебро и признаки свинцовыя и серебряныя руд [illegible] на Медвежьем острову [illegible]
[illegible] серебро [illegible] находились знатные [illegible]

1. первая и вторая шахты в которых добывалось натуральное серебро и прочих которые у серебряной руды находились [illegible]
[illegible] признаки 2. я [illegible] шахта [illegible] признаков [illegible] 3. шурф [illegible] признаков [illegible]
[illegible] острова 4. признаков серебряной руды [illegible]
5. [illegible] серебро 6. [illegible]

6. [illegible] острова [illegible] 7. [illegible] 8. [illegible] 9. [illegible]
[illegible] 10. [illegible] 11. [illegible] острова [illegible]